

ISSN 2413-1407 (Print),
2587-8549 (Online)

Регионология

Том 34, № 3. 2026 (июль – сентябрь)

Сквозной номер выпуска – 136

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издаётся с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru

Официальный сайт: <http://regionsar.ru>

Электронная редакция: <https://journals.rcsi.science/2413-1407>

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 34, no. 3. 2026 (July – September)

Continuous issue 136

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”

68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru

Official website: <http://regionsar.ru>

Online editorial office: <https://journals.rcsi.science/2413-1407>

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2026

Регионовология

Рецензируемый научный журнал открытого доступа

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран.

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Web of Science Core Collection (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница, реферативной базе данных ERIH PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань».

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.5. Политическая социология (социологические науки)

5.4.5. Политическая социология (политические науки)

5.4.6. Социология культуры (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Russian Journal of Regional Studies

The peer-reviewed scholarly journal with open access

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The journal publishes the articles in the following branches of scientific knowledge: Economics, Sociology, Political Science.

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the Editorial Office.

The Editorial Board's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legality and plagiarism. It complies with the Code of Ethics of Scientific Publications, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications, and is implemented taking into account the ethical standards of work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors developed by the *Committee on Publication Ethics (COPE)*.

The Journal is indexed and archived in *Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)*, in *Russian Science Citation Index*, in *Russian Index of Scientific Citation*, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals, in *German National Library of Economics (ZBW)*, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system.

The Journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and Publons international peer-review community.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Салимова Татьяна Анатольевна – главный редактор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления качеством Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4050-2702>, Researcher ID: C-8933-2017, Scopus ID: 56303996800, SPIN-код: 1635-1147, t.a.salimova@econom.mrsu.ru (Саранск, Российская Федерация)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Российская Федерация)

Шумкова Наталья Викторовна – ответственный секретарь, кандидат социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, niiregion@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Екатеринбург, Российская Федерация)

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Беленожко Марина Львовна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Варгас-Эрнандес, Хосе Гуадалупе – доктор философии (экономика), доктор философии (публичное управление), доктор (экономические исследования), MBA, исследователь-профессор Школы бизнеса Университета Ла Салье-Бахио (Universidad La Salle-Bajío), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0938-4197>, Researcher ID: G-6347-2017, Scopus ID: 6603325396, jvargas2006@gmail.com (Леон, Мексика)

Великая Наталья Михайловна – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

Дахин Андрей Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Дружинин Павел Васильевич – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Российская Федерация)

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор, независимый исследователь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Российская Федерация)

Жигунова Галина Владимировна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Мурманск, Российская Федерация)

Зубок Юлия Альбертовна – доктор социологических наук, профессор, и.о. директора Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), руководитель Центра социологии молодежи Института социологии ФНИСЦ РАН, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Кулибанова Валерия Вадимовна – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики Российской академии наук, профессор кафедры экономики и организации производства Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Лапин Анатолий Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Миролюбова Татьяна Васильевна – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Пермь, Российская Федерация)

Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Никитаева Анастасия Юрьевна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информационной экономики Южного федерального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рожкова Лилия Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, экономической теории и международных процессов Пензенского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Пенза, Российская Федерация)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – доктор социологических наук, заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Спринчан Сергей Леонидович – доктор политологии, доцент, ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических, политических и социологических исследований Академии наук Молдовы, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Стриелковски Вадим – доктор экономических наук, доктор философии, профессор, старший научный сотрудник Кембриджского института перспективных исследований; заместитель директора Пражской школы бизнеса, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6113-3841>, Researcher ID: J-6112-2017, Scopus ID: 36620065300, strielkowski@cantab.net (Кембридж, Великобритания; Прага, Чехия)

Судьин Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fnn.unn.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Фролова Елена Викторовна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Швайба Дмитрий Николаевич – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета, заместитель генерального директора ЗАО «Белнефтехстрах», ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-9765>, shvabiya@tut.by (Пермь, Российская Федерация; Минск, Республика Беларусь)

Ярош Ольга Борисовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела, главный научный сотрудник Лаборатории нейромаркетинга и поведенческой экономики Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Симферополь, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Tatyana A. Salimova – Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Chair of Economics and Quality Management, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4050-2702>, Researcher ID: C-8933-2017, Scopus ID: 56303996800, SPIN-code: 1635-1147, t.a.salimova@econom.mrsu.ru (Saransk, Russian Federation)

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Professor of the Chair of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russian Federation)

Natalya V. Shumkova – Executive Editor, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, niiregion@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Natalya L. Antonova – Dr.Sci. (Sociol.), Professor of the Chair of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Yekaterinburg, Russian Federation)

Igor V. Bakhlov – Dr.Sci. (Polit.), Professor, Head of the Chair of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Marina L. Belonozhko – Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Chair of Marketing and Municipal Administration, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Tyumen, Russian Federation)

Andrey V. Dakhin – Dr.Sci. (Philos.), Professor, Professor of the Chair of History and Theory of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Pavel V. Druzhinin – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Chief Researcher of the Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nadezhda V. Dulina – Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Independent Researcher, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russian Federation)

Elena V. Frolova – Dr.Sci. (Sociol.), Professor of the Chair of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Valeriia V. Kulibanova – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher of the Laboratory of Complex Research of the Spatial Development of Regions, Institute for Regional Economic Studies of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Chair of Economics and Organization of Production, Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (St. Petersburg, Russian Federation)

Anatoly E. Lapin – Dr.Sci. (Econ.), Professor, Head of the Chair of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russian Federation)

Tatyana V. Mirolubova – Dr.Sci. (Econ.), Professor, Dean of the Faculty of Economics, Perm State National Research University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Perm, Russian Federation)

Valentin G. Nemirovskiy – Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Chief Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Anastasia Yu. Nikitaeva – Dr.Sci. (Econ.), Professor, Head of the Chair of Information Economics, Southern Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Liliya V. Rozhkova – Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Chair of Sociology, Economic Theory and International Processes, Penza State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Penza, Russian Federation)

Aigul K. Sadvokassova – Dr.Sci. (Sociol.), Deputy Director of Institute of Applied Ethnopolitical Research, Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Dzmitry N. Shvaiba – Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Public Administration and History, Perm National Research Polytechnic University, Deputy General Director of ZASO Belneftstrakh, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-9765>, shvabia@tut.by (Perm, Russian Federation; Minsk, Republic of Belarus)

Serghei L. Sprincean – Dr.Sci. (Polit.), Associate Professor, Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal, Political and Sociological Research of the Academy of Sciences of Moldova, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Wadim Strielkowski – Dr.Sci. (Econ.), PhD, Professor, Senior Researcher, Cambridge Institute for Advanced Studies, Deputy Director, Prague Business School, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6113-3841>, Researcher ID: J-6112-2017, Scopus ID: 36620065300, strielkowski@cantab.net (Cambridge, United Kingdom; Prague, Czech Republic)

Sergei A. Sudin – Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Chair of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

José G. Vargas-Hernández – PhD (Economics), PhD (Public Administration), Dr. (Economic Studies), MBA, Research Professor, Business School, La Salle University of Bajío, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0938-4197>, Researcher ID: G-6347-2017, Scopus ID: 6603325396, jvargas2006@gmail.com (León, Mexico)

Nataliya M. Velikaya – Dr.Sci. (Polit.), Professor, Deputy Director for Science and Research, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Olga B. Yarosh – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Marketing, Trade and Customs Affairs, Leading Researcher of the Laboratory of Neuromarketing and Behavioral Economics, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Simferopol, Russian Federation)

Galina V. Zhigunova – Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of the Chair of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Murmansk, Russian Federation)

Yulia A. Zubok – Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Acting Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), Head of the Center for the Sociology of Youth, Institute of Sociology of the FCTAS RAS, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Региональная и отраслевая экономика

- В. Стриелковски, В. В. Кафтан, Е. Н. Корнеева** Университеты в региональном развитии: роль абсорбционной способности территории на примере трех кейсов Чешской Республики 478
- В. С. Брезгин** Применение нейросетевых методов и моделей при анализе краткосрочной экономической динамики регионального развития 498
- С. В. Ануреев** Слабозанятые в сегменте избыточной торговли как резерв устранения дефицита кадров: региональный и отраслевой анализ 519
- А. А. Дубовицкий, Э. А. Климентова, Е. С. Бабкина, В. А. Шацкий** Формирование потенциала устойчивого развития агрохозяйства: анализ воспроизводственных процессов и оценка региональных перспектив с применением нейросетевых моделей 546
- Е. Р. Верюжская, Е. В. Кремнев, О. В. Кузнецова** Как Китай адаптирует планы под регионы: репрезентация дискурсивного понятия «региональное планирование» в англоязычной академической коммуникации 572

Политические институты, процессы, технологии

- Н. А. Борисов** Соотношение формальных и фактических полномочий Президента России: влияние на федеральный и региональный политический процесс 590
- А. А. Соколов, О. С. Руднева** Оценка устойчивости границ России на основе этнических, исторических и природных особенностей 611
- Ф. О. Трунов** Политика ФРГ на Ближнем Востоке в области мира и безопасности: достижения и просчеты 634

Социология культуры

- В. Г. Немировский, А. С. Новиков** Социология бессмертия: представления населения Красноярского края о возможности посмертного существования (2010–2023 гг.) 658
- А. В. Кульминская, Л. Д. Забокрицкая** Динамика досуговых практик студентов Свердловской области в условиях цифровизации: результаты мониторинга (1995–2024 гг.) 675
- Информация для авторов и читателей** 697

CONTENTS

Regional and Sectoral Economy

- W. Strielkowski, V. V. Kaftan, E. N. Korneeva** Universities in Regional Development: The Role of Territorial Absorptive Capacity in Three Czech Regional Cases 478
- V. S. Brezgin** Application of Neural Network Methods and Models in the Analysis of Short-Term Economic Dynamics of Regional Development 498
- S. V. Anureev** Underutilized Labor in the Oversized Trade Sector as a Reserve for Addressing Staff Shortages: Regional and Sectoral Analysis 519
- A. A. Dubovitskii, E. A. Klimentova, E. S. Babkina, V. A. Shatskii** Building the Potential for Sustainable Development of the Agricultural: Analysis of Reproduction Processes and Assessment of Regional Prospects Using Neural Network Models 546
- E. R. Veryuzhskaya, E. V. Kremnyov, O. V. Kuznetsova** How China Adapts Plans to Regions: Representation of the Discursive Concept of “Regional Planning” in English-Language Academic Communication 572

Political institutions, processes, technologies

- N. A. Borisov** The Ratio of Formal and Actual Powers of the President of Russia: Influence on the Federal and Regional Political Process 590
- A. A. Sokolov, O. S. Rudneva** Assessment of the Stability of Russia's Borders Based on Ethnic, Historical, and Natural Factors 611
- P. O. Trunov** Germany's Policy in the Middle East Regarding Peace and Security: Achievements and Miscalculations 634

Sociology of culture

- V. G. Nemirovskiy, A. S. Novikov** Sociology of Immortality: Perceptions of the Population of Krasnoyarsk Territory on the Possibility of Posthumous Existence (2010–2023) 658
- A. V. Kulminskaia, L. D. Zabokritskaya** Dynamics of Student Leisure Practices in the Sverdlovsk Region Amidst Digitalization: Monitoring Results (1995–2024) 675
- Информация для авторов и читателей** 697

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.478-497>EDN: <https://elibrary.ru/nihmec>

УДК / UDC 322.1:378(437.1/2)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Universities in Regional Development:
The Role of Territorial Absorptive Capacity
in Three Czech Regional Cases**W. Strielkowski ^{a, b}V. V. Kaftan ^cE. N. Korneeva ^{c, d}^a *Cambridge Institute for Advanced Studies (Cambridge, United Kingdom)*^b *Prague Business School, <https://ror.org/021qs0d58>
(Prague, Czech Republic)*^c *Financial University under the Government of the Russian Federation,
<https://ror.org/01hnrbb29>
(Moscow, Russian Federation)*^d *Togliatti State University, <https://ror.org/03e2ja558>
(Togliatti, Russian Federation)
✉ strielkowski@cantab.net***Abstract**

Introduction. In the context of increasing territorial unevenness in economic development, the search for effective mechanisms for aligning scientific and educational potential with regional growth strategies is becoming increasingly important. The relevance of this study stems from the need to bridge the gap between universities' contribution to the global scientific agenda and their ability to stimulate local economic renewal, especially in less developed regions. The presence of a university does not automatically guarantee regional renewal; the effects depend on the territory's ability to absorb and utilize knowledge. The aim of this study is to identify the conditions under which the activities of universities and higher education institutions become drivers of regional development, using three cases from the Czech Republic: Ústí nad Labem University (J. E. Purkyně University), Vysočina Region (Jihlava Polytechnic College), and Olomouc Region (Palacký University in Olomouc).

Materials and Methods. A qualitative comparative study was conducted at the meso-level (region). The unit of analysis was the "university – region" configuration. Cases were selected using purposive sampling with maximum variation: they represent various territorial structures (post-industrial, rural production, and internally divided regions) and different types of universities (comprehensive, applied polytechnic, research). Data sources included official indicators from the Czech Statistical Office (GDP per capita, unemployment rate, student enrollment) and third-party studies. The analytical procedure included structured comparison, pattern matching, and analytical synthesis.

© Strielkowski W., Kaftan V. V., Korneeva E. N., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Results. It is shown that universities and colleges face strategic overload: local stakeholders expect them to solve practical regional problems, while national funding systems reward prestige, publication activity, and globally significant research results. A comparison of three cases demonstrates that a university's influence on regional development is conditional: it increases with demand for qualified personnel, innovative firms, institutional intermediaries, and coordination between the university, government, and business. In regions with weak absorptive capacity, knowledge and graduates are redirected outward.

Conclusion. The conclusion is that less developed regions benefit most not from simply expanding higher education offerings, but from integrating universities into a broad development coalition capable of transforming knowledge into locally rooted economic and social renewal. The results are useful for regional authorities, municipalities, university administrators, relevant ministries, and innovation agencies in developing territorially differentiated strategies.

Keywords: regional development, universities, peripheral regions, territorial absorptive capacity, brain drain, third mission of the university, strategic overload, Czech Republic, qualitative comparative research

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Strielkowski W., Kaftan V.V., Korneeva E.N. Universities in Regional Development: The Role of Territorial Absorptive Capacity in Three Czech Regional Cases. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(3):478–497. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.478-497>

Университеты в региональном развитии: роль абсорбционной способности территории на примере трех кейсов Чешской Республики

В. Стриелковски^{1,2} ✉, В. В. Кафтан³, Е. Н. Корнеева^{3,4}

¹ Кембриджский институт перспективных исследований (г. Кембридж, Великобритания)

² Пражская бизнес-школа, <https://ror.org/021qs0d58>
(г. Прага, Чехия)

³ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
<https://ror.org/01hnrbb29>
(г. Москва, Российская Федерация)

⁴ Тольяттинский государственный университет, <https://ror.org/03e2ja558>
(г. Тольятти, Российская Федерация)

✉ strielkowski@cantab.net

Аннотация

Введение. В условиях усиления территориальной неравномерности экономического развития возрастает значимость поиска эффективных механизмов сопряжения научно-образовательного потенциала и региональных стратегий роста. Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления разрыва между вкладом университетов в глобальную научную повестку и способностью стимулировать локальное экономическое обновление, особенно в менее развитых регионах. Присутствие университета не гарантирует автоматического регионального обновления; эффекты зависят от способности территории абсорбировать и использовать знания. Цель работы – выявить условия, при которых деятельность университетов и вузов становится драйвером регионального развития, на материале трех кейсов Чешской Республики: Устецкого края (Университет Я. Э. Пуркине), края Высочина (Политехнический институт в Йиглаве) и Оломоуцкого (Университет Палацкого в Оломоуце).

Материалы и методы. Проведено качественное сравнительное исследование на мезоуровне (регион). Единицей анализа выступила конфигурация «университет – регион». Кейсы отобраны методом целенаправленной выборки с максимальной вариацией: они представляют различные территориальные структуры (постиндустриальный, сельский производственный и внутренне разделенный регионы) и разные типы университетов (комплексный, прикладной политехнический, исследовательский). Источниками данных послужили официальные показатели Чешского статистического управления (валового внутреннего продукта на душу населения, уровень безработицы, численность студентов) и сторонние исследования. Аналитическая процедура включала структурированное сопоставление, сопоставление паттернов и аналитическое обобщение.

Результаты исследования. Показано, что университеты и вузы сталкиваются со стратегической перегрузкой: местные участники ожидают от них решения практических региональных проблем, тогда как национальные системы финансирования поощряют престиж, публикационную актив-

ность и глобально значимые результаты исследований. Сравнение трех кейсов демонстрирует, что влияние университета на развитие региона является условным: оно усиливается при наличии спроса на квалифицированные кадры, инновационных фирм, институциональных посредников и координации между образовательными учреждениями, властью и бизнесом. В регионах со слабой абсорбционной способностью знания и выпускники перенаправляются вовне.

Заключение. Сделан вывод о том, что менее развитые регионы получают наибольшую выгоду не от простого расширения предложения высшего образования, а от интеграции университетов в широкую коалицию развития, способную преобразовывать знания в локально укорененное экономическое и социальное обновление. Результаты могут быть полезны региональным властям, муниципалитетам, руководителям вузов, профильным министерствам, инновационным агентствам при разработке территориально дифференцированных стратегий.

Ключевые слова: региональное развитие, университеты, периферийные регионы, абсорбционная способность территории, утечка мозгов, третья миссия университета, стратегическая перегрузка, Чешская Республика, качественное сравнительное исследование

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Стриелковски В., Кафтан В.В., Корнеева Е.Н. Университеты в региональном развитии: роль абсорбционной способности территории на примере трех кейсов Чешской Республики. *Регионоведение*. 2026;34(3):478–497. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.478-497>

INTRODUCTION

In regional research and higher education literature, there persists a strong belief that universities and higher educational institutions (HEIs) can foster regional economic development and transformation [1–3]. When an old industrial district loses jobs, or when rural territories fall behind the metropolitan core, the expansion of higher education is frequently imagined as a decisive corrective [4; 5]. A university campus can offer graduates, top-notch research, cultural life, as well as symbolic confidence [6; 7]. The expectation is straightforward: where knowledge grows, prosperity will follow. However, the history of peripheral regions suggests that the relationship is more conditional, more uneven, and more politically demanding than these optimistic views assume [8–10].

The central idea of this paper is that universities can contribute significantly to regional development, especially in less-developed regions, but only when they are embedded in an environment able to absorb, translate, and retain the knowledge they produce. In other words, a university or HEI is not a self-executing engine of territorial renewal. It is better understood as a high-potential institutional seed whose effects depend on the quality of the surrounding social and economic soil. Where the regional environment is thin (e.g. marked by weak firms, narrow labor markets, fragmented governance, and long histories of dependence) the university or HEI might stabilize public services and widen educational opportunities yet still fail to trigger broad-based transformation.

Figure 1 that follows outlines the conceptual pathway of the present research that is linking university capacity, absorptive capacity, and regional outcomes showing that universities contribute most when regional demand and institutional support can absorb knowledge while weak demand or thin innovation ecosystems redirect graduates and knowledge outward.

The aim of the study is to identify the conditions under which universities and higher education institutions contribute to regional development by comparing three contrasting Czech regional cases. The study pursues three tasks: (1) to characterize

the university type and regional economic context of each case; (2) to compare the channels through which university knowledge and graduates are absorbed or lost; and (3) to assess whether territorial absorptive capacity explains the differences observed across the cases.

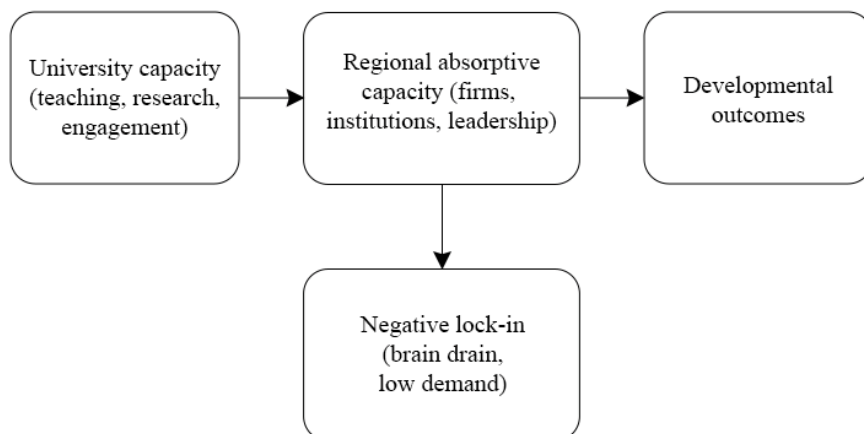

Fig. 1. Conceptual pathway of research

Source: prepared based on the results of the research.

The research question is: Why does the presence of a university lead to different developmental outcomes in regions with different economic structures and institutional capacities? The working proposition is that universities make a stronger positive contribution to regional development when their teaching, research, and engagement activities are matched by sufficient territorial absorptive capacity. Where this capacity is weak or spatially uneven, higher education expansion is expected to produce limited local spillovers, a frustrated regional mission, or an enclave effect. This proposition guides a structured qualitative comparison rather than a statistical test.

LITERATURE REVIEW

The concept of a university's "third mission" extends the institutional agenda of higher education beyond teaching and research toward direct contributions to society, the economy, and community life [11; 12]. In regional terms, the third mission refers to the capacity of higher education institutions to support regional development through knowledge exchange, workforce formation, civic leadership, public problem-solving, cultural participation, and collaboration with firms and public agencies [13–15]. Rather than operating as isolated intellectual enclaves, universities are expected to actively participate in shaping regional futures.

This expectation is particularly pronounced in less-developed regions, where the university often emerges as one of the few institutions capable of convening actors across economic and social divides [16; 17]. It can educate local youth, anchor public-sector expertise, generate applied research, support entrepreneurship, and symbolize a commitment to reversing regional decline [18]. Universities also help peripheral areas redefine their narrative—shifting from territories of deficit to territories of potential [19–21]. This

symbolic function is critical because regional development is not merely material; it is also interpretive, involving confidence, belonging, and the articulation of credible futures.

However, the third mission should not be idealized. A university may offer educational mobility without ensuring that the resulting human capital remains local [22; 23]. It may cultivate knowledge networks that are globally impressive yet regionally detached [24]. It may also generate civic energy while lacking the structural means to reshape labor markets [25; 26]. Consequently, the third mission is best understood as a relational endeavor; its outcomes arise not from the university in isolation, but from the interface between institutional capacities and regional conditions [27].

In general terms, less-developed regions rarely begin from scratch – their current opportunities are constrained by inherited infrastructures, industrial legacies, demographic trends, and prior policy choices [28]. Path dependency captures this historical layering, demonstrating that a region formerly organized around mining, heavy manufacturing, or low-value assembly cannot effortlessly convert itself into an innovative knowledge economy [29]. Physical landscapes, workforce skills, organizational routines, and local expectations often remain calibrated to yesterday's economy rather than tomorrow's technological demands.

Core-periphery theory sharpens this perspective by illustrating that development is inherently spatially uneven. Core regions accumulate firms, capital, prestigious institutions, and highly educated labor, while peripheral regions consistently lose them [30]. This divergence is a cumulative process rather than a one-time event. Talented students migrate to metropolitan centers, investors prefer locations with dense networks and lower uncertainty, and peripheral public institutions face pressure to achieve more with fewer resources. Over time, the gap widens because the core benefits from self-reinforcing concentration, whereas the periphery confronts self-reinforcing depletion [31].

One of the most damaging expressions of this regional depletion is stagnation. Peripheral regions can become locked in an equilibrium characterized by the out-migration of educated residents, restricted local demand for high-level skills, and limited firm innovation. Cheap land and low living costs, often framed as advantages, do not automatically attract knowledge-intensive sectors [32]. Instead, they frequently reflect weak market demand and coincide with fiscal stress, population aging, or social marginalization, placing additional strain on local administrations. In such contexts, a university enters a region already facing a structural mismatch between educational supply and productive demand [33].

The developmental challenge, therefore, is not simply to increase graduate numbers, but to alter the regional trajectory itself. This requires institutions capable of forging new combinations among knowledge, enterprise, public administration, infrastructure, and civic life, as highlighted by recent studies from Russia [34–36]. Universities are vital to such projects, but they cannot execute them alone [37].

Furthermore, not all universities enter regional space with the same orientation. Some are research-intensive institutions whose primary horizon is national or global prestige. They seek visibility in competitive research systems, publish for international audiences, and align internal priorities with scientific reputation [38]. Others are teaching-led or vocationally oriented, making them more responsive to local labor-market needs. Still others occupy an intermediate position, combining applied work with broader scholarly

ambitions. These distinctions matter because the developmental footprint of a university depends not merely on its geographic location, but on its institutional identity and strategic goals.

A central difficulty is strategic overload: universities in less-developed regions are frequently expected to solve immediate, territory-specific problems, such as improving school quality, supporting local firms, training healthcare and education professionals, retaining youth, and revitalizing the local economy [39]. Yet the funding and evaluation regimes under which they operate are usually national, privileging spatially portable outputs: journal publications, citation impact, competitive grants, and reputation markers associated with excellence. This creates a structural contradiction: regional actors require engaged problem-solvers, whereas higher education systems reward globally legible performance.

This contradiction can lead to various forms of misalignment. A university may be institutionally capable yet territorially detached, pursuing academic prestige while surrounding communities seek practical support [40]. Alternatively, a university may be deeply committed to its region yet constrained by a local labor market unable to absorb its graduates [41]. In other cases, the university and the region may share administrative boundaries while inhabiting different realities – a prosperous urban enclave juxtaposed against a struggling rural hinterland. In each scenario, physical proximity is mistaken for institutional integration, and the presence of a campus is falsely assumed to guarantee routine regional spillovers.

The reviewed approaches therefore provide complementary but incomplete explanations. Third-mission studies often overstate the automaticity of local spillovers; core-periphery studies under-specify university agency; and absorptive-capacity studies typically lack a comparative account connecting institutional orientation to concrete regional structures. The present study addresses this gap through a structured comparison of three Czech cases, integrating university type, labor-market demand, institutional coordination, and the spatial distribution of benefits into a single analytical framework.

MATERIALS AND METHODS

Study design. This study adopts a qualitative multiple-case design at the regional (meso) level. The unit of analysis is the university-region configuration rather than an individual university department, firm, or person. The design is explanatory and mechanism-oriented: it examines how university orientation interacts with regional labor demand, economic structure, and institutional coordination.

The selection of cases can be explained as the following: Vysocina, and Olomouc were selected through purposive maximum-variation sampling. First, they represent three different territorial structures: a post-industrial region in transition, a predominantly rural manufacturing region, and an internally divided region containing both a prosperous university city and disadvantaged peripheral areas. Second, they contain contrasting university types (Fig. 2): a comprehensive university seeking stronger research standing (UJEP), a small teaching- and applied-research-oriented polytechnic (VSPJ), and a large research-intensive university (UPOL). Third, all three are outside the Prague metropolitan core, which makes comparison of peripheral and semi-peripheral dynamics analytically meaningful.

Fig. 2. University types and core orientation

Source: Kohoutek J., Pinheiro R., Čábelková I., Šmídová M. Higher Education Institutions in Peripheral Regions: A Literature Review and Framework of Analysis. *Higher Education Policy*. 2017;(30):405–423. <https://doi.org/10.1057/s41307-017-0062-8>

Thus, the research design is clarified as a structured comparison of three cases. Each case is interpreted through the same analytical categories: university orientation, scale of university activity, regional absorptive capacity, labor-market demand, and the spatial distribution of potential spillovers [42].

The second configuration is the regionally loyal teaching-oriented institution in a labor market dominated by low-value production or branch-plant activity. Here the university or college does what regional policy often requires – it educates local people, cultivates practical skills, and attempts to retain youth. Yet local employers, especially subsidiaries embedded in global supply chains, may seek primarily routine labor rather than highly qualified graduates. The educational project succeeds, but the local economy cannot metabolize its outcome. Graduates leave not because the institution failed to form them, but because the regional opportunity structure failed to receive them.

The third configuration is the enclave university in a split region. In this arrangement, a large and historically established university sits inside the prosperous segment of a broader administrative territory. Policy discourse treats the institution as though it serves the entire region equally, but actual interaction is concentrated in the already advantaged urban zone. Knowledge, investment, and prestige circulate locally around the university without meaningfully reaching poorer sub-regions. The formal geography of the region conceals the social geography of exclusion.

Descriptive indicators. A targeted structured comparison of three Czech regional university cases is carried out in four stages. First, each university is classified by institutional orientation and regional mission. Second, each region is characterized by basic descriptive indicators, including population, university student concentration, GDP per capita, and unemployment. Third, the observed pattern is interpreted through the concept of absorptive capacity. Fourth, the three cases are compared to identify

whether the university functions primarily as an enclave, a frustrated regional actor, or a potential developmental anchor.

This methodology provides an analytically sound empirical triangulation: numerical indicators are used to structure the comparison and avoid purely narrative interpretation, and the logic of the case study explains mechanisms that cannot be captured by a single cross-sectional table.

GDP per capita is used only as a descriptive regional development indicator in the comparative table (Table). Absorptive capacity is discussed conceptually through the presence of qualified labor demand, innovative firms, institutional coordination, and channels for retaining graduates and using university knowledge.

Table. Descriptive regional indicators used for comparative case-study triangulation

Region, university	University students	Population	Students per 1,000 residents	GDP per capita	General unemployment rate, %
Usti Region, UJEP	8,393–8,700	805,943	10.4–10.8	CZK 513,153	5.1
Vysocina Region, VSPJ	about 2,300	515,953	4.5	CZK 618,344	2.3
Olomouc Region, UPOL	22,764	631,480	36.1	CZK 599,812	2.6

Note: the table uses the latest available official regional indicators at the time of revision: population at 31.12.2025, GDP per capita for 2024, and general unemployment rate for Q4 2025. University student counts are based on official university and Study in Czechia public information. These figures are used for descriptive casestudy triangulation and mechanism-based interpretation, not for regression-based causal inference.

Source: Czech Statistical Office. Latest statistical data – Ustecky Region. Prague: CZSO; 2026. Available at: <https://csu.gov.cz/ulk/latest-statistical-data-ustecky-region> (accessed 07.08.2025); *Ibid.* Vysocina Region. Available at: <https://csu.gov.cz/vys/latest-statistical-data-vysocina-region> (accessed 07.08.2025); *Ibid.* Olomoucky Region. Available at: <https://csu.gov.cz/olk/latest-statistical-data-olomoucky-region> (accessed 07.08.2025).

RESULTS

Empirical results of a comparative analysis of three regional cases. The descriptive indicators reinforce the working proposition that university presence and regional outcomes are mediated by territorial absorptive capacity. Usti combines a sizeable regional university with the weakest regional economic indicators among the three cases: lower GDP per capita and the highest unemployment rate. This supports the interpretation that university capacity alone cannot compensate for a weak regional demand structure and historical industrial lock-in.

Vysocina shows relatively better labor-market indicators, but a much smaller university base and an economy shaped by routine manufacturing and branch-plant integration. This helps explain why an institution with a strong regional orientation can still face a frustrated mission: the local economy may function, but it does not necessarily generate sufficient knowledge-intensive demand for large volumes of highly qualified graduates or local R&D cooperation.

Olomouc displays the strongest concentration of students relative to population, but the case remains analytically different because the university is embedded in a more

developed urban part of a split region. The descriptive comparison therefore supports the enclave-effect interpretation: a large and prestigious university may strengthen its immediate urban environment without automatically reducing intra-regional disparities.

The relationship between higher education institutions and regional development is highly contingent upon the structural characteristics of the regions in which they are embedded. The Czech Republic provides three illustrative regional case studies (Ustí nad Labem, Vysocina, and Olomouc regions) each demonstrating distinct configurations of regional economies and university roles and highlighting different mechanisms through which the regional mission of universities may stagger (Fig. 3) [43].

Fig. 3. Geographical position of 3 regional Czech universities

Source: hereinafter in the article, prepared on the basis of the research results.

Figure 3 locates the three universities relative to Prague and illustrates their distribution across the Czech territory. UJEP is located in the north-western post-industrial Ustí Region, VSPJ in the centrally located Vysocina Region, and UPOL in the eastern Olomouc Region. The figure was prepared by the authors using an administrative map of Czech regions and official university logos; distances are approximate road distances and are included only for geographical orientation.

Ustí Region and the University of Jan Evangelista Purkyně (UJEP): The Ustí region represents a structurally disadvantaged industrial periphery shaped by historical path dependency. Its economic landscape has been heavily influenced by coal mining and heavy industry, leaving behind environmental degradation and persistent socio-economic challenges. The legacy of industrial decline is compounded by a relatively low educational attainment among the population. At the beginning of the 21st century, a significant share of residents possessed only primary-level education. This combination creates a difficult environment for economic restructuring toward knowledge-intensive activities.

Situated within this context, UJEP occupies a strategically important position as a potential catalyst for regional modernization. Structurally, the institution is oriented toward applied research and could, in principle, support local industries in technological upgrading and workforce development. However, national-level research and development policies prioritize globally visible, theoretically oriented outputs, thereby incentivizing universities to pursue academic prestige rather than locally embedded engagement.

As a result, UJEP faces discord between its institutional incentives and regional needs. While the Usti region requires practical innovation, technical problem-solving, and workforce upgrading, the university is increasingly oriented toward academic outputs with limited local applicability. Consequently, the benefits of research activity remain largely internal to the institution and fail to translate into broader regional economic renewal. This case exemplifies how policy-induced “strategic overload” can redirect universities away from their immediate socio-economic environment, weakening their potential developmental impact.

Vysocina Region and the College of Polytechnics Jihlava (VSPJ): In contrast to Ustí region, the Vysocina region is characterized by a predominantly rural structure with low population density and an economic base rooted in traditional manufacturing and skilled trades, particularly metalworking. VSPJ is a relatively small and regionally oriented institution that demonstrates a strong commitment to serving local needs. Its educational mission is closely aligned with the production of human capital tailored to the regional economy, reflecting an embedded institutional orientation.

Despite this alignment, the region exhibits a fundamental structural limitation related to the nature of its integration into global production networks. Many key employers in Vysocina region are subsidiaries of multinational corporations that locate production facilities in peripheral regions primarily to exploit lower labor and land costs. These operations are typically limited to routine manufacturing and assembly, while higher-value activities such as research, design, and strategic management remain concentrated in core regions abroad.

This configuration results in a structural mismatch between the supply of educated graduates and the demand within the local labor market. Highly educated individuals produced by VSPJ are often overqualified for available positions, leading either to underemployment or outward migration. In this case, the university fulfills its regional mission in terms of educational provision, yet the regional economy lacks the absorptive capacity to utilize this human capital effectively. The outcome is a paradoxical situation in which alignment at the institutional level is undermined by misalignment at the level of global economic structures.

Olomouc Region and Palacky University Olomouc (UPOL): The Olomouc region presents a third configuration, often described as a “split region”, where significant intra-regional disparities coexist within a single administrative unit. The northern part of the region is characterized by rurality, economic underdevelopment, and heightened risks of social exclusion. In contrast, the southern part, where the regional capital Olomouc is located, exhibits relatively strong economic performance and industrial development.

Within this framework, UPOL is large and historically prestigious institution with a strong research orientation, and it is situated within the more developed southern sub-region.

Its institutional strategy is predominantly oriented toward global academic networks, emphasizing research excellence and international visibility. While this positioning enhances the university's reputation and academic output, it also limits its engagement with less-developed parts of the region.

The assumption that the presence of a major university within a region would automatically generate spillover benefits across all sub-regions proves unfounded in this case. The benefits of UPOL's activities remain geographically concentrated, with limited diffusion toward the disadvantaged northern areas. This reflects a broader pattern in which knowledge and innovation do not naturally disseminate across administrative boundaries without deliberate institutional mechanisms and policy interventions. The Olomouc case thus illustrates the “enclave effect”, where a high-performing university operates within a localized sphere of prosperity while remaining disconnected from surrounding areas of need.

Theoretical conclusions and conceptual generalizations. Taken together, these three case studies from the Czech Republic highlight distinct but interrelated mechanisms that constrain the regional developmental role of universities. In the Ústí Region, institutional incentives divert the university from local engagement. In Vysocina Region, the regional economy lacks the capacity to absorb skilled graduates. In Olomouc Region, spatial disparities limit the diffusion of academic benefits within the region. These patterns underscore the importance of aligning university strategies, regional economic structures, and policy frameworks to enable meaningful contributions of higher education to regional development.

Figure 4 outlines the matrix of Czech regions (rural region, industrial region, split region) and university types (classic and research intensive, vocationally oriented with teaching and research, and vocationally oriented with teaching focus only) used in this study.

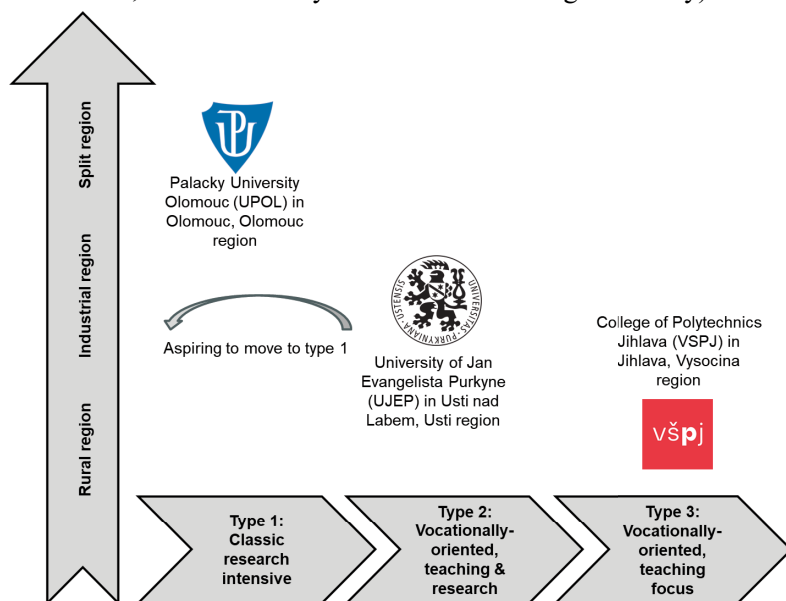

Fig. 4. Matrix of regions and university types

The matrix shown in Figure 4 above highlights the deliberate variation in case selection. UJEP, VSPJ, and UPOL occupy different institutional positions and are embedded in different territorial structures, allowing university type and regional context to be compared jointly.

The descriptive triangulation shows that the developmental role of universities differs according to regional absorptive capacity. In the Usti case, relatively substantial university activity is embedded in a region with weaker GDP and labor-market performance. In the Vysocina case, a regionally loyal college faces a labor market whose demand is structured by routine production rather than knowledge-intensive upgrading. In the Olomouc case, a large research university coexists with stronger regional indicators but produces geographically selective benefits. These patterns support the interaction logic of the conceptual framework rather than a simple linear assumption that higher education automatically boosts regional development.

The concept of absorptive capacity as an explanatory framework. The concept that most effectively explains these patterned outcomes is absorptive capacity. In regional development terms, absorptive capacity refers to the ability of a territory to recognize, utilize, and scale the knowledge, skills, and innovation generated by universities. It includes the presence of firms capable of collaboration, public institutions able to coordinate strategy, intermediary organizations that translate between academic and commercial worlds, financial mechanisms that support experimentation, and civic conditions that make staying in the region desirable for graduates and professionals.

Absorptive capacity matters because knowledge must land somewhere. A graduate requires meaningful employment, a researcher requires partners, an entrepreneur requires networks and capital, and a collaborative project requires institutions that can sustain trust over time. Where these channels are absent, the university's output leaks outward. Skilled residents migrate, research connects upward to national and global systems rather than sideways into the local economy, and local firms continue to compete on cost instead of upgrading through learning.

Figure 5 below depicts the alignment matrix showing likely outcomes under different combinations of university orientation and regional absorptive capacity.

	Low absorptive capacity	High absorptive capacity
Prestige-led orientation	Enclave effect High symbolic prestige, limited local spillovers	Selective growth Research links can scale into clusters
Regionally embedded orientation	Frustrated mission Strong commitment, weak labor-market pull	Transformative fit Graduates, firms, and public actors co-evolve

Figure 5. Alignment matrix of university orientation and regional absorptive capacity

Matrix model: university orientation and regional absorptive capacity. This framework helps explain why investment in higher education alone can unintentionally intensify metropolitan concentration. If the region finances educational mobility but cannot offer pathways for local professional realization, the university becomes a sorting and export mechanism. Peripheral territories effectively subsidize the human capital of the core. Such outcomes are especially likely in less-developed regions where labor markets are narrow, innovation systems are weak, and local public institutions have limited convening power.

Conversely, where absorptive capacity is stronger, even a modestly sized university can become a developmental broker. It can help firms modernize, support new ventures, improve public administration, attract professionals, and shape a thicker regional ecosystem. The critical insight is that the university's role is mediated, not direct. It contributes through a network of receiving structures, not through academic presence alone.

A useful theoretical way to synthesize our results is to distinguish between university orientation and regional absorptive capacity. When a prestige-led institution operates in a region with low absorptive capacity, the most likely outcome is enclave development: the university may accumulate symbolic capital and attract resources, but spillovers remain narrow and socially uneven. When a regionally embedded institution operates in a low-capacity region, the outcome is often a frustrating mission because the commitment is high, but the environment cannot convert educational effort into structural change.

By contrast, when absorptive capacity is stronger, both prestige-led and regionally embedded institutions have more developmental room to operate. A research-oriented university may help generate specialized clusters if firms, public agencies, and intermediary organizations can receive and extend their knowledge. A teaching-led or applied institution can become transformative when graduates encounter local demand, entrepreneurial support, and civic infrastructures that encourage long-term settlement. In both cases, what matters is not merely institutional goodness or regional need, but their co-evolution.

DISCUSSION

The results stemming from our analysis are theoretically important because they demonstrate that university effectiveness is contingent on regional prosperity and economic growth. The same institutional asset can perform very differently depending on whether it is inserted into an industrial region in transition, a rural economy shaped by external corporate control, or a territorially divided region with uneven internal development. The lesson is not that universities fail everywhere, but that developmental outcomes depend on patterned interactions among institutional type, labor-market structure, governance, and history.

The comparison supports the working proposition: university presence is associated with stronger and more territorially inclusive developmental effects only when a region possesses sufficient receiving structures. The proposition is not statistically “confirmed” in a causal sense, because the design uses three qualitative cases, but it is supported through consistent pattern matching. Differences in GDP and unemployment alone do not explain the outcomes; the decisive mechanisms are the character of labor demand, institutional coordination, university orientation, and the spatial reach of university-region interaction.

The empirical placement of the cases is interpreted in the following paragraphs: Usti/UJEP is associated with enclave risk under relatively low capacity; Vysocina/VSPJ with a frustrated regional mission; and Olomouc/UPOL with selective growth in the university city combined with weaker diffusion across the wider region.

The Usti case is closest to the upper-left cell of Figure 5 – low absorptive capacity combined with a partly prestige- and research-led orientation-although UJEP also retains an important regional mission. The result is an enclave risk rather than a complete enclave: the university accumulates educational and research capacity, but the surrounding post-industrial economy and weaker labor market limit the scale at which this capacity is translated into broad regional upgrading. This interpretation is consistent with work showing that third-mission outcomes depend on community and institutional capabilities, not on university capability alone [27], and with studies emphasizing cumulative peripheral disadvantage [8; 31; 32].

VSPJ is closest to the lower-left cell-regionally embedded orientation under comparatively limited knowledge-intensive absorptive capacity. Its institutional mission is aligned with local needs, but the regional production structure generates relatively modest demand for advanced research careers and large numbers of highly qualified graduates. This “frustrated mission” pattern corresponds to evidence on higher-education/labor-market mismatch [33]. It also qualifies the optimistic strand of third-mission research: commitment and applied engagement are necessary, but they are insufficient when higher-value corporate functions and strategic decision-making remain outside the region.

UPOL is best located between the upper-right and upper-left cells, depending on the spatial scale used. At the level of Olomouc city and its immediate knowledge ecosystem, the combination of a research-intensive university and relatively high institutional density resembles “selective growth”. At the level of the entire administrative region, however, absorptive capacity is spatially uneven, and the benefits diffuse weakly toward northern peripheral districts. The case therefore demonstrates that a region can possess high aggregate capacity while still producing an intra-regional enclave effect. This extends previous research by showing that absorptive capacity should be assessed territorially rather than assumed to be homogeneous within administrative borders.

The cases do not have identical starting conditions, and this is analytically important. Their outcomes differ because historical industrial trajectories, the composition of employers, university missions, and internal geography create different channels for using knowledge. Usti faces post-industrial lock-in and weaker demand; Vysocina has a functioning labor market but a narrower knowledge-intensive segment; Olomouc has a dense university-city ecosystem whose benefits are spatially selective. The concept of absorptive capacity connects these differences and explains why the same policy instrument-supporting a university-does not produce the same result everywhere.

This model presented in this paper suggests that universities and HEIs in less-developed regions should be understood less as isolated catalysts and more as anchor institutions within regional coalitions. Their transformative potential rises when they are linked to municipal and regional governments, small and medium-sized enterprises, schools, hospitals, cultural organizations, and development agencies. The task is to create repeated pathways through which teaching, research, and engagement become

territorially productive. Once such pathways exist, the university can support not only economic upgrading but also social resilience, civic participation, and local confidence.

The model also widens the meaning of development. Universities and HEIs in peripheral settings should not be judged solely by their capacity to generate immediate high-tech growth. In some contexts, their most important contribution may be to thicken institutional life, retain social infrastructure, and serve as civic glue in communities otherwise exposed to fragmentation and exit. This is not a lesser function. In regions where market dynamism is weak, social cohesion and institutional continuity may be preconditions for later economic renewal.

Compared with earlier studies, the findings agree with the view that universities' regional engagement is relational and organized through multiple actors. They also support research on uneven development and peripheral adaptability. Our study departs from accounts that imply a broadly automatic third-mission effect: in all three cases, academic activity requires complementary demand-side institutions. It likewise adds nuance to core-periphery explanations by demonstrating that universities are not merely passive reflections of regional structure; their orientation can reinforce or mitigate territorial constraints, although it cannot eliminate them alone.

The policy implication is that universities should be treated as anchor institutions within place-based coalitions. In Usti, priority should be given to translational research, industrial transition partnerships, and intermediaries linking UJEP with firms and municipalities. In Vysocina, policies should deepen local R&D functions, supplier upgrading, graduate career ladders, and entrepreneurship around VSPJ. In Olomouc, the key challenge is to create deliberate diffusion mechanisms-satellite programs, regional innovation services, public-sector partnerships, and outreach to northern districts-so that UPOL's capacity serves more than the university city.

The study has four limitations. First, three purposively selected cases cannot support statistical generalization. Second, the analysis relies on public documents and secondary statistics rather than interviews with university, business, and government stakeholders. Third, the available indicators do not permit construction of a fully comparable numerical absorptive-capacity index. Fourth, some university effects unfold over long periods and cannot be inferred from a single recent statistical snapshot. Future research should combine longitudinal regional data with interviews, graduate-retention measures, firm-level innovation indicators, and network analysis of university-region partnerships.

CONCLUSION

Our study set out to explain why universities generate different developmental outcomes across three Czech regional settings. The comparison answers this question by showing that university capacity is mediated by territorial absorptive capacity. A university can supply education, research, and engagement, but these outputs become regional development only when firms demand advanced skills, intermediary organizations translate knowledge, public actors coordinate strategy, and graduates have reasons and opportunities to remain.

The first research task was to characterize the cases. Usti represents a post-industrial transition region with weaker economic and labor-market indicators and a comprehensive university pursuing both regional and research ambitions. Vysocina represents a rural

manufacturing region with a small, professionally oriented polytechnic and limited demand for knowledge-intensive functions. Olomouc represents an internally divided region with a large research university whose strongest effects are concentrated in the regional capital.

The second task was to identify absorption and leakage mechanisms. In Usti, industrial lock-in and weak demand constrain the translation of university capacity. In Vysocina, educational and applied-research commitment meets a production structure that offers too few advanced local career paths. In Olomouc, a strong university-city ecosystem generates benefits that do not automatically reach peripheral districts. These mechanisms produce, respectively, enclave risk, a frustrated regional mission, and spatially selective growth.

The third task was to assess the working proposition. The cross-case evidence supports the proposition that university effects are stronger where university orientation and regional receiving structures are aligned. The contribution of the study is therefore not a claim that one university type is universally superior, but a relational model linking institutional orientation, labor-market structure, governance, and geography.

The findings have practical significance for regional authorities, ministries responsible for education and regional development, university leaders, innovation agencies, municipalities, and employer associations. They indicate that higher-education expansion should be embedded in a place-based strategy combining supply-side educational investment with demand-side ecosystem building. Useful instruments include innovation vouchers, joint laboratories, technology-transfer intermediaries, mission-oriented public procurement, support for local suppliers and start-ups, graduate internships and career ladders, and quality-of-life investments that improve retention.

Evaluation and funding systems should also recognize territorially relevant forms of excellence. Research quality remains essential, but it should be complemented by credible evidence of collaboration with regional firms, schools, hospitals, municipalities, and civic organizations. Differentiated institutional missions are preferable to requiring every peripheral university to imitate metropolitan research models.

Further studies should test the framework in a larger number of Czech and European regions and, cautiously, in other national settings. A particularly promising design would combine panel indicators of innovation, graduate migration, wages, firm structure, and R&D with stakeholder interviews and network data. Such research could determine when enclave effect, frustrated mission, selective growth, and transformative fit persist or change over time.

REFERENCES

1. Nilsen T., Grillitsch M., Hauge A. Varieties of Periphery and Local Agency in Regional Development. *Regional Studies*. 2023;57(4):749–762. <https://doi.org/10.1080/00343404.2022.2106364>
2. Pedro E.D.M., Leitão J., Alves H. Do Socially Responsible Higher Education Institutions Contribute to Sustainable Regional Growth and Innovation? *International Journal of Sustainability in Higher Education*. 2022;23(8):232–254. <https://doi.org/10.1108/IJSHE-09-2021-0400>
3. Čajka P., Čajková A., Krpálek P. The Role of Universities as the Institutional Drivers of Innovation at the Regional Level. *Terra Economicus*. 2023;21(1):94–107. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-1-94-107>
4. Zakharova I.V. Competitiveness of the University as a Hybrid Structure in the Regional Educational Space. *Russian Journal of Regional Studies*. 2020;28(2):377–399. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.111.028.202002.377-399>

5. Azarov A.A., Brodovskaya E.V., Lukushin V.A. Improving the University Digital Infrastructure Management System: Practice of Social Network Analysis. *Higher Education in Russia*. 2023;32(2):61–79. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-2-61-79>
6. Yan Y. Model Construction and Path Optimization of Cultivating Top Innovative Talents in Universities. *Frontiers in Educational Research*. 2023;6(19):90–95. <https://doi.org/10.25236/FER.2023.061916>
7. Prikhodko L.V., Amerslanova A.N., Kameneva E.A. University Financial Support and Academic Ranking: Aspects of Interconnection. *Finance: Theory and Practice*. 2024;28(4):157–180. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-4-157-180>
8. Cox K.R. Uneven Development: Convergence, Divergence and Politics. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2022;15(1):23–38. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsab030>
9. Rapini M.S., Chiarini T., Stein A.Q. Universities in Inclusive Regional Innovation Systems: Academic Engagement and Uneven Knowledge Use in Brazil. *Journal of Regional Science*. 2024;64(1):108–135. <https://doi.org/10.1111/jors.12667>
10. Oppido S., Ragozino S., De Vita G.E. Peripheral, Marginal, or Non-Core Areas? Setting the Context to Deal with Territorial Inequalities through a Systematic Literature Review. *Sustainability*. 2023;15(13):10401. <https://doi.org/10.3390/su151310401>
11. Van Mensel E., Yordanova Z., Dentchev N.A., Vargas J.S. The Social Third Mission of Universities: Towards a Unified Framework. *Economic Alternatives*. 2025;(2):563–593. <https://doi.org/10.37075/EA.2025.2.13>
12. Taieb S.H. Measuring the Third Mission of European Universities: A Systematic Literature Review. *Society and Economy*. 2024;46(2):147–167. <https://doi.org/10.1556/204.2023.00030>
13. Rusciano R. The Strategic Role of the Third Mission in Universities: A Concrete Case Study. *European Scientific Journal*. 2024;20(16):1. <https://doi.org/10.19044/esj.2024.v20n16p1>
14. Borlaug S.B., Elken M. Formalising Variety: The Organisation of Universities' Regional Engagement and Third Mission Activities. *European Journal of Higher Education*. 2024;14(sup1):10–28. <https://doi.org/10.1080/21568235.2024.2405555>
15. Thomas E., Pugh R., Soetanto D., Jack S.L. Beyond Ambidexterity: Universities and Their Changing Roles in Driving Regional Development in Challenging Times. *The Journal of Technology Transfer*. 2023;48:2054–2073. <https://doi.org/10.1007/s10961-022-09992-4>
16. Fonseca L., Nieth L. The Role of Universities in Regional Development Strategies: A Comparison Across Actors and Policy Stages. *European Urban and Regional Studies*. 2021;28(3):298–315. <https://doi.org/10.1177/0969776421999743>
17. Rodríguez-Pose A. Forging a Sustainable Future Together: Cohesion Policy at its Defining Moment. *Regional Studies*. 2025;59(1):2552869. <https://doi.org/10.1080/00343404.2025.2552869>
18. Strielkowski W., Korneeva E.N., Neshcheret A.K., Sundeeva L.A. Sustainable Education at Higher Education Institutions (HEIs) and the COVID-19 Pandemic: A Bibliometric Review Study Field Review. *Integration of Education*. 2024;28(1):22–39. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.114.028.202401.022-039> (In Russ., abstract in Eng.)
19. Kaminskaya T.L., Petrosyants D.V., Simonov K.V., Seleznev P.S., Kupriyanova L.M. National Projects of Russia as an Image Management Problem. *Economics, Taxes and Law*. 2023;16(4):17–34. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2023-16-4-17-34>
20. Cao L. Localizing Human Resource Development through Higher Education: Local Education Clusters Involving Universities and Regional Stakeholders in China. *Cogent Education*. 2024;11(1):2402147. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2024.2402147>
21. Novotný L. Assessing the Role of Rural Tourism in Fostering Cross-Border Integration within the EU: A Case Study of the Czech-German-Polish Borderland. *Journal of Rural Studies*. 2025;114:103529. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2024.103529>
22. Ballarino G., Colombo S., Panichella N., Piolatto M. Human Capital Dynamics: The Geographical Mobility of High-School Graduates Towards University in Italy. *Regional Studies*. 2022;56(6):921–939. <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1912723>
23. Ghouse S.M., Barber III D., Alipour K. Shaping the Future Entrepreneurs: Influence of Human Capital and Self-Efficacy on Entrepreneurial Intentions of Rural Students. *International Journal of Management Education*. 2024;22(3):101035. <https://doi.org/10.1016/j.ijme.2024.101035>

24. Degelsegger-Márquez A., Remøe S.O., Trienes R. Regional Knowledge Economies and Global Innovation Networks – the Case of Southeast Asia. *Journal of Science and Technology Policy Management*. 2018;9(1):66–86. <https://doi.org/10.1108/JSTPM-06-2017-0027>
25. Pearse R., Bryant G. Labour in Transition: A Value-Theoretical Approach to Renewable Energy Labour. *Environment and Planning E: Nature and Space*. 2022;5(4):1872–1894. <https://doi.org/10.1177/25148486211055542>
26. Lavrov A.M., Solyannikova S.P., Turikov A.G. Social Order in the Russian Federation: A New Tool of Budgetary Policy in the Social Sphere. *Finance: Theory and Practice*. 2024;28(6):6–16. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-6-6-16>
27. Petersen I., Kruss G., van Rheede N. Strengthening the University Third Mission through Building Community Capabilities Alongside University Capabilities. *Science and Public Policy*. 2022;49(6):890–904. <https://doi.org/10.1093/scipol/scac036>
28. Lin S., Marsden G., Pangbourne K., Liu Q. Lessons from Highway Management Reforms in a Less Developed Province in China. *Research in Transportation Business and Management*. 2023;49:100989. <https://doi.org/10.1016/j.rtbm.2023.100989>
29. Yeung H.W. From Regional to Global and Back Again? A Future Agenda for Regional Evolution and (de)Globalised Production Networks in Regional Studies. *Regional Studies*. 2024;58(7):1480–1491. <https://doi.org/10.1080/00343404.2024.2316856>
30. Pavlínek P. Relative Positions of Countries in the Core-Periphery Structure of the European Automotive Industry. *European Urban and Regional Studies*. 2022;29(1):59–84. <https://doi.org/10.1177/09697764211021882>
31. Churski P., Adamiak C., Dubownik A., Pietrzykowski M., Szyda B. Development Processes of the Inner Periphery in the Period of Development Shocks. In: *Inner Peripheries in the New Conditions of Cohesion Post-SARS-CoV-2*. Springer, Cham; 2025. https://doi.org/10.1007/978-3-032-10936-1_6
32. de Renzis A., Faggian A., Urso G. Distant but Vibrant Places. Local Determinants of Adaptability to Peripherality. *Tijdschrift Voor Economische en Sociale Geografie*. 2022;113:483–501. (In Dutch) <https://doi.org/10.1111/tesg.12535>
33. Olo D., Correia L., Rego M.C. (Mis)Match between Higher Education Supply and Labour Market Needs: Evidence from Portugal. *Higher Education, Skills and Work-Based Learning*. 2022;12(3):496–518. <https://doi.org/10.1108/HESWBL-02-2021-0032>
34. Abdullina L., Romanishina T., Bobovnikova A., Smirnov V., Nikitina D., Blinov A. Actual Vectors of the Transformation of Russian Businesses within the Framework of Sustainable Development Strategy (ESG Standards). *Society and Economy*. 2023;(7):71–82. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S020736760026574-0>
35. Frolova E.V., Tyurikov A.G. Mechanisms for Forming Trust in the Economy: Specifics and Assessment of the Functional State. *Population*. 2024;27(2):14–25. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-2-14-25>
36. Tyurikov A.G., Kruglova E.L., Kunizheva D.A. Financial Behavior of Russians: Practices, Models, Effective Tools. *Finance: Theory and Practice*. 2025;29(6):107–120. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2025-29-6-107-120>
37. Omodan B.I. Redefining University Infrastructure for the 21st Century: An Interplay between Physical Assets and Digital Evolution. *Journal of Infrastructure, Policy and Development*. 2024;8(4):3468. <https://doi.org/10.24294/jipd.v8i4.3468>
38. Rambe P. Research Excellence and Productivity for Global Impact at an African University. *Studies in Higher Education*. 2024;49(8):1397–1424. <https://doi.org/10.1080/03075079.2023.2265931>
39. Mariann V.S., Krisztina V. How Does Social Innovation Contribute to Solving Social Problems? – A Process-Oriented Framework for Measuring Social Innovation. *European Journal of Social Science Education and Research*. 2018;5(1):61–75. <https://doi.org/10.2478/ejser-2018-0007>
40. Labraña J., Villalobos P. Disruptive Change: Institutionalising Interdisciplinarity in Chilean State Universities. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2015:1–17. <https://doi.org/10.1080/1360080X.2025.2572159>
41. Xia C., Li X., Cao S. Challenges for the Government-Controlled Higher Education System in China. *International Journal of Educational Development*. 2023;97:102721. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2022.102721>

42. Pinheiro R., Karlsen J., Kohoutek J., Young M. Universities' Third Mission: Global Discourses and National Imperatives. *Higher Education Policy*. 2017;30:425–442. <https://doi.org/10.1057/s41307-017-0057-5>
43. Pinheiro R., Young M., Šima K. Higher Education and Regional Development: Tales from Northern and Central Europe. New York: Palgrave Macmillan; 2018. 220 p. Series Palgrave Studies in Global Higher Education. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-78643-8>

About the authors:

Wadim Strielkowski, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Senior Research Fellow, Cambridge Institute for Advanced Studies (23 King St., Cambridge CB11AH, United Kingdom), Senior Research Fellow, Prague Business School (1145/29 Werichova St., Prague 15200, Czech Republic), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6113-3841>, Researcher ID: J-6112-2017, Scopus ID: 36620065300, strielkowski@cantab.net

Vitaly V. Kaftan, Dr.Sci. (Philos.), Professor, Professor of the Chair of Mass Communications and Media Business, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradskii Prospekt, Moscow 125993, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9381-4860>, Scopus ID: 57216525719, SPIN-code: 4599-8580, vvkaftan@fa.ru

Elena N. Korneeva, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Mass Communications and Media Business, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradskii Prospekt, Moscow 125993, Russian Federation), Associate Professor of the Institute of Engineering and Environmental Safety, Togliatti State University (14 Belorusskaya St., Togliatti 445020, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2735-6299>, Researcher ID: AAF-8011-2020, Scopus ID: 57190658874, SPIN-code: 2344-9298, ENKorneeva@fa.ru

Contribution of the authors:

W. Strielkowski – conceptualization; methodology; project administration; data curation; investigation; formal analysis; validation; visualization; preparation, creation and / or presentation of the published work.

V. V. Kaftan – methodology; investigation; formal analysis; validation; writing – original draft preparation.

E. N. Korneeva – methodology; investigation; formal analysis; validation; writing – original draft preparation.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 17.04.2026; revised 08.07.2026; accepted 15.07.2026.

Об авторах:

Вадим Стриелковский, доктор экономических наук, профессор, старший научный сотрудник Кембриджского института перспективных исследований (СВ11АН, Великобритания, г. Кембридж, Кинг-стрит, д. 23), старший научный сотрудник Пражской бизнес-школы (15200, Чехия, г. Прага, ул. Верихова, д. 1145/29), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6113-3841>, Researcher ID: J-6112-2017, Scopus ID: 36620065300, strielkowski@cantab.net

Виталий Викторович Кафтан, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49/2), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9381-4860>, Scopus ID: 57216525719, SPIN-код: 4599-8580, vvkaftan@fa.ru

Елена Николаевна Корнеева, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49/2), доцент Института инженерной и экологической безопасности Тольяттинского государственного университета (445020, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2735-6299>, Researcher ID: AAF-8011-2020, Scopus ID: 57190658874, SPIN-code: 2344-9298, ENKorneeva@fa.ru

Вклад авторов:

В. Стриелковски – разработка концепции; разработка методологии; административное руководство исследовательским проектом; курирование данных; проведение исследования; формальный анализ; валидация результатов; визуализация; создание и подготовка рукописи.

В. В. Кафтан – разработка методологии; проведение исследования; формальный анализ; валидация результатов; написание черновика рукописи.

Е. Н. Корнеева – разработка методологии; проведение исследования; формальный анализ; валидация результатов; написание черновика рукописи.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 17.04.2026; одобрена после рецензирования 08.07.2026; принята к публикации 15.07.2026.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.498-518>EDN: <https://elibrary.ru/jxusgz>

УДК / UDC 33:004.032.26:353

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Применение нейросетевых методов и моделей
при анализе краткосрочной экономической
динамики регионального развития****В. С. Брезгин**

*Институт природных ресурсов, экологии и криологии
Сибирского отделения Российской академии наук, <https://ror.org/00mj88198>
(г. Чита, Российская Федерация)
monmanage@bk.ru*

Аннотация

Введение. В условиях структурных шоков традиционные эконометрические методы теряют эффективность при прогнозировании региональной экономики, особенно при работе с короткими временными рядами. Цель исследования – разработка методологии анализа и краткосрочного прогнозирования территориальной динамики на основе нейросетевого моделирования, адаптированного к специфике региональной статистики.

Материалы и методы. Эмпирическую базу составили годовые данные Росстата по Забайкальскому краю за 2003–2022 гг., репрезентативные для ресурсных территорий РФ. Применены рекуррентные нейронные сети с LSTM-архитектурой. Авторский подход включает оценку системной значимости показателей через композитный индекс и сравнение стратегий формирования обучающей выборки (скользящего и расширяющегося окон).

Результаты исследования. Выявлена дифференцированная эффективность методов прогнозирования для различных типов показателей. Метод расширяющегося окна показал высокую точность для показателей с устойчивыми трендами (ошибка прогноза валового регионального продукта около 0,3 % в 2020–2021 гг.), тогда как метод скользящего окна оказался эффективнее для волатильных показателей. Разработанный инструментальный анализ системной значимости параметров выявил устойчивую кластерную структуру региональной экономики, включающую производственно-инвестиционный и социально-демографический кластеры. Верификация моделей подтвердила их устойчивость к типичным флуктуациям, однако продемонстрировала фундаментальные ограничения при беспрецедентных геополитических шоках 2022 г.

Заключение. Практическая значимость исследования заключается в создании комплексного инструментария для повышения эффективности регионального экономического планирования и прогнозирования в условиях структурных изменений. Материал может быть востребован в деятельности органов регионального управления и стратегического планирования.

© Брезгин В. С., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: региональная экономика, экономическое прогнозирование, нейронные сети, LSTM-модели, короткие временные ряды, структурные сдвиги, системная значимость, Забайкальский край

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена в рамках государственного задания Института природных ресурсов, экологии и криологии Сибирского отделения Российской академии наук, проект «Адаптация региональных социо-эколого-экономических систем приграничных территорий Востока РФ к геополитическим и климатическим рискам: стратегические подходы и механизмы» (№ 126020216343-0).

Для цитирования: Брезгин В.С. Применение нейросетевых методов и моделей при анализе краткосрочной экономической динамики регионального развития. *Регионоведение*. 2026;34(3):498–518. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.498-518>

Application of Neural Network Methods and Models in the Analysis of Short-Term Economic Dynamics of Regional Development

V. S. Brezgin

*Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, <https://ror.org/00mj88198>
(Chita, Russian Federation)
monmanage@bk.ru*

Abstract

Introduction. In the face of structural shocks, traditional econometric methods lose their effectiveness in forecasting regional economies, especially when working with short time series. The objective of this study is to develop a methodology for analyzing and forecasting short-term regional dynamics based on neural network modeling, adapted to the specifics of regional statistics.

Materials and Methods. The empirical base consisted of annual Rosstat data for the Trans-Baikal Territory for 2003–2022, representative of resource-rich territories of the Russian Federation. Recurrent neural networks with LSTM architecture were used. The author's approach includes assessing the systemic significance of indicators using a composite index and comparing training sample generation strategies (sliding and expanding windows).

Results. The differential effectiveness of forecasting methods for different types of indicators was revealed. The expanding window method demonstrated high accuracy for indicators with stable trends (gross regional product forecast error of approximately 0.3 % in 2020–2021), while the sliding window method was more effective for volatile indicators. The developed toolkit for analyzing the systemic significance of indicators revealed a stable cluster structure of the regional economy, including production-investment and socio-demographic clusters. Verification of the models confirmed their resilience to typical fluctuations but demonstrated fundamental limitations under the unprecedented geopolitical shocks of 2022.

Conclusion. The practical significance of this study lies in the development of a comprehensive toolkit for improving the effectiveness of regional economic planning and forecasting in the face of structural change. The material may be useful in the activities of regional government and strategic planning bodies.

Keywords: regional economy, economic forecasting, neural networks, LSTM-models, short time series, structural shifts, systemic significance, Trans-Baikal Territory

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The work was carried out within the framework of the state assignment of the Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, project “Adaptation of Regional socio-ecological-economic systems of the border territories of the Russian East to geopolitical and climatic risks: Strategic approaches and mechanisms” (no. 126020216343-0).

For citation: Brezgin V.S. Application of Neural Network Methods and Models in the Analysis of Short-Term Economic Dynamics of Regional Development. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(3):498–518. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.498-518>

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях возрастающей неопределенности экономического развития регионов актуальность приобретают разработка и применение эффективных методов прогнозирования экономической динамики¹ [1]. Качество краткосрочных прогнозов главных показателей регионального развития определяет обоснованность управленческих решений в сфере бюджетного планирования, социальной политики и стратегического управления территорией: систематические ошибки ведут к искажению в оценке доходной базы бюджетов, потребности в социальной инфраструктуре и мерах поддержки экономики. Необходимость совершенствовать инструментарий прогнозирования обусловлена как усложнением характера экономических процессов, так и увеличением скорости структурных изменений в региональных экономических системах².

Характер и масштаб исследуемой проблемы определяются спецификой уровня анализа. Региональной статистике свойственны относительно короткие временные ряды преимущественно годовой частоты, периодическое изменение методик учета и высокая чувствительность к внешним шокам. За последние два десятилетия региональные экономические системы России пережили несколько масштабных структурных сдвигов: кризисы 2008–2009 и 2014–2015 гг., пандемию COVID-19, геополитические трансформации 2022 г., каждый из которых существенно менял качество экономической динамики.

В этих условиях традиционные эконометрические методы не всегда демонстрируют достаточную эффективность, а методы машинного обучения, прежде всего рекуррентные нейронные сети с LSTM-архитектурой (*Long Short-Term Memory*), рассматриваются как перспективное дополнение. Вместе с тем применимость последних к коротким временным рядам региональной статистики и выбор оптимальной стратегии их обучения остаются недостаточно изученными.

Цель настоящего исследования – разработка на основе нейросетевых методов методологического подхода к анализу и прогнозированию региональной экономической динамики, обеспечивающего повышение точности прогнозов в условиях ограниченности исходных данных, структурных изменений в экономике и открытости самой системы.

Центральный исследовательский вопрос работы состоит в следующем: способны ли нейросетевые модели на основе LSTM-архитектуры обеспечить достаточный уровень точности краткосрочного прогнозирования региональной экономической динамики в условиях коротких временных рядов и структурных изменений,

¹ Хиндман Р.Дж., Атанасопулос Г. Прогнозирование: принципы и практика. 3-е изд. OTexts; 2021. URL: <https://otexts.com/fpp3> (дата обращения: 19.02.2025).

² Леманн Р., Вольрабе К. Прогнозирование региональной экономики: современная методология и будущие вызовы. *Economics and Business Letters*. 2014;3(4):218–231. URL: https://econpapers.repec.org/article/ovejourn/aid_3a10416.htm (дата обращения: 19.02.2025) ; Мокроносов А.Г., Вершинин А.А., Прудников Д.М. Прогнозирование обеспечения региональной экономики квалифицированными кадрами. *Известия Уральского государственного экономического университета*. 2012;(6):108–114. <https://www.elibrary.ru/pxlxhz>

и если да, какие стратегии формирования обучающей выборки эффективны для различных типов региональных показателей?

Научная новизна исследования заключается в разработке комплексного методологического подхода, интегрировавшего методы машинного обучения и классического статистического анализа для оценки системной роли экономических показателей и прогнозирования их динамики. Предложен метод оценки системной значимости показателей, основанный на сочетании прогностических характеристик и структурного анализа экономических взаимосвязей.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Современное состояние методологии регионального экономического прогнозирования и стоящие перед ней вызовы систематизированы Р. Леманном и К. Вольрабе³. Значительная часть исследований в данной области выполнена в рамках классического эконометрического подхода⁴, включавшего линейную и множественную регрессии, модели ARIMA, методы экспоненциального сглаживания и VAR-модели. Накопленный опыт их применения выявил ряд существенных ограничений.

Традиционные эконометрические методы демонстрируют недостаточную эффективность при анализе нелинейных экономических процессов и сложных взаимозависимостей между различными показателями регионального развития⁵ [2]. Классические линейные модели часто не способны адекватно отражать динамическую структуру региональных экономических систем, особенно в условиях структурных сдвигов⁶. Наиболее остро данная проблема проявляется при работе с короткими временными рядами, характерными для региональной статистики.

Кроме того, классическим методам в ряде случаев не свойственна необходимая адаптивность к структурным изменениям в экономике, что снижает их практическую ценность в условиях возрастающей нестабильности⁷. Эмпирические данные свидетельствуют о системных проблемах: экономисты не смогли предсказать 148 из последних 150 рецессий, что указывает на фундаментальные ограничения классических методов прогнозирования⁸.

Альтернативное направление исследований связано с применением методов машинного обучения, в частности глубокого обучения, к задачам прогнозирования временных рядов. Систематический обзор данного направления представлен в работе Б. Лима и С. Зорена [3].

³ Леманн Р., Вольрабе К. Указ. соч.

⁴ Аллен П.Г. Эконометрическое прогнозирование. В кн.: Принципы прогнозирования. Под ред. Дж.С. Армстронга. Kluwer Academic Publishers; 2001. С. 303–362. URL: https://archive.org/details/isbn_9780792379300/page/n9/mode/2up (дата обращения: 19.02.2025).

⁵ Kavkler A., Mikek P., Böhm B., Boršič D. Nonlinear Econometric Models: The Smooth Transition Regression Approach. 2008. Available at: <https://clck.ru/3VJBYSR> (accessed 19.02.2025).

⁶ Кузнецов Ю.А., Перова В.И., Эйвазова Э.Н. Нейросетевое моделирование динамики инновационного развития регионов Российской Федерации. *Региональная экономика: теория и практика*. 2014;(4):18–28. URL: <https://clck.ru/3VDxyi> (дата обращения: 19.02.2025).

⁷ Песаран М.Х., Тиммерманн А. Выбор окна оценки в присутствии структурных сдвигов. *Journal of Econometrics*. 2007;137(1):134–161. URL: <https://clck.ru/3VDy9n> (дата обращения: 19.02.2025).

⁸ Лунгани П. Насколько точны прогнозы частного сектора? Межстрановые данные на основе консенсус-прогнозов роста производства. *International Journal of Forecasting*. 2001;17(3):419–432. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S016920700100098X> (дата обращения: 19.02.2025).

Особую роль в анализе экономической динамики играют рекуррентные нейронные сети с LSTM-архитектурой, способные эффективно обрабатывать временные последовательности данных и учитывать долгосрочные зависимости [4]. Сравнительные исследования демонстрируют, что LSTM-модели превосходят классические методы ARIMA на 84–87 % по снижению ошибок прогнозирования экономических временных рядов [5]. Положительные результаты получены в широком спектре прикладных задач: при наукастинге, прогнозировании валового внутреннего продукта (ВВП) [6; 7], инфляции, в том числе на российских данных [8], спроса [9], цен на нефть⁹, финансовых временных рядов [4].

Отдельное направление образуют работы, применяющие нейросетевые методы к анализу региональной экономики. В ряде исследований¹⁰ [10] нейросетевой инструментарий (самоорганизующиеся карты Кохонена) используется для кластеризации и типологизации регионов по характеристикам инновационного развития и инновационных экосистем; предложен методический подход к прогнозированию целевых параметров социально-экономического развития регионов с применением стандартного аппарата нейронных сетей [11]; выполнен сравнительный анализ регрессионных и нейросетевых моделей при прогнозировании развития региона [2]. Вместе с тем в указанных материалах не ставилась задача комплексной оценки системной роли отдельных показателей в региональной экономической системе на основе сочетания их прогнозируемости и структуры экономических взаимосвязей.

Применение нейросетевых методов к региональным данным сопряжено с рядом методологических вызовов [3]. Основные проблемы связаны с необходимостью адаптировать архитектуру нейронных сетей к специфике коротких временных рядов, разработкой эффективных процедур валидации моделей и обеспечением интерпретируемости полученных результатов¹¹. Дискуссионную область образует выбор стратегии формирования обучающей выборки. Классическая работа М. Х. Песарана и А. Тиммерманна¹² показала, что выбор окна оценивания в присутствии структурных сдвигов существенно влияет на качество прогнозов.

Современные исследования не дают однозначного ответа на вопрос о сравнительных преимуществах скользящего и расширяющегося окон. Так, показано, что ни одна из стратегий не обладает устойчивым превосходством, и предложен комбинированный подход, основанный на их переключении в зависимости от недавней прогностической результативности [12]. Установлено, что процедуры с переменной длиной окна имеют преимущество главным образом при смене характера прогнозируемого процесса, тогда как в стабильных условиях они сопоставимы с фиксированным окном [13]. Предложена методика выбора размера скользящего окна при изменяющихся во времени параметрах модели [14]. Однако применительно к коротким рядам годовой региональной статистики данный вопрос

⁹ Тимофеев А.Г., Лебединская О.Г. Модель применения сверточной нейронной сети (CNN) в сочетании с долговременной памятью (LSTM) прогнозирования цены на нефть в условиях неопределенности. *Транспортное дело России*. 2022;(2):54–59. <https://www.elibrary.ru/piqbdw>

¹⁰ Кузнецов Ю.А., Перова В.И., Эйвазова Э.Н. Указ. соч.

¹¹ Эльскен Т., Метцен Я.Х., Хуттер Ф. Поиск архитектуры нейронных сетей: обзор. *Journal of Machine Learning Research*. 2019;20(55):1–21. URL: <https://dl.acm.org/doi/abs/10.5555/3322706.3361996> (дата обращения: 19.02.2025).

¹² Песаран М.Х., Тиммерманн А. Указ. соч.

практически не исследован. Дополнительно ситуация осложняется тем, что увеличение размера окна обучения сокращает объем доступной обучающей выборки, критичный для коротких рядов.

Таким образом, анализ литературы позволяет зафиксировать следующие проблемы. Эффективность LSTM-моделей продемонстрирована преимущественно на длинных и высокочастотных временных рядах (финансовых рынках, макроэкономических показателях), тогда как их применимость к коротким рядам годовой региональной статистики изучена фрагментарно. Остается открытым вопрос о сравнительной эффективности методов расширяющегося и скользящего окна для различных типов региональных экономических показателей. Отсутствует комплексный инструментарий, объединяющий оценку прогнозируемости параметров и анализ структуры их экономических взаимосвязей для определения системной роли в региональной экономике.

Настоящее исследование направлено на восполнение указанных пробелов: разрабатывается и апробируется на данных конкретного региона методологический подход, сочетающий LSTM-прогнозирование с двумя стратегиями формирования обучающей выборки и композитную оценку системной значимости показателей.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исходные данные и обоснование выборки. Исследование основано на открытых данных Федеральной службы государственной статистики РФ по Забайкальскому краю за 2003–2022 гг.¹³ Выбор региона обоснован его типичностью для ресурсных территорий России, а также полной доступностью статистической информации за анализируемый период.

Оптимальная структура анализируемых показателей сформирована на базе предварительного анализа региональной экономической системы и включает два основных блока:

1) ядро модели, базовые показатели, описывающие главные аспекты регионального развития: индекс физического объема валового регионального продукта (ВРП) как интегральный параметр экономического развития, индекс реальных располагаемых доходов населения как индикатор благосостояния, численность населения и уровень занятости как характеристики человеческого капитала, оборот оптовой торговли как метрика деловой активности;

2) отраслевые параметры, отражающие специфику экономической структуры региона: показатели добывающей промышленности, строительства, инвестиционной активности.

Выбор показателей основан на комплексном анализе их роли в региональной экономической системе и доступности статистической информации. Учитывались следующие критерии: системная значимость для характеристики регионального развития, наличие достаточного объема исторических данных, устойчивость методики расчета показателя во времени, возможность межрегиональных сопоставлений.

Такой подход обеспечил баланс между полнотой охвата различных аспектов регионального развития и практической реализуемостью анализа с учетом ограничений по доступности сведений.

¹³ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю : сайт. URL: <https://75.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 19.02.2025).

Использовались индексы экономических показателей. Для упрощения восприятия применялись их сокращенные названия; соответствие официальным наименованиям Росстата приведено в таблице 1.

Таблица 1. Соответствие сокращенных и полных названий анализируемых показателей
Table 1. Correspondence of abbreviated and full names of the analyzed indicators

Сокращенное название / Abbreviated name	Полное название / Full name
Валовой региональный продукт / Gross regional product	Индекс физического объема валового регионального продукта / Gross regional product physical volume index
Горнодобывающая отрасль / Mining industry	Индекс производства по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых» / Production index for mining and quarrying
Строительство / Construction	Объем работ по виду деятельности «Строительство» / Work volume for construction
Инвестиции / Investments	Индекс физического объема инвестиций в основной капитал / Fixed capital investment physical volume index
Оборот оптовой торговли / Wholesale trade turnover	Индекс физического объема оборота оптовой торговли / Wholesale trade turnover physical volume index
Безработица / Unemployment	Уровень безработицы / Unemployment rate
Уровень занятости / Employment rate	Уровень занятости / Employment rate
Реальные располагаемые доходы / Real disposable income	Реальные располагаемые доходы населения / Real disposable income of the population
Численность населения / Population	Численность постоянного населения / Residential population

Примечание: все показатели выражены в процентах к предыдущему году.

Note: all figures are expressed as percentages of the previous year.

Источник: здесь и далее использовались данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю.

Source: hereinafter in the article, data were obtained from the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Trans-Baikal Territory.

Предварительная обработка и валидация данных. Для повышения устойчивости модели к выбросам и нормализации входных данных применен робастный скейлер (*RobustScaler*). Выбор данного метода масштабирования обусловлен его устойчивостью к аномальным значениям, что важно при работе с экономическими показателями, которые могут содержать существенные отклонения в периоды кризисов или структурных изменений в экономике. Робастный скейлер использует медиану и межквартильный размах (IQR) вместо среднего значения и стандартного отклонения: $x' = (x - \text{median}) / \text{IQR}$, что обеспечивает устойчивость к выбросам в экономических данных¹⁴.

Для обеспечения сопоставимости данных и корректности их анализа реализована процедура предварительной валидации входных показателей. Проверялась

¹⁴ Юн Т., Пак Ё., Рю Э.К., Ван Ю. Робастное вероятностное прогнозирование временных рядов. *Proceedings of the 25th International Conference on Artificial Intelligence and Statistics*. 2022;151. URL: <https://clck.ru/3VE6jk> (дата обращения: 19.02.2025) ; Хансен Л.П., Сарджент Т.Дж. Робастное управление и неопределенность модели. *American Economic Review*. 2001;91(2):60–66. <https://doi.org/10.1257/aer.91.2.60>

согласованность временных рядов, выявлялись и корректировались пропущенные значения, проводился анализ выбросов и структурных разрывов в данных. Особое внимание уделялось проверке методологической сопоставимости показателей во времени, что важно при работе с длинными временными рядами, охватывающими периоды изменений в методиках статистического учета.

Методология моделирования и архитектура модели. Методологическая база исследования основана на применении методов глубокого обучения для анализа временных рядов экономических показателей регионального развития [3; 7]. В качестве базовой выбраны рекуррентные нейронные сети с LSTM-архитектурой, что обусловлено их способностью эффективно обрабатывать последовательные данные и выявлять долгосрочные зависимости во временных рядах¹⁵.

Разработанная архитектура представляет собой многослойную LSTM-сеть с возможностью гибкой настройки структурных параметров. Базовая конфигурация включает от одного до пяти LSTM-слоев с варьируемым количеством нейронов (от 32 до 256) в каждом слое. Такой диапазон параметров позволяет адаптировать сложность модели к специфике конкретных экономических показателей и доступному объему данных.

Для предотвращения переобучения после каждого LSTM-слоя внедрен слой Dropout с коэффициентом 0,2, что обеспечивало регуляризацию модели путем случайного отключения части нейронов в процессе обучения. Выходной слой реализован как полносвязный с линейной функцией активации, что соответствует задаче регрессии временных рядов.

Применялся подход авторегрессии, где каждый показатель рассматривался как результирующая переменная, а в качестве предикторов использовались лагированные значения этого же показателя (временное окно в 4–8 наблюдений). Это позволило выявлять внутреннюю динамику каждого параметра и оценить его прогнозируемость на основе собственной истории развития.

Модель выполнена на языке Python с использованием современного стека технологий машинного обучения. Базовая архитектура нейронной сети реализована с применением фреймворка TensorFlow 2.x и высокоуровневого API Keras, что обеспечило необходимую гибкость в конфигурации модели и эффективность ее обучения. Предварительная обработка данных осуществлялась с привлечением библиотек scikit-learn и pandas, что позволило эффективно воспроизвести все необходимые процедуры масштабирования и валидации данных. Для оптимизации гиперпараметров модели была задействована библиотека scikit-optimize, в которой доступны современные методы байесовской оптимизации.

Обучение модели проводилось с использованием оптимизатора Adam, который хорошо зарекомендовал себя в задачах обучения глубоких нейронных сетей благодаря адаптивной настройке параметров обучения. В качестве функции потерь использовалась среднеквадратичная ошибка (MSE, *Mean Squared Error*), что соответствовало задаче регрессии временных рядов. Для предотвращения переобучения применялся механизм ранней остановки обучения, который прекращал процесс при отсутствии улучшения на валидационной выборке в течение 10 эпох. Так был

¹⁵ Тимофеев А.Г., Лебединская О.Г. Указ. соч.

найден оптимальный момент остановки обучения и удалось избежать излишней подгонки модели под обучающие данные.

Методы прогнозирования временных рядов. В рамках исследования разработан комплексный подход к прогнозированию региональной экономической динамики, сочетающий классические методы анализа с современными технологиями машинного обучения и оптимизации¹⁶. Центральный элемент методологии – применение двух взаимодополняющих подходов: методов скользящего и расширяющегося окна [12–14], преимущества и ограничения которых определили их эффективность для различных типов экономических показателей.

Метод скользящего окна использует фиксированное количество наблюдений для формирования прогноза и последовательно сдвигается по временной оси. Размер окна определялся экспериментально и варьировался от 4 до 8 наблюдений в зависимости от качества анализируемого показателя. Данный метод продемонстрировал наибольшую эффективность при работе с показателями, которым свойственны выраженная краткосрочная динамика и высокая чувствительность к текущим экономическим условиям; способен быстро адаптироваться к изменениям в характере экономических процессов, что важно при анализе волатильных показателей.

Метод расширяющегося окна, напротив, начинает анализ с минимального набора данных (6–8 наблюдений) и последовательно увеличивает временной интервал по мере поступления новых сведений. Такой подход позволяет более эффективно учитывать долгосрочные тренды и структурные особенности временных рядов. Метод показал наилучшие результаты при прогнозировании показателей с устойчивой долгосрочной динамикой, таких как демографические характеристики и базовые экономические индикаторы.

Оптимизация и обучение модели. Для повышения надежности прогнозов задействован механизм автоматической валидации качества моделей с использованием пороговых значений коэффициента детерминации (R^2) [6]. При недостижении заданного порога качества (по умолчанию $R^2 > 0,7$) система автоматически инициировала процесс переобучения модели. Количество попыток переобучения ограничивалось настраиваемым параметром, который по умолчанию устанавливался на уровне трех итераций. Это позволило найти оптимальную конфигурацию модели без избыточных вычислительных затрат.

Значимым элементом методологии является система оптимизации гиперпараметров LSTM-модели, основанная на байесовском поиске¹⁷. Байесовская оптимизация дает возможность эффективно исследовать пространство параметров, концентрируясь на наиболее перспективных областях. В рамках оптимизации рассматривались количество нейронов (32–256), слоев (1–5) и эпох обучения (50–200), скорость обучения (10^4 – 10^{-2}), размер батча (16–128), коэффициент Dropout (0,1–0,5).

Особое внимание уделено разработке системы по оценке качества прогнозирования, учитывающей специфику коротких временных рядов и региональных экономических показателей. В качестве основных метрик использовались: средняя абсолютная ошибка (MAE, *Mean Absolute Error*) – для оценки абсолютных отклонений, средняя абсолютная процентная ошибка (MAPE, *Mean Absolute*

¹⁶ Хиндман Р.Дж., Атанасопулос Г. Указ. соч.

¹⁷ Эльскен Т., Метцен Я.Х., Хуттер Ф. Указ. соч.

Percentage Error) – для анализа относительных отклонений и симметричная средняя абсолютная процентная ошибка (SMAPE, *Symmetric Mean Absolute Percentage Error*) – для обеспечения устойчивости оценок при наличии экстремальных значений; дополнительной выступила среднеквадратичная ошибка (RMSE, *Root Mean Squared Error*) – для оценки влияния крупных отклонений на качество прогноза.

Процедура валидации прогнозов реализована с учетом необходимости корректной оценки прогностической способности модели в условиях ограниченных временных рядов [11]. Данные разделялись на обучающую (2003–2016 гг.) и тестовую (2017–2019 гг.) выборки. Валидация включала сопоставление прогнозных и фактических значений, анализ устойчивости прогнозов и оценку чувствительности результатов к размеру окна прогнозирования. Контроль качества осуществлялся посредством мониторинга стабильности прогнозов, анализа выбросов и аномалий, оценки влияния структурных сдвигов в экономике на точность прогнозирования.

Для предотвращения переобучения моделей применялся комплекс методов регуляризации, включая использование Dropout-слоев и раннюю остановку обучения. Оно прекращалось при отсутствии улучшения на валидационной выборке в течение 10 эпох, что позволило достичь оптимального баланса между точностью прогнозирования и обобщающей способностью модели.

Анализ системной значимости показателей. В рамках исследования разработан комплексный подход к анализу системной значимости экономических показателей регионального развития, основанный на интеграции методов машинного обучения и классического статистического анализа. При этом под системной значимостью показателя понималась степень обусловленности его динамики внутренними факторами развития региональной экономики, что проявлялось через устойчивые взаимосвязи с другими показателями и относительно высокую прогнозируемость значений.

Методологический подход к оценке системной значимости показателей базируется на многокритериальном анализе, включающем исследование корреляционных взаимосвязей, оценку прогнозируемости показателей, изучение устойчивости выявленных зависимостей. Основной особенностью разработанного подхода выступает его способность выявлять не только прямые, но и опосредованные связи между показателями, что дает возможность формировать более полное представление о структуре региональной экономики.

Корреляционный анализ реализован с использованием робастных методов оценки взаимосвязей, что значимо при работе с относительно короткими временными рядами, характерными для региональной статистики. Применение робастных оценок позволило минимизировать влияние выбросов и структурных сдвигов на результаты анализа, скользящего окна наблюдений при расчете корреляций – оценить стабильность выявленных взаимосвязей во времени, а также идентифицировать периоды изменения характера связей между показателями.

Интегральная оценка системной значимости показателей производилась на основе композитного индекса, учитывающего три аспекта:

1) качество прогностической модели (вес 40 %) – оценивалось через коэффициент детерминации (R^2) и среднюю абсолютную процентную ошибку прогноза (MAPE);

- 2) степень включенности в систему корреляционных связей (вес 30 %) – определялась количеством статистически значимых корреляций с другими показателями;
- 3) стабильность прогнозов (вес 30 %) – оценивалась через устойчивость прогнозных значений при различных конфигурациях модели.

Для интеграции различных критериев в единый индекс был применен подход, основанный на методологии многокритериального анализа¹⁸. Веса компонентов определены экспертным путем с учетом их относительной важности для характеристики системной роли показателя.

Композитный индекс системной значимости показателя (I) рассчитывался по формуле:

$$I = 0,4 \times R^2 + 0,3 \times (N_{\text{corr}} / N_{\text{total}}) + 0,3 \times (1 - \min(\text{MAPE} / 100, 1)),$$

где R^2 – коэффициент детерминации прогностической модели; N_{corr} – количество статистически значимых корреляций с модулем больше 0,3; N_{total} – общее количество анализируемых показателей.

Для **визуализации результатов** анализа разработана система многоуровневого представления данных:

а) динамическая тепловая карта корреляций – наглядно представляет интенсивность и направление взаимосвязей между показателями, благодаря чему возможно быстро идентифицировать кластеры взаимосвязанных показателей, выявлять потенциальные причинно-следственные связи;

б) график рейтинга системной значимости показателей, отражающий результаты интегральной оценки с учетом всех компонентов композитного индекса. Он показывает распределение параметров по степени их системной значимости, что способствует выявлению естественных групп со сходными характеристиками роли в региональной экономике. При этом адаптивность к изменениям в структуре экономических взаимосвязей достигается за счет постоянного обновления оценок по мере поступления новых данных и использования методов робастной статистики, устойчивых к структурным сдвигам в экономике. Такой подход позволяет отслеживать эволюцию экономических взаимосвязей и своевременно выявлять перемены в характере и интенсивности взаимодействий между различными показателями;

в) оценка асимметрии влияния показателей друг на друга, реализованная через анализ условных вероятностей значимых изменений показателей (дополнительный элемент анализа). Осуществляется с целью выяснения направленности причинно-следственных связей, что важно для понимания механизмов распространения экономических импульсов в региональной экономике, а также идентификации значимых точек приложения управленческих воздействий.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сравнительный анализ эффективности прогнозирования выявил существенные различия в точности методов скользящего окна и расширяющегося окна для разных групп показателей регионального развития.

¹⁸ Яцало Б.И., Грицюк С.В., Диденко В.И., Мирзеабасов О.А. Система многокритериального анализа решений DecernsMCDA и ее практическое применение. *Программные продукты и системы*. 2014;(2):79–84. <https://www.elibrary.ru/tpouxn>

Результаты прогнозирования интегральных экономических показателей неоднородны. Так, для ВРП более высокую точность обеспечил метод скользящего окна (MAE = 1,79; MAPE = 1,77 %; SMAPE = 1,75 %) против метода расширяющегося окна (MAE = 2,31; MAPE = 2,23 %; SMAPE = 2,28 %). Максимальные отклонения в прогнозах ВРП приходились на периоды экономической нестабильности 2013–2015 гг., что подчеркивает важность учета структурных изменений в экономике. Напротив, для реальных располагаемых доходов населения большую точность продемонстрировал метод расширяющегося окна (MAE = 0,21; MAPE = 0,20 %; SMAPE = 0,20 %) по сравнению с методом скользящего окна (MAE = 2,90; MAPE = 3,03 %; SMAPE = 2,95 %), что согласуется с наличием устойчивого долгосрочного тренда в динамике доходов.

Точность прогнозирования отраслевых показателей варьировала в зависимости от специфики сектора. В инерционной горнодобывающей отрасли преимущество оказалось на стороне метода расширяющегося окна (MAE = 1,09; MAPE = 1,01 %; SMAPE = 1,01 %) относительно метода скользящего окна (MAE = 4,12; MAPE = 3,83 %; SMAPE = 3,74 %). В волатильной строительной отрасли, напротив, последний показал несколько лучшие результаты (MAE = 7,36; MAPE = 7,03 %; SMAPE = 7,47 %) в сравнении с методом расширяющегося окна (MAE = 9,56; MAPE = 9,21 %; SMAPE = 9,91 %), что отражает чувствительность сектора к колебаниям конъюнктуры.

Для показателей инвестиционной активности методы продемонстрировали сопоставимую точность с незначительным преимуществом скользящего окна (MAE = 7,85; MAPE = 7,94 %; SMAPE = 7,92 %) над расширяющимся (MAE = 8,60; MAPE = 9,37 %; SMAPE = 8,68 %).

Наибольшая стабильность точности прогнозирования характерна для группы социально-демографических параметров. Метод расширяющегося окна эффективно справился с прогнозированием численности населения (MAE = 0,075; MAPE = 0,076 %; SMAPE = 0,076 %) и уровня безработицы (MAE = 4,42; MAPE = 4,54 %; SMAPE = 4,70 %), существенно превзойдя метод скользящего окна (MAE = 10,92; MAPE = 10,99 %; SMAPE = 11,67 %).

На тестовом периоде 2017–2019 гг. показатели можно разделить на три группы по устойчивости прогнозных оценок. Высокую устойчивость (MAPE < 1 %) показали прогнозы численности населения и реальных доходов населения (метод расширяющегося окна). Среднюю (MAPE 1–5 %) – прогнозы ВРП, показателей горнодобывающей отрасли и уровня занятости (также метод расширяющегося окна). Низкая устойчивость (MAPE > 5 %) свойственна прогнозам по строительству, инвестиционной активности и уровню безработицы при использовании метода скользящего окна.

Анализ структуры экономических взаимосвязей. Построенная корреляционная матрица (рис. 1) наглядно представляет интенсивность и направление связей между различными показателями за счет цветовой дифференциации и числовых значений коэффициентов корреляции. Данный инструмент обеспечивает возможность быстрой идентификации групп взаимосвязанных показателей и первичной оценки структуры экономических взаимодействий.

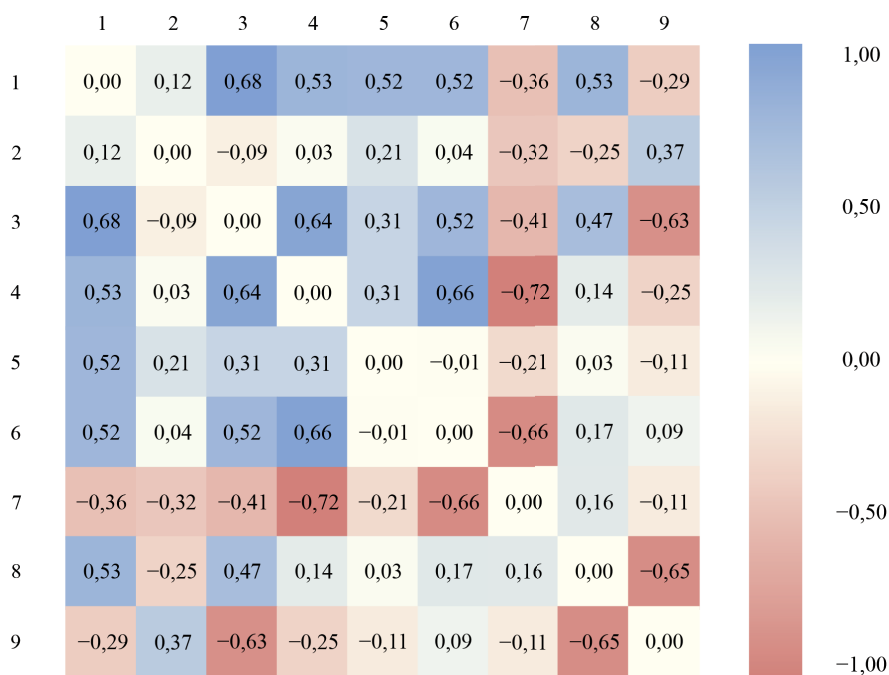

Рис. 1. Корреляционная матрица показателей регионального развития (для годовых индексов): 1 – валовой региональный продукт, 2 – горнодобывающая отрасль, 3 – строительство, 4 – инвестиции, 5 – оборот оптовой торговли, 6 – безработица, 7 – уровень занятости, 8 – реальные располагаемые доходы, 9 – численность населения

Fig. 1. Correlation matrix of regional development indicators (for annual performance indices): 1 – gross regional product, 2 – mining industry, 3 – construction, 4 – investments, 5 – wholesale trade turnover, 6 – unemployment, 7 – employment rate, 8 – real disposable income, 9 – population

Примечание: цветовой градиент отражает интенсивность корреляционных связей: насыщенность оттенка соответствует силе связи; синий цвет обозначает положительную корреляцию, красный – отрицательную.

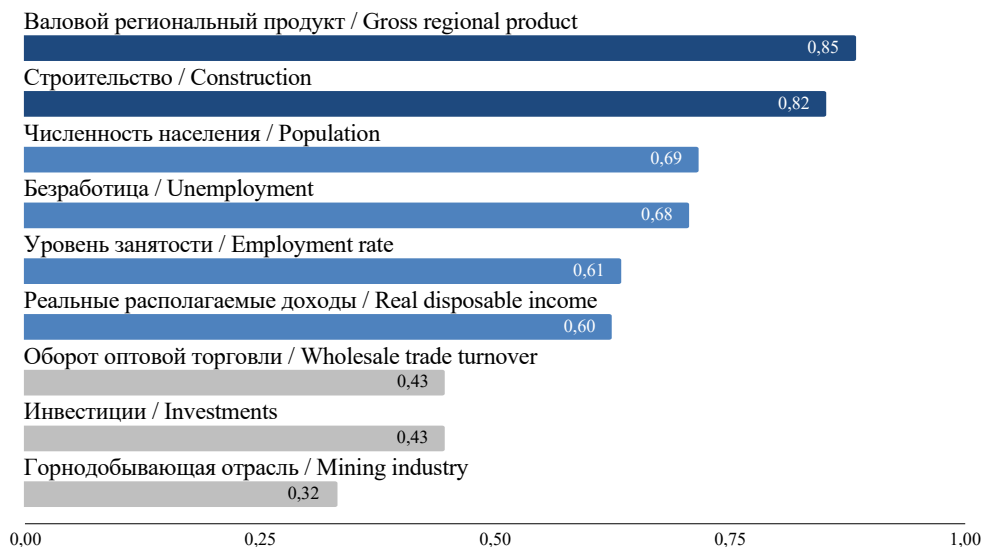
Note: the color gradient reflects the intensity of the correlation: the saturation of the hue corresponds to the strength of the relationship; blue indicates a positive correlation, red indicates a negative correlation.

Как видно из рисунка 1, наиболее сильные положительные связи сформировались в производственно-инвестиционном блоке: динамика ВРП и строительства тесно связаны ($r = 0,68$), а строительство – с инвестициями в основной капитал ($r = 0,64$). Выраженные отрицательные связи наблюдались между уровнем занятости и инвестициями ($r = -0,72$), безработицей ($r = -0,66$); численностью населения и реальными располагаемыми доходами ($r = -0,65$), строительством ($r = -0,63$). Слабее всего в общую систему взаимосвязей включена горнодобывающая отрасль: ее коэффициенты корреляции по модулю не превышали 0,37.

Визуализация результатов ранжирования в виде упорядоченной диаграммы (рис. 2) дала возможность классифицировать естественные группы показателей по величине системной значимости: с высоким ($> 0,7$), средним (0,5–0,7) и низким ($< 0,5$)

уровнем. Такая группировка может служить основой для дифференциации подходов к прогнозированию и выбора соответствующих методов анализа.

Р и с. 2. Ранжирование показателей по степени системной значимости на основе результатов нейросетевого анализа

F i g. 2. Ranking of indicators by degree of systemic significance based on the results of neural network analysis

Примечание: цветом показано распределение показателей по уровню системной значимости: темно-синим – высокий уровень, синим – средний, серым – низкий.

Note: the color shows the distribution of indicators by level of systemic significance: dark blue – high level, blue – medium, gray – low.

Как видно из рисунка 2, лидирующие позиции принадлежат валовому региональному продукту (0,85) и строительству (0,82) – только эти показатели образуют группу высокой системной значимости (индекс выше 0,7). Средняя группа (0,5–0,7) включает численность населения (0,69), безработицу (0,68), уровень занятости (0,61) и реальные располагаемые доходы (0,60), т. е. преимущественно социально-демографические показатели. Низкие значения композитного индекса (менее 0,5) получены для оборота оптовой торговли (0,43), инвестиций (0,43) и горнодобывающей отрасли (0,32).

Валидация прогностической способности моделей. Для проверки устойчивости разработанных моделей проведена дополнительная валидация их прогностической способности на данных 2020–2022 гг. (табл. 2).

В прогнозировании динамики ВРП наблюдалось существенное снижение точности в 2022 г. Если в 2020–2021 годах метод расширяющегося окна демонстрировал высокую точность (ошибка около 0,3 %), то в 2022 расхождение достигло 8,44 %: фактическое значение составило 97,0 % при прогнозе 105,4 %. Метод скользящего окна, несмотря на более консервативные прогнозы, также не смог предсказать масштаб экономического спада.

Т а б л и ц а 2. Прогностическая способность моделей расширяющегося (РО) и скользящего окна (СО), в процентах к предыдущему году

Table 2. Predictive ability of the expanding window (EW) and sliding window (SW) models, percent of the previous year

Показатель / Indicator	2020			2021			2022		
	факт / actual	РО / (EW)	СО / (SW)	факт / actual	РО / (EW)	СО / (SW)	факт / actual	РО / (EW)	СО / (SW)
Валовой региональный продукт / Gross regional product	104,5	104,2	101,5	105,4	105,1	101,6	97,0	105,4	101,7
Горнодобывающая отрасль / Mining industry	99,8	110,0	105,9	110,9	111,5	105,4	102,7	108,4	105,0
Строительство / Construction	131,2	103,2	94,2	97,1	103,3	96,2	120,6	109,9	97,8
Инвестиции / Investment	121,9	105,3	105,4	119,5	106,8	104,4	99,5	112,3	105,2
Оборот оптовой торговли / Wholesale trade turnover	87,3	108,3	98,5	106,8	120,1	98,6	112,3	109,1	99,8
Безработица / Unemployment	105,4	96,4	89,3	94,9	97,2	89,8	93,6	108,9	91,1
Уровень занятости / Employment rate	99,8	101,2	101,4	100,7	100,1	101,3	98,8	99,6	101,2
Реальные располагаемые доходы / Real disposable income	99,9	103,4	101,0	102,2	102,7	100,8	100,2	104,2	100,8
Численность населения / Population	99,4	99,5	99,4	99,4	99,5	99,4	95,0	99,5	99,4

Источник: фактические значения – данные Забайкалкрайстата; прогнозные значения – расчеты автора.

Source: actual values – Zabaykalkraystat data; forecast values – author's calculations.

Показательна динамика строительной отрасли: в 2022 г. зафиксирован существенный рост (120,6 %), значительно превысивший прогнозные значения обоих методов (109,87 и 97,84 % соответственно). Инвестиционная активность продемонстрировала резкое снижение до 99,5 % после значительного роста в 2020, 2021 гг. (121,9 и 119,5 % соответственно).

Резкое снижение численности населения до 95,0 % в 2022 г. отразило реальные демографические процессы в регионе, включая естественную убыль населения, миграционный отток и влияние геополитических событий. Это зафиксировано в официальной статистике Росстата и характеризует фактическую демографическую ситуацию в Забайкальском крае. Указанное отклонение прогнозных значений от фактических демонстрирует ограничения используемых методов в условиях беспрецедентных внешних воздействий на региональную демографическую систему. Динамика показателей рынка труда в 2022 году также обнаружила влияние структурных изменений: уровень безработицы (93,55 %) оказался значительно ниже прогноза методом расширяющегося окна (108,85 %); оборот оптовой торговли показал неожиданно высокий рост в 2022 г. (112,3 %), существенно превысив прогнозные значения обоих методов.

ОБСУЖДЕНИЕ

Применение LSTM-архитектуры к коротким временным рядам региональной статистики продемонстрировало как значительные возможности, так и определенные ограничения: для большинства показателей достигнут уровень точности, достаточный для задач краткосрочного прогнозирования (ошибка MAPE – от сотых долей процента для численности населения до 7–8 % для наиболее волатильных показателей, строительства и инвестиций, по лучшему из двух методов). При этом эффективность прогнозирования оказалась дифференцированной в зависимости от характера динамики показателя и выбранной стратегии формирования обучающей выборки.

Внимания заслуживает обнаруженная асимметрия в точности прогнозирования. Наиболее высокая точность достигнута для демографических показателей и реальных располагаемых доходов населения при использовании метода расширяющегося окна, что объясняется наличием устойчивых долгосрочных трендов и относительно низкой волатильностью данных показателей. Сходный механизм – инерционность развития отрасли – лежит, по-видимому, в основе преимущества этого метода для горнодобывающей промышленности.

Напротив, для показателей с высокой краткосрочной волатильностью лучшие результаты продемонстрировал метод скользящего окна благодаря более эффективной адаптации к изменениям краткосрочных тенденций: высокие ошибки прогнозирования строительной отрасли отражают ее волатильность и чувствительность к экономической конъюнктуре. Близкая точность методов для инвестиционной активности может быть связана с высокой чувствительностью инвестиционных процессов к изменениям ситуации и необходимостью более гибкого учета краткосрочных тенденций. Максимальные отклонения прогнозов ВРП, зафиксированные в периоды экономической нестабильности (2013–2015 гг.), указывают на важность учета структурных изменений в экономике при прогнозировании.

Пояснения требует и структура композитного индекса системной значимости. Большой вес качества прогностической модели (40 %) свидетельствует о приоритетной прогнозируемости показателя как индикатора его системной значимости. Равные веса для степени включенности в систему связей и стабильности прогнозов (по 30 %) подчеркивают важность как структурной включенности показателя в систему экономических взаимосвязей, так и устойчивости этих взаимосвязей во времени.

Тестирование инструментария на данных регионального развития показало его способность выявлять как прямые, так и опосредованные связи между показателями; разработанная система визуализации обеспечила гибкую настройку порогов значимости корреляций и масштаба представления данных. Преимущества анализа определяются возможностью оценить работу моделей в условиях значительных экономических потрясений, связанных с пандемией COVID-19 и последующими структурными изменениями в экономике. Верификация моделей на данных 2020–2022 гг. позволила оценить их устойчивость к масштабным структурным шокам: если влияние пандемии в 2020–2021 гг. удалось спрогнозировать с приемлемой точностью, то события 2022 г. привели к существенным отклонениям фактических значений от прогнозных по большинству показателей. Значимые

расхождения наблюдались в динамике инвестиционной активности и демографических показателей, что отразило беспрецедентный характер структурных изменений в экономике региона.

Полученные результаты согласуются с данными предшествовавших исследований и в ряде аспектов дополняют их. Продемонстрированная применимость LSTM-моделей к экономическим временным рядам соответствует выводам о превосходстве LSTM-архитектуры над классическими методами ARIMA [5] и положительном опыте ее использования при прогнозировании ВВП [7], инфляции на российских данных [8] и финансовых временных рядов [4]. Вместе с тем, в отличие от большинства указанных работ, выполненных на длинных и/или высокочастотных рядах, настоящее исследование показывает, что сопоставимые по качеству результаты достижимы и на коротких рядах годовой региональной статистики – при условии адаптации архитектуры, автоматической валидации качества и многократного переобучения моделей.

Исследование подтвердило теоретические положения о влиянии выбора окна оценивания на качество прогнозов в условиях структурных сдвигов¹⁹ [12–14] и адаптировало их к специфике региональной экономики. Установленная дифференциация эффективности расширяющегося и скользящего окна согласуется с выводом о том, что процедуры с переменной длиной окна обеспечивают преимущество главным образом при смене характера прогнозируемого процесса [13], а рекомендация комбинированного подхода для ВВП, инвестиций и строительства перекликается с результатами [12], где предложена стратегия переключения между окнами в зависимости от их недавней прогностической результативности. Отличие настоящей работы состоит в том, что выбор стратегии обучения увязан с содержательным типом регионального показателя – трендовые социально-демографические индикаторы против волатильных производственно-инвестиционных, – а не только со статистическими свойствами ряда.

По отношению к российским исследованиям нейросетевого анализа региональной экономики настоящая работа дополняет материалы по кластеризации и типологизации регионов²⁰ [10], прогнозированию отдельных региональных показателей [2; 11] инструментом количественной оценки системной роли показателей внутри региональной экономической системы, сочетающим оценку их прогнозируемости и структуры взаимосвязей.

Проведенное исследование имеет ряд ограничений. Первое связано с относително короткой длиной анализируемых временных рядов, что проявляется при использовании традиционного коэффициента детерминации. Для сравнения результатов прогнозирования различных по природе временных рядов более подходящими являются относительные метрики MAPE и SMAPE²¹. Второе касается чувствительности моделей к структурным изменениям в экономике региона, что особенно заметно в периоды экономических кризисов и институциональных преобразований. Третье, фундаментальное, ограничение продемонстрировала верификация прогнозов 2020–2022 гг.: используемые методы не способны предсказывать

¹⁹ Песаран М.Х., Тиммерманн А. Указ. соч.

²⁰ Кузнецов Ю.А., Перова В.И., Эйвазова Э.Н. Указ. соч.

²¹ Хиндман Р.Дж., Атанасопулос Г. Указ. соч.

последствия масштабных структурных изменений. Геополитические события, кардинально меняющие условия функционирования региональной экономики, находятся за пределами прогностических возможностей моделей, обучаемых на исторических данных. Наконец, следует учитывать, что апробация подхода выполнена на данных одного региона, а разработанный инструментарий нужно рассматривать как вспомогательное средство анализа, требующее содержательной экономической интерпретации получаемых результатов и учета специфики конкретного региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет дать утвердительный ответ на поставленный исследовательский вопрос. Нейросетевые модели на основе LSTM-архитектуры способны обеспечивать достаточный для практических задач уровень точности краткосрочного прогнозирования региональной экономической динамики даже в условиях коротких временных рядов и структурных изменений: разработанный методологический подход, включающий оптимизацию архитектуры, байесовский поиск гиперпараметров, автоматическую валидацию качества и многократное переобучение моделей, продемонстрировал высокую эффективность при прогнозировании широкого спектра показателей Забайкальского края.

Основным методологическим результатом стало выявление дифференцированной эффективности стратегий формирования обучающей выборки. Метод расширяющегося окна продемонстрировал более высокую точность при прогнозировании показателей с выраженными долгосрочными трендами (прежде всего демографических и социальных индикаторов с низкой волатильностью) и характеризуется повышенной устойчивостью к локальным колебаниям. Метод скользящего окна обнаружил лучшие результаты для волатильных показателей, чувствительных к изменениям экономической конъюнктуры, а также более высокую адаптивность к краткосрочным тенденциям. Для ряда показателей, включая ВРП, инвестиционную активность и строительство, целесообразно использование комбинированного подхода, учитывающего результаты обоих методов прогнозирования.

Разработанный инструментарий анализа системной значимости показателей позволил выявить устойчивую кластерную структуру региональной экономики, интегрировавшую производственно-инвестиционный и социально-демографический кластеры. Сочетание сетевого анализа корреляционных взаимосвязей и композитного индекса системной значимости обеспечило количественную основу для понимания механизмов взаимодействия различных секторов региональной экономики и их роли в формировании общей динамики развития.

Верификация моделей на данных 2020–2022 гг. подтвердила их прогностическую способность в условиях типичных экономических флуктуаций и при таких серьезных потрясениях, как пандемия COVID-19: метод расширяющегося окна обеспечил прогнозирование ВРП с ошибкой около 0,3 % в 2020–2021 гг. Существенные отклонения прогнозных значений от фактических в 2022 г. связаны в первую очередь с беспрецедентным характером структурных изменений. Подобные геополитические события, кардинально меняющие условия функционирования региональной экономики, выходят за пределы прогностических возможностей моделей, обучаемых на исторических данных. Вместе с тем даже в этих условиях разработанные модели сохранили способность улавливать общие тенденции развития.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой гибридных моделей, адаптивно сочетающих преимущества методов расширяющегося и скользящего окна в зависимости от характера временного ряда и экономической ситуации; интеграцией в модели дополнительной информации о структурных изменениях, включая качественные индикаторы институциональных изменений, экспертные оценки и механизмы раннего выявления структурных сдвигов и геополитических рисков; развитием методов интерпретации результатов нейросетевого моделирования; совершенствованием анализа системной значимости с учетом динамического характера экономических взаимосвязей.

Практическая значимость результатов определяется возможностью их применения в деятельности органов регионального управления и стратегического планирования. Разработанный инструментарий интегрирован в общую систему мониторинга регионального развития и может использоваться для формирования кратко- и среднесрочных прогнозов важных показателей, анализа структурных взаимосвязей и оценки системной устойчивости различных секторов экономики. Результаты анализа системной значимости служат основой для разработки дифференцированных подходов к управлению: показатели с высокой системной значимостью могут рассматриваться как индикаторы системной устойчивости, тогда как слабо включенные в систему взаимосвязей требуют внимания при разработке мер экономической политики и антикризисных программ.

Высокая точность прогнозирования демографических показателей и реальных располагаемых доходов населения открывает дополнительные возможности для планирования социальной политики и оценки потребности в социальной инфраструктуре. Для исследователей региональной экономики предложенный подход представляет методологическую основу, применимую к другим регионам со сходными характеристиками статистических данных, а также может быть востребован в образовательных программах по региональной экономике и прикладному анализу данных.

В целом проведенное исследование демонстрирует, что нейросетевые методы при соответствующей адаптации к специфике коротких временных рядов способны стать действенным дополнением традиционного инструментария регионального экономического анализа. Ограничения прогностической способности моделей в условиях существенных геополитических изменений являются естественными и определяют направления дальнейшего совершенствования методологии регионального экономического прогнозирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гамукин В.В. Изменение структуры ВРП в субъектах Уральского федерального округа. *Экономика региона*. 2017;13(2):410–421. <https://doi.org/10.17059/2017-2-7>
2. Бородин С.Н. Прогнозирование экономического развития региона на основе регрессионных и нейросетевых моделей. *Russian Economic Bulletin*. 2024;7(1):290–300. <https://www.elibrary.ru/eqfigc>
3. Lim B., Zohren S. Time-Series Forecasting with Deep Learning: A Survey. *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*. 2021;379(2194):20200209. <https://doi.org/10.1098/rsta.2020.0209>
4. Видмант О.С. Прогнозирование финансовых временных рядов с использованием рекуррентных нейронных сетей LSTM. *Общество: политика, экономика, право*. 2018;(5):63–66. <https://doi.org/10.24158/pep.2018.5.12>

5. Siami-Namini S., Tavakoli N., Namin A.S. A Comparison of ARIMA and LSTM in Forecasting Time Series. In: 2018 17th IEEE International Conference on Machine Learning and Applications (ICMLA). 2018. P. 1394–1401. <https://doi.org/10.1109/ICMLA.2018.00227>
6. Richardson A., van Florenstein Mulder T., Vehbi T. Nowcasting GDP Using Machine-Learning Algorithms: A Real-Time Assessment. *International Journal of Forecasting*. 2021;37(2):941–948. <https://doi.org/10.1016/j.ijforecast.2020.10.005>
7. Hamiane S., Ghanou Y., Khalifi H., Telmem M. Comparative Analysis of LSTM, ARIMA, and Hybrid Models for Forecasting Future GDP. *Ingénierie des Systèmes d'Information*. 2024;29(3):853–861. <https://doi.org/10.18280/isi.290306>
8. Матыцын А.В. Применение LSTM-модели к прогнозированию CPI и уровня инфляции на примере России. *Вопросы инновационной экономики*. 2022;12(2):1241–1252. <https://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114845>
9. Abbasimehr H., Shabani M., Yousefi M. An Optimized Model Using LSTM Network for Demand Forecasting. *Computers and Industrial Engineering*. 2020;143:106435. <https://doi.org/10.1016/j.cie.2020.106435>
10. Летягина Е.Н., Перова В.И. Нейросетевое моделирование региональных инновационных экосистем. *Journal of New Economy*. 2021;22(1):71–89. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2021-22-1-4>
11. Трещевский Ю.И., Гладких М.О., Опойкова Е.А., Папина О.Н. Методический подход к прогнозированию целевых параметров социально-экономического развития регионов с использованием стандартного аппарата нейронных сетей. *Регион: системы, экономика, управление*. 2020;(4):114–126. <https://doi.org/10.22394/1997-4469-2020-51-4-114-126>
12. Feng Y., Zhang Y., Wang Y. Out-of-Sample Volatility Prediction: Rolling Window, Expanding Window, or Both? *Journal of Forecasting*. 2024;43(3):567–582. <https://doi.org/10.1002/for.3046>
13. Hall S.G., Tavlás G.S., Wang Y., Gefang D. Inflation Forecasting with Rolling Windows: An Appraisal. *Journal of Forecasting*. 2024;43(4):827–851. <https://doi.org/10.1002/for.3059>
14. Inoue A., Jin L., Rossi B. Rolling Window Selection for Out-of-Sample Forecasting with Time-Varying Parameters. *Journal of Econometrics*. 2017;196(1):55–67. <https://doi.org/10.1016/j.jeconom.2016.03.006>

REFERENCES

1. Gamukin V.V. Structural Change of Gross Regional Product in the Subjects of Ural Federal District. *Economy of Regions*. 2017;13(2):410–421. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/2017-2-7>
2. Borodin S.N. Forecasting the Economic Development of the Region Based on Regression and Neural Network Models. *Russian Economic Bulletin*. 2024;7(1):290–300. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/eqfige>
3. Lim B., Zohren S. Time-Series Forecasting with Deep Learning: A Survey. *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*. 2021;379(2194):20200209. <https://doi.org/10.1098/rsta.2020.0209>
4. Vidmant O.S. Forecasting Financial Time Series with LSTM Recurrent Neural Networks. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 2018;(5):63–66. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24158/pep.2018.5.12>
5. Siami-Namini S., Tavakoli N., Namin A.S. A Comparison of ARIMA and LSTM in Forecasting Time Series. In: 2018 17th IEEE International Conference on Machine Learning and Applications (ICMLA). 2018. P. 1394–1401. <https://doi.org/10.1109/ICMLA.2018.00227>
6. Richardson A., van Florenstein Mulder T., Vehbi T. Nowcasting GDP Using Machine-Learning Algorithms: A Real-Time Assessment. *International Journal of Forecasting*. 2021;37(2):941–948. <https://doi.org/10.1016/j.ijforecast.2020.10.005>
7. Hamiane S., Ghanou Y., Khalifi H., Telmem M. Comparative Analysis of LSTM, ARIMA, and Hybrid Models for Forecasting Future GDP. *Ingénierie des Systèmes d'Information*. 2024;29(3):853–861. (In French) <https://doi.org/10.18280/isi.290306>
8. Matytsyn A.V. Application of LSTM Model to Prediction of CPI and Inflation Rate on the Example of Russia. *Russian Journal of Innovation Economics*. 2022;12(2):1241–1252. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114845>
9. Abbasimehr H., Shabani M., Yousefi M. An Optimized Model Using LSTM Network for Demand Forecasting. *Computers and Industrial Engineering*. 2020;143:106435. <https://doi.org/10.1016/j.cie.2020.106435>

10. Letyagina E.N., Perova V.I. Neural Network Modeling of Regional Innovation Eco-systems. *Journal of New Economy*. 2021;22(1):71–89. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2021-22-1-4>
11. Treschevsky Yu.I., Gladkikh M.O., Opoykova E.A., Papina O.N. Methodological Approach to Prognosis of Target-High Parameters of Regions Socio-Economic Development Using the Standard Neural Network Apparatus. *Region: Systems, Economics, Management*. 2020;(4):114–126. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22394/1997-4469-2020-51-4-114-126>
12. Feng Y., Zhang Y., Wang Y. Out-of-Sample Volatility Prediction: Rolling Window, Expanding Window, or Both? *Journal of Forecasting*. 2024;43(3):567–582. <https://doi.org/10.1002/for.3046>
13. Hall S.G., Tavlas G.S., Wang Y., Gefang D. Inflation Forecasting with Rolling Windows: An Appraisal. *Journal of Forecasting*. 2024;43(4):827–851. <https://doi.org/10.1002/for.3059>
14. Inoue A., Jin L., Rossi B. Rolling Window Selection for Out-of-Sample Forecasting with Time-Varying Parameters. *Journal of Econometrics*. 2017;196(1):55–67. <https://doi.org/10.1016/j.jeconom.2016.03.006>

Об авторе:

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук, научный сотрудник лаборатории эколого-экономических исследований Института природных ресурсов, экологии и криологии Сибирского отделения Российской академии наук (672014, Российская Федерация, г. Чита, ул. Недорезова, д. 16а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9008-4540>, Researcher ID: R-5652-2016, SPIN-код: 2984-6475, monmanage@bk.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 21.02.2025; одобрена после рецензирования 15.07.2025; принята к публикации 30.07.2025.

About the author:

Vyacheslav S. Brezgin, Cand.Sci. (Econ.), Researcher, Laboratory of Ecological and Economic Research, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (16a Nedorezova St., Chita 672014, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9008-4540>, Researcher ID: R-5652-2016, SPIN-code: 2984-6475, monmanage@bk.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 21.02.2025; revised 15.07.2025; accepted 30.07.2025.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА / REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.519-545>

EDN: <https://elibrary.ru/bygakj>

УДК / UDC 339:331.108.2:332.1

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Слабозанятые в сегменте избыточной торговли как резерв устранения дефицита кадров: региональный и отраслевой анализ

С. В. Ануреев

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
<https://ror.org/01hnrbb29>
(г. Москва, Российская Федерация)
anureev@bk.ru*

Аннотация

Введение. В российской экономике сохраняется структурный дисбаланс: занятость в розничной торговле значительно превышает показатель обрабатывающей промышленности, что усугубляет кадровый дефицит в реальном секторе, оцениваемый в 3,4 млн чел. Цель исследования – конкретизация региональной и видовой структуры избыточности торговых объектов для формирования адресных мер регулирования.

Материалы и методы. Информационную базу исследования составили данные Федеральной службы государственной статистики, «Геотеки» Федеральной налоговой службы, сведения Портала открытых данных Правительства Москвы и статистической налоговой отчетности. Применялись методы пространственного визуального анализа, сравнительной оценки показателей наценки на одного сотрудника и почасового распределения выручки, а также логического моделирования эффектов управленческих решений.

Результаты исследования. Выявлено, что половина избыточной занятости в торговле (около 1,75 млн чел.) сконцентрирована в пяти крупнейших по численности населения регионах. Установлена низкая производительность индивидуальных предпринимателей, у которых наценка на одного работника в пять раз ниже, чем в крупных сетях. Показано, что эффективность непродовольственной торговли в 2,5 раза уступает продовольственной; супермаркеты проигрывают минимаркетам по наценке на сотрудника в 3,4 раза. Пространственный анализ выявил неравномерность размещения непродовольственной торговли, которая сконцентрирована в ограниченных локациях, проигрывает маркетплейсам, имеет неэффективный график функционирования 12 ч в день без выходных. Отмечено, что 17 % торговых точек приходятся на сегмент избыточной продажи вейпов, цветов и аптек.

© Ануреев С. В., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Полученные результаты создают основу для региональной политики по перераспределению трудовых ресурсов и оптимизации избыточных форматов торговли. Предлагаемые меры, включающие дифференциацию графика работы и адресное сокращение концентрации непродовольственных точек, позволят высвободить до 2,8 млн чел. без потери доступности товаров, что будет способствовать решению задачи структурной трансформации экономики и снижению кадрового дефицита в производственных отраслях.

Ключевые слова: геоданные, открытые данные, пространственное распределение, региональная концентрация, статистика торговли, избыточная торговля

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ануреев С.В. Слабозанятые в сегменте избыточной торговли как резерв устранения дефицита кадров: региональный и отраслевой анализ. *Регионоведение*. 2026;34(3):519–545. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.519-545>

Underutilized Labor in the Oversized Trade Sector as a Reserve for Addressing Staff Shortages: Regional and Sectoral Analysis

S. V. Anureev

Financial University under the Government of the Russian Federation,

<https://ror.org/01hnrbb29>

(Moscow, Russian Federation)

anureev@bk.ru

Abstract

Introduction. The Russian economy remains structurally imbalanced: employment in retail significantly exceeds that in manufacturing, exacerbating the labor shortage in the real sector, estimated at 3.4 million people. The purpose of this study is to clarify the regional and specific structure of retail redundancy in order to formulate targeted regulatory measures.

Materials and Methods. The study's information base included data from the Federal State Statistics Service, the Federal Tax Service's Geochecki ("Geo-Receipts") system, the Moscow Government's Open Data Portal, and statistical tax reporting. Spatial visual analysis, comparative assessment of per-employee markup indicators and hourly revenue distribution, and logical modeling of the effects of management decisions were used.

Results. It was found that half of the excess employment in retail (approximately 1.75 million people) is concentrated in the five most populous regions. Low productivity was observed among individual entrepreneurs, whose per-employee markup is five times lower than that of large chains. Non-food retail efficiency was shown to be 2.5 times lower than that of grocery retail; supermarkets' per-employee markup is 3.4 times lower than that of minimarkets. Spatial analysis revealed an uneven distribution of non-food retail outlets, which are concentrated in limited locations, struggle to compete with online marketplaces, and operate inefficiently – staying open 12 hours a day, seven days a week. It was noted that 17 % of these outlets fall into overrepresented categories such as vape shops, flower shops, and pharmacies.

Conclusion. The obtained results provide the basis for a regional policy to redistribute labor resources and optimize excess retail formats. The proposed measures, including differentiated work schedules and a targeted reduction in the concentration of non-food retail outlets, will free up to 2.8 million people without compromising the availability of goods, thereby contributing to the structural transformation of the economy and reducing labor shortages in manufacturing sectors.

Keywords: geodata, open data, spatial distribution, regional concentration, trade statistics, excess trade

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Anureev S.V. Underutilized Labor in the Oversized Trade Sector as a Reserve for Addressing Staff Shortages: Regional and Sectoral Analysis. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(3):519–545. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.519-545>

ВВЕДЕНИЕ

«План структурных изменений в экономике до 2030 года» (п. 1) предусматривает оптимизацию отраслевой структуры занятости, снижение объемов оптовой и розничной торговли, приток в обрабатывающее производство¹. Согласно данным Росстата, в 2023 г. в торговле были заняты 13,4 млн чел., на обрабатывающем производстве – 10,3 млн чел.² (на 3,1 млн чел. меньше). Минпромторг РФ сообщал в апреле 2025 года о дефиците кадров в обрабатывающей промышленности, равном 1,9 млн чел., а средняя величина прогнозных оценок дефицита (Минтруда, HeadHunter и Минпромторга³) составила 3,4 млн чел.

Анализ распределения доходов по 20-процентным группам населения показывает, что на пятую (с наибольшими доходами, условно богатых) приходится 46,4 % всех доходов, на четвертую (условно средний класс) – 22,7, суммарно – 69,1 % доходов, а значит, примерно столько же потребления и оборота торговли. При этом инфляция из-за дефицита кадров и перекосов занятости в первую очередь бьет по 60 % небогатого населения, на которые приходится лишь 30,9 % доходов и потребления⁴.

Цель настоящей работы – выявление путем пространственного анализа регионов, районов, кварталов концентрации избыточной торговли, а также образцов умеренной торговли. Для этого использовались сведения Росстата по региональной структуре занятости и обороту торговли, пространственные данные сервиса «Геоcheки» ФНС, а также открытые материалы Портала Москвы (с пояснением временного периода и охвата показателей).

Основная гипотеза исследования состоит в том, что в российской розничной торговле существует резерв избыточной занятости, который может быть высвобожден за счет оптимизации форматов, графика работы и пространственной концентрации торговых точек без потери доступности товаров для населения. Образовавшиеся трудовые ресурсы могут быть перераспределены в дефицитные отрасли, в частности в обрабатывающее производство, при наличии соответствующих условий.

Сокращение точек избыточной торговли потенциально выгодно отрасли торговли: перераспределение товарооборота на меньшее число объектов и оптимизация часов работы способны снизить совокупные издержки. Убыточными в 2025 году стали три из четырех крупнейших организаций торговли, работающие под брендами «Магнит», «Вайлдберриз» и «Озон»⁵.

¹ План структурных изменений в российской экономике до 2030 года: утв. протоколом заседания Правительства Российской Федерации от 27.11.2025 № 41 [Электронный ресурс]. Министерство экономического развития Российской Федерации : сайт. URL: <https://clck.ru/3VJAFT> (дата обращения: 08.07.2026).

² Российский статистический ежегодник. 2024 : стат. сб. Росстат. М.; 2024. С. 112. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 08.07.2026).

³ Минпромторг оценил дефицит кадров в промышленности почти в 2 млн человек [Электронный ресурс]. ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23768733> (дата обращения: 08.07.2026) ; Сергиенков Д. В HeadHunter считают, что дефицит кадров в РФ в ближайшие 5 лет может удвоиться [Электронный ресурс]. Интерфакс : сайт. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1020753> (дата обращения: 08.07.2026) ; Гончарук Д. Минтруд прогнозирует дефицит кадров на уровне 3,1 млн к 2030 году [Электронный ресурс]. Рос. газ. : сайт. URL: <https://rg.ru/2025/01/24/mintrud-prognoziruet-deficit-kadrov-na-urovne-3-1-mln-k-2030-godu.html> (дата обращения: 08.07.2026).

⁴ Российский статистический ежегодник... С. 158.

⁵ Ануреев С.В. «Магнит» и «Вайлдберриз»: экспансия, рост издержек и инфляция [Электронный ресурс]. Завтра.ру : сайт. URL: https://zavtra.ru/blogs/magnit_i_vajldberriz_ekspansiya_rost_izderzhek_i_inflyatsiya (дата обращения: 08.07.2026).

Отдельно необходимо рассмотреть вопрос готовности работников к переходу в другие отрасли, а также учесть социальную функцию торговой инфраструктуры (доступность товаров, занятость в малых населенных пунктах, роль локальных точек в повседневной жизни населения).

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Проблематика розничной торговли широко представлена в наукометрических базах: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) по запросу «розничная торговля» (в названии, ключевых словах, аннотации) с 2015 г. выдал 6 706 публикаций; по термину «геоданные» – 834. При этом исследования географии розничной торговли редки, на стыке с производством – единичны. Так, О. В. Кузнецова отмечает отсутствие статистически значимой закономерности между развитием сетевой торговли и уровнем экономического развития регионов, выделив при этом регионы-исключения [1]; С. А. Мусиенко – рост давления со стороны конкурентов, смещение приоритетов из сферы торговли в сферу производства [2].

Воздействие маркетплейсов (без акцента на сокращении традиционной торговли) также изучено фрагментарно. Упоминаются изменение «физических» принципов размещения торговых объектов и усиление конкуренции в сегментах товаров повседневного спроса [3]. При этом рынок электронной торговли демонстрирует признаки олигополии: на долю двух крупнейших маркетплейсов приходится выше 80 % объема розничных онлайн-продаж [4].

Публикации по эффективности розничной торговли сфокусированы в основном на внутренних факторах: операционной эффективности производственных бизнес-процессов [5], прогнозировании спроса и рациональных запасов [6], совершенствовании качества торгового обслуживания [7]. Пространственный анализ избыточности торговой сети при этом практически не применялся.

Исследования производительности труда в торговле единичны, особенно в разрезе регионов. Выявлено, что высокая производительность труда не является прерогативой крупнейших городов – важную роль здесь играет агломерационный эффект [8]. Продемонстрирована специфика пространственного распределения показателей: Москва характеризуется повышенной долей торговли, тогда как регионы с доминированием добывающих производств демонстрируют более высокие индексы производительности труда [9].

Материалы по графику работы и потерям рабочего времени в торговле представлены узко [10; 11]. Пространственные аспекты распределения торговых объектов изучены недостаточно: отдельные работы базируются на данных Федеральной налоговой службы (ФНС) из реестра субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) [12], фокусируются на задачах оптимизации локаций пунктов выдачи онлайн-заказов [13].

В англоязычной литературе (поиск осуществлен через Google Scholar с применением порядка 40 двух- и трехсловных запросов, что дало надежный охват источников) спектр подходов шире. Так, констатируется развитость инструментария пространственного анализа в контексте локализации торговых точек – от аналоговых моделей до пространственных эконометрических методов [14];

динамика взаимодействия городской пространственной структуры и розничной торговли рассматривается с учетом мобильности населения [15].

В азиатских странах применяют технологии с использованием геоинформационных систем (ГИС) и данные транзакций для анализа географии торговли [16–18], однако в фокусе – преимущественно описание видов полученных данных, без изучения избыточности, эффективности, торговли, путей ее сокращения.

Сравнительный анализ географии и видов розничной торговли встречается редко. На примере Швеции показано смещение спроса с периферийных рынков к центральному, обусловленное конкурентными преимуществами сетевых ретейлеров и сопровождавшееся упадком независимых малых магазинов [19]. Зафиксировано сокращение доли микропредприятий в структуре точек продаж (с 90,4 до 59 %) на фоне общего снижения их численности, связанное с ростом автомобилизации и расширением радиуса покупок [20].

Достаточно широко представлены исследования кризиса розничной торговли. Рассматриваются деградация торговых улиц, вызванная экспансией онлайн-торговли и конверсией неиспользуемых коммерческих помещений в жилые [21]; плотность и местоположение торговых объектов Эдинбурга, Глазго, Халле, Ливерпуля и Ноттингема, сокращение на периферийных территориях [22]. Зафиксированы распространенность вакантных витрин и кризисных явлений на главных торговых улицах (на примере Чикаго) [23]; избыток туризма и наиболее тесно взаимодействующей с туризмом розничной торговли (на примере Лиссабона) [24].

Единичные публикации затрагивают вопросы сокращения/повышения эффективности торговли и реиндустриализации. В частности, в Великобритании обсуждались возможности стимулирования производственной активности на торговых улицах с применением современных технологий [25]. При этом отмечается потенциал геоданных для обоснования решений по локации торговых объектов и формирования соответствующей политики [26].

Редки исследования, устанавливающие связь между занятостью и добавленной стоимостью в значимых отраслях. На материале Нидерландов (1970–2021 гг.) продемонстрировано существенное влияние отраслевой структуры на динамику добавленной стоимости в МСП, включая розничную торговлю [27]; на материале США (1992–2017 гг.) – сокращение производственным сектором доли в общем объеме продаж на 7–8 % и в занятости на 10 % при росте розничной и оптовой торговли⁶.

Проблематика регулирования рабочего времени в розничной торговле освещена слабо. Исключение составляет исследование итальянского опыта дерегулирования часов работы магазинов: снятие ограничений увеличило занятость в отрасли на 2,4 % [28]. Еще одним недостаточно изученным направлением выступает доминирование крупнейших торговых сетей. Обнаружен рост локальной и национальной концентрации сетей в развитых странах, обусловленный вкладом крупных игроков (например, Walmart) в повышение производительности розничной торговли [29; 30].

⁶ Autor D.H., Patterson C., Van Reenen J. Local and National Concentration Trends in Jobs and Sales: The Role of Structural Transformation. *National Bureau of Economic Research*. 2023;(w31130). <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4430437>

Таким образом, анализ научных публикаций показал дефицит качественных исследований по тематике избыточности торговли, интегрировавших пространственный анализ, официальную статистику и геоданные государственных органов. Существующие работы фокусируются на узких аспектах (локации, динамике занятости, влиянии сетей) без системного учета взаимосвязей между ними. При этом отдельные результаты и методические подходы могут служить основой для дальнейшего изучения проблемы, однако их фрагментарность подчеркивает научную новизну предлагаемого исследования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Информационная база исследования. Источниками факторов анализа выступили корпус отечественных и англоязычных публикаций, отобранных по релевантным поисковым запросам в базах РИНЦ (elibrary.ru) и Google Scholar; сведения о чеках онлайн-касс («Геочеки»⁷) – задействованы для пространственного анализа торговой активности; геоданные торговых объектов (из ГИС-2, Портала открытых данных Правительства Москвы⁸) – использовались для пространственного анализа торговой активности; статистические данные Росстата⁹ (включая территориальные управления) и ФНС (формы статистической налоговой отчетности)¹⁰ по занятости и розничной торговле.

Преимущество онлайн-касс для пространственного анализа определяется их регистрацией по фактическому адресу¹¹, что повышает точность. Портал Москвы также ориентируется на фактические адреса расположения объектов розничной торговли и услуг. Ввиду отсутствия доступа к соответствующим исходным данным органов власти, что позволило бы реализовать автоматизированную выгрузку и анализ сведений, а также обеспечить воспроизводимость полученных результатов, эмпирическая база исследования формировалась посредством выборочного анализа отдельных городов и районов. Сбор данных осуществлялся путем визуального изучения картографических материалов и натурного обследования территории.

Статистические данные по занятости и налогам анализировались на макро- и мезоуровнях: в суботраслевом и регионально-районном разрезах. Форма представления информации Росстатом и ФНС (в виде объемных сборников широкой тематики в формате PDF либо в виде табличных данных по отдельным узкоспециализированным показателям) обусловила ручную обработку. Росстат пока не предоставляет детальной информации о торговой наценке по видам организаций и товаров, ограничиваясь ее усредненной величиной.

⁷ Геочеки [Электронный ресурс]. Платформа поставки данных ФНС России : сайт. URL: <https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/geochecks> (дата обращения: 08.07.2026).

⁸ Портал открытых данных Правительства Москвы : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://data.mos.ru/> (дата обращения: 08.07.2026).

⁹ Российский статистический ежегодник. 2024... ; Торговля в России 2023 : стат. сб. [Электронный ресурс]. Росстат. М.; 2023. 230 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13233> (дата обращения: 08.07.2026).

¹⁰ Данные по формам статистической налоговой отчетности [Электронный ресурс]. Федеральная налоговая служба : офиц. сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 08.07.2026).

¹¹ Регистрация ККТ в ФНС [Электронный ресурс]. Платформа ОФД : сайт. URL: <https://platformaofd.ru/baza-znaniy/registraciya-kkt-v-fns/> (дата обращения: 08.07.2026).

Операционализация понятия «избыточная торговля». В настоящем исследовании под избыточной торговлей понимается ситуация, при которой в конкретных форматах и локациях розничной торговли зафиксирована устойчиво низкая интенсивность покупательского потока и выручки на одного сотрудника в значительную часть операционного времени. Это состояние аналогично производственным простоям: торговые точки формально функционируют, но их трудозатраты не обеспечены адекватным спросом, что создает резерв для оптимизации занятости без потери доступности товаров для населения.

Количественно избыточность верифицировалась через показатели валовой наценки на сотрудника в рублях в месяц в сочетании с пространственной концентрацией касс («Геочеки» ФНС) и почасовым распределением выручки в процентах.

Методы анализа данных. Статистический анализ сведений Росстата и ФНС реализовывался для установления взаимосвязей между показателями занятости, торговой активности и налоговых поступлений; обеспечения подтверждения гипотезы об избыточности торговли и ее детализации по конкретным регионам и видам торговли.

Пространственный анализ проводился по картографическим данным «Гео-чеков» ФНС и Портала открытых данных путем ручного пересчета показателей с экрана и их преобразования в табличный формат. В отсутствие публичного доступа к выгрузке данных первоисточников специализированное программное обеспечение не использовалось.

Выборочный анализ осуществлялся на примере отдельных районов Москвы, Московской области, Краснодар, Новороссийска и Калуги, отобранных по результатам статистического анализа занятости и торговли. Первые три из указанных территорий отличает наиболее избыточная торговля, а последние две (Новороссийск и Калугу) – лучший и один из лучших производящих секторов и умеренная торговля.

Расчетная модель. Потенциал перераспределения занятости в региональном разрезе описывался следующими формулами:

$$+\Delta EmpProd_{Poti} = EmpCons_{2023i} - EmpTotal_{2023i}, \quad (1)$$

где $+\Delta EmpProd_{Poti}$ – потенциал прироста занятости на производстве в i -м регионе, тыс. чел.; $EmpCons_{2023i}$ – фактическая занятость в потреблении в 2023 г. в i -м регионе, тыс. чел.; $EmpTotal_{2023i}$ – фактическая совокупная занятость в 2023 г. в i -м регионе, тыс. чел.;

$$-\% EmpSales_{Poti} = EmpManuf_{2023i} / EmpSales_{2023i} \times 100 - 1, \quad (2)$$

где $-\% EmpSales_{Poti}$ – потенциал сокращения занятости в торговле в i -м регионе, %; $EmpManuf_{2023i}$ – фактическая занятость в обработке в 2023 г. в i -м регионе, %; $EmpSales_{2023i}$ – фактическая занятость в торговле в 2023 г. в i -м регионе, %.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Торговля в региональном разрезе. Результаты анализа данных Росстата по занятости с распределением по регионам и видам деятельности представлены

в таблице 1. В первой половине таблицы указаны регионы с наибольшей численностью населения, в семи из которых отмечено серьезное превышение занятости в торговле относительно обрабатывающего производства; во второй – напротив, регионы с большей занятостью в обрабатывающем производстве.

Таблица 1. Регионы с наибольшими численностью населения и занятостью в обрабатывающем производстве относительно торговли, тыс. чел.

Table 1. Regions with the largest population and employment in manufacturing relative to trade, thousand people

Регион / Region	Численность населения / Population size	Общая занятость / Total employment	Занятость по отраслям и секторам / Employment by industry and sector				Доля в общей занятости, % / Share of total employment, %		Перераспределение занятости / Labor switch
			обработка / manufacturing	торговля / trade	производство / production	потребление / consumption	обработка / manufacturing	торговля / trade	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Москва / Moscow	13 150	8 617	791	1 771	2 011	2 837	9	21	670
2. Московская область / Moscow Region	8 651	3 992	642	859	1 218	1 400	16	22	396
3. Краснодарский край / Krasnodar Territory	5 833	2 908	295	627	895	1 021	10	22	290
4. Санкт-Петербург / Saint Petersburg	5 597	3 394	492	610	929	1 082	14	18	228
5. Свердловская область / Sverdlovsk Region	4 223	2 095	426	416	706	624	20	20	97
6. Ростовская область / Rostov Region	4 153	2 092	295	490	745	696	14	23	170
7. Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	4 064	1 730	259	324	617	509	15	19	73
8. Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	4 003	2 037	333	340	773	571	16	17	59
9. Тюменская область / Tyumen Region	3 891	2 259	161	292	915	580	7	13	12
10. Челябинская область / Chelyabinsk Region	3 396	1 786	399	311	703	493	22	17	44

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
18. Пермский край / Perm Territory	2 495	1 146	235	180	438	308	21	16	19
31. Тульская область / Tula Region	1 471	736	166	123	286	204	23	17	19
32. Удмуртская Республика / Republic of Udmurtia	1 435	682	144	103	270	168	21	15	–4
33. Владимирская область / Vladimir Region	1 310	639	153	108	243	178	24	17	17
37. Ярославская область / Yaroslavl Region	1 188	599	130	97	224	157	22	16	6
38. Ульяновская область / Ulyanovsk Region	1 173	558	116	88	211	141	21	16	1
45. Калужская область / Kaluga Region	1 068	537	127	81	217	141	24	15	5
50. Архангельская область / Arkhangelsk Region	998	461	80	62	150	119	17	13	3
64. Республика Марий Эл / Republic of Mari El	670	281	61	43	114	68	22	15	–3
68. Костромская область / Kostroma Region	566	257	54	42	88	67	21	16	2

Источник: Регионы России, социально-экономические показатели. 2024: стат. сб. [Электронный ресурс]. Росстат. М.; 2024. С. 47, 124. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 08.07.2026).

Source: Regions of Russia, socio-economic indicators. 2024: stat. collection [Online]. Rosstat. Moscow; 2024. Pp. 47, 124. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed 07.08.2026).

Как показывает анализ данных о структуре занятости по всем регионам, в обрабатывающем производстве занятость выше, чем в торговле у 25 регионов (том числе существенно у 10, см. табл. 1), где проживают 41 млн чел., или 29 % населения России. Напротив, наблюдаются серьезная концентрация торговли и ее превышение над обрабатывающей отраслью в небольшом числе регионов, особенно в 5 из 10 крупнейших с населением в 38 млн чел.

Существенно важны для экономики (условно производства) сельское хозяйство (специализация ряда регионов Юга России), добывающая деятельность

(преимущественно сосредоточена в регионах Сибири), а также строительная отрасль. Помимо торговли, к потреблению относятся гостинично-ресторанный бизнес, сегмент операций с недвижимым имуществом.

Расчеты показывают, что в 5 из 10 регионов с сочетанием крупнейшего населения и избыточной торговли (потребления)¹² целесообразно перераспределить в обрабатывающее производство 1,75 млн чел., т. е. больше половины от необходимого для устранения дефицита кадров по стране в целом. В Москве можно перераспределить 670 тыс. чел. (при всей занятости в торговле 1,8 млн чел. это примерно каждый третий; Московской области – 396, Краснодарском крае – 290 (каждого второго); в Санкт-Петербурге и Ростовской области – 228 и 170 тыс. чел. соответственно (каждого третьего и четвертого). В ряде крупных промышленно развитых регионов (Свердловской и Челябинской областях, Республике Татарстан) структура занятости близка к целевой; они могут служить ориентирами для топ-5 регионов.

Особенности масштаба торговых организаций и занятости. Данные Росстата по организациям (крупным и малым)¹³ в разрезе видов экономической деятельности, торговли (оптовой, розничной, автомобилями) и масштабов обобщены в таблице 2.

Т а б л и ц а 2. Распределение предприятий торговли по видам и масштабу

Table 2. Distribution of retail enterprises by type and size

Показатель / Indicator	Торговля автомо- билями / Automobile trade		Оптовая торговля / Wholesale trade		Розничная торговля / Retail trade		ИП / IE
	1	2	1	2	1	2	
Число организаций тор- говли, тыс. ед. / Number of businesses, thousand units	84	–	551	–	193	–	1 182
Работники, тыс. чел. / Per- sonnel, thousand people	178	274	844	1 452	1 816	813	2 947
Оборот, млрд руб. / Gross sales, billion rubles	5 734	2 697	58 351	22 243	19 677	4 427	14 242
Наценка, % / Markup, %	22	22	17	17	27	27	27
Наценка, млрд руб. / Markup, billion rubles	1 261	593	9 920	3 781	5 313	1 195	3 845
Наценка (на 1 раб.), тыс. руб. / Markup (per 1 emp.), thousand rubles	591	180	979	217	244	123	50

Примечания: 1) 1 – крупные объекты, 2 – малые; 2) ИП – индивидуальные предприниматели; 3) показатель «Наценка (на одного работника)» получен делением величины наценки (млрд руб.) на численность работников (тыс. чел.) и на 12 месяцев.

Notes: 1) 1 – large objects, 2 – small; 2) IE – individual entrepreneurs; 3) the “Markup (per 1 employee)” indicator is calculated by dividing the markup amount (billion rubles) by staff (thousand people) and by 12 months.

Источник: Российский статистический ежегодник. 2024... С. 323, 351, 354; Торговля в России. 2023... С. 99, 116, 121.

Source: Russian Statistical Yearbook. 2024... Pp. 323, 351, 354; Trade in Russia. 2023... Pp. 99, 116, 121.

¹² Из анализа «производство–потребление» исключены базовые отрасли (энергетика, жилищно-коммунальное хозяйство, связь, соцсфера) и отдельные виды деятельности.

¹³ Российский статистический ежегодник. 2024... С. 323, 351, 354; Торговля в России. 2023... С. 99, 116, 121.

Как видно из таблицы 2, в целом по торговле распределение работающих между крупными и малыми предприятиями примерно одинаковое, но добавленная стоимость на работника (торговая наценка в рублях) на первых в 2,8 раза больше. В розничной торговле на крупных предприятиях заняты больше человек (в 2,2 раза), и добавленная стоимость на сотрудника выше (244 тыс. руб. в месяц против 123 тыс. руб. на малых предприятиях).

На распределение работников торговли по масштабу работодателей сильно влияет численность ИП и их наемных работников. По данным Росстата, торговых ИП порядка 1,2 млн (всего ИП 3,1 млн.), их выручка составляет 14,2 трлн руб. (выручка всех ИП – 28,6 трлн руб.)¹⁴, наемных работников – 2 947 тыс. (всего у ИП 8,8 млн работников)¹⁵.

Структура и эффективность форматов торговли. В таблице 3 представлены результаты анализа видов магазинов, а также расчетов по ним показателей обеспеченности (на 10 тыс. жителей) и эффективности (количество продаж на одного сотрудника). Доля лекарств и медицинских изделий в ассортименте непродовольственных товаров составила 5 % розничного товарооборота, автомобилей и бензина – 6,8 и 8,1 % товарооборота, осуществляемого через специализированные точки продаж. Частично специализированными являются торговля строительными материалами, крупной мебелью и бытовой техникой – еще 4,2 % оборота в части непродовольственных товаров. Остальные виды товаров выступают аренной конкуренции различных видов торговли.

При оценке численности персонала торговых объектов необходимо учитывать особенности режима их функционирования: большинство торговых точек работает по графику 12×7 в две смены¹⁶. В частности, типовой минимаркет («Пятерочка», «Магнит») предполагает привлечение в одну смену по 2–3 кассира и раскладчика-подсобника, а также старшего товароведа либо старшего кассира, т. е. порядка 12 человек.

Для супермаркетов (и особенно гипермаркетов) характерна иная структура трудовых ресурсов. Примерно половина полочного пространства здесь отводится под непродовольственные товары с длительным циклом оборота. Кроме того, значительная доля персонала задействована в выполнении вспомогательных и подготовительных операций, включая фасовку товаров, частичную кулинарную обработку продуктов питания в подсобных и складских помещениях, ночную раскладку товара.

Первый значимый критерий структурирования торговли – принадлежность к торговой сети (сетевой/несетевой формат). Через продовольственные сети по России в целом реализуются 46,2 % продуктов питания; доля последних в розничном товарообороте – 47,8 %, непродовольственных товаров 5–10 %. Сетевых структур в общем товарообороте – 23 %, но они задействуют лишь 8,6 % работников отрасли (1,1 млн из 13,4). При этом производительность труда в сетях составляет 7,9–8,3 млн руб. на сотрудника в год.

¹⁴ Российский статистический ежегодник. 2024... С. 354.

¹⁵ Труд и занятость в России. 2025 : стат. сб. [Электронный ресурс]. Росстат. М.; 2025. С. 47. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2025.pdf (дата обращения: 08.07.2026).

¹⁶ Типичный штат небольшого специализированного магазина обычно включает минимум двух человек на кассе и/или в торговом зале и одного подсобного работника на две смены, руководителя точки (всего семь).

Т а б л и ц а 3. Распределение торговли по видам магазинов, оборот на сотрудника и обеспеченность на 10 тыс. жителей
Table 3. Distribution of trade by store type, turnover per employee, and provision per 10,000 residents

Вид торговли / Type of trade	Всего / Total	Товарооборот вида торговли / Trade turnover		Количество сотрудников / Number of employees		Товарооборот на сотруд- ника, млн руб. / Turn- over per em- ployee, million rubles	Количество точек на 10 тыс. чел. / Number of out- lets per 10 thousand people	
		всего, млрд руб. / total, billion rubles	% от всего / % of the total	тыс. чел. / total, thousand people	точка, чел. / retail outlet, people		городских / city	сельских / rural
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Всего / Total	1 063 170	48 155	–	13 424	–	3,6	18,4	11,6
Оптовая / Wholesale	–	–	–	844	–	–	–	–
Автомобили, бен- зин / Cars, gasoline	33 630	7 175	14,9	452	13	15,9	–	–
Аптеки и аптечные пункты / Pharmacies and drugstores	74 009	2 360	4,9	370	5	6,4	5,5	3,8
Без учета лекарств и авто / Excluding medications and cars	–	38 620	80,2	–	–	–	–	–
Павильоны / Pavilions	69 926	2 889	6,0	414	4	5,3	4,6	5,4
Киоски / Kiosks	53 838	–	–	108	2	–	4,4	1,7
Палатки / Tents	12 364	–	–	25	2	–	0,9	0,8
Магазины / Shops	853 033	–	–	–	–	–	58,6	57,8
В том числе по типу магазинов / including by type of shops								
продуктовые сете- вые / food networks	126 450	9 507	23,2	1 148	12	8,3	–	–
гипермаркеты / hypermarkets	1 682	6 680	16,3	841	500	7,9	0,2	0,02

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
супермаркеты / supermarkets	36 871	4 672	11,4	3 687	100	1,3	2,9	1,3
минимаркеты / minimarkets	248 130	11 991	31,7	2 978	12	4,4	12,2	31,5
специальные не- продовольственные non-food stores	187 808	2 254	5,5	1 315	7	1,7	15,6	4,8
специальные про- дольственные / specialized food stores	96 398	5 778	14,1	675	7	7,4	7,5	4,0
универмаги / department stores	2 164	0	–	108	50	–	0,2	0,1
прочие / other	205 971	1 803	4,4	1 030	5	1,8	14,7	12,3
Пункты выдачи заказов / Order pickup points	120 000	3 901	8,1	360	3	5,4	9,3	4,9
Маркетплейсы / Marketplaces	–	7 232	15,0	250	–	10,1	–	–

Примечание: по данным ЕМИСС, павильонов всего 103 000, из них в автомобили и бензин перенесены 3 000 автоцентров и 30 000 автозаправочных станций; специализированных непродовольственных магазинов 262 000, из которых в аптеки перенесены 74 000. Цифры в столбце «Количество точек на 10 тыс. чел.», строках «Павильоны», «Автомобили, бензин», «Аптеки» и «Специальные непродовольственные магазины» приведены с учетом этих перераспределений.

Note: according to EMISS data, there are 103,000 pavilions in total, of which 3,000 auto centers and 30,000 petroleum stations have been transferred to automobiles and gasoline; there are 262,000 specialized non-food stores, of which 74,000 have been transferred to pharmacies. The figures in the column “Number of outlets per 10 thousand people”, and in the lines “Pavilions”, “Automobiles, gasoline”, “Pharmacies and drugstores”, and “Specialized non-food stores” are given taking these redistributions into account.

Источник: Торговля в России. 2023... С. 3–44; Годовой отчет 2024 [Электронный ресурс]. X5 : сайт. URL: <https://www.x5.ru/ru/investors/reports/> (дата обращения: 08.07.2026).

Source: Trade in Russia. 2023... Pp. 3–44; Annual Report 2024 [Online]. X5 : website. Available at: <https://www.x5.ru/ru/investors/reports/> (accessed 07.08.2026).

Второй критерий – деление товаров на продовольственные и непродовольственные. Форматами торговли на стыке данных товаров являются мини- и супермаркеты, в которых визуально порядка 30–50 % торговых площадей и издержек отведены под непродовольственные товары.

Третий, новейший, критерий связан с маркетплейсами. В 2025 году оборот Wildberries (6,1 трлн руб.) и Ozon (4,2 трлн руб.) продемонстрировал рост порядка 50 % в годовом выражении, составив в совокупности 17 % от общего оборота розничной торговли (61 трлн руб.). Показатели маркетплейсов превысили выручку крупнейших традиционных сетей («Пятерочка» – 4,6 трлн руб., «Магнит» – 3,0).

Последний важный аспект эффективности торговли касается специфики городской и сельской территорий. Обеспеченность минимаркетами первой – 12,2 магазина на 10 тыс. жителей (из-за большей концентрации населения и близости продаж товаров ежедневного потребления к потребителям), второй – 31,5. При этом обеспеченность непродовольственными товарами городских пространств составляет 15,6 магазинов, сельских – 4,8.

Специализированные продовольственные магазины характеризуются высокой производительностью труда – 7,4 млн руб. выручки на сотрудника. При этом их доля в общем числе торговых точек невелика; сотрудников на объектах меньше, чем в сетевых минимаркетах; ассортимент исключает непродовольственные товары. В качестве типичных укажем магазины кондитерских изделий («Добрынинский», «Аленка»), мясных («Мясницкий ряд», «Рублевский»), алкомаркеты. Многие из них работают в режиме ИП по франшизе от крупных производителей или сетей.

Специализированные непродовольственные магазины (обуви, одежды, бытовой химии, товаров для детей, бытовой техники и электроники, салоны связи) количественно доминируют (около 18–19 % от общего числа точек). При этом они обеспечивают только 4–5 % от розничного товарооборота, выручку на сотрудника 1,7–1,8 млн руб. в год.

Моделирование эффектов управленческих решений. Распределение выручки неравномерно в течение дня и недели, особенно по непродовольственным товарам, что иллюстрирует ресурс «Геочеки»¹⁷. Обобщенные данные на примере трех регионов с наиболее избыточной занятостью в торговле по разным форматам представлены в Приложении¹⁸. В основном пики торговли (в обеденные и часы после работы) связаны с традиционной, 8-часовой, рабочей неделей покупателей. По утрам и поздним вечером выручки немного.

В рамках моделирования оптимизации штатной численности персонала предполагался дифференцированный режим занятости в зависимости от нагрузки (пиковой/непиковой). В непиковые, подлежащие сокращению, временные интервалы уровень обеспеченности персоналом предусматривался на уровне 50 % от показателей пиковых периодов: в утренние часы задействованы одна-две единицы персонала (кассиры, консультанты, подсобные рабочие), в обеденные и вечерние – три-четыре.

Прогнозировалось сохранение удлинненного режима работы приблизительно для 50 % объектов розничной торговли (минимаркетов, продовольственных магазинов) и аптечных пунктов.

¹⁷ Геочеки...

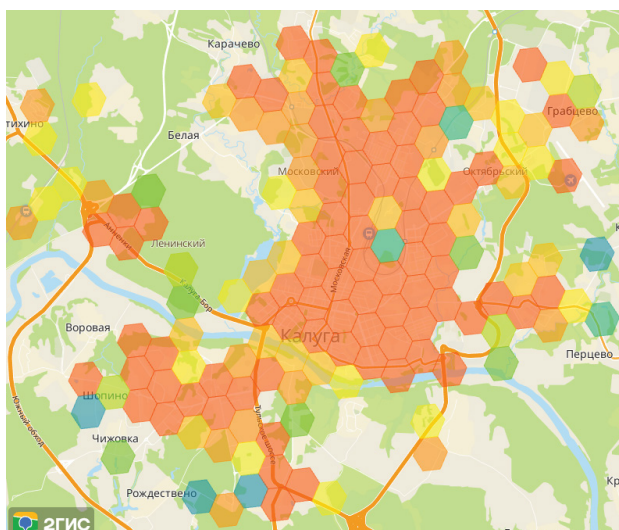
¹⁸ Приложение доступно в электронной версии: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.532>

Прогнозное сокращение численности сотрудников может быть формализовано применением следующих коэффициентов: снижения сменности – 0,43 (обусловлен сокращением продолжительности рабочей недели с 94 до 48 ч); уменьшения занятости в непииковые смены – 0,65 (соответствует соотношению численности персонала в непииковые и пииковые периоды 1:2); учета доли дежурных торговых и аптечных точек – 0,5 (отражает сохранение удлиненного графика работы для половины объектов).

Так можно сократить 2,8 млн занятых: в супер- и гипермаркетах 1,27 млн чел., или 28 % от текущей численности занятых; специализированных непродовольственных и прочих магазинах – 0,66, или 28; минимаркетах и специализированных продовольственных магазинах – 0,45, или 12; в торговле автомобилями, палатках и павильонах – 0,4 млн чел., или 33 % занятых.

Пространственная концентрация торговли: кейс-стади. Проводились визуальный анализ тепловой карты и ручная верификация гексагональных единиц на примере Калуги (рис. 1), которая является центром флагманского региона по занятости в обрабатывающей отрасли.

а

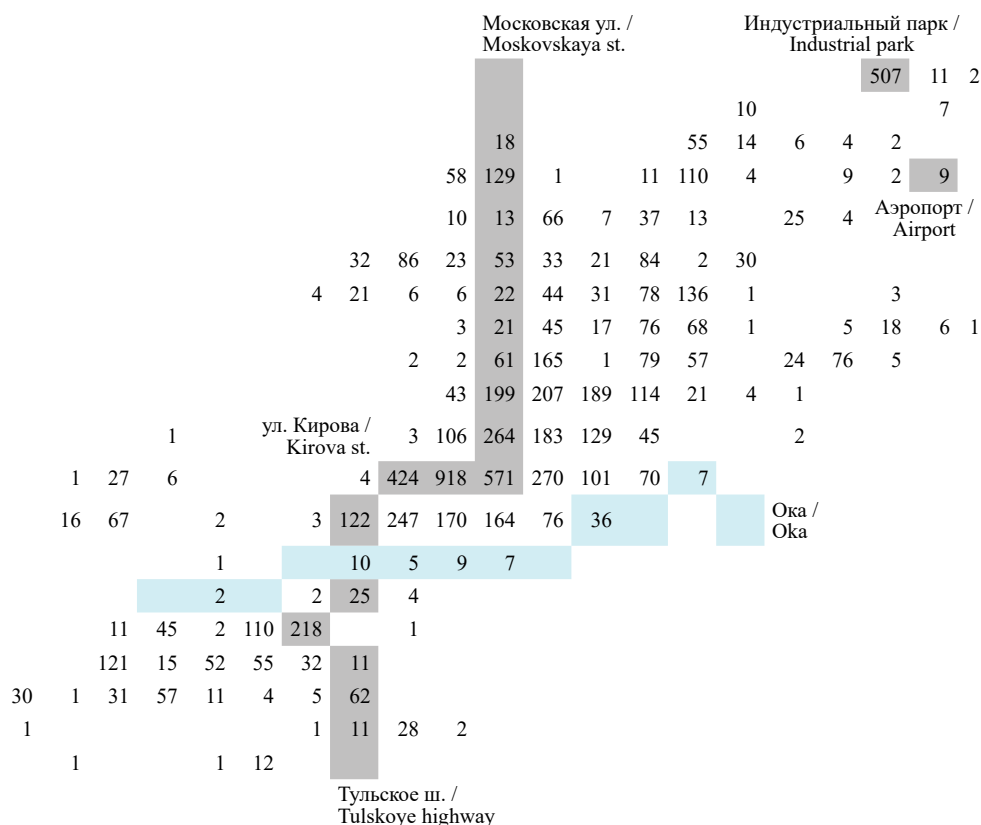
Р и с. 1. Визуализация распределения в Калуге торговли (а)

F i g. 1. Visualization of distribution of trade (a) in Kaluga

Источник: «Геочеки» ФНС.

Source: "Geo-Receipts" of the FTS.

Как видно из рисунка 1, 18 гексов центральной части города, или 13,5 % от его общей площади (141 активный гекс), сконцентрировали 4 543 из 8 413 городских касс. С учетом гекса индустриального парка, включающего 507 касс, совокупная доля последних достигла 60 %. Пространственная локализация указанных гексов коррелирует с главной транспортной магистралью города, выполняющей двойную функциональную нагрузку: обеспечение маятниковой миграции городского населения (в том числе в рамках трудовых перемещений) и обслуживание транзитных транспортных потоков (рис 1б).

Р и с. 1. Визуализация распределения в Калуге касс (б)
F i g. 1. Visualization of distribution of cash registers (b) in Kaluga

Примечание: серым закрашены кварталы вдоль основной транспортной артерии города, где отчетливо наблюдается концентрация торговли, голубым – вдоль реки Оки.

Note: the gray areas represent the neighborhoods along the city's main transport artery, where a concentration of trade is clearly visible; the blue area represents the Oka River.

Индустриальный парк, проектировавшийся как площадка для поддержки промышленного сектора, в настоящее время частично используется в качестве логистической базы, задействованной в системе доставки онлайн-заказов.

Анализ расселения жителей и размещения объектов розничной торговли свидетельствует о равномерном характере застройки города и распределении населения по территории. Данные сервиса «Яндекс Карты» подтверждают равномерность пространственного размещения магазинов сетей «Пятерочка» (70) и «Магнит» (64), а также пунктов выдачи заказов двух крупнейших маркетплейсов («Вайлдберриз» и «Озон»), чья стратегия ориентирована на обеспечение доступности для городского населения.

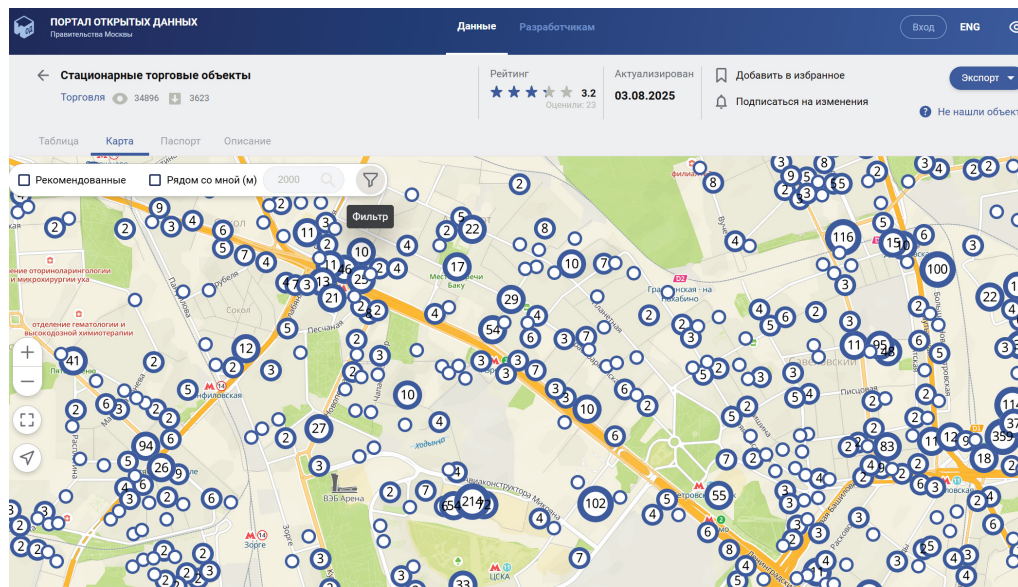
Согласно данным Калугастата, характеризующим состояние торговой инфраструктуры Калужской области в разрезе видов организаций, типов торговых объектов и территориальной принадлежности, в Калуге (численность населения – 325 000 чел.) обеспеченность торговыми объектами составляет три продовольственных, пять

непродовольственных магазинов, а также один павильон или палатка на каждую тысячу жителей¹⁹.

Количество непродовольственных магазинов превышает число продовольственных в 1,6 раза. При этом объем товарооборот первых (при исключении из расчета оборота аптек, продаж автотранспортных средств и топлива, операций маркетплейсов) превышает товарооборот вторых также в 1,6 раза. Совокупный показатель избыточности торговой сети достигает 2,55 раза.

Портал открытых данных Правительства Москвы и анализ концентрации торговли. Иллюстрация материалов Портала открытых данных Правительства Москвы по объектам стационарной торговли представлена на рисунке 2.

Р и с. 2. Размещение стационарных торговых объектов в Москве
F i g. 2. Placement of stationary retail facilities in Moscow

Источник: карта с выборкой по показателю «Стационарные торговые объекты» Портала открытых данных Правительства Москвы.

Source: map with a sample of the Stationary Retail Facilities indicator from the Moscow Government's open data Portal.

По данным инструмента «Геоcheки», всего около 65 000 объектов, включая 35 684 точки стационарной торговли, 2 400 – нестационарной (киосков), по 23 000 точек общепита и бытовых услуг, порядка 100 ярмарок и рынков, 7 000 организаций и ИП с фармацевтической лицензией (аптек)²⁰. В Москве действуют 439 000 касс, в среднем 3,5 на одну организацию (в Калуге – 2,6 касс).

¹⁹ 15. Торговля и услуги [Электронный ресурс]. Статистический ежегодник. Калужская область 2020–2024. Калугастат : сайт. URL: <https://40.rosstat.gov.ru/folder/30902> (дата обращения: 08.07.2026) ; В Калугастате подсчитали торговые точки региона [Электронный ресурс]. Весть-News, Главные новости Калужской области : сайт. URL: <https://www.vest-news.ru/news/1000502004> (дата обращения: 08.07.2026).

²⁰ Портал открытых данных Правительства Москвы... URL: <https://clck.ru/3VKhcV> (выборка по категории «Торговля»).

Доля организаций, осуществляющих розничную торговлю, достигла 54 % от общего числа учтенных хозяйствующих субъектов. При допущении сохранения аналогичной пропорции применительно к количеству кассовых аппаратов расчетное число касс, задействованных в розничной торговле, составит порядка 236 000 единиц.

Размещение торговых точек и касс по Москве неравномерно (табл. 4). Для того чтобы выяснить это, были выбраны пять районов усредненной локации, суммарно по численности населения подобные Новороссийску и Калуге.

Т а б л и ц а 4. Розничная торговля по основным видам и пяти районам Москвы, тыс. ед.

Table 4. Retail trade by main types and five municipalities of Moscow, thousand units

Численность / Number of	Москва / Moscow	По райо- нам / By district						В 4 районах, на тыс. жите- лей / In 4 districts, per thou- sand residents	Сokol, на тыс. жите- лей / Sokol, per thousand residents
		всего / total	Аэропорт / Airport	Сokol / Sokol	Хорошевский / Khoroshevsky	Беговой / Begovoy	Войковский / Voykovsky		
Населения, тыс. чел. / Population, thousand people	13 150	330	81,8	57,7	75,5	43,2	72,2	–	–
Стационарных мага- зинов, ед. / Stationary stores, units	64 961	3 062	440	202	945	737	738	10,5	3,5
в том числе / including									
продовольственных / food	21 011	708	137	92	209	135	135	2,3	1,6
непродовольственных / non-food	43 950	2 354	303	110	736	602	603	8,2	1,9
в том числе / including									
продовольственных се- тевых / food chains	10 337	362	72	45	101	72	72	1,2	0,8
продовольственных несетевых / food non-chains	10 674	346	65	47	108	63	63	1,1	0,8
непродовольственных сетевых / non-food chains	11 110	807	110	22	269	203	203	2,9	0,4
непродовольственных несетевых / non-food non-chains	32 840	1 546	193	88	467	399	399	5,3	1,5
Магазинов на тыс. жи- телей, ед. / Stores per thousand residents, units	4,9	9,3	5,4	3,5	12,5	17,1	10,2	–	–

Источник: составлено автором на основе данных Портала открытых данных Москвы с выборкой показателей по видам объектов и районам.

Source: compiled by the author based on data from the Moscow open data Portal with a selection of indicators by type of object and district.

Как видно из таблицы 4, на фоне остальных район «Сокол» выделяется минимализмом торговли. Количество точек продовольственной торговли в нем меньше, чем в других четырех районах, в 1,5 раза, чем в Калуге – в 2; непродовольственной торговли – меньше соответственно в 4,3 и 2,5 раза. При этом по застройке и благосостоянию, транспортным объектам и работодателям район существенно не отличается от остальных.

В среднем по четырем проанализированным московским районам превышение числа торговых точек на тысячу жителей относительно Калуги (в 1,75 раза) складывается за счет непродовольственной торговли (8,2 и 4,8 точек на тысячу жителей); по продовольственной торговле показатель этих районов ниже, чем в Калуге (2,3 и 2,9 точек на тысячу жителей).

Избыточность инфраструктуры непродовольственной торговли в первую очередь связана с шестью торговыми центрами, в которых соответственно 1 065, 661, 281, 258, 148 и 119 касс, или 32 % от их общей численности. Ассортимент товаров, состав брендов и бутиков во многом похожи. Максимальное расстояние между центрами не превышает 5 км. Режим функционирования (12 ч в сутки, 7 дней в неделю) обуславливает высокую нагрузку на трудовые ресурсы; переход на сокращенный график работы (8 ч в сутки, 5 дней в неделю) потенциально позволит высвободить 10,4 % совокупной численности работников, занятых в секторе розничной торговли.

Также объекты непродовольственной торговли сконцентрированы в устаревших торговых форматах: в одном из 20 сохранившихся в Москве рынков (оснащен 184 кассами), нескольких офисно-промышленных зданиях, возведенных в 1990–2000-х гг. Совокупно указанные объекты охватывают 5 гексов и включают 700 касс, что составляет 9 % от их общего количества. С высокой долей вероятности данные объекты подлежат закрытию – в русле реализуемой в середине 2010-х гг. политики по сокращению избыточных торговых мощностей.

Высокой плотностью объектов характеризуется торговля цветочной и никотинсодержащей, включая табачные изделия, продукцией (по 25–34 точки в каждом районе), аптечными товарами (25–60 точки). Максимальная протяженность района – 3,6 км; пространственная концентрация указанных торговых объектов преимущественно приурочена к зонам транспортной доступности – станциям метрополитена. Совокупно это порядка 525 точек продаж, примерно по 2,5 кассы в каждой, 17 % от общего числа касс. Для сравнения: в советский период в каждом районе функционировали, как правило, по одной аптеке и магазину цветов, три-четыре ларька с табачной продукцией. Сокращение 90 % указанных точек (до уровня советского периода) составило бы 15,5 % от занятости в отрасли.

В Москве порядка 7 000 аптек на 13 млн чел., примерно по 54 точки на 100 тыс. жителей; для сравнения: в Краснодаре – 87 аптек, в Воронеже – 73, Ростове-на-Дону – 66, Новосибирске – 63, Омске – 62 аптеки на 100 тыс. жителей. Всего в России в конце 2023 года действовали порядка 80 000 аптек²¹, 187 000²² магазинов

²¹ Есть ли в России еще места для точек продажи лекарств [Электронный ресурс]. Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6806029> (дата обращения: 08.07.2026).

²² В России число легальных магазинов никотинсодержащей продукции увеличилось на 82 тыс. [Электронный ресурс]. ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18624687?ysclid=me4c2wtwni160194492> (дата обращения: 08.07.2026).

никотинсодержащей продукции (с учетом продовольственных сетей), 109 000 магазинов торговли вейпами.

ОБСУЖДЕНИЕ

«План структурных изменений в экономике до 2030 года» начинается с сокращения занятости в торговле в пользу промышленности. Руководители федеральных органов власти указывали на дефицит рабочей силы порядка 2-3 млн чел., и эта величина количественно коррелирует с разницей в уровне занятости между сектором торговли и обрабатывающей промышленностью. Необходима корректировка структуры занятости как один из значимых инструментов сбалансированного развития национальной экономики.

Сокращение избыточных торговых точек может не только высвободить трудовые ресурсы для дефицитных отраслей, но и повысить эффективность отрасли торговли: перераспределение товарооборота на меньшее число объектов и часов работы способно снизить издержки без потери выручки.

Рост онлайн-торговли и развитие маркетплейсов усиливают неэффективность традиционных форматов торговли, особенно в крупнейших агломерациях, где сохраняется избыточная концентрация торговых точек устаревающих поколений и форматов.

В 2022 году в Германии в обрабатывающем производстве были заняты 8 млн чел., в торговле – 6,4; в Японии – соответственно 10,44 и 10,44 млн чел.²³ Именно эти страны до 2020-х гг. имели передовую промышленность, и меньшая занятость в торговле обеспечивала промышленность достаточными кадрами.

В Германии стандартная продолжительность ежедневной работы в торговле – 8 ч, при определенных условиях – 10; работа в воскресенье и праздничные дни, как правило, запрещена, за исключением отдельных видов торговли²⁴. В ряде европейских стран также установлены подобные ограничения²⁵: магазины во Франции и Австрии закрываются в основном в 20 ч, в Венгрии – 21, в Италии – в 22 ч; не работают по воскресеньям в Австрии и Польше.

В России в разные годы дискутировалось ограничение времени работы торговли; вводились ограничения в ночное время²⁶. В 2023–2025 годах многие регионы ввели ограничения часов на торговлю алкоголем²⁷.

Проведенный анализ свидетельствует о значительной избыточности занятости в торговле, которая особенно выражена в крупных регионах с многомиллионным населением с высокими доходами (Москве, Московской области, Санкт-Петербурге,

²³ Persons in Employment and Employees by Sectors of Economic Activity Destatis [Online]. Statistisches Bundesamt : website. Available at: <https://clck.ru/3VKwZP> (accessed 08.07.2026); Statistical Handbook of Japan [Online]. Tokyo; 2024. P. 129. Available at: <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2024all.pdf> (accessed 08.07.2026).

²⁴ Hours of Work Act (ArbZG) [Online]. International Labor Organization : website. Available at: https://natlex.ilo.org/dyn/natlex2/r/natlex/fe/details?p3_isn=37814 (accessed 08.07.2026).

²⁵ Retail Opening Hours in Europe: Regulations and Consumer Interests [Online]. ACROSS. The European Placemaking Magazine : website. Available at: <https://www.across-magazine.com/retail-opening-hours-in-europe-regulations-vs-consumer-interests/> (accessed 08.07.2026).

²⁶ Ночь, улица, фонарь, закрыто. Магазины, рестораны и аптеки переводят на дневной режим [Электронный ресурс]. Коммерсантъ : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2699406> (дата обращения: 08.07.2026).

²⁷ Как в регионах России ограничили время продажи алкоголя [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/wine/news/66b617329a794750ec3cbe1b> (дата обращения: 08.07.2026).

Краснодарском крае, Ростовской области). На долю этих субъектов РФ приходится около половины всей избыточной занятости в отрасли (порядка 1,75 млн чел.). При этом для ряда регионов Центральной России (особенно Калужской области), Поволжья и Урала характерна сбалансированная структура занятости, когда занятость на производствах превышает или сопоставима с занятостью в секторе торговли. Они могут стать наглядным ориентиром.

При средней розничной торговой наценке в 27 % крупные организации обеспечивают занятость 1 816 тыс. чел. и наценку в расчете на одного сотрудника 521 тыс. руб.; малые предприятия – соответственно 2 539 и 183; ИП – занятость 4 129 тыс. чел. и наценку в 50 тыс. руб. Чем меньше масштаб торговой точки, тем больше занятость по совокупности типов торговых точек и меньше наценка на сотрудника, ниже эффективность торговли и производительность труда, особенно в сегменте ИП.

В рамках анализа эффективности различных форматов розничной торговли выявлены существенные различия в показателях валовой наценки на одного сотрудника. Так, минимаркеты демонстрируют средний уровень данного показателя (4,4 млн руб.), что в 1,7–1,9 раза ниже в сравнении с аналогичным параметром продовольственных крупных сетей и специализированных магазинов.

Специализированные непродовольственные и прочие магазины по наценке на сотрудника уступают минимаркетам в 2,5 раза. Это связано с превышением числа точек в 1,6 раза и меньшим товарооборотом (также в 1,6 раза). Избыточная занятость в секторе составляет 1,4 млн чел.

Супермаркеты, характеризующиеся средней численностью персонала порядка 100 сотрудников на одну торговую точку и повышенной долей непродовольственных товаров в ассортименте, демонстрируют отставание от минимаркетов по показателю валовой наценки на сотрудника в 3,4 раза. Избыточная занятость в данном сегменте оценена в 1 млн чел.

В целях оптимизации трудовых ресурсов целесообразно нормализовать график работы торговых объектов до стандартных 40 ч в неделю, в будни функционирования точки начинать в обеденные часы. Эта мера способна обеспечить сокращение численности занятых в отрасли на 2,8 млн чел. Указанная величина частично коррелирует с потенциалом снижения избыточной занятости, дифференцированным в разрезе регионов, размеров и видов торговых точек. Переход к стандартному режиму работы, предусматривающему гибкость, позволяет сбалансировать интересы хозяйствующих субъектов и социально-демографических групп населения, не вовлеченных в систему полной занятости (подростков, студентов, воспитывающих детей женщин, лиц пенсионного возраста).

В Москве, где показатель избыточной торговли наибольший, при пространственном анализе пяти районов выявлен один с оптимальным количеством торговых объектов. Данный район может рассматриваться в качестве эталонного при разработке мер по регулированию торговой деятельности. Перспективными представляются закрытие торговых точек в зданиях бывших научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и производственных предприятий, ликвидация ряда объектов реализации цветочной, никотинсодержащей (в том числе вейпов), алкогольной продукции, аптек с ассортиментом вне первой необходимости.

В Новороссийске (Краснодарский край) пространственный анализ выявил точечную концентрацию избыточных торговых мощностей. Их территориальная локализация позволяет сформировать адресный инструментарий регулирования, ориентированный в первую очередь на поэтапное сокращение и трансформацию устаревших торговых форматов.

Следует отметить существенные ограничения данного исследования. В отсутствие доступа к первичным данным органов власти («Геочеки», Порталу открытых данных) пространственный анализ проводился на ограниченном числе городов и районов с существенным объемом ручной обработки и визуальной проверки, а тиражирование и масштабирование исследования потребует такого доступа и программных алгоритмов. Работа определяет локальные резервы оптимизации и повышения производительности труда; имеет междисциплинарный характер, однако не претендует на всестороннее изучение торговой системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные по России расчеты подтверждают гипотезу: потенциальный резерв высвобождения занятых в избыточной торговле оценивается в 2,8 млн человек, что сопоставимо с официальными оценками дефицита кадров в обрабатывающей промышленности (1,9–3,4 млн). Российские органы власти располагают широким набором инструментов регулирования торговли – от технических и санитарных требований до налоговых механизмов (налог на имущество, торговый сбор, льготы для малого бизнеса) и систем маркировки («Честный знак», Единая государственная автоматизированная информационная система, Федеральная государственная информационная система в области ветеринарии). Исторический опыт подтверждает возможность сокращения избыточных торговых форматов: в середине 2010-х годов проводилась масштабная ликвидация палаток, павильонов и рынков, особенно в Москве; в 2020 г. ковидные ограничения стимулировали развитие доставки и маркетплейсов; в 2022 г. уход западных брендов привел к перепрофилированию части торговых площадей.

Разработанный с учетом опыта спровоцированных избыточной торговлей²⁸ беспорядков в Иране закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации”»²⁹ дает региональным властям дополнительные полномочия по регулированию торговли на частных землях. Эту же цель реализуют поправки к закону по мониторингу цен на продовольственные товары на всех этапах от производителя до потребителя³⁰, принятые в связи с ростом инфляции вследствие избыточности и неэффективности торговых сетей³¹.

²⁸ Ануреев С.В. Беспорядки в Иране и структурные изменения в экономике России [Электронный ресурс]. Завтра.ру : сайт. URL: https://zavtra.ru/blogs/besporiyadki_v_irane_i_strukturnie_izmeneniya_v_ekonomike_rossii (дата обращения: 08.07.2026).

²⁹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»: Федеральный Закон от 30.01.2026 № 14-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/52916/print> (дата обращения: 08.07.2026).

³⁰ О внесении изменений в статьи 5 и 20 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»: Федеральный закон от 04.08.2026 № 280-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1252236-8> (дата обращения: 08.07.2026).

³¹ Ануреев С.В. Инфляцию раскручивают крупнейшие продуктовые сети [Электронный ресурс]. Завтра.ру : сайт. URL: https://www.zavtra.ru/blogs/inflyatciyu_raskruchivayut_kрупnejshie_produktovie_seti (дата обращения: 08.07.2026).

Таким образом, оптимизировать избыточную торговлю могут следующие стратегические направления, выработанные в рамках данного исследования:

- дифференцированное регулирование на региональном уровне с акцентом на пяти крупнейших регионах, с дальнейшей детализацией до субрегионального уровня – отдельных районов и даже кварталов, характеризующихся наиболее выраженным дисбалансом в сфере занятости;

- ограничение времени работы розничной непродовольственной торговли стандартными 40 ч в неделю, что предполагает отказ от практики эксплуатации торговых объектов в режиме 84 ч в неделю с графиком 12×7. Для сохранения адаптивности торговой системы следует предусмотреть элементы гибкости в организации рабочего времени: возможность варьировать график работы в будни (с упором на послеобеденные часы) и частичную вариативность в определении выходных;

- внедрение объективных критериев в рамках статуса дежурного объекта с удлинённым графиком работы (продуктовых точек, аптек) для доступности базовых товаров;

- сокращение числа дублирующих точек малой непродовольственной торговли в местах их концентрации на традиционных рынках, торговых улицах и торговых центрах (в том числе с помощью повышения налога на недвижимость и торгового сбора в таких местах, а также ужесточения градостроительных и санитарных норм);

- сокращения количества гипермаркетов, характеризующихся существенной долей непродовольственного ассортимента и испытывающих выраженное конкурентное давление со стороны маркетплейсов. Данная мера может включать как ликвидацию объектов, так и их перепрофилирование с ориентацией на размещение мощностей обрабатывающей промышленности (в обратном направлении по сравнению с 1990-ми гг.);

- использование государственных информационных систем (включая «Геоcheки») для определения мест избыточной концентрации и дублирования торговых точек, часов малой и большой выручки. Дополнительным аспектом рассматриваемого направления является профилактика монополизации локальных рынков.

В ходе исследования осуществлен целенаправленный анализ механизмов реализации п. 1 «Плана структурных преобразований экономики Российской Федерации на период до 2030 года». Предлагаемые подходы и методические решения обладают прикладным потенциалом и могут быть интегрированы в деятельность органов государственной власти федерального и регионального уровней в процессе исполнения обозначенного плана.

Перспективы исследований связываются в большей детализацией критериев избыточной торговли и ее сокращения с учетом особенностей и решений для конкретных регионов; с разрешением вопросов переквалификации и мотивации, изменения локальных покупок, алгоритмизации использования первичных данных.

Сокращение избыточной торговли может повлечь за собой увеличение времени покупателей на локальное перемещение и появление очередей в пиковые периоды. Вместе с тем потенциально это повысит эффективность экономики, производительность труда и заработка населения. Проблема очередей в пиковые часы может быть нивелирована посредством оптимизации графиков работы персонала и его перераспределения: часть сотрудников возможно временно перевести из непиковых

периодов в пиковые. По аналогии с практикой в системе общественного транспорта, где количество транспортных средств на маршрутах дифференцируется в зависимости от пассажиропотока по часам суток.

За пределами внимания осталась проблематика квалификации и мотивации тех людей, кто пока работает в избыточной торговле и должен будет найти себе применение в иных отраслях. Значительная часть данной категории работников обладает опытом работы на производстве в предшествовавшие десятилетия; это обусловлено тем, что формирование избыточности в торговом секторе преимущественно происходило в период с середины 2000-х до первой половины 2010-х годов.

Представители молодого поколения могут столкнуться с трудностями при переквалификации. С другой стороны, данная социально-демографическая группа характеризуется более высоким уровнем обучаемости. Корректировка заработной платы с акцентом на приоритетное стимулирование производственного сектора выступит значимым фактором формирования мотивации у молодежи к освоению новых профессиональных компетенций и переходу в соответствующие отрасли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецова О.В. Сетевая торговля: межрегиональные различия и роль иностранных компаний в их формировании. *Региональные исследования*. 2015;(4):13–23. <https://elibrary.ru/vkadlj>
2. Мусиенко С.А. Проблемы и перспективы развития малого и среднего бизнеса сферы розничной торговли в Краснодарском крае. *Финансовая экономика*. 2022;(6):120–124. <https://elibrary.ru/fcmimz>
3. Аксенов К.Э. Цифровая трансформация и пространственная организация непищевого ритейла в российском городе. *Известия Русского географического общества*. 2022;154(4):22–38. <https://doi.org/10.31857/S0869607122040024>
4. Матвеева О.П., Петин Г.Р. Розничная торговля: тенденции, проблемы и направления устойчивого развития. *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*. 2024;(5):66–78. <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2024-5-66-78>
5. Анисимов А.Л. Экономическая эффективность в сфере розничной торговли: системно-целостный подход. *Наукосфера*. 2025;(3):255–259. <https://www.elibrary.ru/dticlv>
6. Смоленский А.М. Направления повышения эффективности предпринимательской деятельности в сфере розничной торговли в Российской Федерации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2018;26(2):196–201. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-2-196-201>
7. Диканов М.Ю., Гладкова Ю.В. Об особенностях оценки эффективности мероприятий по совершенствованию коммерческой деятельности предприятий сферы розничной торговли. *Перспективы науки*. 2018;(6):34–44. <https://elibrary.ru/hycbud>
8. Исаев А.Г., Ким А.Л., Мерзляков И.О. Оценка вклада агломерационного фактора в производительность труда в российских регионах. *Регионалистика*. 2022;9(1):5–19. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.1.5>
9. Волкова Н.Н., Романюк Э.И., Сурков А.А., Френкель А.А. Измерение региональной производительности труда. *Экономика труда*. 2021;8(4):361–376. <https://doi.org/10.18334/et.8.4.111998>
10. Долженко Р.А., Малышев Д.С. Возможности повышения производительности труда с помощью системы носимых гаджетов. *Организатор производства*. 2021;29(4):144–153. <https://doi.org/10.36622/VSTU.2021.49.10.014>
11. Кулькова И.А., Тюркина В.С. Рабочее время – важнейший ресурс повышения эффективности организации. *Отходы и ресурсы*. 2018;5(2). <https://doi.org/10.15862/02ECOR218>

12. Семин П.О. Применение открытых данных налоговой службы для экономико-географического анализа. *Географический вестник*. 2024;(4):54–66. URL: <https://clck.ru/3VjPx6> (дата обращения: 08.07.2025).
13. Герасименко О.А., Орлов П.В. Цифровые сервисы выбора местоположения локальных компаний как фактор эффективности комплекса маркетинга и конкурентоспособности. *Экономика устойчивого развития*. 2023;(2):176–180. <https://elibrary.ru/yrbfyp>
14. Reed C., Yu. T.E., Hughes D. Evaluating the Factors Influencing the Location Strategies of Specialty Grocers Versus Traditional Supermarkets in the United States. *Applied Geography*. 2023;(158):103034. <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2023.103034>
15. Lima L., Maraschin C., Giacom B., Giusti C. Urban Spatial Configuration and Interactions with Retail Activities: An Approach Based on Contact. *Cities*. 2024;(146):104783. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2023.104783>
16. Garcia-Gabilondo S., Shibuya Y., Sekimoto Y. Enhancing Geospatial Retail Analysis by Integrating Synthetic Human Mobility Simulations. *Computers, Environment and Urban Systems*. 2024;(108):102058. <https://doi.org/10.1016/j.compenvurbsys.2023.102058>
17. Zhou R., Wang C., Bao D., Xu X. Shopping Mall Site Selection Based on Consumer Behavior Changes in the New Retail Era. *Land*. 2024;13(6):855. <https://doi.org/10.3390/land13060855>
18. Feizizadeh B., Omarzadeh D., Blaschke T. Spatiotemporal Mapping of Urban Trade and Shopping Patterns: A Geospatial Big Data Approach. *International Journal of Applied Earth Observation and Geoinformation*. 2024;(128):103764. <https://doi.org/10.1016/j.jag.2024.103764>
19. Öner Ö. Retail Productivity: The Effects of Market Size and Regional Hierarchy. *Papers in Regional Science*. 2018;97(3):711–737. <https://doi.org/10.1111/pirs.12268>
20. Ынми К. Исследование влияния факторов на участников розничной торговли в Республике Корея. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2022;(2):65–74. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-2-65-74>
21. Carmona M. The Existential Crisis of Traditional Shopping Streets: The Sun Model and the Place Attraction Paradigm. *Journal of Urban Design*. 2022;27(1):1–35. <https://doi.org/10.1080/13574809.2021.1951605>
22. Orr A.M., Stewart J.L., Jackson C.C., White J.T. Shifting Prime Retailing Pitches. A GIS Analysis of the Spatial Adaptations in City Centre Retail Markets. *Journal of Property Research*. 2023;40(2):101–133. <https://doi.org/10.1080/09599916.2022.2141133>
23. Talen E., Park J. Understanding Urban Retail Vacancy. *Urban Affairs Review*. 2022;58(5):1411–1437. <https://doi.org/10.1177/10780874211025451>
24. Guimarães P. Retail Change in a Context of an Overtourism City. The Case of Lisbon. *International Journal of Tourism Cities*. 2021;7(2):547–564. <https://doi.org/10.1108/IJTC-11-2020-0258>
25. West J., Saunders C., Willet J. A Bottom up Approach to Slowing Fashion: Tailored Solutions for Consumers. *Journal of Cleaner Production*. 2021;296:126387. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.126387>
26. Ballantyne P., Singleton A., Dolega L., Macdonald J. Integrating the Who, What, and Where of U.S. Retail Center Geographies. *Annals of the American Association of Geographers*. 2022;113(2):488–510. <https://doi.org/10.1080/24694452.2022.2098087>
27. Akalpler E. Evaluating the Role of Manufacturing, Retail, and Agricultural Value Added in Small Medium Enterprise RGDP Growth in the Netherlands. *Future Business Journal*. 2025;11(1):74. <https://doi.org/10.1186/s43093-025-00473-2>
28. Rizzica L., Roma G., Rovigatti G. The Effects of Deregulating Retail Operating Hours: Empirical Evidence from Italy. *Journal of Law and Economics*. 2023;66(1). <https://doi.org/10.1086/722476>
29. Smith D.A., Ocampo S. The Evolution of US Retail Concentration. *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2025;17(1):71–101. <https://doi.org/10.1257/mac.20220249>
30. Cho J., Chun H., Lee Y. Productivity Dynamics in the Retail Trade Sector: The Roles of Large Modern Retailers and Small Entrants. *Small Business Economics*. 2023;60(1):291–313. <https://doi.org/10.1007/s11187-022-00632-7>

REFERENCES

1. Kuznetsova O.V. Network Trade: Interregional Disparities and the Role of Foreign Companies in Their Formation. *Regionalnye issledovaniya*. 2015;(4):13–23. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/vkadlj>
2. Musienko S.A. Problems and Prospects of Development of Small and Medium-Sized Businesses in the Retail Sector in the Krasnodar Territory. *Finansovaya ekonomika*. 2022;(6):120–124. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/fcmimz>
3. Axenov K.E. Digital Transformation and the New Geography of Non-Food Retail in the Russian City. *Bulletin of the Russian Geographical Society*. 2022;154(4):22–38. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S0869607122040024>
4. Matveyeva O.P., Petin G.R. Retail Trade: Trends, Challenges and Directions for Sustainable Development. *Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*. 2024;(5):66–78. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2024-5-66-78>
5. Anisimov A.L. Economic Efficiency in The Retail Sector: A System – Holistic Approach. *Naukosfera*. 2025;(3):255–258. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/dticlv>
6. Smolensky A.M. Directions of Increasing the Efficiency of Entrepreneurial Activity in the Retail Trade in the Russian Federation. *RUDN Journal of Economics*. 2018;26(2):196–201. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-2-196-201>
7. Dikanov M.Yu., Gladkova Yu.V. On the Peculiarities of the Assessment of the Effectiveness of Measures to Improve Commercial Activities of Retail Enterprises. *Perspektivy nauki*. 2018;(6):33–44. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/xycbud>
8. Isaev A.G., Kim A.L., Merzlyakov I.O. Estimate of the Contribution of the Agglomeration Effect in the Labor Productivity in Russian Regions. *Regionalistika*. 2022;9(1):5–19. (In Russ., abstract in Eng.) <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.1.5>
9. Volkova N.N., Romanyuk E.I., Surkov A.A., Frenkel A.A. Measuring Regional Labour Productivity. *Russian Journal of Labour Economics*. 2021;8(4):361–376. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/et.8.4.111998>
10. Dolzhenko R.A., Malyshev D.S. Possibilities of Increasing Labor Productivity with the Help of a System of Wearable Gadgets. *Organizer of Production*. 2021;29(4):144–153. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.36622/VSTU.2021.49.10.014>
11. Kulkova I.A., Tyurkina V.S. Working Time as the Most Important Resource for Increasing the Company's Efficiency. *Otkhody i resursy*. 2018;5(2). (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15862/02ECOR218>
12. Syomin P.O. Application of the Tax Service Open Data for Analysis in Economic Geography. *Geographical Bulletin*. 2024;(4):54–66. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3VjPx6> (accessed 08.07.2025).
13. Gerasimenko O.A., Orlov P.V. Digital Location Services for Local Companies as a Factor in the Effectiveness of the Marketing Mix and Competitiveness. *Ekonomika ustoychivogo razvitiya*. 2023;(2):176–180. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/yrbfyp>
14. Reed C., Yu. T.E., Hughes D. Evaluating the Factors Influencing the Location Strategies of Specialty Grocers Versus Traditional Supermarkets in the United States. *Applied Geography*. 2023;(158):103034. <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2023.103034>
15. Lima L., Maraschin C., Giacom B., Giusti C. Urban Spatial Configuration and Interactions with Retail Activities: An Approach Based on Contact. *Cities*. 2024;(146):104783. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2023.104783>
16. Garcia-Gabilondo S., Shibuya Y., Sekimoto Y. Enhancing Geospatial Retail Analysis by Integrating Synthetic Human Mobility Simulations. *Computers, Environment and Urban Systems*. 2024;(108):102058. <https://doi.org/10.1016/j.compenvurbsys.2023.102058>
17. Zhou R., Wang C., Bao D., Xu X. Shopping Mall Site Selection Based on Consumer Behavior Changes in the New Retail Era. *Land*. 2024;13(6):855. <https://doi.org/10.3390/land13060855>
18. Feizizadeh B., Omarzadeh D., Blaschke T. Spatiotemporal Mapping of Urban Trade and Shopping Patterns: A Geospatial Big Data Approach. *International Journal of Applied Earth Observation and Geoinformation*. 2024;(128):103764. <https://doi.org/10.1016/j.jag.2024.103764>

19. Öner Ö. Retail Productivity: The Effects of Market Size and Regional Hierarchy. *Papers in Regional Science*. 2018;97(3):711–737. <https://doi.org/10.1111/pirs.12268>
20. Eunmi K. The Effects of Factors on Retail Trade Participants in the Republic of Korea. *Russian Foreign Economic Journal*. 2022;(2):65–74. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-2-65-74>
21. Carmona M. The Existential Crisis of Traditional Shopping Streets: The Sun Model and the Place Attraction Paradigm. *Journal of Urban Design*. 2022;27(1):1–35. <https://doi.org/10.1080/13574809.2021.1951605>
22. Orr A.M., Stewart J.L., Jackson C.C., White J.T. Shifting Prime Retailing Pitches. A GIS Analysis of the Spatial Adaptations in City Centre Retail Markets. *Journal of Property Research*. 2023;40(2):101–133. <https://doi.org/10.1080/09599916.2022.2141133>
23. Talen E., Park J. Understanding Urban Retail Vacancy. *Urban Affairs Review*. 2022;58(5):1411–1437. <https://doi.org/10.1177/10780874211025451>
24. Guimarães P. Retail Change in a Context of an Overtourism City. The Case of Lisbon. *International Journal of Tourism Cities*. 2021;7(2):547–564. <https://doi.org/10.1108/IJTC-11-2020-0258>
25. West J., Saunders C., Willet J. A Bottom up Approach to Slowing Fashion: Tailored Solutions for Consumers. *Journal of Cleaner Production*. 2021;296:126387. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.126387>
26. Ballantyne P., Singleton A., Dolega L., Macdonald J. Integrating the Who, What, and Where of U.S. Retail Center Geographies. *Annals of the American Association of Geographers*. 2022;113(2):488–510. <https://doi.org/10.1080/24694452.2022.2098087>
27. Akalpler E. Evaluating the Role of Manufacturing, Retail, and Agricultural Value Added in Small Medium Enterprise RGDP Growth in the Netherlands. *Future Business Journal*. 2025;11(1):74. <https://doi.org/10.1186/s43093-025-00473-2>
28. Rizzica L., Roma G., Rovigatti G. The Effects of Deregulating Retail Operating Hours: Empirical Evidence from Italy. *Journal of Law and Economics*. 2023;66(1). <https://doi.org/10.1086/722476>
29. Smith D.A., Ocampo S. The Evolution of US Retail Concentration. *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2025;17(1):71–101. <https://doi.org/10.1257/mac.20220249>
30. Cho J., Chun H., Lee Y. Productivity Dynamics in the Retail Trade Sector: The Roles of Large Modern Retailers and Small Entrants. *Small Business Economics*. 2023;60(1):291–313. <https://doi.org/10.1007/s11187-022-00632-7>

Об авторе:

Ануреев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор кафедры общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125167, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49/2), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4506-6305>, SPIN-код: 2551-1963, anureev@bk.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 04.09.2025; одобрена после рецензирования 27.01.2026; принята к публикации 09.02.2026.

About the author:

Sergey V. Anureev, Dr.Sci. (Econ.), Professor of the Chair of Public Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradskii Prospekt, Moscow 125167, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4506-6305>, SPIN-code: 2551-1963, anureev@bk.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 04.09.2025; revised 27.01.2026; accepted 09.02.2026.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.546-571>EDN: <https://elibrary.ru/bjzjvh>

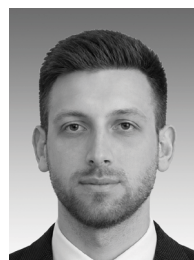
УДК / UDC 004.032.26:631

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Формирование потенциала устойчивого развития
агрохозяйства: анализ воспроизводственных
процессов и оценка региональных перспектив
с применением нейросетевых моделей****А. А. Дубовицкий** ✉ **Э. А. Климентова** **Е. С. Бабкина** **В. А. Шацкий***Мичуринский государственный аграрный университет, <https://ror.org/0475cfj29>
(г. Мичуринск, Российская Федерация)*✉ daal-408@yandex.ru*Аннотация*

Введение. Изучение воспроизводственных процессов и пространственных особенностей формирования потенциала устойчивого развития сельского хозяйства является актуальной задачей в условиях сохраняющегося дисбаланса экономических, социальных и экологических приоритетов. Цель статьи – оценка потенциала устойчивого развития (PSD) агрохозяйства регионов на основе анализа воспроизводства искусственного, человеческого и природного капитала с использованием нейросетевого инструментария.

Материалы и методы. В основу исследования положена авторская концепция устойчивого развития, опирающаяся на воспроизводственный подход. Для пространственного анализа применено нейросетевое моделирование с использованием многослойного перцептрона (MLP) по данным 45 регионов Российской Федерации за 2019–2023 гг. Построена модель с двумя скрытыми слоями (20 и 15 нейронов), позволявшая определить относительную важность факторов, влияющих на PSD. Информационную базу составили открытые данные Росстата, Росреестра и Министерства сельского хозяйства РФ.

Результаты исследования. Модель MLP продемонстрировала высокую прогностическую точность: средняя относительная ошибка составила 5,1 %, сумма квадратов ошибок – 4,6 %. Выявлены значимые факторы формирования PSD: масштабы производства, объем бюджетных и кредитных инвестиций, уровень сельской безработицы, внесение органических удобрений. На основе сравнения фактических и предсказанных значений выделены три группы регионов: с негативной, средней и позитивной оценкой использования возможностей формирования PSD. Определены регионы-лидеры (Московская, Кировская, Калужская области, Республика Дагестан и др.), где фактический потенциал превысил ожидаемый уровень.

© Дубовицкий А. А., Климентова Э. А., Бабкина Е. С., Шацкий В. А., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Снижение совокупного PSD с –151,8 до –223,5 млрд руб. при росте производства и инвестиций свидетельствует о сохраняющемся дисбалансе воспроизводственных процессов – недостаточном обновлении основных фондов и нарастающем экологическом ущербе. Предложенный подход к исследованию пространственных особенностей формирования PSD может быть положен в основу разработки территориально дифференцированных стратегий и программ социально-экономического развития сельского хозяйства на федеральном и региональном уровнях.

Ключевые слова: агропродовольственная система, региональная дифференциация, сельское хозяйство, экономический рост, устойчивое развитие, прогнозирование, нейронные сети

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01313 «Разработка методологии прогнозирования агропродовольственных экономических систем на основе машинного обучения с использованием искусственных нейронных сетей» (<https://rscf.ru/project/25-28-01313/>).

Для цитирования: Дубовицкий А.А., Климентова Э.А., Бабкина Е.С., Шацкий В.А. Формирование потенциала устойчивого развития агрохозяйства: анализ воспроизводственных процессов и оценка региональных перспектив с применением нейросетевых моделей. *Регионология*. 2026;34(3):546–571. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.546-571>

Building the Potential for Sustainable Development of the Agricultural: Analysis of Reproduction Processes and Assessment of Regional Prospects Using Neural Network Models

A. A. Dubovitskii ✉, E. A. Klimentova, E. S. Babkina, V. A. Shatskii

*Michurinsk State Agrarian University, <https://ror.org/0475cfj29>
(Michurinsk, Russian Federation)*

✉ daa1-408@yandex.ru

Abstract

Introduction. Studying the reproductive processes and spatial characteristics of the formation of sustainable agricultural development potential is a pressing issue given the persistent imbalance between economic, social, and environmental priorities. The purpose of this article is to assess the potential for sustainable development (PSD) of regional agricultural production based on an analysis of the reproduction of artificial, human, and natural capital using neural network tools.

Materials and Methods. The study is based on the authors' concept of sustainable development, which is based on a reproductive approach. For spatial analysis, neural network modeling based on a multilayer perceptron (MLP) was used, using data from 45 regions of the Russian Federation for 2019–2023. A model with two hidden layers (20 and 15 neurons) was constructed, allowing the relative importance of factors influencing PSD to be determined. The information base consisted of open data from Rosstat, Rosreestr, and the Russian Ministry of Agriculture.

Results. The MLP model demonstrated high predictive accuracy: the average relative error was 5.1 %, and the sum of squared errors was 4.6 %. Significant factors in PSD formation were identified: production scale, volume of budget and credit investments, rural unemployment level, and application of organic fertilizers. Based on a comparison of actual and predicted values, three groups of regions were identified: those with negative, average, and positive assessments of PSD formation potential. Leading regions were identified (Moscow, Kirov, and Kaluga Oblasts, the Republic of Dagestan, and others), where actual potential exceeded the predicted level.

Conclusion. The decline in the aggregate PSD from –151.8 to –223.5 billion rubles, despite increased production and investment, indicates a persistent imbalance in production processes – insufficient capital renewal and mounting environmental damage. The proposed approach to studying the spatial characteristics of PSD formation can form the basis for developing territorially differentiated strategies and programs for the socioeconomic development of agriculture at the federal and regional levels.

Keywords: agri-food system, regional differentiation, agriculture, economic growth, sustainable development, forecasting, neural networks

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The study was supported by grant No. 25-28-01313 from the Russian Science Foundation “Development of a methodology for forecasting agri-food economic systems based on machine learning using artificial neural networks” (<https://rscf.ru/project/25-28-01313/>).

For citation: Dubovitskii A.A., Klimentova E.A., Babkina E.S., Shatskii V.A. Building the Potential for Sustainable Development of the Agricultural: Analysis of Reproduction Processes and Assessment of Regional Prospects Using Neural Network Models. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(3):546–571. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.546-571>

ВВЕДЕНИЕ

Сельское хозяйство критически важно для достижения целей устойчивого развития (ЦУР) – продовольственной безопасности, благополучия сельских территорий, экологии и др.¹ Отрасль выступает значимым фактором социально-экономического развития, удовлетворения потребностей населения в продуктах питания, формирует условия распределения материальных благ на селе. Одновременно она служит мощным фактором воздействия на окружающую среду, проявление которого во многом определяется характером использования сельскохозяйственных земель.

Современные траектории развития сельского хозяйства характеризуются положительной динамикой экономических результатов – увеличением объемов производства на фоне наращивания инвестиций и активной аграрной политики государства² [1]. Процессы концентрации и агропромышленной интеграции способствовали консолидации земель и оптимизации логистических потоков, обеспечив растущий спрос на сельскохозяйственную продукцию и продовольствие [2]. Технологическое совершенствование производственных процессов позволило повысить урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животных³; производство зерна, подсолнечника, мяса и др. выросло больше чем в 1,5 раза⁴.

Однако кардинального улучшения социальных параметров устойчивости российского сельского хозяйства не произошло. Уровень оплаты труда остается значительно ниже средних значений по экономике, что способствует оттоку трудовых ресурсов [3; 4]. Продолжают обостряться экологические проблемы.

¹ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 10.03.2025 № 141): утв. Указом Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45106> (дата обращения: 04.07.2026) ; О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: Указ Президента Российской Федерации от 01.04.1996 № 440 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9017665> (дата обращения: 04.07.2026).

² Алтухов А.И., Иванова Е.В., Минаков И.А. и др. Актуальные проблемы современной аграрной экономики. Мичуринск: Мичуринский ГАУ; 2025. 199 с. <https://www.elibrary.ru/mlgdhe>

³ Минаков И.А., Дубовицкий А.А., Климентова Э.А. и др. Развитие отраслей АПК в современной России. Мичуринск: Мичуринский ГАУ; 2023. 239 с. <https://www.elibrary.ru/cipwvtv>

⁴ Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2023 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 04.07.2024 № 1755-р. М.: тип. ФГБНУ «Росинформагротех»; 2024. 120 с. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/01f/wvlhu8tr0anl6k2l10vzrqt13qdradnp.pdf?ysclid=ml230dx6t7856240459> (дата обращения: 04.07.2026) ; О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия: Постановление Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 № 717 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70210644/> (дата обращения: 04.07.2026).

По данным Росреестра, около половины всей пашни в стране характеризуется низким содержанием гумуса, треть – подвержена различным проявлениям эрозии⁵, что губительно для производительной способности земель.

В исследованиях подчеркивается, что определяющей причиной сложившейся ситуации является механизм управления эколого-экономическими системами⁶ [5; 6], в рамках которого формируется высокая территориальная дифференциация социально-экономического развития страны [7] и возникают барьеры пространственного развития [8; 9]. В связи с этим актуализируется детальный анализ пространственных особенностей устойчивого развития сельского хозяйства, что может послужить базой при уточнении перспектив, ограничений, а также согласования параметров социально-экономического развития регионов.

В основу анализа положена авторская концепция устойчивого развития сельского хозяйства, построенная на воспроизводственном подходе к формированию потенциала устойчивого развития, представляющем собой стоимостную оценку прироста искусственного, человеческого и природного капитала в сельском хозяйстве [10].

Нейросетевые алгоритмы применяются для моделирования различных экономических параметров, главным образом цен, и рыночной ситуации [11; 12], прогнозирования регионального валового продукта [13], урожайности⁷ [14], изменений в землепользовании [15; 16]. Комплексный методический подход к оценке совокупного потенциала устойчивого развития (PSD) сельского хозяйства региона (включая экономический, социальный и экологический факторы) с привязкой к воспроизводственным процессам разработан недостаточно. Данные значимых параметров оценки устойчивости в абсолютном выражении редко используются для выявления проблемных точек и структурных дисбалансов воспроизводственных процессов в сельском хозяйстве на региональном уровне.

Цель статьи – обоснование методики нейросетевого анализа пространственных особенностей формирования потенциала устойчивого развития сельского хозяйства с ее последующей апробацией.

В качестве рабочей гипотезы выдвигается предположение о том, что совокупная величина PSD сельского хозяйства имеет выраженную пространственную дифференциацию, определяемую структурными дисбалансами воспроизводства капитала (искусственного, человеческого и природного).

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

С конца 1980-х гг. устойчивое развитие – одна из основных целей территориального анализа и прогнозирования; проблемы качества жизни и экологического благополучия на сельских территориях активно исследуются во все мире. В рамках данной концепции обоснован ряд подходов, направленных на обеспечение сбалансированного

⁵ Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2024 году. М.: тип. ФГБНУ «Росинформагротех»; 2025. 352 с. URL: <https://disk.yandex.ru/d/fRXNgyhljY75ig> (дата обращения: 04.07.2026).

⁶ Бурков В.Н., Новиков Д.А., Щепкин А.В. Механизмы управления эколого-экономическими системами. М.: ООО Издательская фирма «Физико-математическая литература»; 2008. 244 с. <https://www.elibrary.ru/pfgyvkh>

⁷ Šťastný J., Konečný V., Trenz O. Agricultural Data Prediction by Means of Neural Network. *Agricultural Economics (Czech Republic)*. 2011;57(7):356–361. <https://doi.org/10.17221/108/2011-AGRICECON>

социально-экономического развития при минимизации сопутствующего ущерба для окружающей среды. Затрагивались вопросы продовольственной безопасности [17], повышения социального благополучия [18; 19] и экологической стабильности [20–22].

В большинстве подходов к оценке параметров устойчивого развития использован индексный метод, предполагающий расчет индивидуальных индексов, связанных с отдельными аспектами формирования устойчивости⁸ [23]; интегральных, полученных при объединении индивидуальных индексов⁹ [24]; единого индекса, отражающего все стороны устойчивого развития [25; 26]. Индексный метод прост и удобен для построения разнообразных рейтингов территорий и бизнес-структур. Однако он не позволяет оценить абсолютные значения, что затрудняет объективное понимание процессов в региональном сельском хозяйстве [21]. Возникает необходимость использовать стоимостные способы измерения абсолютных показателей.

Общепринятая основа развития – расширенное воспроизводство факторов производства¹⁰. В литературе потенциал устойчивого развития сельских территорий обычно анализируют через отдельные аспекты: особенности оценки и становления человеческого потенциала [27]; формирование земельно-ресурсного потенциала производства с оценкой эффективности его использования [28]; объединение человеческого и природного капитала [29]. Необходимо учитывать, что потенциал устойчивости закладывается воспроизводством всех факторов развития, а его увеличение в динамике возможно при обеспечении расширенного типа воспроизводства [30].

В экономических исследованиях последних лет подчеркивается важность учета особенностей как отдельных территорий, так и всего пространства страны в процессе формирования отраслевых стратегий, программ и проектов развития сельского хозяйства [31; 32]. Наиболее эффективной стратегией при современном состоянии российской экономики признается поддержка существующих точек роста с управлением пространственной дифференциацией на их основе [33; 34]. Центральной задачей при этом выступает обеспечение сопоставимого вклада регионов в достижение национальных целей устойчивого развития, связанных с экономическим ростом, качеством жизни и национальной безопасностью страны¹¹.

Современные подходы к анализу развития сельского хозяйства с использованием искусственных нейронных сетей охватывают моделирование отдельных параметров: экономическую (сложившегося уровня и перспектив расширения урожайности и объемов производства) или экологическую составляющую (влияние различных фактов на состояние окружающей среды, в том числе земель).

⁸ The Sustainable Development. Goals Report [Online]. United Nations; 2021. Available at: <https://clck.ru/3VS9vk> (accessed 04.07.2026) ; The Little Green Data Book. Washington, DC: World Bank; 2017. 310 p. Available at: <https://clck.ru/3VjTZn> (accessed 04.07.2026).

⁹ Block S., Emerson J.W., Esty D.C., et al. Environmental Performance Index. New Haven, CT: Yale Center for Environmental Law and Policy; 2024. Available at: <https://bvearmb.do/handle/123456789/6634> (accessed 04.07.2026) ; Human Development Index (HDI) [Online]. Human Development Reports. Available at: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (accessed 04.07.2026).

¹⁰ Бельченко О.А., Кожевникова Т.М. Основные критерии и показатели устойчивости сельскохозяйственного производства. *Социально-экономические явления и процессы*. 2011;(10):26–30. <https://www.elibrary.ru/oxehkb>

¹¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3USqhk> (дата обращения: 04.07.2026).

Так, коллективом авторов предложен алгоритм глубокого обучения для прогнозирования урожайности, сохраняющий исходное распределение данных с точностью 93,7 % [35]. Р. М. Бисчоков построил модели формирования урожая на основе многослойного перцептрона (*Multilayer Perceptron, MLP*), радиальных базисных функций и обобщенно-регрессионных нейронных сетей в целях максимизации производительности и минимизации нерационального использования ресурсов [14]. Б. Бали с соавторами моделировали урожайность с использованием MLP-архитектуры, учитывающей изменчивость дохода при изменении климата с предсказательной точностью в различных сценариях окружающей среды [36].

Д. Кривогуз на основе геопространственного анализа и нейронных сетей прямого распространения доказал тесную связь между деятельностью человека и экологической устойчивостью; акцентировал критическую необходимость интегрированных стратегий управления и охраны природы для смягчения неблагоприятных воздействий и сохранения экологической целостности [37]. Стратегию оценки изменений в землепользовании и деградации почв на основе MLP и цепей Маркова предложили П. Чоудхари с соавторами [38]. Коллектив ученых представил оценку содержания фосфора в почве и растениях с помощью гиперспектральных данных и моделей, использующих нейронные сети прямого распространения [39].

Исследования устойчивого развития, интегрировавшие экономический, социальный и природный факторы с помощью нейросетей, нередко ориентированы на индикаторы ЦУР, установленные Организацией Объединенных Наций (ООН) [40; 41]. Возможность подобных алгоритмов прогнозировать степень достижения ЦУР позволяет понять место региона или государства в системе приоритетов. Ограничения подобных подходов связаны с риском усиления предвзятости и недостатком интерпретируемости результатов моделирования с экономической точки зрения [42].

Анализ литературы показывает, что, несмотря на широкое использование методов нейросетевого моделирования, решения, которое бы объединило экономический, социальный и экологический приоритеты в контексте воспроизводственного подхода к анализу региональных особенностей развития сельского хозяйства на основе изучения абсолютных показателей, не существует. Имеющиеся работы, как правило, сосредоточены на моделировании отдельных факторов устойчивости либо на анализе индикаторов ЦУР ООН.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объект и территориальные рамки исследования. В качестве объекта исследования выступили сельскохозяйственные организации 45 регионов Центрального, Южного, Северо-Кавказского и Приволжского федеральных округов. Последние обладают благоприятными природно-климатическими условиями для ведения сельского хозяйства, отличаются высокой социально-экономической освоенностью и концентрацией производства, совокупно обеспечивают более 75 % отраслевого производства.

Использование данных за 2019–2023 гг. позволило оценить пропорции формирования PSD и обеспечить репрезентативность исследования.

Источники данных и формирование выборки. Информационную базу составили открытые материалы Федеральной службы государственной статистики¹², Росреестра¹³ и Министерства сельского хозяйства РФ¹⁴. Для построения аналитической модели PSD был сформирован массив показателей, потенциально способных влиять на его величину (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Переменные баз данных обучения и прогнозирования потенциала устойчивого развития

Table 1. Variables of the learning and forecasting databases for assess the potential for sustainable development

База данных обучения / Training database		
Название группы показателей / Name of the indicator group	Перечень показателей / List of indicators	Название переменной / Name of the variable
1	2	3
1. Масштабы производства и инвестиционная деятельность, млн руб. / Production scale and investment activity, million rubles	Чистые инвестиции / Net investments	VAR00001
	Валовая продукция / Gross output	VAR00002
	Объем средств государственной поддержки в рамках программ и мероприятий по развитию сельского хозяйства / The amount of state support under agricultural development programs and activities	VAR00003
	Бюджетные источники финансирования инвестиций / Budgetary sources of investment financing	VAR00004
	Кредитные источники финансирования инвестиций / Credit sources of investment financing	VAR00005
	Доля инвестиций в валовой продукции, % / Share of investments in gross output, %	VAR00006
2. Показатели воспроизводства человеческого капитала / Indicators of human capital reproduction	Баланс человеческого капитала, млн руб. / Balance of human capital, million rubles	VAR00007
	Уровень безработицы сельского населения, % / Unemployment rate of rural population, %	VAR00008
	Доля заработной платы работников сельского хозяйства в среднем по региону, % / Share of wages of agricultural workers in the regional average, %	VAR00009
	Размер оплаты труда, руб. / Wage amount, rubles	VAR00010
3. Показатели воспроизводства природного капитала / Indicators of reproduction of natural capital	Производительность труда (годовая выработка), тыс. руб. / Labor productivity (annual output), thousand rubles	VAR00011
	Баланс природного капитала, млн руб. / Natural capital balance, million rubles	VAR00012

¹² Федеральная служба государственной статистики (Росстат) : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 04.07.2026).

¹³ Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://rosreestr.gov.ru/> (дата обращения: 04.07.2026).

¹⁴ Министерство сельского хозяйства Российской Федерации : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://mcx.gov.ru/ministry/> (дата обращения: 04.07.2026).

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3
<i>База данных обучения / Training database</i>		
3. Показатели воспроизводства природного капитала / Indicators of reproduction of natural capital	Доля пропашных культур в структуре посевных площадей, % / Share of row crops in the structure of acreage, %	VAR00013
	Внесение органических удобрений в среднем на 1 га площади посевов, т / Application of organic fertilizers on average per 1 hectare of acreage, t	VAR00014
	Внесение минеральных удобрений на 1 га площади посевов, кг / Application of mineral fertilizers per 1 hectare of sown area, kg	VAR00015
<i>База данных прогнозирования / Forecasting database</i>		
4. Параметры устойчивости развития / Sustainability parameters	Потенциал устойчивого развития (PSD), млн руб. / Potential for sustainable development (PSD), million rubles	VAR00016

Источник: Федеральная служба государственной статистики...; Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии...; Министерство сельского хозяйства Российской Федерации...

Source: Federal State Statistics Service...; Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography...; Ministry of Agriculture of the Russian Federation...

Методология расчета потенциала устойчивого развития. Стоимостная оценка прироста искусственного капитала ΔC определялась как разница между валовыми инвестициями I и величиной потребления основного капитала Dh (млн руб.) [30]:

$$\Delta C = I - Dh. \quad (1)$$

Баланс человеческого капитала измерялся по формуле:

$$\Delta H = U - D_H, \quad (2)$$

где ΔH – стоимостная оценка баланса человеческого капитала, млн руб.; U – затраты на оплату труда работников сельского хозяйства, млн руб.; D_H – годовая величина использования человеческого капитала (исходя из среднего уровня заработной платы в РФ), млн руб. [30].

В основу оценки баланса природного капитала положено количественное определение воздействия сельскохозяйственного производства на величину основных элементов почвенного плодородия:

$$\Delta N = \sum_{i=1}^I (I_i - E_i) C_i, \quad (3)$$

где ΔN – стоимостная оценка баланса природного капитала, млн руб.; i – элементы почвенного плодородия (азот, фосфор, калий, гумус), $i \in [1, I]$; I_i – приход (поступление в почву) элементов почвенного плодородия; E_i – расход (извлечение из почвы) элементов почвенного плодородия; C_i – стоимость компенсации единицы потерь элементов почвенного плодородия (азота, фосфора, калия, гумуса), руб. [30].

В результате потенциал устойчивого развития сельского хозяйства PSD , представляющий собой скорректированный показатель чистых инвестиций, рассчитывался как:

$$PSD = \Delta C \pm \Delta H \pm \Delta N [30]. \quad (4)$$

Нейросетевое моделирование. В качестве основы нейросетевой модели анализа пространственных особенностей формирования потенциала устойчивого развития сельского хозяйства использована MLP-архитектура. Это наиболее распространенный алгоритм сетей с прямой связью, позволяющий аппроксимировать нелинейную зависимость с высокой степенью точности [43; 44]. Он способен самостоятельно изучать сложные взаимосвязи между признаками на основе необработанных входных данных, что сводит к минимуму необходимость в ручном конструировании признаков и обеспечивает гибкость при работе как с непрерывными, так и с категориальными входными данными [45; 46].

Модель объединила экономические, социальные и экологические стороны воспроизводственного процесса, сформировав гибридное пространство для отражения сложных взаимодействий, влияющих на формирование PSD. Входной слой кодировал многомерные входные переменные (валовую продукцию, инвестиции, заработную плату и т. д.). Количество элементов в нем соответствовало числу имеющихся признаков. На скрытых слоях нейроны выполняли взвешенную агрегацию входных данных. Выходной слой выдавал значения через сигмовидную активацию.

Математический алгоритм сети Y строился на основе вычисления алгебраической суммы входящих на нейрон сигналов с учетом их значимости и коэффициента смещения:

$$Y = \sigma \left(\sum_{j=1}^G x_j w_j + b \right), \quad (5)$$

где Y – выходной вектор; σ – сигмоидная функция активации, $\sigma(z) = 1 / (1 + e^{-z})$ (значения в диапазоне $[0, 1]$); j – переменные модели, $j \in [1, G]$; x_j – входные данные; w_j – весовые коэффициенты (значимость входных сигналов); b – коэффициент смещения (*bias*) [34].

Весовые коэффициенты определяли силу связей между нейронами в соседних слоях. Коэффициент смещения позволил сети обучаться и корректировать значения. Сначала коэффициенты веса и смещения MLP задавались случайным образом. В процессе обучения они корректировались для минимизации ошибки обучения – расхождения между прогнозируемыми и фактическими результатами.

Процесс нейросетевого анализа строился поэтапно: выбор данных, предварительная обработка, построение сети, обучение и прогнозирование, анализ полученных результатов.

Первоначально в систему загружался набор данных о развитии сельского хозяйства и воспроизводстве капитала. Затем с помощью методов предварительной обработки с использованием IBM SPSS Statistics 26.0 данные подготавливались. Устранялись выбросы и дорабатывались пропущенные значения. Пропуски данных локализовывались визуальной проверкой в Data View. Для повышения устойчивости системы и снижения неопределенности в прогнозах проводилась множественная импутация данных реализацией процедуры Impute Missing Data Values в SPSS.

Для устранения возможных смещений результатов данные с различными масштабами признаков, в неравной степени влиявшие на подбор модели, были нормализованы методом стандартного масштабирования: все признаки приведены к диапазону от 0 до 1. Это гарантировало, что ни одна особенность, включая

агрономическую, не влияла непропорционально на процесс обучения, и позволяло оценивать каждый предиктор на справедливой статистической основе.

Затем набор данных был разделен на два подмножества в соответствии с принципами тестирования и обучения. Около 80 % данных предназначались для обучения, 20 % – для проверки работоспособности модели. Кросс-валидация реализовывалась методом Hold-out. Такой способ разделения данных обеспечивал обучение модели на значительной части набора данных для эффективного выявления закономерностей и взаимосвязей.

Функция активации скрытых и выходного слоев – сигмоидальная. Алгоритм оптимизации – метод градиентного спуска с нижней границей скорости обучения 0,001. Для защиты от переобучения реализована регуляризация с помощью дропаута с коэффициентом +0,5.

Для **оценки качества обучения моделей** использовались стандартные метрики точности на основе суммы квадратов ошибки и средней относительной ошибки, а также коэффициент детерминации (R^2). Падение ошибки ниже порога выступало критерием остановки обучения. Критическое значение функции потерь – меньше 0,001.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Динамика главных параметров воспроизводственных процессов в сельском хозяйстве РФ (2019–2023 гг.). Результаты оценки воспроизводственных процессов представлены в таблице 2.

Т а б л и ц а 2. Основные параметры формирования потенциала устойчивого развития сельского хозяйства в 2019–2023 гг., млн руб.

Table 2. The main parameters of building the potential for sustainable agricultural development in 2019–2023, million rubles

Показатель / Indicator	2019	2020	2021	2022	2023
1	2	3	4	5	6
Продукция сельского хозяйства / Agricultural products	3 348 424,0	3 786 996,0	4 566 806,0	5 145 119,0	5 085 595,0
Инвестиции в основной капитал / Investments in fixed assets	458 095,1	467 117,4	516 692,4	557 792,3	574 731,7
Амортизация основных фондов / Depreciation of fixed assets	242 336,2	268 077,8	329 834,1	329 834,1	386 081,9
Чистые инвестиции / Net investment	215 758,8	199 039,6	186 858,3	227 958,2	188 649,8
Затраты на воспроизводство человеческого капитала / Costs of human capital reproduction	412 349,0	427 646,0	462 872,0	529 868,0	606 652,0
Стоимостная оценка использования человеческого капитала / Cost estimate of the use of human capital	579 712,0	583 348,0	599 616,0	639 748,0	710 612,0
Баланс человеческого капитала / Human capital balance	–167 363,0	–155 703,0	–136 744,0	–109 880,0	–103 960,0
Экономическая оценка экологического ущерба от потерь элементов питания / Economic assessment of environmental damage caused by the loss of nutrients in the soil	72 741,0	64 644,0	69 140,0	145 665,0	130 972,0

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6
Экономическая оценка экологического ущерба от потерь гумуса / Economic assessment of environmental damage caused by loss of humus	54 556,2	61 566,0	57 115,9	75 867,2	70 055,2
Баланс природного капитала / The balance of natural capital	–200 212,0	–175 722,0	–201 707,0	–320 936,0	–308 208,0
Совокупный потенциал устойчивого развития / The total potential of sustainable development	–151 816,2	–132 385,4	–151 592,7	–202 857,8	–223 518,2

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Source: calculated based on Rosstat data.

Как видно из таблицы 2, на фоне расширения инвестиций в сельском хозяйстве РФ объемы производства увеличивались с совокупным темпом роста 151,9 %. Несмотря на эту тенденцию, годовая величина чистых инвестиций в динамике снизилась на 12,6 %, или 27,1 млрд руб. из-за опережающего роста износа основных средств. Темпы роста инвестиций в человеческий капитал (47,1 %) превысили темпы роста стоимостной оценки его использования (22,3 %). В результате отрицательная величина баланса уменьшилась на 37,9 %. Сопоставление стоимостной оценки извлечения элементов почвенного плодородия с затратами на их компенсацию указывает на растущий в динамике отрицательный баланс природного капитала. В 2019–2023 гг. он вырос на 53,9 %, составив –308,2 млрд руб., а потенциал устойчивого развития снизился с –151,8 до –223,5 млрд руб. Совокупный прирост дефицитной части баланса составил 71,7 млрд руб., или 47,2 %.

Методология и результаты нейросетевого моделирования. При обучении и тестировании моделей на основе MLP с алгоритмом градиентного спуска построены рабочие модели, отличающиеся количеством слоев и функцией активации. Лучшие характеристики показала модель на основе четырехслойного перцептрона (табл. 3).

Таблица 3. Значения метрик лучшей нейросетевой модели MLP

Table 3. Metric values of the best neural network model MLP

Сводка для модели / Summary for the model		
Обучающая / Educational	Ошибка: сумма квадратов / Root Mean Squared Error	0,046
	Средняя относительная ошибка / Mean Relation Percentage Error	0,051
	Используемое правило остановки / The stop rule used	Получен критерий отношения погрешности обучения / The criterion of the learning error ratio is obtained (0,001)
	Время обучения / Training time	00:01,00

Примечание: задействована зависимая переменная VAR00016 (потенциал устойчивого развития).

Note: the dependent variable VAR00016 (potential for sustainable development) is used.

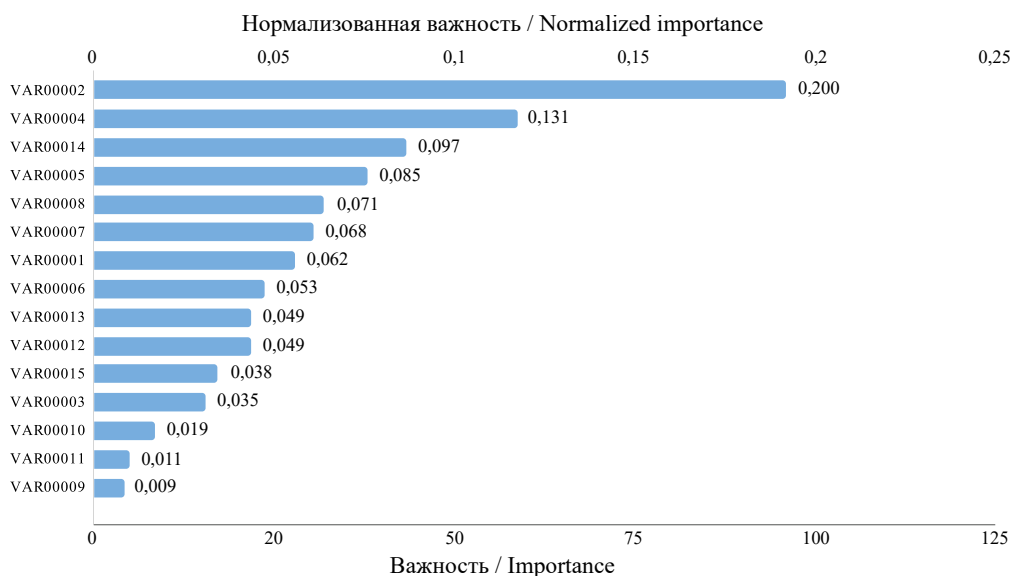
Источник: здесь и далее материал подготовлен по результатам исследования.

Source: hereinafter, this article presents material based on research results.

Как видно из таблицы 3, модель состояла из двух скрытых слоев (по 20 и 15 нейронов соответственно). Общее количество нейронов исчислялось 493. Функция активации – сигмоидальная. Обучение базовой многослойной нейронной сети с перцептроном сводилось к минимизации функции ошибок путем многократного обновления весов. Средняя относительная ошибка лучшей модели составила 0,051, т. е. ожидаемое значение не соответствует истинному в среднем на 5,1 %. Сумма квадратов ошибок – 0,046, полученная погрешность обучения – 0,001.

Важность факторов и интерпретация результатов моделирования. Построенная нейросетевая модель анализа пространственных особенностей формирования потенциала устойчивого развития сельского хозяйства позволила локализовать относительную важность признаков для формирования его совокупного потенциала (рис. 1).

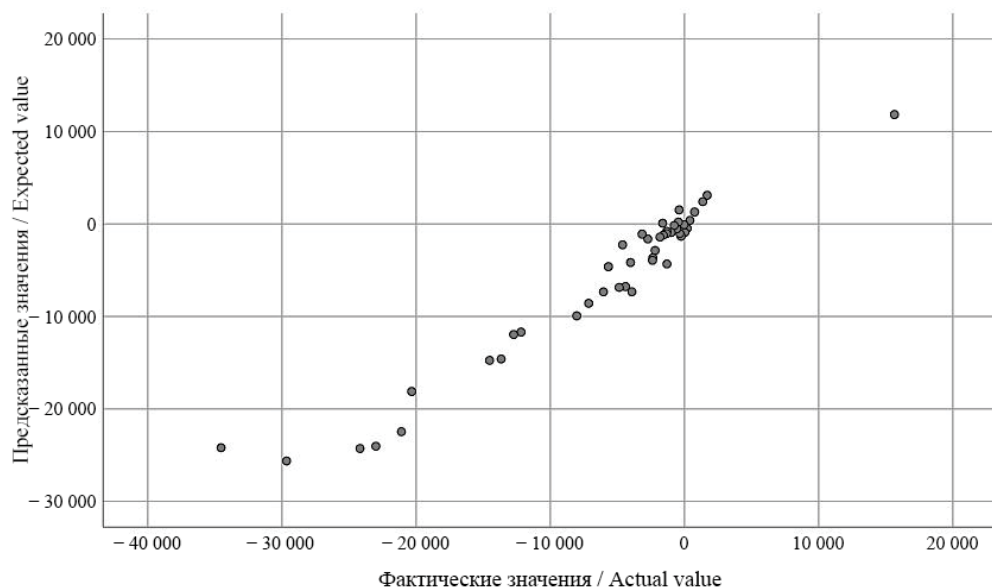
Р и с. 1. Важность независимых факторов для формирования потенциала устойчивого развития сельского хозяйства, %

F i g. 1. The importance of independent factors for building the potential for sustainable agricultural development, %

Наибольшее влияние на формирование прогноза оказали следующие параметры: масштаб производства, характеризуемый размером валовой продукции (VAR00002, нормализованная важность NI (*Normalized importance*, NI) = 0,200); величина инвестиций за счет бюджетных средств (VAR00004, NI = 0,131) и кредитных источников финансирования (VAR00005, NI = 0,085); уровень безработицы сельского населения (VAR00008, NI = 0,071) и размер внесения органических удобрений в расчете на 1 га посевной площади сельскохозяйственных культур (VAR00014, NI = 0,097). Именно эти факторы могут служить предикторами повышения устойчивости развития сельского хозяйства в региональном агрохозяйстве.

Значимого влияния на ожидаемую величину потенциала устойчивого развития доли заработной платы работников отрасли в среднем по региону (VAR00009) и производительности труда (VAR00011) не выявлено.

Сравнение фактических и предсказанных значений потенциала устойчивого развития регионов Российской Федерации. Визуально фактические и смоделированные ожидаемые значения потенциала устойчивого развития сельского хозяйства представлены на рисунке 2.

Р и с. 2. Фактические и ожидаемые значения потенциала устойчивого развития сельского хозяйства регионов

F i g. 2. Actual and expected values of the potential for sustainable development of regional agriculture

Поле распределения совокупностей фактических данных и предсказанных значений указывает на непосредственную и, вероятно, линейную связь между PSD и полученным с использованием нейронной сети MLPPSD. Данные имеют достаточно высокий уровень дисперсии; фактическое смещение PSD наблюдается в сторону как повышения, так и снижения от ожидаемых значений. Коэффициент корреляции фактических и прогнозных значений равен 0,980. По одному региону (Астраханская область) получено невалидное значение прогноза, на основании чего регион был исключен из дальнейшего анализа.

Позитивные результаты использования возможностей формирования потенциала устойчивого развития сельского хозяйства показали 15 из 45 регионов, где сформированный показатель превысил ожидаемый уровень (табл. 4). Это Московская, Кировская, Калужская, Смоленская, Тульская, Белгородская, Самарская, Оренбургская, Ростовская области; Республики Дагестан, Татарстан, Марий Эл и Чеченская; Пермский и Краснодарский края. Причем в четырех из них (Республике Дагестан, Московской, Кировской и Калужской областях) – положительная величина PSD.

Данные таблицы 4 отражают высокую неоднородность регионов по представленным показателям, что определяется действием факторов, связанных с формированием совокупного PSD сельского хозяйства. Медианное значение отклонения ожидаемых значений PSD от фактических составило 98,25 млн руб., среднее квадратичное отклонение – 34,59 млн руб.

Т а б л и ц а 4. Фактические и ожидаемые значения потенциала устойчивого развития сельского хозяйства, млн руб.

Table 4. Actual and predicted values of the potential for sustainable agricultural development, million rubles

Регион / Region	Потенциал устойчивого развития / The potential of sustainable development	MLP_ Предсказанное значение / MLP_ Predicted Value	Среднее откло- нение / Average deviation
1	2	3	4
Московская область / Moscow Region	15 647,5	15 575,2	-72,3
Республика Дагестан / Republic of Daghestan	1 692,6	1 662,2	-30,3
Кировская область / Kirov Region	1 360,7	1 319,0	-41,6
Владимирская область / Vladimir Region	755,9	1 095,0	339,1
Республика Северная Осетия – Алания / Republic of North Ossetia – Alania	405,9	643,6	237,7
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	201,8	193,2	-8,6
Калужская область / Kaluga Region	26,6	14,7	-11,9
Смоленская область / Smolensk Region	-20,4	-179,7	-159,3
Карачаево-Черкесская Республика / Karachayevo-Circassian Republic	-344,5	-299,8	44,7
Ярославская область / Yaroslavl Region	-400,3	-376,5	23,8
Костромская область / Kostroma Region	-449,9	-248,9	201,0
Тверская область / Tver Region	-569,9	-431,3	138,6
Ивановская область / Ivanovo Region	-768,0	-732,7	35,3
Республика Ингушетия / Republic of Ingushetia	-987,2	-831,2	156,0
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	-1 308,3	-1 186,0	122,2
Республика Адыгея / Republic of Adygeya	-1 312,3	-1 054,7	257,6
Республика Калмыкия / Republic of Kalmykia	-1 334,5	-1 187,3	147,2
Республика Марий Эл / Republic of Mari El	-1574,9	-1800,7	-225,7
Удмуртская Республика / Republic of Udmurtia	-1623,7	-1488,2	135,5
Чеченская Республика / Chechen Republic	-1 824,4	-1 926,7	-102,3
Ставропольский край / Stavropol Territory	-2 189,1	-2 108,2	80,9

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3	4
Кабардино-Балкарская Республика / Kabardino-Balkarian Republic	-2 360,7	-2 226,7	134,0
Пермский край / Perm Territory	-2 382,4	-2 494,1	-111,8
Чувашская Республика / Chuvash Republic	-2 732,5	-2 672,6	59,9
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	-3160,3	-2906,2	254,1
Рязанская область / Ryazan Region	-3918,0	-3730,4	187,6
Липецкая область / Lipetsk Region	-4 019,8	-3 707,5	312,3
Республика Крым / Republic of Crimea	-4 400,1	-4 284,5	115,6
Тульская область / Tula Region	-4 613,6	-4 771,0	-157,4
Воронежская область / Voronezh Region	-4 863,6	-4 485,7	377,9
Брянская область / Bryansk Region	-5 670,1	-5 463,9	206,2
Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region	-6 038,9	-5 885,1	153,8
Ульяновская область / Ulyanovsk Region	-7 136,2	-6 826,8	309,4
Белгородская область / Belgorod Region	-8 025,3	-8 059,8	-34,4
Самарская область / Samara Region	-12 177,6	-12 302,8	-125,2
Орловская область / Orel Region	-12 728,3	-12 711,4	16,9
Пензенская область / Penza Region	-13 664,0	-13 637,0	27,0
Оренбургская область / Orenburg Region	-14 523,3	-14 678,5	-155,2
Саратовская область / Saratov Region	-20 325,3	-20 014,4	310,9
Тамбовская область / Tambov Region	-21 097,8	-20 912,3	185,5
Волгоградская область / Volgograd Region	-22 998,3	-22 866,2	132,2
Краснодарский край / Krasnodar Territory	-24 179,1	-24 228,7	-49,6
Ростовская область / Rostov Region	-29 656,9	-30 383,4	-726,6
Курская область / Kursk Region	-34 539,2	-33 805,2	734,1

Примечание: подкрашены ячейки, в которых значение потенциала устойчивого развития выше предсказанной величины.

Note: cells where the sustainability potential value is higher than the predicted value are highlighted.

Группировка регионов по уровню использования возможностей формирования потенциала устойчивого развития. В качестве признака классификации выбрана величина отклонения фактической величины PSD от предсказанного значения MLPPSD (табл. 5).

Таблица 5. Группировка регионов по использованию возможностей формировать потенциал устойчивого развития сельского хозяйства

Table 5. Grouping regions by opportunities to build sustainable agricultural development potential

Показатель, млн руб. / Indicator, million rubles	Группа / Group		
	до – 5 / up to – 5	от – 5 до + 5 / from – 5 to + 5	более 5 / more than 5
Число регионов / Number of regions	15	25	4
Потенциал устойчивого развития / The potential of sustainable development	–1 438,2	–9 394,5	–848,3
MLP_Предсказанное значение / MLP_Predicted Value	–1 246,1	–9 352,8	–973,1
Среднее отклонение / Average deviation (+/–)	–124,8	41,7	192,1
Среднее относительное отклонение, % / Average relative deviation, % (+/–)	–13,4	0,4	14,7

Примечания: 1) в группу «до – 5» вошли Владимирская область, Республика Северная Осетия – Алания, Карачаево-Черкесская Республика, Ярославская область, Костромская область, Тверская область, Республика Ингушетия, Республика Мордовия, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Удмуртская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Башкортостан, Липецкая область, Воронежская область; 2) группу «от – 5 до + 5» образовали Республика Дагестан, Кировская область, Республика Татарстан, Ивановская область, Ставропольский край, Пермский край, Чувашская Республика, Рязанская область, Республика Крым, Тульская область, Брянская область, Нижегородская область, Ульяновская область, Белгородская область, Самарская область, Орловская область, Пензенская область, Оренбургская область, Саратовская область, Тамбовская область, Волгоградская область, Краснодарский край, Ростовская область, Курская область; 3) группу «более 5» составили Калужская область, Смоленская область, Республика Марий Эл, Чеченская Республика.

Notes: 1) the group “up to – 5” included Vladimir Region, Republic of North Ossetia – Alania, Karachayevo-Circassian Republic, Yaroslavl Region, Kostroma Region, Tver Region, Republic of Ingushetia, Republic of Mordovia, Republic of Adygeya, Republic of Kalmykia, Republic of Udmurtia, Kabardino-Balkarian Republic, Republic of Bashkortostan, Lipetsk Region, Voronezh Region; 2) the group “from – 5 to + 5” was formed Republic of Daghestan, Kirov Region, Republic of Tatarstan, Ivanovo Region, Stavropol Territory, Perm Territory, Chuvash Republic, Ryazan Region, Republic of Crimea, Tula Region, Bryansk Region, Nizhny Novgorod Region, Ulyanovsk Region, Belgorod Region, Samara Region, Orel Region, Penza Region, Orenburg Region, Saratov Region, Tambov Region, Volgograd Region, Krasnodar Territory, Rostov Region, Kursk Region; 3) the group “more than 5” consisted of Kaluga Region, Smolensk Region, Republic of Mari El, Chechen Republic.

Как видно из таблицы 5, по уровню использования возможностей формировать потенциал устойчивого развития сельского хозяйства были локализованы три группы территориальных образований.

В I группу вошли 15 регионов с негативной оценкой использования возможностей (PSD–MLPPSD) < –5 %, в частности Владимирская область, Республика Северная Осетия – Алания, Карачаево-Черкесская Республика, Ярославская, Костромская, Тверская области и др. Средняя величина отклонения фактических значений от ожидаемых составила –124,8 млн руб., что меньше прогноза на 13,4 %. Здесь относительно низкий уровень валового производства, инвестиций и высокий уровень сельской безработицы.

II группу, наиболее многочисленную, составили 25 регионов со средним уровнем использования возможностей ($-5\% < (PSD - MLPPSD) < 5\%$), в том числе Республика Дагестан, Кировская область, Республика Татарстан, Ивановская область, Ставропольский и Пермский края, Чувашская Республика, Рязанская область и др. Им свойственны оптимальная реализация имеющихся возможностей формировать PSD; колеблемость фактического PSD не больше 5 % в обе стороны.

III группу образовали регионы с позитивной оценкой использования возможностей ($PSD - MLPPSD > 5\%$), а именно Калужская и Смоленская области, Республики Марий Эл и Чеченская. Средняя величина отклонения фактических значений от ожидаемых составила 192,1 млн руб., или 14,7 %. На фоне достаточно невысоких стартовых показателей формирования потенциала устойчивого развития обеспечена относительно лучшая реализация PSD на основе имеющихся возможностей.

ОБСУЖДЕНИЕ

Оценка воспроизводственных процессов не позволяет признать сложившуюся в РФ траекторию развития сельского хозяйства устойчивой. В результате анализа материально-денежных потоков тип воспроизводства человеческого и природного капитала определен как суженный. Компенсации извлекаемых элементов почвенного плодородия в полной степени не происходит; в динамике наблюдается обострение проблемы. Сохраняется дисбаланс в уровне доходов работников отрасли по отношению к другим секторам экономики РФ. Нарращивание экономических результатов реализуется за счет сохраняющейся эксплуатации человеческого и природного капитала.

При оценке посредством MLP факторов, оказывающих наибольшее влияние на формирование прогноза PSD, не обнаружена значимая роль доли заработной платы работников отрасли в среднем по региону и производительности труда. В современных условиях первая слабо коррелирует со второй и поэтому мало влияет на параметры воспроизводства человеческого капитала. Уровень оплаты труда во многом является результатом не переговоров работодателей и работников (профсоюзов) с учетом спроса на рабочую силу и ее предложения на рынке, а монопольного контроля крупного агробизнеса на фоне определенного сдерживания роста в государственных секторах экономики.

Кроме того, большинство сельскохозяйственных товаропроизводителей уровень оплаты труда работников ставят в тесную корреляцию с сезонностью производства. Так, в период активных агротехнических процессов (посева, междурядной обработки, уборки урожая) величина заработной платы работников предприятий рабочих специальностей может составлять 120–150 тыс. руб. в месяц и выше, тогда как в осенне-зимний период она минимальна, в основном соответствует минимальному размеру оплаты труда в России (с 01 января 2026 года – 27 093 руб. в месяц).

Проведенное нейросетевое моделирование на основе MLP в целом подтвердило гипотезу о том, что совокупная величина PSD сельского хозяйства имеет выраженную пространственную дифференциацию, которая определяется структурными дисбалансами воспроизводства капитала (искусственного, человеческого и природного). Неоднородность регионов по показателю PSD обусловлена действием факторов, связанных с формированием расширенного, простого или суженного типа воспроизводства соответствующих видов капитала.

Фактическое превышение ожидаемых значений PSD в ряде регионов сложилось в результате относительно лучшего воспроизводства капитала определенного вида. В частности, в Московской области, Республике Татарстан, Краснодарском крае и Ростовской области – за счет высоких чистых инвестиций; в Республике Дагестан, Кировской, Калужской, Смоленской областях, Республике Марий Эл – за счет относительно низкого отрицательного экологического воздействия сельскохозяйственного производства на природный капитал.

Локализация регионов на основе группировки по уровню использования возможностей формирования PSD позволила определить направление улучшения задействования имеющегося потенциала. Для регионов с негативной оценкой – оно может быть связано с активизацией наиболее важных факторов (включая дополнительное привлечение инвестиций, рост занятости населения сельских территорий и повышение уровня оплаты труда). Для регионов со средней оценкой – с приростом отдельных видов капитала (искусственного, человеческого, природного). Главное при этом – выявление слабых мест в формировании и использовании каждого вида капитала.

Даже в регионах с лучшими показателями необходимо расширять PSD для повышения экономических результатов, связанных с решением широкого круга задач, включая социальное благополучие населения и экологическое благополучие сельских территорий.

Ограничения исследования связаны с качеством и доступностью данных. Сведения Росстата по регионам могут публиковаться с лагом в год–два, а по отдельным показателям (населению, инвестициям, занятости в агропромышленном секторе) возможны пропуски или пересмотры. Для машинного обучения это обуславливает работу с устаревшей картиной либо заполнение пропусков, что добавляет неопределенность. Трудности с реализацией рассмотренного подхода могут вызвать несопоставимость показателей во времени (меняются методики учета, категории земель) и нестационарность процессов (границ территорий, почвенной деградации, изменений климата).

Тем не менее выявленные закономерности расширяют эмпирическую базу исследования процессов развития в сельском хозяйстве, демонстрируют необходимость перехода к устойчивому типу и обосновывают направления совершенствования для различных видов регионов с учетом определенных пространственных особенностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нейросетевое моделирование на основе многослойного перцептрона позволило определить возможные значения и выявить факторы, оказывающие наибольшее влияние на формирование совокупного потенциала устойчивого развития: масштабы производства, величина инвестиций из различных источников, уровень безработицы сельского населения и размер внесения органических удобрений в расчете на 1 га посевной площади сельскохозяйственных культур.

Указанные факторы определяют выраженную неоднородность регионов по использованию PSD в сельском хозяйстве. На основе соответствия фактических

значений предсказанным регионы сгруппированы с учетом того, насколько активно они реализуют возможности для формирования потенциала устойчивого развития сельского хозяйства; условно их можно разделить на территории с негативной, средней и позитивной оценкой такого использования.

Выявленные особенности формирования и использования PSD требуют разработки дифференцированных стратегий, ориентированных на устойчивое развитие сельского хозяйства. Центральными стратегическими задачами в разрезе выделенных территориальных групп видятся: улучшение использования имеющегося потенциала; локализация слабых мест использования и прирост отдельных видов капитала; сбалансированный рост искусственного, человеческого и природного капитала.

Предложенный подход к изучению пространственных особенностей формирования PSD может быть положен в основу при разработке территориально дифференцированных стратегий и программ социально-экономического развития сельского хозяйства на федеральном и региональном уровнях, а также послужить опорой для дальнейших исследований в данной сфере.

Результаты исследования могут быть полезны широкому кругу сторон: региональным и федеральным органам власти в процессе совершенствования направлений и механизма господдержки; научно-исследовательским учреждениям при разработке теоретических и методических положений устойчивого развития сельского хозяйства, верификации методик, калибровке моделей, сравнении регионов; агробизнесу при выявлении рисков и потенциала развития, разработке и реализации проектов эколого-экономического совершенствования хозяйственной деятельности и повышения социальной ответственности; образовательным учреждениям в процессе обучения студентов и аспирантов, повышения квалификации и переподготовки кадров с целью формирования соответствующих компетенций в области устойчивого развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малинина О.Ю., Максименко А.Н. Исследование влияния факторов на развитие сельского хозяйства Ростовской области. *АПК: экономика, управление*. 2025;(7):57–63. <https://doi.org/10.33305/257-57>
2. Заворотин Е.Ф., Гордополова А.А., Тюрина Н.С., Евсюкова Л.Ю. Диагностика развития консолидации земель сельскохозяйственного назначения. *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве*. 2022;(3):3–10. <https://doi.org/10.33938/223-3>
3. Смирнова Т.А. Безработица в сельских поселениях России: состояние и возможности решения проблемы. *Эпоха науки*. 2019;(19):62–67. <https://www.elibrary.ru/jkgzjz>
4. Барышникова Н.А., Киреева Н.А., Мартынович В.И. Дефицит кадров в сельском хозяйстве аграрных регионов России. *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2025;(6):720–726. https://doi.org/10.55186/25876740_2025_68_6_720
5. Calegari E., Fabrizi E., Guastella G., Timpano F. EU Regional Convergence in the Agricultural Sector: Are there Synergies between Agricultural and Regional Policies? *Papers in Regional Science*. 2021;100(1):23–51. <https://doi.org/10.1111/pirs.12569>
6. Хаметов Р.Р., Родионова И.А. Институциональные проблемы и направления развития земельных отношений в аграрной экономике. *Аграрный вестник Урала*. 2024;24(11):1565–1574. <https://doi.org/10.32417/1997-4868-2024-24-11-1565-1574>
7. Глинский В.В., Серга Л.К., Алексеев М.А. Модельное представление регулируемой дифференциации региональных социально-экономических систем. *Регионология*. 2023;31(3):477–497. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.477-497>

8. Шанин С.А. От генезиса теорий пространственного развития к управлению пространственным развитием сельского хозяйства. *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве*. 2022;(7):65–70. <https://www.elibrary.ru/flimwy>
9. Гильмундинов В.М., Панкова Ю.В. Пространственное развитие России в условиях внешних и внутренних вызовов. *Проблемы прогнозирования*. 2023;(4):82–93. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-82-93>
10. Климентова Э.А., Дубовицкий А.А. Комплексная оценка потенциала устойчивого развития сельского хозяйства. *Вестник НГИЭИ*. 2025;(1):81–93. URL: <https://clck.ru/3VkJEc7> (дата обращения: 04.07.2026).
11. Panimalar S.A., Krishnakumar A., Kumar S.S. Intensified Customer Churn Prediction: Connectivity with Weighted Multi-Layer Perceptron and Enhanced Multipath Back Propagation. *Expert Systems with Applications*. 2025;265:125993. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2024.125993>
12. Ansari A., Riasi A. Modelling and Evaluating Customer Loyalty Using Neural Networks: Evidence from Startup Insurance Companies. *Future Business Journal*. 2016;2(1):15–30. <https://doi.org/10.1016/j.fbj.2016.04.001>
13. Малкина М.Ю., Сочков А.Л., Капустина Ю.И. Прогнозирование ВРП региона с применением методов искусственного интеллекта. *Journal of New Economy*. 2025;26(3):67–85. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2025-26-3-4>
14. Бисчоков Р.М. Анализ, моделирование и прогноз урожайности сельскохозяйственных культур средствами искусственных нейронных сетей. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Агрономия и животноводство*. 2022;17(2):146–157. <https://doi.org/10.22363/2312-797X-2022-17-2-146-157>
15. Al-Dousari A.E., Mishra A., Singh S. Land Use Land Cover Change Detection and Urban Sprawl Prediction for Kuwait Metropolitan Region, Using Multi-Layer Perceptron Neural Networks (MLPNN). *Egyptian Journal of Remote Sensing and Space Science*. 2023;26(2):381–392. <https://doi.org/10.1016/j.ejrs.2023.05.003>
16. Kumar S., Midya K., Ghosh S., Kumar P., Mishra V. N. Land Use Change Analysis and Prediction of Urban Growth Using Multi-Layer Perceptron Neural Network Markov Chain Model in Faridabad – A Data-Scarce Region of Northwestern India. *Physics and Chemistry of the Earth, Parts A/B/C*. 2025;138:103884. <https://doi.org/10.1016/j.pce.2025.103884>
17. Минаков И.А., Сыгова А.Ю. Развитие аграрной экономики региона и обеспечение продовольственной безопасности. *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. 2024;(8):43–49. <https://doi.org/10.31442/0235-2494-2024-0-8-43-49>
18. Рущицкая О.А., Курдюмов А.В., Кружкова Т.И., Лылов А.С. Стратегические ориентиры социально-экономического роста качества жизни и обеспечения качества питания населения. *Аграрный вестник Урала*. 2023;23(12):158–166. URL: <https://clck.ru/3VNH799> (дата обращения: 04.07.2026).
19. Воротников И.Л., Наянов А.В., Сидельникова М.В., Бородастова Е.В. Теоретико-методологические подходы к обоснованию индикатора справедливой заработной платы работников сельскохозяйственных организаций. *АПК: экономика, управление*. 2022;(12):25–31. <https://doi.org/10.33305/2212-25>
20. Белокопытов А.В., Минина А.Н., Хайруллин М.Ф. Воспроизводство земельных ресурсов в сельском хозяйстве: теоретический подход. *Вестник НГИЭИ*. 2025;(2):67–75. URL: <https://clck.ru/3VkJFbX> (дата обращения: 04.07.2026).
21. Wang L., Li L., Cheng K., Pan G. Comprehensive Evaluation of Environmental Footprints of Regional Crop Production: A Case Study of Chizhou City, China. *Ecological Economics*. 2019;164:106360. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2019.106360>
22. Zhang J., Drury M. Sustainable Agriculture in the EU and China: A Comparative Critical Policy Analysis Approach. *Environmental Science and Policy*. 2024;157:103789. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2024.103789>
23. Calvin K., Patel P., Clarke L., et al. GCAM v5.1: Representing the Linkages between Energy, Water, Land, Climate, and Economic Systems. *Geoscientific Model Development*. 2019;12(2):677–698. <https://doi.org/10.5194/gmd-12-677-2019>
24. Дудина Т.Н., Тарасова О.С. О подходах к разработке региональных систем индексов и индикаторов устойчивого развития. *Успехи современного естествознания*. 2022;(1):23–29. <https://doi.org/10.17513/use.37765>

25. Бородин С.Н. Модель оценки устойчивого развития региона на основе индексного метода. *Экономика региона*. 2023;19(1):45–59. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-4>
26. Родионова И.А., Силкин С.А., Тимофеев Е.И. Устойчивое развитие сельского хозяйства на основе инноваций. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2021;17(4):699–718. <https://doi.org/10.24891/ni.17.4.699>
27. Дубовицкий А.А., Климентова Э.А. Методические аспекты оценки устойчивости развития сельского хозяйства: традиционные подходы и альтернативная точка зрения. *Экономика сельского хозяйства России*. 2025;(2):10–20. <https://doi.org/10.32651/252-10>
28. Семин А.Н., Чочиева О.А., Шеломенцев А.Г. Человеческий потенциал горных сельских территорий: особенности формирования и оценки. *Экономика сельского хозяйства России*. 2024;(10):110–120. <https://doi.org/10.32651/2410-110>
29. Артемова Е.И., Барсукова Г.Н. Оценка эффективности использования земельно-ресурсного потенциала в аграрном производстве. *Экономика сельского хозяйства России*. 2025;(3):15–21. <https://doi.org/10.32651/253-15>
30. Хицков И.Ф., Меренкова И.Н., Петропавловский В.Е., Чогут Д.Р. Природно-человеческий потенциал как фактор социально-экономического развития сельской территории. *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве*. 2022;(10):4–11. <https://doi.org/10.33938/2210-4>
31. Тютюников А.А., Улезько А.В. Концептуальный подход к организации сельских территорий: исследование на основе идентификации агломерационных структур. *Регионоведение*. 2025;33(1):120–137. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.120-137>
32. Алтухов А.И. Приоритетные направления пространственного развития сельского хозяйства России. *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. 2025;27(3):143–153. <https://doi.org/10.35330/1991-6639-2025-27-3-143-153>
33. Широков А.А., Кузнецова О.В., Михеева Н.Н., Узиков М.Н. Роль пространственного развития при достижении национальных целей российской экономики. *Проблемы прогнозирования*. 2025;(4):11–23. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-11-23>
34. Дружинин П.В. Особенности развития регионов центра европейской части России в 2009–2021 гг. *Регионоведение*. 2025;33(1):104–119. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.104-119>
35. Elavarasan D., Vincent P.M.D. Crop Yield Prediction Using Deep Reinforcement Learning Model for Sustainable Agrarian Applications. *IEEE Access*. 2020;8:86886–86901. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2020.2992480>
36. Bali B., Goni I., Jarengol A.U. Climate-Resilient Soybean Yield Forecasting under Agro-Climatic Variability Using Neural Networks: A Data-Driven Approach for Sustainable Agronomy. *Next Sustainability*. 2023;7:100292. <https://doi.org/10.1016/j.nxsust.2026.100292>
37. Krivoguz D. Geo-Spatial Analysis of Urbanization and Environmental Changes with Deep Neural Networks: Insights from a Three-Decade Study in Kerch Peninsula. *Ecological Informatics*. 2024;80:102513. <https://doi.org/10.1016/j.ecoinf.2024.102513>
38. Choudhary P., Devatha C.P., Azhoni A. Integration of Multi-Layer Perceptron Neural Network and Cellular Automata-Markov Chain Approach for the Prediction of Land Use Land Cover in Land Change Modeler. *Ecological Modelling*. 2025;5066:111162. <https://doi.org/10.1016/j.ecolmodel.2025.111162>
39. Panek-Chwastyk E., Paradowski K., Rutkowska B., Szulc W., Dzierżanowski I. Advancing Early-Stage Plant Phosphorus Assessment for Winter Rye Via Hyperspectral Data: A Model-Based Approach Harnessing Feedforward Neural Networks. *European Journal of Agronomy*. 2025;169:127667. <https://doi.org/10.1016/j.eja.2025.127667>
40. Mirghaderi S.-H. Using an Artificial Neural Network for Estimating Sustainable Development Goals Index. *Management of Environmental Quality: An International Journal*. 2020;31(4):1023–1037. <https://doi.org/10.1108/MEQ-12-2019-0266>
41. Bienvenido-Huertas D., Farinha F., Oliveira M.J., Silva E.M.J., Lança R. Comparison of Artificial Intelligence Algorithms to Estimate Sustainability Indicators. *Sustainable Cities and Society*. 2020;63:102430. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2020.102430>

42. Mehrabi N., Morstatter F., Saxena N., Lerman K., Galstyan A. A Survey on Bias and Fairness in Machine Learning. *ACM Computing Surveys (CSUR)*. 2021;54(6):1–35. <https://doi.org/10.1145/3457607>
43. Dubovitski A.A., Klimentova E.A., Rogov M.A. Applicability of Machine Learning Models Using a Neural Network for Predicting the Parameters of the Development of Food Markets. *Journal of Process Management and New Technologies*. 2022;10(3/4):93–105. <https://doi.org/10.5937/jpmnt10-41317>
44. Abdulrahim H., Alshibani S.M., Ibrahim O., Elhag A.A. Prediction OPEC Oil Price Utilizing Long Short-Term Memory and Multi-Layer Perceptron Models. *Alexandria Engineering Journal*. 2025;110:607–612. <https://doi.org/10.1016/j.aej.2024.10.057>
45. Chatterjee A., Saha J., Mukherjee J. Clustering with Multi-Layered Perceptron. *Pattern Recognition Letters*. 2022;155:92–99. <https://doi.org/10.1016/j.patrec.2022.02.009>
46. Shang Y., Liu X., Zhang H., Sun Y., Huang L., Guo J. Regional Marine Geoid Modelling by Integrating Multi-Source Marine Geodetic Data with Multi-Layer Perceptron Method. *Advances in Space Research*. 2026;77(4):4489–4505. <https://doi.org/10.1016/j.asr.2025.12.016>

REFERENCES

1. Malinina O.Yu., Maksimenko A.N. Investigation of the Influence of Factors on the Development of Agriculture in the Rostov Region. *AIK: Economics, Management*. 2025;(7):57–63. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.33305/257-57>
2. Zavorotin E.F., Gordopolova A.A., Tiurina N.S., Evsiukova L.Iu. Diagnostic of the Development of Agricultural-Purpose Land Consolidation. *Economics, Labor, Management in Agriculture*. 2022;(3):3–10. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.33938/223-3>
3. Smirnova T.A. Unemployment in Rural Areas of Russia: The State and Possibilities of Solving the Problem. *Era of Science*. 2019;(19):62–67. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/jkgzjz>
4. Baryshnikova N.A., Kireeva N.A., Martynovich V.I. Labour Shortage in Agriculture in the Agrarian Regions of Russia. *International Agricultural Journal*. 2025;(6):720–726. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.55186/25876740_2025_68_6_720
5. Calegari E., Fabrizi E., Guastella G., Timpano F. EU Regional Convergence in the Agricultural Sector: Are there Synergies between Agricultural and Regional Policies? *Papers in Regional Science*. 2021;100(1):23–51. <https://doi.org/10.1111/pirs.12569>
6. Hametov R.R., Rodionova I.A. Institutional Problems and Directions of Land Relations Development in Agrarian Economy. *Agrarian Bulletin of the Urals*. 2024;24(11):1565–1574. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32417/1997-4868-2024-24-11-1565-1574>
7. Glinskiy V.V., Serga L.K., Alekseev M.A. Model Representation of Adjustable Differentiation of Regional Socio-Economic Systems. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(3):477–497. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.477-497>
8. Shanin S.A. From the Genesis of Theories of Spatial Development Theories to the Management of Spatial Development of Agriculture. *Economics, Labor, Management in Agriculture*. 2022;(7):65–70. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/flimwy>
9. Gilmundinov V.M., Pankova Yu.V. Spatial Development of Russia under the Conditions of External and Internal Challenges. *Problemy prognozirovaniya*. 2023;(4):82–93. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-82-93>
10. Klimentova E.A., Dubovitsky A.A. Comprehensive Assessment of the Potential for Sustainable Agricultural Development. *Bulletin NGIEI*. 2025;(1):81–93. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3VKEc7> (accessed 04.07.2026).
11. Panimalar S.A., Krishnakumar A., Kumar S.S. Intensified Customer Churn Prediction: Connectivity with Weighted Multi-Layer Perceptron and Enhanced Multipath Back Propagation. *Expert Systems with Applications*. 2025;265:125993. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2024.125993>
12. Ansari A., Riasi A. Modelling and Evaluating Customer Loyalty Using Neural Networks: Evidence from Startup Insurance Companies. *Future Business Journal*. 2016;2(1):15–30. <https://doi.org/10.1016/j.fbj.2016.04.001>

13. Malkina M.Yu., Sochkov A.L., Kapustina Yu.I. Forecasting Regional GRP Using Artificial Intelligence Methods. *Journal of New Economy*. 2025;26(3):67–85. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2025-26-3-4>
14. Bischokov R.M. Analysis, Modelling and Forecasting of Crop Yields Using Artificial Neural Networks. *RUDN Journal of Agronomy and Animal Industries*. 2022;17(2):146–157. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2312-797X-2022-17-2-146-157>
15. Al-Dousari A.E., Mishra A., Singh S. Land Use Land Cover Change Detection and Urban Sprawl Prediction for Kuwait Metropolitan Region, Using Multi-Layer Perceptron Neural Networks (MLPNN). *The Egyptian Journal of Remote Sensing and Space Science*. 2023;26(2):381–392. <https://doi.org/10.1016/j.ejrs.2023.05.003>
16. Kumar S., Midya K., Ghosh S., Kumar P., Mishra V. N. Land Use Change Analysis and Prediction of Urban Growth Using Multi-Layer Perceptron Neural Network Markov Chain Model in Faridabad – A Data-Scarce Region of Northwestern India. *Physics and Chemistry of the Earth, Parts A/B/C*. 2025;138:103884. <https://doi.org/10.1016/j.pce.2025.103884>
17. Minakov I.A., Sytova A.Yu. Development of the Agrarian Economy in the Region and Ensuring Food Security. *Economy of Agricultural and Processing Enterprises*. 2024;(8):43–49. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31442/0235-2494-2024-0-8-43-49>
18. Rushchitskaya O.A., Kurdyumov A.V., Kruzhkova T.I., Lylov A.S. Strategic Guidelines for Socio-Economic Growth of the Quality of Life and Ensuring the Quality of Nutrition of the Population. *Agrarian Bulletin of the Urals*. 2023;23(12):158–166. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3VH799> (accessed 04.07.2026).
19. Vorotnikov I.L., Naianov A.V., Sidelnikov M.V., Borodastova E.V. Theoretical and Methodological Approaches to Substantiating the Indicator of Fair Wages for Agricultural Workers. *AIK: Economics, Management*. 2022;(12):25–31. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.33305/2212-25>
20. Belokopytov A.V., Minina A.N., Khairullin M.F. Reproduction of Land Resources in Agriculture: The Theoretical Approach. *Bulletin NGIEI*. 2025;(2):67–75. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3VkJbX> (accessed 04.07.2026).
21. Wang L., Li L., Cheng K., Pan G. Comprehensive Evaluation of Environmental Footprints of Regional Crop Production: A Case Study of Chizhou City, China. *Ecological Economics*. 2019;164:106360. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2019.106360>
22. Zhang J., Drury M. Sustainable Agriculture in the EU and China: A Comparative Critical Policy Analysis Approach. *Environmental Science and Policy*. 2024;157:103789. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2024.103789>
23. Calvin K., Patel P., Clarke L., et al. GCAM v5.1: Representing the Linkages between Energy, Water, Land, Climate, and Economic Systems. *Geoscientific Model Development*. 2019;12(2):677–698. <https://doi.org/10.5194/gmd-12-677-2019>
24. Dudina T.N., Tarasova O.S. The Approaches to the Development of Regional Frameworks of Sustainable Development Indices and Indicators. *Advances in Current Natural Sciences*. 2022;(1):23–29. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17513/use.37765>
25. Borodin S.N. A Model for Assessing Regional Sustainable Development Based on the Index Method. *Economy of Regions*. 2023;19(1):45–59. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-4>
26. Rodionova I.A., Silkin S.A., Timofeev E.I. The Sustainable Development of Agriculture through Innovation. *National Interests: Priorities and Security*. 2021;17(4):699–718. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24891/ni.17.4.699>
27. Dubovitskii A.A., Klimentova E.A. Methodological Aspects of Assessing the Sustainability of Agricultural Development: Traditional Approaches and an Alternative Point of View. *Economics of Agriculture of Russia*. 2025;(2):10–20. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32651/252-10>
28. Semin A.N., Chochieva O.A., Shelomentsev A.G. Peculiarities of Development of Human Potential of Mountain Territories. *Economics of Agriculture in Russia*. 2024;(10):110–120. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32651/2410-110>

29. Artemova E.I., Barsukova G.N. Assessing the Efficiency of Using Land and Resource Potential in Agricultural Production. *Economics of Agriculture in Russia*. 2025;(3):15–21. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32651/253-15>
30. Khitskov I.F., Merenkova I.N., Petropavlovskii V.E., Chogut D.R. Natural and Human Potential as a Factor of Socio-Economic Development of Rural Areas. *Economics, Labor, Management in Agriculture*. 2022;(10):4–11. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.33938/2210-4>
31. Tiutiunikov A.A., Ulezko A.V. Conceptual Framework for the Organization of Rural Areas: A Study Based on the Identification of Agglomeration Patterns. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(1): 120–137. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.120-137>
32. Altukhov A.I. Priority Directions of Spatial Development of Agriculture in Russia. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*. 2025;27(3):143–153. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35330/1991-6639-2025-27-3-143-153>
33. Shirov A.A., Kuznetsova O.V., Mikheeva N.N., Uzyakov M.N. The Role of Spatial Development in Achieving the National Goals of the Russian Economy. *Problemy prognozirovaniya*. 2025;(4):11–23. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-11-23>
34. Druzhinin P.V. Features of the Development of the Central Regions of the European Part of Russia in 2009–2021. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(1):104–119. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.104-119>
35. Elavarasan D., Vincent P.M.D. Crop Yield Prediction Using Deep Reinforcement Learning Model for Sustainable Agrarian Applications. *IEEE Access*. 2020;8:86886–86901. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2020.2992480>
36. Bali B., Goni I., Jarengol A.U. Climate-Resilient Soybean Yield Forecasting under Agro-Climatic Variability Using Neural Networks: A Data-Driven Approach for Sustainable Agronomy. *Next Sustainability*. 2023;7:100292. <https://doi.org/10.1016/j.nxsust.2026.100292>
37. Krivoguz D. Geo-Spatial Analysis of Urbanization and Environmental Changes with Deep Neural Networks: Insights from a Three-Decade Study in Kerch Peninsula. *Ecological Informatics*. 2024;80:102513. <https://doi.org/10.1016/j.ecoinf.2024.102513>
38. Choudhary P., Devatha C.P., Azhoni A. Integration of Multi-Layer Perceptron Neural Network and Cellular Automata-Markov Chain Approach for the Prediction of Land Use Land Cover in Land Change Modeler. *Ecological Modelling*. 2025;5066:111162. <https://doi.org/10.1016/j.ecolmodel.2025.111162>
39. Panek-Chwastyk E., Paradowski K., Rutkowska B., Szulc W., Dzierżanowski I. Advancing Early-Stage Plant Phosphorus Assessment for Winter Rye Via Hyperspectral Data: A Model-Based Approach Harnessing Feedforward Neural Networks. *European Journal of Agronomy*. 2025;169:127667. <https://doi.org/10.1016/j.eja.2025.127667>
40. Mirghaderi S.-H. Using an Artificial Neural Network for Estimating Sustainable Development Goals Index. *Management of Environmental Quality: An International Journal*. 2020;31(4):1023–1037. <https://doi.org/10.1108/MEQ-12-2019-0266>
41. Bienvenido-Huertas D., Farinha F., Oliveira M.J., Silva E.M.J., Lança R. Comparison of Artificial Intelligence Algorithms to Estimate Sustainability Indicators. *Sustainable Cities and Society*. 2020;63:102430. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2020.102430>
42. Mehrabi N., Morstatter F., Saxena N., Lerman K., Galstyan A. A Survey on Bias and Fairness in Machine Learning. *ACM Computing Surveys (CSUR)*. 2021;54(6):1–35. <https://doi.org/10.1145/3457607>
43. Dubovitski A.A., Klimentova E.A., Rogov M.A. Applicability of Machine Learning Models Using a Neural Network for Predicting the Parameters of the Development of Food Markets. *Journal of Process Management and New Technologies*. 2022;10(3/4):93–105. <https://doi.org/10.5937/jpmnt10-41317>
44. Abdulrahim H., Alshibani S.M., Ibrahim O., Elhag A.A. Prediction OPEC Oil Price Utilizing Long Short-Term Memory and Multi-Layer Perceptron Models. *Alexandria Engineering Journal*. 2025;110:607–612. <https://doi.org/10.1016/j.aej.2024.10.057>
45. Chatterjee A., Saha J., Mukherjee J. Clustering with Multi-Layered Perceptron. *Pattern Recognition Letters*. 2022;155:92–99. <https://doi.org/10.1016/j.patrec.2022.02.009>

46. Shang Y., Liu X., Zhang H., Sun Y., Huang L., Guo J. Regional Marine Geoid Modelling by Integrating Multi-Source Marine Geodetic Data with Multi-Layer Perceptron Method. *Advances in Space Research*. 2026;77(4):4489–4505. <https://doi.org/10.1016/j.asr.2025.12.016>

Об авторах:

Дубовицкий Александр Алексеевич, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и коммерции, заведующий научно-исследовательской лабораторией экономического прогнозирования Мичуринского государственного аграрного университета (393760, Российская Федерация, г. Мичуринск, ул. Интернациональная, д. 101), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4542-1119>, Researcher ID: AAX-8480-2020, Scopus ID: 57211466422, SPIN-код: 1683-4156, daa1-408@yandex.ru

Климентова Эльвира Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и коммерции, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории экономического прогнозирования Мичуринского государственного аграрного университета (393760, Российская Федерация, г. Мичуринск, ул. Интернациональная, д. 101), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7628-7181>, Researcher ID: ABI-5384-2020, Scopus ID: 57211466144, SPIN-код: 3256-3838, klim1-408@yandex.ru

Бабкина Екатерина Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления и делового администрирования, младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории экономического прогнозирования Мичуринского государственного аграрного университета (393760, Российская Федерация, г. Мичуринск, ул. Интернациональная, д. 101), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3917-5412>, Researcher ID: PII-7360-2026, SPIN-код: 3479-5232, babkina_ek.s@mail.ru

Шацкий Владислав Александрович, аспирант, младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории экономического прогнозирования Мичуринского государственного аграрного университета (393760, Российская Федерация, г. Мичуринск, ул. Интернациональная, д. 101), ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0354-8022>, Researcher ID: PNH-9947-2026, SPIN-код: 5763-5927, site.mgau@yandex.ru

Вклад авторов:

А. А. Дубовицкий – разработка концепции; научное руководство; разработка методологии; критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений.

Э. А. Климентова – проведение исследования; валидация результатов; написание черновика рукописи.

Е. С. Бабкина – сбор данных; формальный анализ; написание черновика рукописи.

В. А. Шацкий – проведение исследования; визуализация.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 27.04.2026; одобрена после рецензирования 18.05.2026; принята к публикации 28.05.2026.

About the authors:

Aleksandr A. Dubovitskii, Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Chair of Economics and Commerce, Head of the Research Laboratory of Economic Forecasting at Michurinsk State Agrarian University (101 Internatsionalnaya St., Michurinsk 393760, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4542-1119>, Researcher ID: AAX-8480-2020, Scopus ID: 57211466422, SPIN-code: 1683-4156, daa1-408@yandex.ru

Elvira A. Klimentova, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Economics and Commerce, Senior Researcher at the Research Laboratory of Economic Forecasting of Michurinsk State Agrarian University (101 Internatsionalnaya St., Michurinsk 393760, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7628-7181>, Researcher ID: ABI-5384-2020, Scopus ID: 57211466144, SPIN-code: 3256-3838, klim1-408@yandex.ru

Ekaterina S. Babkina, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor of the Chair of Management and Business Administration, Junior Researcher at the Research Laboratory of Economic Forecasting of Michurinsk State Agrarian University (101 Internatsionalnaya St., Michurinsk 393760, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3917-5412>, Researcher ID: PII-7360-2026, SPIN-code: 3479-5232, babkina_ek.s@mail.ru

Vladislav A. Shatskii, post-graduate student, Junior Researcher at the Research Laboratory of Economic Forecasting of Michurinsk State Agrarian University (101 Internatsionalnaya St., Michurinsk 393760, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0354-8022>, Researcher ID: PNH-9947-2026, SPIN-code: 5763-5927, site.mgau@yandex.ru

Contribution of the authors:

A. A. Dubovitskii – conceptualization; supervision; methodology; specifically critical review, commentary or revision.

E. A. Klimentova – investigation; validation; specifically writing the initial draft.

E. S. Babkina – data/evidence collection; formal analysis; specifically writing the initial draft.

V. A. Shatskii – investigation; data curation; visualization.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 27.04.2026; revised 18.05.2026; accepted 28.05.2026.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.572-589>EDN: <https://elibrary.ru/czpykz>

УДК / UDC 332.14:811.111(510)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Как Китай адаптирует планы под регионы:
репрезентация дискурсивного понятия
«региональное планирование»
в англоязычной академической коммуникации****Е. Р. Верюжская¹ Е. В. Кремнев² ✉ О. В. Кузнецова²**¹ Иркутский государственный университет, <https://ror.org/01j99nc54>
(г. Иркутск, Российская Федерация)² Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
<https://ror.org/0421w8947>

(г. Калининград, Российская Федерация)

✉ kremnyov2005@yandex.ru**Аннотация**

Введение. В контексте усиления роли Китая в глобальной экономике значимость приобретает анализ того, как китайская система регионального планирования представлена в международном академическом дискурсе, что открывает возможности для сопоставительных исследований с практиками других стран. Цель статьи – систематизировать представления о дискурсивном понятии «региональное планирование» в англоязычном научном дискурсе о Китае, выявив его основное содержание, междисциплинарные связи и векторы эволюции.

Материалы и методы. Эмпирическую базу составили 30 англоязычных рецензируемых статей (2000–2025 гг.) из баз ScienceDirect, Springer, JSTOR и Semantic Scholar. Применен концептуальный анализ с использованием метода фрейм-схем, позволяющего визуализировать ядерные и периферийные смысловые компоненты понятия. Отбор материалов проводился по критериям междисциплинарности (экономика, экология, политология, география) и релевантности региональному планированию в Китайской Народной Республике.

Результаты исследования. Установлено, что ядро дискурсивного понятия жестко привязано к экономической сфере: «региональное планирование» в Китае трактуется как инструмент реализации национальных стратегий через урбанизацию. Однако с 2010-х годов фиксируется устойчивый сдвиг к эколого-ориентированным моделям (зеленому планированию, низкоуглеродному переходу), что отражает реакцию на экологические вызовы и является продолжением экономической политики. Выявлены четыре основные междисциплинарные зоны: экономика; экономика + экология;

© Верюжская Е. Р., Кремнев Е. В., Кузнецова О. В., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

экономика + экология + география (пространственное планирование); экономика + политология (стратегическое и городское планирование). Периферийные концепты (устойчивое развитие, землепользование, инклюзивная урбанизация) свидетельствуют о заимствовании западных подходов, но их адаптация ограничена доминирующей ролью государства. Критикуется директивный («элитарный») характер планирования; при этом попытки вовлечения бизнеса и граждан остаются маргинальными.

Заключение. Специфика регионального планирования в Китае заключается в сочетании традиционного закрытого управления и новых партисипаторных элементов при сохранении контроля со стороны коммунистической партии как главного инструмента социального управления. Исследование подтверждает эффективность фрейм-анализа для выявления скрытых приоритетов в дискурсе и демонстрирует, что англоязычный научный дискурс выполняет функцию «витрины» китайских реформ, адаптируя глобальные концепты к локальной политической логике. Полученные результаты могут быть использованы для сравнительных исследований регионального управления в странах с различными политическими системами.

Ключевые слова: региональное планирование, Китай, мировая экономика, пространственное планирование, устойчивое развитие, урбанизация, территориальное развитие, государственное регулирование, фрейм-анализ

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Верюжская Е.Р., Кремнев Е.В., Кузнецова О.В. Как Китай адаптирует планы под регионы: репрезентация дискурсивного понятия «региональное планирование» в англоязычной академической коммуникации. *Регионоведение*. 2026;34(3):572–589. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.572-589>

How China Adapts Plans to Regions: Representation of the Discursive Concept of “Regional Planning” in English-Language Academic Communication

E. R. Veryuzhskaya ^a, E. V. Kremnyov ^b✉, O. V. Kuznetsova ^b

^a Irkutsk State University, <https://ror.org/01j99nc54>
(Irkutsk, Russian Federation)

^b Immanuel Kant Baltic Federal University, <https://ror.org/0421w8947>
(Kaliningrad, Russian Federation)
✉ kremnyov2005@yandex.ru

Abstract

Introduction. In the context of China's growing role in the global economy, the analysis of how the Chinese system of regional planning is represented in international academic discourse acquires particular significance, opening up opportunities for comparative research with the practices of other countries. The purpose of the article is to systematize ideas about the discursive concept of “regional planning” in the English-language Academic discourse about China, identifying its main content, interdisciplinary connections and vectors of evolution.

Materials and Methods. The empirical base consisted of 30 English-language peer-reviewed articles (2000–2025) from ScienceDirect, Springer, JSTOR, and Semantic Scholar. A conceptual analysis was applied using the frame diagram method, which allows the visualization of the core and peripheral semantic components of the concept. The materials were selected based on the criteria of interdisciplinary nature (economics, ecology, political, geography science) and relevance to regional planning in the People's Republic of China.

Results. It has been established that the core of the discursive concept is strictly tied to the economic sphere: “regional planning” in China is interpreted as a tool for implementing national strategies through urbanization. However, since the 2010s, a steady shift toward environmentally oriented models (green planning, low-carbon transition) has been recorded, reflecting a response to environmental challenges and a continuation of economic policy. Four main interdisciplinary areas have been identified: economics; economics + ecology; economics + ecology + geography (spatial planning); economics + political science (strategic and urban planning). Peripheral concepts (sustainable development, land use, inclusive

urbanization) indicate the borrowing of Western approaches, but their adaptation is limited by the dominant role of the state. The directive (“elitist”) nature of planning is criticized; however, attempts to engage businesses and citizens remain marginal.

Conclusion. The distinctive nature of regional planning lies in the combination of traditional closed governance and new participatory elements, while maintaining control by the Chinese Communist Party as the primary instrument of social governance. The study confirms the effectiveness of frame analysis in identifying hidden priorities in discourse and demonstrates that English-language academic discourse serves as a “showcase” for Chinese reforms, adapting global concepts to local political logic. The findings can be used for comparative studies of regional governance in countries with different political systems.

Keywords: regional planning, China, global economy, spatial planning, sustainable development, urbanization, territorial development, government regulation, frame analysis

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Veryuzhskaya E.R., Kremnyov E.V., Kuznetsova O.V. How China Adapts Plans to Regions: Representation of the Discursive Concept of “Regional Planning” in English-Language Academic Communication. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(3):572–589. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.572-589>

ВВЕДЕНИЕ

Региональное планирование в современном Китае – важный инструмент социального управления. Посредством системы национальных, провинциальных и муниципальных планов государство регулирует урбанизацию, развитие инфраструктуры, землепользование, размещение производств и природоохранную деятельность. Проявление этого механизма особенно заметно на фоне различий между приморскими и внутренними провинциями, крупными агломерациями и сельскими районами. В условиях таких диспропорций эффективность управления во многом зависит от того, насколько общегосударственные приоритеты могут быть адаптированы к потребностям конкретных территорий.

Социальная проблема, определившая направленность исследования, связана с противоречием между разнообразием региональных условий и централизованным характером принятия решений. Быстрый экономический рост и урбанизация способствовали развитию городов и инфраструктуры, но одновременно обострили неравенство регионов, экологические проблемы и конкуренцию за землю и энергетические ресурсы. Решения, принимаемые на вышестоящих уровнях управления, не всегда учитывают запросы местных сообществ, особенности городской среды, а также приоритетность сохранения культурного наследия. Поэтому центральной становится проблема сочетания единой государственной стратегии (с учетом региональной специфики) и участия различных социальных акторов.

Актуальность проблемы усиливается в связи с изменением приоритетов китайской политики. Если раньше региональное планирование было ориентировано преимущественно на индустриализацию, инвестиции и рост городов, то с 2010-х гг. значение приобрели устойчивое развитие, низкоуглеродный переход и повышение качества среды. Вместе с тем включение экологических и социальных задач еще не свидетельствует о трансформации механизма управления. Новые ориентиры могут быть встроены в прежнюю вертикальную систему, в которой государство сохраняет решающую роль.

Англоязычные публикации служат одним из основных каналов включения китайского опыта в глобальный академический диалог о методах принятия наиболее

значимых решений в сфере регионального планирования. В этих работах национальная практика объясняется через признанные во всем мире понятия пространственного планирования, устойчивого развития, урбанизации на принципах инклюзивности и участия различных заинтересованных сторон.

С одной стороны, англоязычный дискурс фиксирует китайскую модель, с другой – отбирает и интерпретирует ее характеристики для международной аудитории. В результате формируется представление о том, какие элементы китайского опыта могут быть сопоставлены с практиками других стран или перенесены в иные институциональные условия на фоне одновременных процессов глобализации и регионализации¹. Это приобретает дополнительное значение в контексте трансграничных инвестиционных и инфраструктурных проектов, через которые распространяются определенные способы координации территориального развития.

Цель исследования – структурировать подходы к понятию «региональное планирование» в англоязычных исследованиях Китая, а именно выделить его базовые характеристики, междисциплинарные связи и направления смысловой эволюции.

Исследовательский вопрос состоит в том, сопровождается ли усиление экологических и социальных приоритетов изменением директивного характера китайского планирования. В качестве гипотезы выступило предположение, что рассматриваемое понятие эволюционирует от преимущественно экономической трактовки к экологической и пространственной проблематике, однако сохраняет этатистский ориентир, отражающий ведущую роль централизованных механизмов управления.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Дискурсивное понятие «региональное планирование» находится в фокусе внимания зарубежных и российских исследователей. Его содержание формировалось по мере того, как планирование территорий переставало восприниматься исключительно в контексте решения градостроительных задач и начинало рассматриваться в связи с социальными, экономическими, экологическими и управленческими процессами. В научной литературе под региональным планированием может подразумеваться способ организации пространства, механизм согласования отношений между обществом и природной средой, инструмент стратегического управления развитием территории.

Одним из основоположников регионального планирования считается шотландский ученый П. Геддес, который использовал упомянутый термин в книге «Эволюция городов. Знакомство с движением за городское планирование и наукой об обществе»². Согласно сформулированным им базовым положениям, проектированию должно предшествовать комплексное изучение территории. Природно-географические особенности региона, включая рельеф, климат и доступные ресурсы, образуют сложную систему взаимодействия человека с окружающей средой. Они определяют не только внешний облик поселений, но также хозяйственную специализацию

¹ Плотникова О.В., Дубровина О.Ю. Глобализация и регионализация, их влияние на международное сотрудничество регионов государств. *Власть*. 2013;(2):134–136. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/1883> (дата обращения: 12.07.2026).

² Geddes P. *Cities in Evolution: an Introduction to the Town Planning Movement and to the Study of Civics*. London: Williams and Norgate; 1915. 409 p.

территории и занятия ее населения. По этой причине планировку городов нельзя рассматривать отдельно от окружающего их регионального пространства [1].

В дальнейшем П. Геддес выдвинул на первый план гармонизацию отношений между природной средой и человеческой цивилизацией. Благодаря этому региональное планирование обрело также социально-экологическое содержание. Тем не менее данный подход не дает однозначного ответа на вопрос о том, какие субъекты должны определять цели развития территории и каким образом следует согласовывать интересы власти, экспертов и населения, что важно при изучении элитарных и этатистски ориентированных моделей управления.

Отечественное научное сообщество также внесло вклад в осмысление рассматриваемой проблематики. Так, Н. З. Сайфутдинова предложила трактовать исследуемое дискурсивное понятие через взаимодополнение академических знаний и управленческих компетенций [2]. При таком подходе научный анализ позволяет определить особенности территории и возможные направления ее развития, тогда как управленческие компетенции обеспечивают перевод полученных знаний в систему практических решений. Эффективность планирования, следовательно, зависит от согласованности исследовательской и административной составляющих.

Представлен в литературе и опыт междисциплинарного анализа, основанного, в частности, на объединении истории, социологии, политологии и географии [3]. Историческая перспектива раскрывает зависимость планирования от ранее сформировавшихся институтов, география акцентирует внимание на структуре территории, политология – распределении полномочий, социология – на последствиях решений для населения. Такое сочетание дает возможность рассматривать региональное планирование не как нейтральную техническую процедуру, а как социально и политически обусловленную практику.

В то же время междисциплинарность порождает терминологическую неоднородность: региональное планирование может сближаться со стратегическим, пространственным, территориальным и городским планированием, причем границы между ними не всегда определяются одинаково.

Что касается Китая, проблемы его регионального и городского планирования сегодня изучаются в рамках разных отраслей научного знания [4]. Интерес к китайскому опыту связан с масштабом урбанизации, существенными различиями между регионами и ведущей ролью государства в определении направлений территориального развития. Однако существующие работы преимущественно освещают отдельные аспекты планирования, тогда как способы языковой и концептуальной объективации данного конструкта в англоязычном дискурсе о Китае остаются систематизированы недостаточно.

Таким образом, несмотря на наличие ряда работ о региональном планировании, его дискурсивная репрезентация недостаточной изучена. Требуют уточнения соотношения экономических, экологических и управленческих компонентов понятия; связи со смежными категориями; характер отражения китайской модели в международной академической коммуникации. Систематизация имеющегося корпуса знаний позволит полнее представить процессы стратегического планирования, определяющие траекторию развития Китайской Народной Республики, специфику управления ею и степень интеграции в глобальный контекст. Научная значимость

такого анализа определяется дальнейшим развитием инструментария трансдисциплинарной регионологии.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом для исследования послужил корпус из 30 научных статей по теме регионального планирования, отобранных методом целевой выборки по ключевым словам (*regional planning, spatial planning, urban planning, China*) и их сочетаниям на электронных ресурсах Semantic Scholar, JSTOR, ScienceDirect и Springer.

Корпус формировался при помощи целенаправленного критериального отбора с установленным ограничением объема до 30 публикаций.

Критериями отбора текстов послужили:

- тематическая релевантность: отражение аспектов регионального планирования как в общем теоретическом ключе, так и на примере отдельных регионов;
- научная авторитетность: размещение в изданиях, специализирующихся на проблематике регионального планирования;
- хронологические рамки: период опубликования с 2000 по 2025 г., что позволило зафиксировать актуальные наработки в данной сфере;
- междисциплинарность: охват минимум трех направлений, значимых для разработки региональных планов: экономического (инвестиционная политика), экологического (управление природными ресурсами) и градостроительного.

Из результатов поиска исключались публикации на основании дублирования, отсутствия рецензирования или полного доступа, нарушения заданных хронологических рамок, а также узкотехнические исследования, не рассматривавшие социально-экономический или управленческий контекст. После проверки названий, аннотаций и полных текстов на соответствие указанным критериям в итоговую выборку вошли 30 статей.

Выбор англоязычных материалов (в том числе написанных китайскими авторами) обусловлен стремлением выявить формирование Китаем системы регионального планирования в контексте трансрегиональных и глобальных процессов. Англоязычный дискурс направлен вовне и ориентирован на привлечение международной экспертной аудитории.

Теоретико-методологические основания. В основу исследования легла комплексная методика, опирающаяся на системный анализ. Ведущим методом выступил концептуальный анализ; в качестве базовой дефиниции использовалось «дискурсивное понятие» (в ряде случаев сокращенно «понятие»), трактуемое в соответствии с подходом В. А. Курдюмова [5]. Это позволило учесть диахронную динамику дискурса: синхронный анализ выступил лишь как реконструкция более глубоких исторических и смысловых пластов.

Уточнение терминологического аппарата. Термин «дискурсивное понятие» введен как один из уточненных аналогов дефиниции «концепт», которое в отечественной науке время от времени подвергается пересмотру. «Концепт» обычно рассматривается как «самодостаточная система» в рамках деления на язык и речь, которые пересекаются, но якобы остаются изолированными и при этом существуют в статике, тогда как в действительности это совокупность процессов порождения и восприятия [5, с. 4307], что делает динамику их важнейшей характеристикой [6].

Со ссылкой на работу Р. М. Фрумкиной³ В. А. Курдюмов указывает на то, что «понятие» переводится на английский язык как *concept* и использовалось в ранних переводах на русский (до появления категории «концепт») [5]. Это делает очевидной необходимость поиска уточненного термина, который бы не смешивал русскоязычный «концепт» и англоязычный *concept*, а также учитывал динамическую сущность языка.

«Дискурсивное понятие» В. А. Курдюмов осмысляет в рамках предикационной концепции и определяет как «...типичный для данного типа общности топик дискурса, подразумевающий в том числе и устойчивую сформировавшуюся, часто консервативную трактовку, т. е. в рамках устойчивой пары “топик – комментарий” понятие соотносимо с той или иной степенью (национальной или стремящейся к национальной) идеологичности» [5, с. 4308].

Методы анализа и визуализации данных. Для характеристики дискурсивного понятия «региональное планирование» (англ. *regional planning*) применялись методы:

1) интерпретативный с привлечением метода инференции – для выявления неявных смыслов и логических выводов, следующих из контекста употребления термина;

2) систематизации и схематизации – для упорядочивания выявленных элементов понятия;

3) фреймовый анализ – для структурирования знаний. В результате были выделены три основных фреймовых кластера (экономический, эколого-экономический и политико-управленческий), 15 смежных дискурсивных понятий (с наличием компонента «планирование» в структуре каждого из них) и 10 периферийных (без указанного компонента, но наиболее частых в употреблении в связи с основным понятием).

В рамках исследования фреймы трактовались как форматы репрезентации знания⁴; в качестве фреймов выступали научные области, в которых фиксировалось употребление анализируемого понятия. Также учитывались сопутствующие дефиниции, имевшие корреляцию с дискурсивным понятием «региональное планирование», его смежные и периферийные области.

Ядерная зона дискурсивного понятия может быть определена несколькими словами [7, с. 53]. Так, «региональное планирование» представляет собой ядро понятия – объекта исследования.

Цель и задачи исследования в методологическом контексте. Обнаружение не только локальных, но и глобальных тенденций в употреблении изучаемых дискурсивных конструктов, связанных с региональным планированием в китайском контексте, составляет основную задачу исследования, которая коррелирует с проблемным полем трансдисциплинарной регионологии⁵.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Функционирование термина «региональное планирование» в англоязычном академическом дискурсе о Китае. Для формирования системного представления

³ Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип. В кн.: Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН; 1992. С. 28–43.

⁴ Соколова О.В. Категория фрейма в когнитивной лингвистике. *Вестник Астраханского государственного технического университета*. 2007; (1):236–239. С. 236. <https://www.elibrary.ru/jtlukf>

⁵ Кремнев Е.В., Кузнецова О.В., Лесниковская Е.В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология : монография. Под науч. ред. Е.Ф. Серебренниковой. Иркутск: Изд-во ИГУ; 2020. С. 39, 43. <https://www.elibrary.ru/jrhhuv>

о функционировании дискурсивного понятия «региональное планирование» в приложении к китайскому региональному пространству проанализированы отобранные статьи. Наиболее типичные подходы приведены ниже (таблица).

Таблица. Функционирование дискурсивного понятия «региональное планирование» в англоязычном научном дискурсе, посвященном развитию Китая

Table. Functioning of the discursive concept of “regional planning” in English-language scientific discourse devoted to the development of China

Тематический кластер (фреймы) дискурсивного понятия / Thematic cluster (frames) of the discursive concept	Смежное дискурсивное понятие / Related discursive concept	Периферийное дискурсивное понятие / Peripheral discursive concept
Экономика / Economics	Региональное и городское планирование роста / Regional and urban planning growth	Городское развитие, национальное развитие, региональное развитие / Urban development, national development, regional development
Экономика, экология / Economics, ecology	Планирование зеленого пути, качественного жилищного окружения, городское, сельское планирование, планирование энергосистемы / Greenway planning, quality living circle planning, urban planning, rural planning, energy system planning	Устойчивое развитие / Sustainable development
Экономика, экология, география / Economics, ecology, geography	Пространственное планирование, территориально-пространственное планирование / Spatial planning, territorial spatial planning	Устойчивое развитие, «расползание городов», инклюзивная урбанизация / Sustainable development, urban sprawl, inclusive urbanization
	Стратегическое пространственное планирование, планирование пространственного зонирования, планирование защиты окружающей среды / Strategic spatial planning, spatial zoning planning, environmental protection planning	Пространственная политика / Spatial policy
Экономика, экология, политология / Economics, ecology, political science	Городское планирование / Urban planning	Устойчивое развитие, землепользование / Sustainable development, land use
Экономика, политология / Economics, political science	Региональное стратегическое планирование / Regional strategic planning	Региональное управление / Regional governance
	Городское планирование (планирование микрорайонов) / Urban planning (neighborhood planning)	Развитие / Development
История, политология, социология / History, political science, sociology	Общее планирование / Overall planning	—

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Source: compiled by the authors based on the research results.

Рассмотрим функционирование дискурсивного понятия «региональное планирование» в рамках трех выявленных базовых фреймов (экономическое ядро, эколого-экономический сдвиг, политико-управленческий аспект).

Экономическое ядро (планирование как драйвер роста). Наиболее значимой сферой употребления изучаемого дискурсивного понятия становится сфера экономики. Такой подход порождает работы, посвященные теоретическим вопросам общенационального значения. Региональное планирование в них трактуется как инструментальный механизм, призванный обеспечить практическую реализацию стратегических установок национального масштаба. Выделяется ряд иерархических уровней территориального развития, а также предлагается типологизация регионов КНР, базирующаяся на принципе отраслевой специализации, что находит выражение в концепции функционального зонирования пространства.

В показательной для этого фрейма классификации регионов присутствуют:

- ареалы, закрытые для хозяйственной деятельности, их выделение продиктовано необходимостью сохранить природное и культурное достояние;
- территории с рестриктивным режимом освоения, ориентированные на обеспечение продовольственной и экологической стабильности;
- области, благоприятствующие развитию, где фиксируется активная модернизация сложившихся экономических укладов;
- зоны приоритетного роста, учреждаемые в целях форсирования процессов индустриализации и урбанизации [8, с. 1].

Иначе говоря, даже в экономическом фрейме, демонстрирующем ориентир Китая на промышленный рост, наблюдается постепенный переход к экономико-экологическим проблемам, что прямо связано с ускоренным экологическим развитием. Таким образом, на региональное планирование возлагается задача управления экологическими рисками, даже если экспертиза большей частью касается экономических вопросов.

Эколого-экономический сдвиг (переход к устойчивости). Междисциплинарный ракурс рассмотрения исследуемого понятия связан с интеграцией экономического и экологического подходов. В этом фрейме фиксируется смена парадигмальных установок в сфере территориального регулирования Китая, причем в качестве основного детерминирующего ее фактора называется ограниченная применимость зарубежных моделей при экстраполяции на китайские реалии [9, с. 14]. В ходе трансформации обнаруживается сдвиг от проектирования пространств, нацеленных в первую очередь на выполнение экономической функции, к моделям, ориентированным на улучшение экологии – повышение качества городской жилой среды.

При переходе к вопросам экологии в смежную зону исследуемого дискурсивного понятия включены компоненты: планирование зеленого пути, качественного жизненного пространства, городское и сельское планирование.

В данном фрейме речь тоже идет об энергосистемах, которые рассматриваются в контексте дискурсивного понятия «региональное планирование». Здесь это понятие представляет такое планирование энергосистемы, которое может осуществляться посредством использования двух контрастных стратегий: детерминистской, исходящей из жесткой предопределенности результата каждого решения, и стратегии с вероятностными ограничениями, предполагающей учет факторов неопределенности. Причем второй подход в большей степени соответствует целям сокращения углеродных выбросов [10, с. 3].

Дополнительно эколого-экономический фрейм подкрепляется географическим ракурсом. При этом часто используется термин «пространственное планирование», определяемый как географическая проекция регионального социума, экономических процессов, социокультурных характеристик и экологической политики, которая обусловлена культурно-историческими и политико-правовыми особенностями развития региона.

Пространственное планирование делят на сельское, городское, планирование землепользования и функциональных экологических зон. Помимо того, выделяют типы планирования по цели, в частности моноориентированное (когда территория проектируется и развивается с доминированием одной функции или типа использования), комплексное и ориентированное на развитие. Целью пространственного планирования является устойчивое региональное развитие. При этом изучаемое понятие употребляется в связи, например, с дефинициями «инклюзивная урбанизация» и «расползание городов»⁶.

Любопытно, что во многих работах о Китае на английском языке можно увидеть вариации изучаемого понятия. Так, под «пространственным планированием» еще подразумевается комплекс мероприятий в целях освоения и охраны отдельных регионов. Выделяется его разновидность – стратегическое пространственное планирование, наделенное особым государственным статусом и подразделяющееся на общее, специальное и детализированное. Первые две категории дополнительно структурируются по пяти управленческим уровням: общегосударственному, провинциальному, городскому, уездному и волостному. Детализированное планирование, в свою очередь, имеет преимущественно регулятивный и нормативно-распорядительный характер; дифференцируется на контрольное и конструктивное.

В дискурсивном поле понятие «региональное планирование» коррелирует с такими дефинициями, как «общее планирование», «пространственное зонирование», «планирование в сфере охраны окружающей среды» и «пространственная политика» [11].

Значимым сегментом исследований регионального планирования в рамках экономико-экологической сферы с задействованием географии и политологии выступает изучение городов. Это важный тренд современной социальной науки, поскольку «каждое новое “прочтение” городского пространства – не новым читателем, а новым способом, становится фактически еще одним текстом города, новым элементом его текстуры» [12, с. 1814]. Городское планирование все чаще занимает центральное место в рамках таких исследований, поскольку город выступает точкой схождения экономических и политических интересов: урбанизация для современного Китая – одна из базовых задач в сфере повышения качества жизни.

В свою очередь, механизмом активизации экономического роста за счет урбанизационных процессов служит региональное планирование. В числе его форм в китайской модели – планирование роста, предполагающее, что определение целевых ориентиров находится в компетенции государства и городское планирование выступает главным средством реализации задач [13, с. 3].

⁶ Wu Y., Shan L., Zheng S., Lai S.-K., Xia B. Regional Planning Reconfiguration in China Based on Inclusiveness: Examining Development and Control Orientation. *Journal of Urban Planning Development*. 2020;146(3):578. [https://doi.org/10.1061/\(ASCE\)UP.1943-5444.0000578](https://doi.org/10.1061/(ASCE)UP.1943-5444.0000578)

Значительное место в исследованиях отводится процессам территориальной экспансии городов и их воздействию на развитие районов, которые формально расположены за административными границами урбанизированных территорий. В условиях «наступления» города предпринимаются попытки дать новое определение региональному планированию и оценить его роль в стране. Основная трудность при этом обусловлена отсутствием устоявшегося толкования понятия «регион», а также изменчивостью его смыслового наполнения на разных исторических этапах. В XXI веке в КНР данный термин применяется широко: для обозначения любых пространственных образований крупнее городских.

Стратегический характер планирования в Китае находит выражение в двух основных формах: общегосударственном плане развития народного хозяйства и генеральных планах городской застройки. Иерархия городского планирования, в свою очередь, выстраивается на двух уровнях. Принципиальным отличием модели является административная структура городских регионов: на вершине располагаются муниципалитеты центрального подчинения, за которыми следуют столицы провинций, города субпровинциального, префектурального и окружного рангов. Для всех, за исключением центральноподчиненных, характерно включение в их состав как урбанизированного ядра, так и пригородных районов. В западных исследованиях городского пространства подобное положение, по общему правилу, характеризуют термином «мегаполис».

Региональное планирование здесь находится на стыке с такими дискурсивными понятиями, как «устойчивое развитие» и «землепользование», а с точки зрения сфер науки и практики входит в проблематику политологии, экономики и экологии⁷.

Упомянутая смежная составляющая – городское планирование – становится отдельным предметом анализа. В этой сфере осуществляется планирование микрорайонов, связанное с жизнью каждого горожанина.

Обозначаются несколько стратегий в решении вопросов городского планирования. Первая представляет традиционное планирование, где решения принимаются исключительно правящей элитой. Вторая – совместное планирование, чаще используемое на уровне микрорайонов в случае, если предполагается участие широкого круга акторов помимо государства (бизнеса, общественных организаций, профильных специалистов и др.) для повышения результативности. Третья – ориентирована на сохранение историко-культурного наследия. Это дает возможность проектировать город будущего с учетом различных мнений [14] во избежание создания мертвых городов как порождения планирования, оторванного от реальных запросов населения (такое уже случалось).

Для достижения консенсуса с властью подобные экономически ориентированные работы создаются на стыке с политологией, а городское планирование связывается с обобщенным дискурсивным понятием развития⁸.

Таким образом, дискурсивное понятие «региональное планирование» преимущественно используется в экономической и политологической областях знания.

⁷ Wong C., Qian H., Zhou K. In Search of Regional Planning in China: The Case of Jiangsu and the Yangtze Delta. *Town Planning Review*. 2008;79(2/3):295–329. <https://doi.org/10.3828/tpr.79.2-3.8>

⁸ Abramson D.B. Urban Planning in China: Continuity and Change: What the Future Holds May Surprise You. *Journal of the American Planning Association*. 2006;72(2):197–215. <https://doi.org/10.1080/01944360608976739>

В пределах политического дискурса стратегическое планирование приобретает статус центрального объекта, будучи представленным как фундаментальный элемент системы, которая гарантирует институциональное верховенство центра и реализацию стратегических установок государства⁹. В таком ракурсе тесно соотносятся дефиниции «региональное планирование» и «региональное управление».

Политико-управленческий аспект (директивность и партисипаторность).

Более очевидная связь с управленческими концепциями прослеживается в иной значимой сфере совмещения научных дисциплин, на пересечении которых изучается региональное планирование, – на стыке политологии, социологии и истории. В рамках этого фрейма проводятся параллели между политическим устройством стран и особенностями протекания в них процессов регионального планирования. В Китае данные процессы на протяжении длительного времени демонстрировали сравнительно низкую результативность, что может объясняться недостаточным учетом регионального уровня в рамках директивных управленческих решений. Именно под влиянием этой модели региональное планирование в КНР получило определение как директивное.

Для обозначения регион-специфичной смежной зоны исследуемого понятия введен термин «общее планирование», который охватывает такие направления, как землепользование, экономическое структурирование, социально-экономические трансформации, а также природоохранные вопросы [15]. Центральной проблемой регионального планирования становится поиск верного соотношения между планированием со стороны государства и партии (это позволяет сохранить ведущую роль в процессах социального управления) и повышением эффективности процесса планирования за счет диверсификации участников.

Дискурсивные контуры регионального планирования в Китае: междисциплинарные зоны и смысловые блоки. Приведенные примеры являются показательными для демонстрации системного функционирования дискурсивного понятия «региональное планирование» в отношении Китая. Анализ показал, что экономическая сфера доминирует (встречаемость в 100 % текстов, при этом только в 20 – без прямой связи с экологическими и политическими вопросами), экологическая повестка растет (преобладает в 70 % текстов после 2012 г. в связи с принятием концепции экологической цивилизации). Политико-управленческий аспект в англоязычной литературе о региональном планировании упоминается в 10 % текстов. Он также прослеживается сильнее после 2012 г., с приходом к власти Си Цзиньпина и началом усиления управленческой вертикали; в более новых работах заметно усилен.

Экономическая проблематика определяет основное смысловое поле, к которому привязывается региональное планирование. В частности, экономике принадлежит смежная категория изучаемого понятия «городское планирование роста». Она коррелирует с городским развитием, рассматриваемым как одна из форм регионального развития. Последнее в экономической плоскости, помимо прочего, смыкается с дискурсивным понятием национального развития. Данная сфера является приоритетной с точки зрения системы социального управления,

⁹ Xu J. Governing City-Regions in China: Theoretical Issues and Perspectives for Regional Strategic Planning. *Town Planning Review*. 2008;79(2/3):157–185. <https://doi.org/10.3828/tpr.79.2-3.2>

поскольку представляет собой стратегически важную для государства область сохранения ведущей позиции в вопросах развития страны.

Обособленным смысловым блоком предстает пересечение дисциплинарных областей истории, политологии и социологии, в котором исследуется «директивное региональное планирование». Здесь тоже обнаруживается регионально маркированная смежная зона изучаемого дискурсивного понятия – общее планирование, включающее землепользование, экономическое структурирование, социальные и экономические преобразования и вопросы экологической безопасности. Ее выделение обусловлено направленностью на критику сугубо элитистских подходов к планированию и поиски способов расширения состава участников этого процесса.

Междисциплинарная зона экономики и политологии более открыта к изучению участия разного рода акторов регионального планирования. Смежная зона дискурсивного конструкта «региональное стратегическое планирование» маркируется его смысловой связью с региональным управлением, а также с городским планированием и его подвидами, в том числе планированием на уровне микрорайонов. Все они соотносятся с родовым дискурсивным понятием «развитие».

В междисциплинарном поле, образованном экономикой, политологией и экологией, «региональное планирование» коррелирует с понятиями «устойчивое развитие» и «землепользование».

К области экономико-экологического сопряжения отнесены проектирование зеленого пути, обустройство благоприятной среды обитания, а также планирование урбанизированных и сельских территорий. В эту же категорию включаются планирование энергетических систем, пространственное планирование в его территориальном измерении и стратегическая форма последнего – все в их корреляции с природоохранным планированием, районированием и пространственной политикой.

В точке пересечения экономики, экологии и географии в качестве актуальной дискурсивной категории выступает «пространственное планирование», ассоциируемое с явлением «расползания городов» и парадигмой инклюзивной урбанистики. Указанные междисциплинарные области и поднимаемые в них вопросы в большей степени связаны с тем, что государство привлекает к планированию других участников: от бизнес-структур и общественных организаций до отдельных экспертов и инициативных граждан. Вместе с тем периферийность дискурсивных понятий в данном случае отражает периферийную роль иных участников, кроме государства.

ОБСУЖДЕНИЕ

Проанализированный корпус текстов позволяет сделать выводы о ряде дефиниций и типологий, связанных с дискурсивным понятием «региональное планирование». Региональное планирование, обозначаемое еще как пространственное, представляет собой географическую проекцию регионального социума. Оно определяется развитием экономики и социокультурной сферы, а также стратегиями региона в области экологии. Этот комплекс факторов складывается в связи со спецификой отдельной территории, ее культурой и историей, правом и местными политическими и общественными институтами. Данный вид планирования может рассматриваться через дихотомию сельского и городского планирования (последнее, в свою очередь, включает нижний детализированный уровень и верхний системный).

Кроме того, планирование разделяется в сфере землепользования и в области функциональных экологических зон; дифференцируется по целевой направленности на моноориентированное и комплексное региональное/пространственное.

В случае, когда региональное планирование обозначается термином «территориально-пространственное планирование», под ним понимаются различные мероприятия, направленные на защиту и развитие тех или иных регионов. Оно подразделяется на общее, специальное и детализированное. Первые две категории реализуются на пяти иерархических уровнях (национальном, провинциальном, муниципальном, уездном и волостном), тогда как детализированное планирование существует в двух формах: контрольной и конструктивной. При этом общее планирование наделено регион-специфичными чертами.

В китайской практике выделяется ряд подходов к организации городского планирования: традиционный, основанный на участии только властных структур; совместный, вовлекающий широкий круг стейкхолдеров; ориентированный на сохранение культуры и истории региона, и др.

Наиболее тесно исследуемое дискурсивное понятие соотносится со сферой экономики, далее по степени значимости следуют пересечения с экологией, политологией и географией; на периферии – предметная область пересечения с политологией, социологией и историей.

Авторы проанализированных работ довольно подробно рассматривают городское и региональное планирование и их подвиды, пространственное планирование в рамках обобщенного анализа, стратегическое планирование. Помимо них, изучаются планирование зеленого пути, качественного жилищного окружения, защиты окружающей среды, микрорайонов, а также сельское планирование. Региональное планирование сопоставляется с региональным развитием и его разновидностями, устойчивым развитием, терминами, описывающими проблемы городского развития и планирования.

В современных научных представлениях дифференцирование терминов и понятий в системе регионального планирования в Китае отражает специфику подходов к планированию развития регионов, разнящихся как по размеру и месту в иерархии (например, национального, кросс-провинциального, провинциального, городского и иного уровня), так и по свойствам (в частности, городских и сельских, объектов культурно-исторического наследия, экологически ориентированных и т. п.). Это дает понимание роли указанного дискурсивного понятия в общем контексте национального планирования.

Несмотря на сохранение элементов плановой экономики и существенного государственного вмешательства в экономическую систему, на первый план выходят вопросы развития регионов. При этом планы развития регионов должны адаптироваться под конкретные условия и специфику территорий, где они внедряются.

Китайские эксперты адаптируют западное понимание регионального планирования (в том числе П. Геддеса) для разработки собственных подходов. Так, реализуется совмещение традиционных и нетрадиционных подходов к региональному и городскому планированию. При «элитарном» варианте политической администрации национального и регионального уровня производится закрытое планирование, определяющее наиболее важные стратегические цели. Второй

вариант, открытого типа, предполагает более широкое привлечение специалистов, заинтересованных общественных организаций и бизнеса.

Что касается соотношения с системой социального управления, то региональное управление становится одним из ее важных инструментов в связи с необходимостью совмещать два процесса: сохранение власти Коммунистической партии Китая через функционал директивного планирования и повышение эффективности планирования через расширение участия в нем различных социальных акторов (бизнеса, общественных организаций, научного сообщества, экспертов из различных отраслей).

Так реализуется попытка совместить глобальный опыт децентрализации регионального планирования и локальную китайскую практику его централизации. При этом репрезентация китайского регионального планирования в англоязычном дискурсе отражает не только специфику внутренней модели развития, но и ее восприятие как значимого примера централизованного управления в условиях глобализации, что формирует ожидания и дискуссии о применимости отдельных элементов этой модели в других странах.

Таким образом, гипотеза о ведущей роли централизованных механизмов управления при осуществлении регионального планирования получила подтверждение.

Исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, корпус включает всего 30 англоязычных публикаций, отобранных из баз ScienceDirect, Springer, JSTOR и Semantic Scholar, поэтому полученные выводы не могут быть автоматически распространены на весь массив исследований регионального планирования в Китае. Во-вторых, за пределами анализа остались китайско- и русскоязычные работы, официальные документы и иные виды материалов, вследствие чего результаты характеризуют именно англоязычную академическую репрезентацию, а не региональное планирование КНР как практику. В-третьих, целенаправленный критерийный отбор предполагал влияние исследовательских решений на состав источников. Наконец, интерпретативный характер фрейм-анализа не исключает вариативности при выделении смысловых компонентов и определении границ между ядерной и периферийной зонами понятия.

Указанные ограничения задают перспективы дальнейшей проверки результатов на более крупном и многоязычном корпусе с привлечением официальных документов и процедур независимого кодирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование дает понимание специфики развития региона, взаимосвязей между наиболее значимыми процессами в нем, актуальных проблем и степени его интеграции в глобальное мировое пространство. Выявлено, что экономическая составляющая наиболее значима для регионального планирования; она в значительной степени связана с проблемами экологии и обеспечением устойчивого развития городов как основных точек роста. Все больше внимания уделяется решению задачи уравнивания двух разнонаправленных трендов, а именно активного включения Китая в глобальную повестку обсуждения вопросов регионального планирования, которая отличается процессами децентрализации, и усиления внутренней централизации регионального планирования в стране. Заметны попытки заимствовать мировой опыт с опорой на его адаптацию под местные условия.

Дополнительным потенциалом исследования выступает разработка аналитической схемы для изучения способов презентации дискурсивных понятий, значимых для магистральных региональных процессов. Назначение данной схемы состоит в обнаружении различий в подходах, что позволяет идентифицировать и соотносить между собой локальные и глобальные векторы концептуализации изучаемых феноменов.

Практическая значимость работы определяется возможностью использовать ее результаты в профильных областях: образовании – при изучении теории регионального планирования и реализации таких проектов на практике в КНР; сфере управления – в рамках применения изученного опыта для анализа и разработки собственных концепций регионального планирования; международных отношениях – для установления взаимовыгодного партнерства между регионами России и Китая, основанного на понимании того, как КНР видит региональное развитие.

Дальнейшие исследования в этой сфере могут быть направлены на анализ большего числа дискурсивных понятий и расширенного количества фреймов на материале тех регионов, которые представляют стратегический интерес для изучения, с целью получения актуальной и полноценной картины специфики их развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Young R.F. “Free Cities and Regions” – Patrick Geddes’s Theory of Planning. *Landscape and Urban Planning*. 2017;(166):27–36. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.03.007>
2. Сайфудинова Н.З. Анализ успеха стратегического регионального планирования Сингапура. *Московский экономический журнал*. 2019;(8):237–241. URL: <https://qje.su/ru/nauka/issue/4576/view> (дата обращения: 12.07.2026).
3. Бляхер Л.Е., Григоричев К.В., Демьяненко А.Н., Киреев А.А., Клиценко М.В., Швецов А.Н. Институты пространственного развития России в контексте исторического опыта. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2025;19(1):72–83. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/72-83>
4. Лебединцева Л.А., Дерюгин П.П., Хайлунь Ч. Социологическое измерение урбанизации в Китае. *Информация–Коммуникация–Общество*. 2025;(1):236–240. <https://elibrary.ru/asczmk>
5. Курдюмов В.А. Система дискурсивных понятий тайваньской реальности. Опыт создания краткого толкового словаря. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023;16(12):4305–4316. <https://doi.org/10.30853/phil20230654>
6. Динамика и статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации: монография. Отв. ред. Е.Ф. Серебренникова. Иркутск: Изд-во ИГУ; 2021. 285 с. <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1920-6.2021.1-285>
7. Максимовских А.Г. Концепт и средства его репрезентации. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015;(15):53–57. <https://elibrary.ru/ukplbr>
8. Liu H. Regional Planning: China. In: *International Encyclopedia of Geography: People, the Earth, Environment and Technology*. Eds D. Richardson, N. Castree, M.F. Goodchild, A. Kobayashi, W. Liu and R.A. Marston. 2017. P. 1–2. <https://doi.org/10.1002/9781118786352.wbieg0999>
9. Liang Y., Zhou Z., Li X. Dynamic of Regional Planning and Sustainable Development in the Pearl River Delta, China. *Sustainability*. 2019;11(21):6074. <https://doi.org/10.3390/su11216074>
10. Zhang J., Tian G., Chen X., Liu P., Li Z. A Chance-Constrained Programming Approach to Optimal Planning of Low-Carbon Transition of a Regional Energy System. *Energy*. 2023;278(A):127813. <https://doi.org/10.1016/j.energy.2023.127813>
11. Liu Y., Zhou Y. Territory Spatial Planning and National Governance System in China. *Land Use Policy*. 2021;102:105288. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2021.105288>
12. Григоричев К.В. Полифония городских текстов: локальности, границы и социальные группы в текстурах периферийных пространств города. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2024;17(10):1810–1815. <https://elibrary.ru/EFPWRW>

13. Wang Z., Wu F. Regional and Urban Planning for Growth in China. In: International Encyclopedia of Geography: People, the Earth, Environment and Technology. Eds D. Richardson, N. Castree, M.F. Goodchild, A. Kobayashi, W. Liu and R.A. Marston. 2020. P. 1–8. <https://doi.org/10.1002/9781118786352.wbieg2021>
14. Савченко И. Текстология города будущего: ретрофутуризм как алгоритм. *Проект Байкал*. 2024;21(80):102–107. <https://www.elibrary.ru/doyxjp>
15. Chung H. Unequal Regionalism: Regional Planning in China and England. *Planning, Practice and Research*. 2015;30(5):570–586. <https://doi.org/10.1080/02697459.2015.1076135>

REFERENCES

1. Young R.F. “Free Cities and Regions” – Patrick Geddes’s Theory of Planning. *Landscape and Urban Planning*. 2017;(166):27–36. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.03.007>
2. Sayfudinova N.Z. [Analysis of the Success of Singapore’s Strategic Planning]. *Moscow Economic Journal*. 2019;(8):237–241. (In Russ.) Available at: <https://qje.su/ru/nauka/issue/4576/view> (accessed 12.07.2026).
3. Bliakher L.Y., Grigoriev K.V., Demyanenko A.N., Kireev A.A., Klitsenko M.V., Shvetsov A.N. Institutions of Spatial Development of Russia in the Context of Historical Experience. *Oikumena. Regional Researches*. 2025;19(1):72–83. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2025-1/72-83>
4. Lebedintseva L.A., Deriugin P.P., Hailun Ch. The Sociological Dimension of Urbanization in China. *Information–Communication–Society*. 2025;1:236–240. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/asczmk>
5. Kurdyumov V.A. System of Discursive Concepts of Taiwanese Reality. Creating a Short Glossary. *Philology. Theory and Practice*. 2023;16(12):4305–4316. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30853/phil20230654>
6. Dynamics and Statics in Knowledge of Language Reality: Approaches, Models, Phenomena and Methods of Representation. Ed. E.F. Serebrennikova. Irkutsk: Irkutsk State University; 2021. 285 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1920-6.2021.1-285>
7. Maksimovskikh A.G. Concept and Means of its Representation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2015;(15):53–57. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/ukplbr>
8. Liu H. Regional Planning: China. In: International Encyclopedia of Geography: People, the Earth, Environment and Technology. Eds D. Richardson, N. Castree, M.F. Goodchild, A. Kobayashi, W. Liu and R.A. Marston. 2017:0999. <https://doi.org/10.1002/9781118786352.wbieg0999>
9. Liang Y., Zhou Z., Li X. Dynamic of Regional Planning and Sustainable Development in the Pearl River Delta, China. *Sustainability*. 2019;11(21):6074. <https://doi.org/10.3390/su11216074>
10. Zhang J., Tian G., Chen X., Liu P., Li Z. A Chance-Constrained Programming Approach to Optimal Planning of Low-Carbon Transition of a Regional Energy System. *Energy*. 2023;278(A):127813. <https://doi.org/10.1016/j.energy.2023.127813>
11. Liu Y., Zhou Y. Territory Spatial Planning and National Governance System in China. *Land Use Policy*. 2021;102:105288. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2021.105288>
12. Grigoriev K.V. Polyphony of Urban Texts: Localities, Boundaries and Social Groups in the Textures of Peripheral Spaces of the City. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2024;17(10):1810–1815. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/efpwrw>
13. Wang Z., Wu F. Regional and Urban Planning for Growth in China. In: International Encyclopedia of Geography: People, the Earth, Environment and Technology. Eds D. Richardson, N. Castree, M.F. Goodchild, A. Kobayashi, W. Liu and R.A. Marston. 2020. P. 1–8. <https://doi.org/10.1002/9781118786352.wbieg2021>
14. Savchenko I. Textual History of the Future City: Retrofuturism as an Algorithm. *Project Baikal*. 2024;21(80):102–107. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/doyxjp>
15. Chung H. Unequal Regionalism: Regional Planning in China and England. *Planning, Practice and Research*. 2015;30(5):570–586. <https://doi.org/10.1080/02697459.2015.1076135>

Об авторах:

Верюжская Евгения Романовна, преподаватель кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона Иркутского государственного университета (664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. К. Маркса, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-9589-1713>, SPIN-код: 4164-1327, eugenia.r.v@mail.ru

Кремнев Евгений Владимирович, доктор социологических наук, доцент-исследователь, ведущий научный сотрудник, руководитель Научно-методического объединения по востоковедению Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (236041, Российская Федерация, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5255-3772>, Researcher ID: Q-4396-2018, Scopus ID: 57211607591, SPIN-код: 9597-5548, kremnyov2005@yandex.ru

Кузнецова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент-исследователь, руководитель Научной группы по трансдисциплинарной регионологии Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (236041, Российская Федерация, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9895-0471>, SPIN-код: 9800-9784, kuznetsova1@mail.ru

Вклад авторов:

Е. Р. Верюжская – формальный анализ; проведение исследования; разработка методологии; визуализация; написание черновика рукописи.

Е. В. Кремнев – курирование данных; административное руководство исследовательским проектом; валидация результатов; критический анализ черновика рукописи.

О. В. Кузнецова – разработка концепции; научное руководство; критический анализ черновика рукописи.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 14.07.2025; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 18.03.2026.

About the authors:

Eugenia R. Veryuzhskaya, Lecturer of the Chair of Asia-Pacific Regional Studies, Staff Member of the Research Center for Transdisciplinary Regionology of Asia-Pacific Region, Irkutsk State University (1 K. Marksa St., Irkutsk 664003, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-9589-1713>, SPIN-code: 4164-1327, eugenia.r.v@mail.ru

Evgeny V. Kremnyov, Dr.Sci. (Sociol.), Research Associate Professor, Leading Researcher, Head of the Academic and Methodological Unit for Oriental Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University (14 A. Nevskogo St., Kaliningrad 236016, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5255-3772>, Researcher ID: Q-4396-2018, Scopus ID: 57211607591, SPIN-code: 9597-5548, kremnyov2005@yandex.ru

Olga V. Kuznetsova, Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor, Research Associate Professor, Head of the Research Group for Transdisciplinary Regional Studies of Immanuel Kant Baltic Federal University (14 A. Nevskogo St., Kaliningrad 236016, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9895-0471>, SPIN-code: 9800-9784, kuznetsova1@mail.ru

Contribution of the authors:

Е. Р. Veryuzhskaya – formal analysis; investigation; methodology; visualization; writing – original draft preparation.

Е. В. Kremnyov – data curation; project administration; validation; critical review.

О. В. Kuznetsova – conceptualization; supervision; critical review.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 14.07.2025; revised 10.03.2026; accepted 18.03.2026.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ /
POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES**<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.590-610><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/fggdaq>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 32:342.511(470+571)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Соотношение формальных и фактических полномочий
Президента России: влияние на федеральный
и региональный политический процесс****Н. А. Борисов**

*Российский государственный гуманитарный университет, <https://ror.org/0473ch268>
(г. Москва, Российская Федерация)
borisov.na@rggu.ru*

Аннотация

Введение. Вступление в силу поправки в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. положило начало новому этапу конституционного строительства в России, существенно трансформировав статус и полномочия президента. Цель статьи – выявить формальные и фактические полномочия Президента России в 2018–2025 гг., а также оценить их конгруэнтность в контексте федерального и регионального уровней публичной власти.

Материалы и методы. Исследование основано на авторской методике, синтезировавшей индексный анализ формы правления (А. Кроувел – О. Зазнаев) оценку законодательных и незаконотательных полномочий президента (М. Шугарт – Дж. Кэри), а также индекс институционализации института президентства. Полномочия президента систематизированы по пяти группам, для каждой определены конкретные полномочия и критерии их измерения (от 0 до 3 баллов) на основе конституционных норм и политической практики.

Результаты исследования. Установлено, что фактические полномочия президента превышают формальные (+5 баллов из 50). Ряд конституционных прерогатив (право вето, роспуск Думы, отрешение губернаторов) применяются крайне редко либо не используются; расширение фактической власти происходит через косвенные механизмы: назначение временно исполняющих обязанности глав регионов, оценку эффективности губернаторов, отставку «по собственному желанию». Поправки 2020 года и принятые в их развитие федеральные законы приблизили формальные нормы к сложившейся практике, повысив конгруэнтность институциональных правил.

Заключение. В новой конституционной модели президент консолидирует функции главы исполнительной власти, а иные органы выстраивают взаимодействие в рамках единой системы публичной власти. Президент обладает широкими инструментами влияния как на федеральном уровне, так и на региональный политический процесс, что укрепляет управляемость системы. Вместе с тем усиление

© Борисов Н. А., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

президентских полномочий актуализирует вопрос о механизмах обеспечения стабильности при возможной смене главы государства или изменении партийного состава парламента. Результаты могут быть использованы в государственном управлении для совершенствования институциональных механизмов и повышения устойчивости политической системы.

Ключевые слова: конституционные поправки, Президент России, формальные полномочия, фактические полномочия, политический институт, форма правления, политический процесс, региональная власть

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 25-28-00430 (<https://rscf.ru/project/25-28-00430>).

Для цитирования: Борисов Н.А. Соотношение формальных и фактических полномочий Президента России: влияние на федеральный и региональный политический процесс. *Регионоведение*. 2026;34(3):590–610. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.590-610>

The Ratio of Formal and Actual Powers of the President of Russia: Influence on the Federal and Regional Political Process

N. A. Borisov

*Russian State University for the Humanities, <https://ror.org/0473ch268>
(Moscow, Russian Federation)
borisov.na@rggu.ru*

Abstract

Introduction. The entry into force of the amendment to the Constitution of the Russian Federation in 2020 marked the beginning of a new stage in Russia's constitutional development, substantially transforming the status and powers of the president. The aim of this article is to identify the formal and actual powers of the Russian President in 2018–2025, as well as to assess their congruence in the context of the federal and regional levels of public authority.

Materials and Methods. The study is based on the author's methodology, which synthesizes the index analysis of the form of government (A. Crouwel – O. Zaznaev), the assessment of legislative and non-legislative powers of the president (M. Shugart – J. Carey), as well as the index of institutionalization of the presidency. The powers of the president are systematized into five groups, with specific powers and criteria for their measurement (ranging from 0 to 3 points) defined for each group, based on constitutional norms and political practice.

Results. It has been established that the actual powers of the president exceed the formal ones (+5 points out of 50). A number of constitutional prerogatives (the veto power, dissolution of the Duma, dismissal of governors) are applied extremely rarely or not used at all; the expansion of actual power occurs through indirect mechanisms: the appointment of acting regional heads, the assessment of governors' performance, and resignation "at one's own request". The 2020 amendments and the federal laws adopted in their development brought formal norms closer to established practice, thereby increasing the congruence of institutional rules.

Conclusion. In the new constitutional model, the president consolidates the functions of the head of the executive branch, while other bodies organize their interaction within the framework of a unified system of public authority. Alongside the federal level, the president possesses broad instruments of influence over the regional political process, which strengthens the manageability of the system. At the same time, the enhancement of presidential powers brings to the fore the issue of mechanisms for ensuring stability in the event of a possible change of head of state or a shift in the party composition of the Parliament. The results may be used in public administration to improve institutional mechanisms and enhance the resilience of the political system.

Keywords: constitutional amendments, President of Russia, formal powers, actual powers, political institution, form of government, political process, regional authority

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The research was funded by the grant of the Russian Science Foundation no. 25-28-00430 (<https://rscf.ru/en/project/25-28-00430>).

For citation: Borisov N.A. The Ratio of Formal and Actual Powers of the President of Russia: Influence on the Federal and Regional Political Process. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(3):590–610. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.590-610>

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о соотношении формальных институтов и их фактических полномочий в политическом процессе часто становится предметом внимания политологов и в основном рассматривается через соотношение формальных и неформальных институтов¹. О важности изучения последних писал еще основоположник нового институционализма Д. Норт². При этом очевидно, что неформальные институты сложно поддаются изучению, поскольку трудно достоверно зафиксировать и оценить их роль в политическом процессе, тем более операционализировать их влияние.

Следует говорить о соотношении формальных институтов и их фактического применения в политическом процессе, измеряя, таким образом, степень их конгруэнтности. Фактическое применение может как расширять формальные полномочия институтов, так и ограничивать или сужать их.

Рассмотрение формальных институтов и их фактического применения на российском материале представляется необходимым и относительно доступным, поскольку возможно детально проанализировать политическую практику. Внимание стоит обратить прежде всего на институт президентства³, его формальные полномочия в отношении органов власти субъектов Федерации и их реализацию в политическом процессе. Важный этап конституционного строительства в России начался после вступления в силу поправки в Конституцию Российской Федерации в 2020 г.⁴, которая существенно изменила статус и полномочия президента, а также ряда органов государственной власти.

Политические процессы и изменения в правовом поле актуализируют изучение этого вопроса. Фактически конституционные поправки 2020 г. стали началом масштабной политической реформы по трансформации всей системы органов власти, которая в основном завершилась к концу 2025 года созданием единой

¹ См., например: Przeworski A. Democracy as a Contingent Outcome of Conflicts. In: Elster J., Slagstad R. (eds.) *Constitutionalism and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press; 1988. P. 59–80 ; Przeworski A. *Democracy and Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press; 1991. 210 p. ; Ginsburg T., Simpser A. Introduction: Constitutions in Authoritarian Regimes. In: *Constitutions in Authoritarian Regimes*. Ed. by T. Ginsburg, A. Simpser. Cambridge: Cambridge University Press; 2013. P. 1–18. <http://doi.org/10.1017/CBO9781107252523.001> ; Hale H. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in comparative perspective*. Cambridge: Cambridge University Press; 2015. 538 p.

² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала»; 1997. 180 с. <https://www.elibrary.ru/yqdvye>

³ Борисов Н.А. Президентство на постсоветском пространстве: процессы генезиса и трансформаций. М.: Российский государственный гуманитарный университет; 2018. 537 с. <https://www.elibrary.ru/xpzucd>

⁴ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019 (дата обращения: 25.05.2025).

системы публичной власти. На базе и в развитие конституционных поправок были приняты федеральные конституционные законы о принципах организации публичной власти в субъектах России⁵, а также поправки к ряду законов. Завершил формирование новой системы публичной власти и создал ее цельную конструкцию федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»⁶, принятый в 2025 г. и вступающий в полном объеме в силу с 2027 г.

На практике были закреплены новые формы и способы рекрутирования, а также отставки руководителей глав субъектов Федерации, влияния президента на региональную политику, методики оценки эффективности органов власти субъектов Федерации. После президентских выборов 2024 г. и формирования нового состава правительства использовались нормы обновленной конституции. Эти процессы протекали на фоне и отчасти под влиянием беспрецедентных внешних угроз и вызовов, которые стали фактором открытой конфронтации с западными государствами, и начала специальной военной операции в 2022 г.

Все это свидетельствует о создании если не принципиально новой, то существенно модернизированной системы органов государственной власти как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях; требует внимательного изучения в ракурсе не только конституционного права, но и политической науки.

Цель настоящей работы – выявление формальных и фактических полномочий президента России в 2018–2025 гг., а также их соотношения с позиции конгруэнтности.

Новизна исследования состоит в следующем: анализ соотношения полномочий президента периода 2018–2025 гг., т. е. до конституционной реформы и после нее, с учетом политической практики, а также изменений федеральных законов ранее комплексно не проводился; конституционные поправки изучались в основном представителями юридической науки; к анализу полномочий президента России применена концепция конгруэнтности; выявлены конкретные механизмы, через которые фактические полномочия президента влияют на региональный политический процесс. Исследование, таким образом, призвано в перспективе решить, помимо научной, проблему поиска оснований стабильности российской политической системы.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Институт президентства в России 2018–2025 гг. изучался преимущественно в общем контексте конституционных поправок 2020 г., в первую очередь представителями юридической науки. Предметом дискуссии выступали как изменение

⁵ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 25.05.2025); О Правительстве Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_366950/ (дата обращения: 25.05.2025); О Государственном Совете Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370105/ (дата обращения: 25.05.2025).

⁶ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 25.05.2025).

основ конституционного строя в результате поправок, так и новый статус органов власти [1–4].

Д. А. Авдеев полагает, что конституционные поправки де-юре закрепили сложившуюся де-факто практику взаимодействия президента и правительства, а также конституционализировали монархическую модель государственного управления [5]. При этом А. Н. Медушевский считает, что общий вектор конституционных изменений в части организации публичной власти состоит в дальнейшем пересмотре модели смешанной формы правления со свойственной ей системой разделения властей в направлении президентской формы правления [2, с. 24]. На концентрацию конституционных полномочий президента и смещение системы сдержек и противовесов в пользу президентской власти указывает и О. Г. Румянцев [6]. Однако вне рассмотрения остаются индикаторы смены формы правления.

Отмечается возможность нарастания рисков деформации политической системы страны вследствие внесения конституционных поправок [7; 8]. По мнению А. А. Кондрашева, поправки ставят под контроль главы государства все ветви власти, усиливают гиперцентрализацию страны [9]. Мысль о персонификации конституционно-правового статуса президента и фактическом существовании института президента – национального лидера в России высказал А. В. Нечкин [10].

Некоторые авторы обращают внимание на трансформацию формы государственного правления России в результате поправок из полупрезидентской республики в президентскую [11], несмотря на отдельные признаки парламентаризации формы правления [12], или даже в новую категорию – конституционную монархию, признаками которой являются «...сосредоточение в одном политическом центре значительного объема государственно-властных полномочий по государственному управлению, доминирование исполнительно-распорядительных органов в системе публичной власти, отсутствие контрольно-сдерживающих полномочий иных органов власти и управления» [13, с. 94].

Соотношение формальных и неформальных институтов некоторые исследователи предлагают изучать с помощью категорий «субститут»⁷ и «параинститут»⁸. Субститутами Н. В. Петров⁹ назвал структуры, замещающие изымаемые или ослабляемые институты, которые призваны обеспечить функционирование государственного механизма в новых условиях. Автор считает, что многочисленные субституты повышают неэффективность политической системы и ведут ее к неизбежному кризису.

Р. Саква полагает, что в российском политическом процессе преобладают параконституционные поведенческие нормы – институты, которые, формально не нарушая букву закона, подрывают дух конституционализма (примеры автора:

⁷ Петров Н.В. Политическая механика российской власти: субституты против институтов. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2009;(4):5–23. <https://www.elibrary.ru/lpcpub>
Настоящий материал произведен иностранным агентом (внесен Минюстом России в реестр СМИ – иностранных агентов 03.06.2022).

⁸ Саква Р. Дуалистичное государство в России: параконституционализм и парapolитика. *Политические исследования*. 2010;(1):8–26. <https://elibrary.ru/kxotdp>

⁹ Внесен Минюстом России в реестр СМИ – иностранных агентов 03.06.2022.

федеральные округа, Государственный Совет РФ, Совет при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике, Общественная палата РФ)¹⁰.

Тем не менее применение понятий «субститут» и «параинститут» не дает ответа на вопрос о причинах стабильности и эффективности российской политической системы. Опыт прошедших со времени публикации этих работ более пятнадцати лет позволяет сделать обратные выводы: прогнозы относительно кризиса и дестабилизации российской политической системы не реализовались, что говорит как об ошибочности тезисов в основе этих прогнозов, так и о возможностях адаптации политических институтов к изменяющимся условиям.

П. Штыков справедливо отмечает, что в основе ряда конституций постсоветских государств лежит доктрина президентского верховенства, и предлагает концепцию «евразийского типа президентализма», или «суперпрезидентализма»¹¹. Представляется, однако, что данные дефиниции вносят мало нового в изучение института постсоветского президентства и не позволяют рассматривать его в широкой сравнительной перспективе.

Г. Хелмке и С. Левитски определяют неформальные институты как принятые в обществе правила, создающиеся, становящиеся известными и насаждающиеся вне официально санкционированных каналов¹²; имеющие возможность как расширять, так и ограничивать власть президента. Иными словами, функционирование неформальных институтов они рассматривают в контексте использования формальных полномочий. «Недоиспользование» последних, таким образом, тоже становится проявлением неформальных институтов.

В качестве одного из типов неформальных институтов (наряду с дополняющими, конкурентными и замещающими) выделяются аккомодационные, которые соответствуют эффективным формальным институтам и несовпадающим последствиям применения формальных и неформальных институтов¹³. Они создают мотивы для такого поведения, которое существенно изменяет последствия соблюдения формальных правил без их прямого нарушения. Однако применение такого рода неформальных институтов соответствует фактическим полномочиям органов власти, прежде всего президента как основного субъекта российского политического процесса.

Таким образом, каждая из публикаций на тему конституционных поправок отражает отдельный аспект или отдельную проблему изменений, фокусируясь в основном на юридическом смысле и значении поправок, но не ставит вопрос о методике сравнительного анализа полномочий Президента России до и после внесения поправок. Методика, в соответствии с которой можно оценить соотношение формальной и фактической власти президента, а также сделать вывод о расширении (сокращении) его полномочий, в указанных работах не предлагалась.

¹⁰ Саква Р. Указ. соч.

¹¹ Stykow P. The Devil in the Details: Constitutional Regime Types in Post-Soviet Eurasia. *Post-Soviet Affairs*. 2019;35(2):122–139. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1553437>

¹² Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика. *Прогнозис: журнал о будущем*. 2007;(2):188–211. URL: https://intelros.ru/pdf/prognosis2_07/Helmke.pdf (дата обращения: 25.05.2025).

¹³ Там же. С. 196.

Не рассматривался и вопрос о фактическом влиянии расширения конституционных полномочий парламента на полномочия президента.

Настоящая работа призвана частично восполнить эти пробелы: предпринята попытка предложить методику измерения соотношения формальных и фактических полномочий президента, используя как юридический смысл поправок, так и фактическое осуществление президентской власти в указанный период.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Дизайн исследования основан на комбинированном подходе, совместившем неоинституционализм и количественные методы индексного анализа. Неоинституционализм определяет выбор индикаторов, которые позволяют не только зафиксировать полномочия, закрепленные в нормативных актах, но и оценить их реальное использование и политический вес в конкретных условиях.

Эмпирический анализ опирался на сравнение индексов формальных и фактических полномочий Президента РФ. Для расчета индексов разработана авторская методика, синтезировавшая ряд концепций:

- методику А. Кроувела – О. Зазнаева¹⁴, представляющую собой способ измерения президентской и парламентской власти с целью выявления степени президентизации (парламентаризации) формы правления, которая использовалась для общей оценки баланса власти и определения «силы» президентской позиции через набор дискреционных полномочий;

- подход М. Шугарта и Дж. Кэри¹⁵, который сфокусирован на измерении законодательных и незаконотательных полномочий президента, анализе их соотношения, в качестве основания категоризации, а также измерения законодательных и незаконотательных полномочий, в частности выделения сфер исключительной компетенции президента;

- индекс институционализации полномочий президента¹⁶, который был применен для оценки устойчивости и предсказуемости института, что важно для разграничения ситуативной власти и системных полномочий.

Источники данных и методика оценки. Формальные полномочия кодировались на основе анализа текста Конституции РФ (в редакциях до¹⁷ и после 2020 г.¹⁸), федеральных конституционных законов и регламентов органов власти. Фактические – оценивались по данным о политическом процессе в России за 2018–2025 гг. (отставке и формировании правительства, участии президента

¹⁴ Krouwel A. Measuring Presidentialism and Parliamentarism: An Application to Central and East European Countries. *Acta Polit.* 2003;38:333–364. <https://doi.org/10.1057/palgrave.ap.5500041> ; Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. Казань: Казанский гос. ун-т; 2006. 372 с. <https://elibrary.ru/qwzgwgn>

¹⁵ Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge: Cambridge University Press; 1992. 316 p. Available at: <https://archive.org/details/presidentsassemb0000shug> (accessed 25.05.2025).

¹⁶ Борисов Н.А. Указ. соч.

¹⁷ Конституция Российской Федерации 1993 года, 15-я редакция (действовала с 04.04.2019 по 04.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--h1aaafpfwibk7a.xn--plai/1993/15/> (дата обращения: 25.05.2025).

¹⁸ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.05.2025).

и парламента в назначении членов правительства, судей, глав субъектов Федерации, случаях применения права вето, статистике законодательной инициативы).

Итоговые индексы рассчитывались как сумма баллов по всем индикаторам внутри каждой группы. Для обеспечения сопоставимости данных по 4 и 5-му срокам, а также с целью учета изменений после конституционной реформы 2020 года анализ проводился отдельно по временным периодам с последующим сравнением динамики индексов. Это дало возможность выявить общие индексы формальных и фактических полномочий, сравнить их, на основании разницы сделать выводы об их соотношении.

Временная рамка исследования. В фокусе внимания находится период с 2018 по 2025 гг., т. е. 4-й и начало 5-го сроков полномочий Президента России В. В. Путина. Выбор сроков обусловлен тем, что именно в этот период произошла самая масштабная с 1993 г. конституционная реформа, завершившаяся к 2025 г. созданием новой системы публичной власти.

Операционализация переменных. Каждое отдельное полномочие оценивалось по шкале от 0 до 3 баллов по следующим критериям:

- отсутствует в правовом поле или является исключительно церемониальным (декоративным), 0 баллов;

- существует формально, но его реализация жестко ограничена процедурами, требующими согласия других ветвей власти (высокая степень контроля со стороны парламента или судов), 1 балл;

- выступает дискреционным: президент может применять его по собственному усмотрению в рамках закона, оказывая существенное влияние на политический процесс, 2 балла;

- имеет исключительный характер, служит инструментом прямого контроля над ведущей структурой (например, право роспуска, назначения без согласования), 3 балла.

Полномочия президента классифицировались по пяти группам:

1) статус и срок полномочий:

- а) статус: глава государства и исполнительной власти (3), только глава государства (2), не является главой ни государства, ни исполнительной власти (0),

- б) срок полномочий: без ограничения или снятие ограничений для конкретного лица (3), не более двух (2), не более одного (1),

- в) орган, определяющий основные направления внутренней и внешней политики: президент (3), иной орган, в который входит или может входить президент (2), иной орган, в который не входит президент (0),

- г) статус и полномочия надпарламентского органа, председателем или членом которого является президент: широкие (3), ограниченные (2), символические (либо надпарламентский орган отсутствует) (0);

2) полномочия в отношении правительства:

- а) по назначению премьер-министра: назначает самостоятельно или возглавляет правительство (3), делит с парламентом / палатой парламента (2), не влияет (или обязан учитывать партийный состав парламента) (0),

- б) по назначению кабинета министров: действует единолично (3), с последующим утверждением кандидатур или введением их в должность парламентом

(палатой парламента) (2), назначает премьер-министра, а тот – министров (1), только по рекомендации парламента (палаты парламента) (0),

в) по отставке кабинета министров: действует по своему усмотрению (3), ограничен в правах (2), только после принятия парламентом (палатой парламента) альтернативной кандидатуры министра или нового состава кабинета (1), кабинет или министры могут подвергаться порицанию или быть смещены парламентом (палатой парламента) (0),

г) формирование кабинета министров после президентских/парламентских выборов: правительство слагает полномочия перед избранным президентом (2), правительство слагает полномочия перед вновь избранным парламентом (1),

д) вотум недоверия кабинету министров (министрам): парламент (палата парламента) не может выносить порицания кабинету или министрам и смещать их (3), парламент (палата парламента) может выносить порицания, но президент в ответ может распустить парламент (2), «конструктивный» вотум недоверия (большинство парламента (палаты) должно предложить альтернативный состав кабинета) (1), неограниченное право порицания: вотум недоверия всегда ведет к отставке правительства (0);

3) полномочия в отношении парламента:

а) законодательная инициатива: данным правом обладают президент, парламент и правительство (3), данным правом наряду с парламентом, правительством и президентом наделены и другие акторы (2), у президента отсутствует такое право или не используется им (0),

б) право президента распускать парламент (палату парламента): не ограничено (3), ограничено частотой или временем применения в рамках действующего срока (2), ограничено: только как ответ на порицание или отклонение кандидатур членов кабинета (1), отсутствует (0),

в) право вето и его преодоление: без права преодоления (3), с правом преодоления большинством свыше 2/3 голосов (2), с правом преодоления абсолютным большинством голосов или специальным большинством голосов менее 2/3 (1), отсутствует либо с правом преодоления простым большинством голосов (0),

г) инициатива назначения общегосударственного референдума: такой инициативой обладает только президент (3), подобное право имеют и другие субъекты (2), президент не имеет такого права или не использует его (0);

4) полномочия в отношении высших органов судебной власти:

а) по назначению председателей высших судов: назначает единолично (3), назначает с согласия иных органов (2), назначают иные органы по представлению президента (1), не имеет таких полномочий (0),

б) по назначению судей высших судов: назначает их в полном составе (3), назначает более половины таких судей (2), назначает менее половины таких судей (1), не имеет подобных полномочий (0);

5) полномочия президента в отношении региональных органов власти:

а) по назначению руководителей (высших должностных лиц) регионов: назначает единолично (3), назначает по представлению или при участии других органов власти (2), подобные полномочия отсутствуют (0),

б) по освобождению от должности руководителей (высших должностных лиц) регионов: освобождает единолично (3), освобождает по представлению,

по решению или при участии других органов власти (правительства, представительных органов, судов и пр.) (2), подобные полномочия отсутствуют (0).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статус и базовые характеристики института президента. В ходе анализа изменений конституционного законодательства в 2020 г. выявлен ряд сдвигов в распределении полномочий.

Согласно Конституции РФ, президент является главой государства, но не возглавляет исполнительную власть (2 балла). По замыслу разработчиков Конституции 1993 г., институт президента, имевшего широкие полномочия в сфере исполнительной, законодательной и судебной властей, фактически был выведен из системы разделения властей и поставлен над ними. «Ключевым элементом нашего проекта, – как отмечал С. Шахрай, один из авторов, – стал полный отказ от “вертикали Советов” и выведение Президента Российской Федерации из классической системы разделения властей»¹⁹.

В результате поправки президент был определен как гарант гражданского мира и согласия в стране, призван обеспечить «...согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти», осуществлять «общее руководство правительством»²⁰ (ст. 80), т. е. институт с большей определенностью отнесен к органам исполнительной власти. Также в ст. 110, согласно которой исполнительную власть Российской Федерации осуществляет правительство, было внесено уточнение «под общим руководством президента». Фактически, принимая во внимание определяющее влияние на формирование и отставку правительства, право председательствовать на заседаниях правительства, формировать структуру федеральных органов исполнительной власти, а также непосредственное подчинение ряда органов исполнительной власти, президент осуществляет функции главы исполнительной власти (3 балла).

В соответствии с поправкой (ст. 81) одно и то же лицо не имеет права занимать должность президента более двух сроков (из статьи исключено слово «подряд») (1 балл). Вместе с тем количество сроков для действующего президента исчисляется с момента вступления этой поправки в силу, что позволяет ему занимать должность еще два шестилетних срока. В данном случае Конституция впервые установила регулирование права конкретного лица (3 балла).

Органом, определяющим основные направления внутренней и внешней политики, выступает Президент России. Это положение присутствовало в первоначальном тексте Конституции 1993 г. и остается неизменным (3 балла).

Однако после вступления в силу поправки подобные полномочия получил также Государственный Совет Российской Федерации, который является «...конституционным государственным органом, формируемым Президентом в целях... определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации...» (ст. 83 п. е.5 Конституции, ст. 3 Федерального закона «О Государственном Совете Российской Федерации»).

¹⁹ Шахрай С.М. Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина. М.: Синдбад; 2021. С. 60. URL: <https://clck.ru/3VS7Hg> (дата обращения: 26.08.2025).

²⁰ Здесь и далее ссылки на статьи Конституции РФ в действующей редакции приводятся по: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993...

В настоящее время надпарламентский орган отсутствует как в конституционно-правовом поле, так и де-факто (0 баллов). Прообразом такого органа можно считать Государственный Совет РФ, хотя его решения имеют рекомендательный характер и вводятся в действия актами президента или законодательными.

Полномочия президента в отношении правительства. В соответствии с поправкой возросла роль Государственной Думы и Совета Федерации при формировании правительства. Первая утверждает кандидатуру председателя правительства, предложенную президентом, после чего последний назначает председателя правительства (ст. 111) (2 балла). Однако в случае трехкратного отклонения кандидатуры президент назначает председателя правительства и имеет право распустить Государственную Думу (ст. 111).

На практике при сохранении партийной системы с доминирующей партией не может возникнуть ситуации, при которой Государственная Дума не утвердит кандидатуру премьер-министра, предложенную президентом. Фактически выбор данной кандидатуры остается прерогативой президента, а не парламента (3 балла).

На должность заместителей председателя правительства и федеральных министров назначаются кандидатуры, утвержденные Государственной Думой (кроме министров, ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности, назначаемых президентом после консультаций с Советом Федерации, ст. 83) (2 балла). «Президентская квота» в Совете Федерации (представители Российской Федерации, назначаемые пожизненно) увеличена с 17 до 30 сенаторов (ст. 95). Поправка впервые конституционно закрепила существование «двух правительств»: подконтрольного лично президенту и подчиненного председателю правительства.

В ситуации наличия в парламенте доминирующей партии отсутствует вероятность того, что Государственная Дума не утвердит кандидатуры федеральных министров. При этом после трехкратного отклонения Думой кандидатур членов правительства президент все равно имеет право назначить их из числа представленных председателем правительства (ст. 112), тем самым оставив без внимания решение Думы (3 балла). В результате фактические полномочия президента по формированию правительства шире, чем конституционные.

Что касается роли партий при формировании правительства, то в его нынешнем составе из 32 членов только 12 (немногим более трети) являются представителями политических партий (11 – «Единой России», 1 – Либерально-демократической партии России)²¹. Последнее обстоятельство не позволяет говорить о приоритете партийного принципа при формировании правительства.

Поправка не затронула вопросы отставки правительства по решению президента. Он, как и раньше, имеет право единолично принять решение об отставке как правительства в целом, так и его отдельных членов вне связи со сроками их деятельности и без учета позиции других органов власти (3 балла).

²¹ Партийный и возрастной разрез российских чиновников высшего звена на 1 января 2024 года [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3UJvsw> (дата обращения: 02.06.2025).

На практике формально право принимать решение об отставке правительства в 2018–2025 гг. президентом не использовалось. Правительство слагало полномочия либо перед вновь избранным президентом (ст. 116) (в частности, после выборов президента в 2018 и 2024 гг.), либо путем подачи в отставку по собственной инициативе (ст. 117), как это случилось в январе 2020 года. Таким образом, формально президент ни разу не инициировал отставку правительства.

Однако де-факто правительство заявило об отставке сразу после оглашения Послания президента в январе 2020 года, в котором также объявлялось о внесении поправок в Конституцию²². Очевидно, что этот шаг, как и предложение председателю правительства Д. А. Медведеву новой должности – заместителя председателя Совета Безопасности, был заранее согласован президентом и председателем правительства. Отметим, что в последний раз решение об отставке правительства по инициативе президента принималось еще в 2004 г.²³

В соответствии с Конституцией правительство слагает полномочия после президентских/парламентских выборов перед вновь избранным президентом, что согласуется с политической практикой (отставкой правительства в 2018 и 2024 гг.) (2 балла). В то же время, по смыслу Конституции, кандидатуры членов правительства зависят от парламентского большинства, в связи с чем правительство должно слагать полномочия и после выборов в Государственную Думу. Однако законодатель такой возможности не предусматривает.

Конституция предоставляет возможность Государственной Думе выражать недоверие правительству в целом (ст. 117), а не его отдельным членам (2 балла). Фактически это право не использовалось более двадцати лет (последняя попытка такой инициативы относится к 2005 г.²⁴, а первое и единственное голосование, набравшее необходимое число голосов, состоялось в 1995 г.²⁵). Для положительного решения при этом выражать недоверие необходимо дважды в течение трех месяцев. Однако даже в этом случае президент вправе распустить Государственную Думу (3 балла).

Полномочия президента в отношении парламента. Законодательная инициатива президента. Помимо президента, правом законодательной инициативы обладают депутаты Государственной Думы и сенаторы, правительство, законодательные органы субъектов Федерации, высшие суды по вопросам их компетенции (2 балла). Президент реализует данное право, однако количество внесенных им законопроектов в созыве 2021–2026 гг. составило всего 1,4 % от общего числа законопроектов (депутаты Государственной Думы и сенаторы инициировали 65,8 % законопроектов, правительство – 22,1 %) ²⁶.

²² Медведев объявил об отставке правительства России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4220694> (дата обращения: 02.06.2025).

²³ Полный текст заявления В. Путина об отставке правительства [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/02/2004/5703b5e99a7947783a5a51eb> (дата обращения: 03.06.2025).

²⁴ Госдума отклонила вотум недоверия правительству РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/02/2005/5703ba659a7947afa08c7700> (дата обращения: 03.06.2025).

²⁵ О недоверии Правительству Российской Федерации: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21.06.1995 № 895-1 ГД [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3UJvui> (дата обращения: 01.06.2025).

²⁶ Информация по субъектам права законодательной инициативы о прохождении законопроектов и законов в Государственной Думе текущего созыва [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/oz_info_spzi/spzi_list (дата обращения: 01.06.2025).

При этом законодательная активность президента по сравнению с прошлым созывом снижается. Доля внесенных представителями исполнительной власти законопроектов (если президента отнести к исполнительной власти) в созыве 2021–2026 гг. составила 23,5 % (в 7-м созыве – 27,9 %) ²⁷.

Президент имеет право распустить Государственную Думу только в случае трехкратного отклонения кандидатуры председателя правительства (ст. 111) или кандидатур более 1/3 членов правительства (ст. 112), а также при двукратном в течение трех месяцев выражении недоверия правительству (ст. 117) (1 балл). Фактически этим правом президент не пользовался (0 баллов).

После поправки 2020 года норма о роспуске Государственной Думы после трехкратного отклонения кандидатуры председателя правительства перестала быть императивной и соответственно – инструментом потенциальной угрозы роспуска парламента. Другими словами, в этом аспекте полномочия президента на практике весьма ограничены. При наличии доминирующей партии роспуск Думы нецелесообразен, а в потенциальных условиях наличия в ней партийного большинства, оппозиционного президенту, ее роспуск и досрочные выборы не смогут существенно изменить расстановку сил в парламенте.

Президент имеет право отклонить принятый парламентом федеральный закон. Вето президента преодолевается большинством не менее 2/3 голосов от общего числа сенаторов и депутатов Государственной Думы (ст. 107) (2 балла).

Однако после поправки 2020 года у президента появилась еще одна возможность отклонять законы: на основании решения Конституционного суда об их конституционности (ст. 107). Если Конституционный суд по запросу президента не подтвердит обозначенный статус, президент должен вернуть закон в Думу без подписания.

В этой части формальные полномочия президента усилились. Однако на практике в 2018–2025 гг. право вето им было использовано только однажды (0 баллов): 15 июня 2021 года в отношении законопроекта «О внесении изменений в ст. 57 Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации” и ст. 12, 13 Федерального закона “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию”» ²⁸.

Случаев преодоления вето президента парламентом с 1998 г. не было. Тем не менее это важный и действенный инструмент отклонения законопроектов, особенно в условиях отсутствия в парламенте поддерживающего партийного большинства.

В соответствии с Федеральным конституционным законом «О референдуме Российской Федерации» ²⁹ инициировать референдум вправе граждане России, Конституционное собрание РФ и федеральные органы государственной власти в случае, предусмотренном международным договором. Президент не может

²⁷ Сдали сессию и созыв: как поработали депутаты Госдумы – в 15 графиках и таблицах [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4859045> (дата обращения: 01.06.2025).

²⁸ Путин наложил вето на закон об ответственности СМИ за фейки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/06/2021/60cc4d5e9a7947c18d93c234> (дата обращения: 01.06.2025).

²⁹ О референдуме Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48221/ (дата обращения: 01.06.2025).

инициировать референдум (0 баллов), но только он имеет право назначать его по инициативе других акторов. На практике референдумы в России на федеральном уровне не проводились с 1993 г. (0 баллов).

Полномочия президента в отношении высших органов судебной власти. Поправка 2020 года предусмотрела, что президент представляет для назначения Совету Федерации кандидатуры не только судей Конституционного и Верховного судов, но и председателей, заместителей председателей судов (ст. 128) (1 балл). Прежде председатели и их заместители избирались судами самостоятельно из своего состава.

В соответствии с поправкой Совет Федерации в 2023 г. по представлению президента председателем Конституционного суда РФ назначил В. Д. Зорькина, в 2024 г. председателем Верховного суда РФ – И. Л. Подносову. Оба решения были приняты единогласно.

Также президент получил право назначать по согласованию с Советом Федерации Генерального прокурора (ранее он назначался Советом Федерации) и прокуроров субъектов (ст. 128).

Судьи Конституционного и Верховного судов РФ назначаются Советом Федерации исключительно по представлению президента (3 балла). Палаты парламента, фракции политических партий и другие органы и организации не имеют полномочий в данной сфере.

Полномочия президента в отношении региональных органов власти. В соответствии с Конституцией полномочия по назначению глав субъектов Федерации у президента отсутствуют (0 баллов). Руководители субъектов избираются либо непосредственно гражданами (в 75 субъектах), либо депутатами законодательного органа субъекта из числа кандидатур, представленных президентом (по состоянию на начало 2026 года таких субъектов 14).

С 2014 года введен особый порядок избрания на должность глав автономных округов, входящих в состав области. Они избираются законодательным органом округа по представлению президента из числа кандидатур, предложенных главой области, в состав которой входит автономный округ. Предложения по кандидатурам вправе также вносить региональные отделения политических партий, представленных в законодательном органе данного автономного округа³⁰.

В субъектах Федерации, главы которых избираются прямыми выборами, сложилась практика назначения президентом временно исполняющего обязанности руководителя, который затем побеждает на выборах (фактическое назначение, 3 балла). В частности, за период 2018–2025 гг. из назначенных президентом исполняющими обязанности руководителей субъектов только А. В. Тарасенко (Приморский край) не смог победить на выборах губернатора (2018 г.) и ушел в отставку после второго тура.

Из действующих глав регионов в указанный период не победили на очередных выборах трое: В. И. Шпорт проиграл С. И. Фургалу (Хабаровский край), С. Ю. Орлова – В. В. Сипягину (Владимирская область), В. М. Зимин снял свою кандидатуру (Хакасия). При этом на момент сложения полномочий все они были уже действующими главами регионов, а не исполняющими обязанности.

³⁰ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации...

Из числа победивших на выборах, не будучи назначенными президентом, по состоянию на начало 2026 года в должности оставался только В. О. Коновалов в Хакасии. (С. И. Фургал был отправлен в отставку и впоследствии осужден; В. В. Сипягин после трех лет пребывания в должности избран в Государственную Думу, исполняющим обязанности губернатора Приморского края назначен О. Н. Кожемяко, который позднее выиграл выборы.) Характерно, что В. И. Шпорт и В. М. Зимин были впервые назначены исполняющими обязанности соответствующих субъектов Д. А. Медведевым. Таким образом, в период 4 и 5-го сроков полномочий президента В. В. Путина из назначенных им исполняющими обязанности А. В. Тарасенко, так и не ставший губернатором, остается единственным исключением.

В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»³¹ президент имеет право в связи с утратой доверия отстранить от должности руководителя субъекта, а также объявить ему предупреждение или выговор с последующим отрешением от должности (ст. 29) (3 балла). Остальные случаи прекращения полномочий глав субъектов президентом возможны только при участии других органов (Законодательного собрания, Генерального прокурора). На практике это право использовалось президентом только два раза: в отношении М. В. Игнатьева (Чувашия) и С. И. Фургала (Хабаровский край).

Намного больше отставок глав субъектов состоялось по собственному желанию. Можно предположить, что их инициатором выступил президент, учитывая, что эффективность деятельности глав субъектов подлежит оценке в соответствии с критериями, утвержденными Указом Президента РФ, и методикой, разработанной Администрацией президента РФ³². Таким образом, фактически президент освобождал от должности глав субъектов единолично (3 балла).

Кроме того, президент имеет право роспуска законодательных органов субъектов после вынесения им предупреждения в случае, если судом установлено, что этот орган принял нормативный акт, противоречивший федеральному законодательству и действовавший в течение шести месяцев (ст. 14). На практике до настоящего времени это право не было реализовано.

ОБСУЖДЕНИЕ

Рассмотрев соотношение формальных и неформальных полномочий президента до и после 2020 г., можно отметить, что поправка к Конституции 2020 г. и принятые на ее основе федеральные законы приблизили первые к политической практике, обеспечив тем самым большую конгруэнтность формальных и фактических полномочий.

Среди важных изменений в этом направлении было сделано следующее: президент получил статус главы не только государства, но и (по общему смыслу внесенных поправок) исполнительной власти, что ранее формально не было закреплено; парламентский контроль над правительством затруднен широкими

³¹ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации...

³² Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28.11.2024 № 1014 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411280003?index=1> (дата обращения: 01.11.2025).

полномочиями президента в сфере исполнительной власти и изменением системы сдержек и противовесов, закреплённой в Конституции в 1993 г.; президент получил право прямо влиять на назначение председателей высших судов и назначать глав прокуратуры.

Расширение полномочий президента де-факто происходило за счёт наличия партийной системы с доминирующей партией и партийного большинства в Государственной Думе. Это позволило ему по своему усмотрению определять состав правительства и не использовать права вето и роспуска Государственной Думы.

Президент лишен полномочий по представлению кандидатур для наделения полномочиями глав большинства регионов, как это было в 2005–2012 гг. Однако это ограничение компенсировалось возможностью фактически назначать/отстранять от должности руководителей субъектов, а также распускать законодательные собрания субъектов. На региональном уровне сложилась политическая практика, при которой президент назначает исполняющего обязанности руководителя субъекта, а тот впоследствии побеждает на выборах. Для отставки руководителя субъекта введена формулировка «в связи с утратой доверия». Тем самым создана возможность для президента значимо влиять на политический процесс в субъектах Федерации.

При этом некоторые конституционные полномочия реализуются президентом прямо крайне редко или не используются совсем (право вето, отрешение от должности губернаторов, роспуск Государственной Думы). Для расширения фактических полномочий могут быть задействованы косвенные механизмы (отставка правительства и губернаторов по собственному желанию).

Прогнозы о негибкости, неустойчивости, слабости политической системы с наличием так называемых субститутов не подтвердились³³. Напротив, многие подобные предостережения были как будто учтены авторами поправки, в результате чего конституционные и законодательные нормы пришли в соответствие с политической практикой, что и обеспечило системе дополнительный источник стабильности и воспроизводства. Вместе с тем полномочия старых институтов расширились. Фактические полномочия президента дополнили формальные и укрепили политическую систему, а не дестабилизировали ее.

Представляется необходимым сместить фокус исследования института президентства с анализа неформальных полномочий президента на фактическое применение формальных полномочий в политическом процессе; выявлять как «спящие», или «мертвые» (не используемые либо используемые крайне редко), полномочия, так и расширительную реализацию формальных полномочий на практике.

Настоящее исследование является попыткой одного из первых приближений к анализу соотношения формальных и фактических полномочий президента и имеет ограничения, связанные с предложенной методикой определения фактических полномочий. Для более точного анализа и получения наиболее достоверных данных необходимы расширение и усложнение методики с привлечением композитных индексов, учитывающих степень фактического контроля президента по отношению к органам исполнительной, законодательной и судебной власти, а также контроль над экономическими ресурсами.

³³ Саква Р. Указ. соч.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итоговые выводы в результате применения предлагаемой методики сформулированы в таблице.

Т а б л и ц а. Соотношение формальных и фактических полномочий Президента России
T a b l e. The ratio of formal and actual powers of the President of Russia

Критерий / Criterion	Полномочия (баллы) / Powers (points)		Соотно- шение полно- мочий / Ratio of Powers
	формальные / formal	фактические / actual	
1	2	3	4
Статус / Status	глава государства / head of state (2)	глава государства и глава исполнительной власти / head of state and head of the executive branch (3)	+1
Срок полномочий / Term of office	не более двух сроков / no more than two terms (2)	без ограничения сроков для действующего президента / without term limits for the current president (3)	+1
Определяет основные направления политики / Defines the main directions of policy	президент / president (3)	президент / president (3)	0
Статус и полномочия надпарламентского органа, председателем или членом которого является президент / Status and powers of the supra-parliamentary body, of which the President is Chairman or member	отсутствует / absent (0)	отсутствует / absent (0)	0
Полномочия по назначению премьер-министра / Powers to appoint the Prime Minister	делит полномочия с парламентом / shares the powers with Parliament (2)	назначает самостоятельно / appoints alone (3)	+1
Полномочия по назначению кабинета министров / Powers to appoint the Cabinet of Ministers	назначает с последующим утверждением кандидатур или введением их в должность парламентом (палатой парламента) / appoints with subsequent approval of the candidates or their appointment by the Parliament (House of Parliament) (2)	назначает единолично / appoints alone (3)	+1
Полномочия по отставке кабинета министров / Powers to dismiss the Cabinet of Ministers	распускает по своему усмотрению / dismisses at his discretion (3)	распускает по своему усмотрению / dismisses at his discretion (3)	0
Формирование кабинета министров после выборов / Formation of the Cabinet of Ministers after elections	правительство слагает полномочия перед избранным президентом / the Government resigns its powers before the elected President (2)	правительство слагает полномочия перед избранным президентом / the Government resigns its powers before the elected President (2)	0
Инициатива назначения общегосударственного референдума / Initiative to call a nationwide referendum	не имеет права инициировать референдум или не использует его / does not have the right to initiate a referendum or does not exercise it (0)	не имеет права инициировать референдум или не использует его / does not have the right to initiate a referendum or does not exercise it (0)	0

Окончание таблицы / End of table

1	2	3	4
Вотум недоверия кабинету министров (министрам) / Vote of no confidence in the Cabinet of Ministers (or individual ministers)	парламент может выносить порицания, но президент в ответ может распустить парламент / Parliament may pass censures, but the President may respond by dissolving Parliament (2)	парламент (палата парламента) не выносит порицания кабинету/министрам и не смещает их / Parliament (House of parliament) does not pass votes of censure against the Cabinet/ministers, nor does it remove them from office (3)	+1
Законодательная инициатива / Legislative initiative	наряду с парламентом, правительством и президентом обладают и другие акторы / alongside Parliament, the Government, and the President, other actors also possess (2)	наряду с парламентом, правительством и президентом обладают и другие акторы / alongside Parliament, the Government, and the President, other actors also possess (2)	0
Право распускать парламент (палату парламента) / The President's right to dissolve Parliament (the House of Parliament)	ограничено: только как ответ на порицание или отклонение кандидатур членов кабинета / limited: only as a response to censure or rejection of cabinet members' candidacies (1)	не используется / not used (0)	-1
Право вето и его преодоление / The right to dissolve Parliament (House of Parliament)	вето с правом его преодоления свыше 2/3 голосов / veto with the right to override it by more than 2/3 of the votes (2)	фактически право вето не используется / veto not used in practice (0)	-2
Полномочия по назначению председателей высших судов / Powers to appoint the chairmen of the Supreme courts	назначают иные органы по представлению президента / appointed by other bodies upon the President's proposal (1)	назначают иные органы по представлению президента / appointed by other bodies upon the President's proposal (1)	0
Полномочия по назначению судей высших судов / Powers to appoint judges of the Supreme courts	назначаются президентом или по его представлению / are appointed by the President or upon his proposal (3)	назначаются президентом или по его представлению / are appointed by the President or upon his proposal (3)	0
Полномочия по назначению руководителей (высших должностных лиц) регионов / Powers to appoint heads (senior officials) of the regions	отсутствуют / no powers (0)	назначает единолично / appoints unilaterally (3)	+3
Полномочия по освобождению от должности руководителей регионов / Powers to dismiss heads of the regions	единолично / unilaterally (3)	единолично / unilaterally (3)	0
Итого / Total	31 из 50 / 31 out of 50	36 из 50 / 36 out of 50	+5

Примечание: положительное значение означает, что фактические полномочия президента шире формальных; отрицательное – что они уже формальных; нулевое – что фактические и формальные полномочия соответствуют друг другу.

Note: a positive value means the President's actual powers are broader than the formal ones; a negative value means they are narrower; a zero value means the actual and formal powers correspond to each other.

Источник: подготовлено по результатам исследования.

Source: prepared based on the results of the study.

Как видно из таблицы, индекс формальных полномочий президента составил 31 из 50 возможных единиц (62 %), фактических – 36 из 50 (72 %), индекс расширения равен +5. Это означает, что в большинстве случаев в политическом процессе формальные конституционные полномочия президента увеличиваются на основе использования «аккомодационных» неформальных институтов.

Наиболее существенным результатом конституционной поправки 2020 г. представляется утрата президентом статуса «над системой разделения властей». Он становится главой исполнительной власти как де-юре, так и де-факто, перестав быть арбитром. Фактически с этого момента прекратила действовать конституционная формула М. М. Сперанского, заложенная в 1809 г. и составлявшая основу российского конституционного строительства на протяжении более чем двух столетий. При этом форма правления де-юре не трансформировалась в президентскую.

Потенциально в этой ситуации существуют угрозы дестабилизации. Согласимся с С. М. Шахраем, что конституционные новшества «...не просто переплетают все ветви власти в аморфное, несбалансированное образование, но и погружают в него президента... Вдобавок речь идет о перераспределении части полномочий главы государства в пользу Государственной Думы или Совета Федерации... Риски, что в результате конституционных поправок что-то пойдет не так, чрезвычайно велики»³⁴. Иными словами, в результате изменения статуса и полномочий президента, с одной стороны, заблокированы даже потенциальные возможности проявления автономности федеральными и региональными органами власти, поскольку все они «замкнуты» на президента; с другой – закладываются риски разбалансировки системы при модификации политической ситуации.

В частности, к дестабилизации в перспективе могут привести потенциальная победа на выборах оппозиционной партии, формирование оппозиционного партийного большинства в Государственной Думе, расширение фактических полномочий Государственного Совета в сфере определения основных направлений внутренней и внешней политики. С целью минимизации рисков законодателям придется пересмотреть Конституцию, придав форме правления более сбалансированный характер, а также решить вопрос о нормативно-правовом регулировании института Конституционного собрания, закон о котором до настоящего времени не принят.

Представленные выводы и рекомендации могут быть полезны в научно-образовательном процессе и в практике государственного управления – для предотвращения дестабилизации ситуации, создания устойчивых механизмов и институтов стабильности политической системы в условиях потенциальных кризисов.

Направления дальнейших исследований в этой сфере могут быть связаны с уточнением методики измерения формальных и фактических полномочий президента и тестирования ее на российском материале, а также проведением сравнительного анализа использования полномочий президента на постсоветском пространстве и в других регионах мира.

³⁴ Шахрай С.М. Указ. соч. С. 100.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Медушевский А.Н. Конституционная реформа-2020 с позиций теории легитимности. *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. 2020;(4):15–30. URL: <https://www.elibrary.ru/gyckdu>
2. Медушевский А.Н. Конституционные поправки в России 2020 г. как политический проект переустройства государства. *Публичная политика*. 2020;4(1):43–66. <https://www.elibrary.ru/uguutn>
3. Ким Ю.В. А была ли реформа: к вопросу о правовом значении поправок к Конституции Российской Федерации 2020 года. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2022;8(1):136–151. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2022-8-1-136-151>
4. Мазаев В.Д. Поиск новых смыслов продолжается (по внесенным поправкам к Конституции РФ). *Lex Russica (Русский закон)*. 2021;74(7):15–31. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.176.7.015-031>
5. Авдеев Д.А. Конституционная реформа 2020 года в России и ее политико-правовые последствия (некоторые заметки). *Государство и право*. 2022;(9):47–56. <https://www.elibrary.ru/ahadhz>
6. Румянцев О.Г. Конституционная реформа-2020 в Российской Федерации: пристрастная оценка. *Конституционный вестник*. 2020;(5):6–32. <https://www.elibrary.ru/yohfwa>
7. Сиденко О.А., Соснунов Д.В. Конституционализм и поправки в Основной закон Российской Федерации 2020: политологический анализ. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2020;15(6):103–118. URL: <https://clck.ru/3VS4DC> (дата обращения: 26.08.2025).
8. Глухова А.В., Сиденко О.А. Конституционная реформа-2021: риски для политической системы РФ. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2021;(1):14–23. <https://www.elibrary.ru/libizz>
9. Кондрашев А.А. Конституционные поправки-2020: о коллизиях и дефектах, порождающих неустрашимые конфликты между «вечными главами» и главами 3–8 Конституции России. *Конституционное и муниципальное право*. 2021;(3):18–29. <https://www.elibrary.ru/ayxwff>
10. Нечкин А.В. Конституционно-правовой институт «главы государства – национального лидера» в государствах СНГ: современное состояние и перспективы развития (часть первая). *Конституционное и муниципальное право*. 2021;(4):9–14. <https://www.elibrary.ru/vaufvc>
11. Дзидзов Р.М. Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации: новые грани взаимоотношений. *Журнал российского права*. 2021;25(5):43–54. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.059>
12. Гуняч С.В. К вопросу становления парламентско-президентской республики в России. *Государство и право*. 2022;(5):153–157. <https://www.elibrary.ru/quxjaq>
13. Авдеев Д.А. Так какая же форма правления в России? Часть 2. *Государство и право*. 2023;(9):87–96. <https://www.elibrary.ru/crhjql>

REFERENCES

1. Medushevskiy A.N. 2020 Constitutional Reform as the Problem of Legitimacy Theory. *Theoretical and Applied Law*. 2020;(4):15–30. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/gyckdu>
2. Medushevsky A.N. Constitutional Amendments in Russia 2020 as a Political Project of the State Reorganization. *Publchnaya politika*. 2020;4(1):43–66. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/uguutn>
3. Kim Yu.V. Was there a Reform: to the Question of the Legal Significance of the Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 2020. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 2022;8(1):136–151. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2022-8-1-136-151>
4. Mazayev V.D. The Search for New Meanings Continues (Concerning the Amendments to the Constitution of the Russian Federation). *Lex Russica*. 2021;74(7):15–31. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.176.7.015-031>
5. Avdeev D.A. Constitutional Reform 2020 in Russia and its Political and Legal Consequences (Some Notes). *Gosudarstvo i pravo*. 2022;(9):47–56. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/ahadhz>
6. Rumiantsev O.G. [Constitutional Reform 2020 in the Russian Federation: A Biased Assessment.] *Konstitutsionnyi vestnik*. 2020;(5):6–32. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/yohfwa>

7. Sidenko O.A., Sosunov D.V. Constitutionalism and Amendments to the Basic Law of the Russian Federation 2020: Political Analysis. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2020;15(6):103–118. (In Russ., abstract in Eng.). Available at: <https://elck.ru/3VS4DC> (accessed 26.08.2025).
8. Glukhova A.V., Sidenko O.A. The Constitutional Reform-2021: Risks for the Russian Political System. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Geography. Geoecology*. 2021;(1):14–23. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/libizz>
9. Kondrashev A.A. The Constitutional Amendments of 2020: On Collisions and Defects Giving Birth to Unavoidable Conflicts between the “Eternal Chapters” and Chapters 3 to 8 of the Russian Constitution. *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo*. 2021;(3):18–29. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/ayxwff>
10. Nechkin A.V. The Constitutional Legal Institution of the “Head of State as the National Leader” in the CIS Member States: The Modern Status and Development Prospects (Part One). *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo*. 2021;(4):9–14. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/vaufvc>
11. Dzidzoev R.M. The President of the Russian Federation and the Government of the Russian Federation: New Facets of Relationships. *Journal of Russian Law*. 2021;25(5):43–54. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.059>
12. Gunich S.V. On the Issue of the Formation of a Parliamentary-Presidential Republic in the Russia. *State and Law*. 2022;(5):153–157. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/quxjaq>
13. Avdeev D.A. So What is the Form of Government in Russia? Part 2. *State and Law*. 2023;(9):87–96. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/crhjol>

Об авторе:

Борисов Николай Александрович, доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник, декан факультета политологии Института международных отношений и политических наук Российского государственного гуманитарного университета (125047, Российская Федерация, г. Москва, пл. Миусская, д. 6, стр. 6.), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1378-1083>, Researcher ID: AAR-3007-2020, Scopus ID: 57222146439, SPIN-код: 7806-9594, borisov.na@rggu.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 25.11.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 23.12.2025

About the author:

Nikolai A. Borisov, Dr.Sci. (Polit.), Associate Professor, Chief Researcher, Dean of the Faculty of Political Science, Institute of Foreign Affairs and Political Sciences, Russian State University for the Humanities (6 Miuskaya Square, Bldg. 6, Moscow 25047, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1378-1083>, Researcher ID: AAR-3007-2020, Scopus ID: 57222146439, SPIN-code: 7806-9594, borisov.na@rggu.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 25.11.2025; revised 10.12.2025; accepted 23.12.2025.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ / POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.611-633>

EDN: <https://elibrary.ru/trcbqg>

УДК / UDC 39(470+571)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Оценка устойчивости границ России на основе этнических, исторических и природных особенностей

А. А. Соколов

О. С. Руднева ✉

*Институт степи Уральского отделения Российской академии наук – обособленное структурное подразделение Оренбургского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, <https://ror.org/0261qw820> (г. Оренбург, Российская Федерация)
✉ Ksen1909@mail.ru*

Аннотация

Введение. Устойчивость границы – главный фактор национальной безопасности и регионального развития. Распад СССР и формирование новых государственных границ Российской Федерации актуализировали проблему оценки устойчивости последних. Цель исследования – комплексная оценка с сегментацией сухопутной границы России по степени ее устойчивости на основе анализа исторических, природных и этнических детерминант.

Материалы и методы. Методология опирается на классический морфологический подход, адаптированный для комплексной оценки сухопутной границы России. Эмпирическую базу составили историко-картографические материалы, данные физико-географического районирования, а также статистика национальных переписей населения России и сопредельных государств. Устойчивость границы определена путем совокупной оценки трех базовых субстратов: исторической зрелости (длительности существования в неизменных рубежах), природной барьерности (совпадения с выраженными физико-географическими объектами) и этнокультурной контрастности (распределения титульных этносов в приграничье).

Результаты исследования. На основе разработанной бинарной матрицы критериев осуществлена типологическая сегментация границы с выделением четырех уровней устойчивости. К наиболее устойчивым отнесены границы с Китайской Народной Республикой, Корейской Народно-Демократической Республикой и Норвегией, совпадающие по всем трем критериям. Границы со средней устойчивостью (с Монголией, Финляндией, Литвой) характеризуются парной комбинацией детерминант. Наименее устойчивые участки (на Кавказе, с Украиной, Беларусью) обладают лишь одним признаком. Неустойчивыми признаны преимущественно геометрические границы с Казахстаном, сформированные в XX в. без учета природных и этнических рубежей.

© Соколов А. А., Руднева О. С., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Результаты демонстрируют высокую пространственную дифференциацию устойчивости границ России. Для каждого типа сегментов предложены дифференцированные подходы к обеспечению безопасности и управлению – от развития инфраструктуры на устойчивых участках до усиления контроля и мониторинга на неустойчивых. Полученные выводы могут быть использованы для разработки сегментированной государственной пограничной политики.

Ключевые слова: государственная граница, типология границ, стабильность границ, приграничные регионы, историческое развитие, природные барьеры, этнические районы

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено по теме государственного задания Института степи Оренбургского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук № 126013016160-7 «Геоэкологические основы и технологические аспекты оптимизации природопользования в степных регионах России и сопредельных территориях».

Для цитирования: Соколов А.А., Руднева О.С. Оценка устойчивости границ России на основе этнических, исторических и природных особенностей. *Регионоведение*. 2026;34(3):611–633. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.611-633>

Assessment of the Stability of Russia's Borders Based on Ethnic, Historical, and Natural Factors

A. A. Sokolov, O. S. Rudneva ✉

*Steppe Institute of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences –
a separate structural subdivision of the Orenburg Federal Research Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, <https://ror.org/0261qw820>
(Orenburg, Russian Federation)*

✉ Ksen1909@mail.ru

Abstract

Introduction. Border sustainability is the main factor of national security and regional development. The dissolution of the USSR and the formation of new state borders of the Russian Federation have brought to the fore the problem of assessing the sustainability of these borders. The aim of this study is to provide a comprehensive assessment, with segmentation of Russia's land border by degree of sustainability, based on an analysis of historical, natural, and ethnic determinants.

Materials and Methods. The methodology is based on the classical morphological approach, adapted for a comprehensive assessment of Russia's land border. The empirical basis consisted of historical and cartographic materials, data from physical-geographical regionalization, and statistics from national censuses of Russia and neighboring states. Border sustainability is determined through a cumulative assessment of three basic substrates: historical maturity (duration of existence along unchanged borders), natural barrier potential (alignment with pronounced physical-geographical objects), and ethno-cultural contrast (distribution of titular ethnic groups in the border areas).

Results. Based on the developed binary matrix of criteria, a typological segmentation of the border was carried out, identifying four levels of sustainability. The most sustainable borders are those with the People's Republic of China, the Democratic People's Republic of Korea, and Norway, which align with all three criteria. Borders with medium sustainability (with Mongolia, Finland, and Lithuania) are characterized by a paired combination of determinants. The least sustainable segments (in the Caucasus, with Ukraine and Belarus) meet only one of the criteria. Unsustainable borders are primarily the geometric borders with Kazakhstan, formed in the 20th century without regard to natural and ethnic boundaries.

Conclusion. The results demonstrate a high degree of spatial differentiation in the sustainability of Russia's borders. Differentiated approaches to security and management are proposed for each type of segment – from infrastructure development on sustainable segments to enhanced control and monitoring on unsustainable ones. The findings can be used for the development of a segmented state border policy.

Keywords: state border, border typology, border stability, border regions, historical development, natural barriers, ethnic areas

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The study was carried out on the topic of the state assignment of the Steppe Institute of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences of the Orenburg Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences No. GR 126013016160-7 “Geoeological Foundations and Technological Aspects of Optimizing Nature Management in the Steppe Regions of Russia and Adjacent Territories”.

For citation: Sokolov A.A., Rudneva O.S. Assessment of the Stability of Russia's Borders Based on Ethnic, Historical, and Natural Factors. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(3):611–633. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.611-633>

ВВЕДЕНИЕ

Для общественных наук справедливо утверждение Н. Д. Спайкмана: «понимание географии страны – это знание ее внешней политики, которая проецируется на ее границы»¹. Однако географический параметр выступает скорее в роли обусловливающего контекста, а не жесткой детерминанты, поскольку характеристики пространства (площадь, физико-географическое положение, морфология рельефа и пр.) имеют значение при формировании государственных рубежей, но не являются исключительно причинным фактором. Строгих и универсальных правил проведения границ не существует².

Полноценный анализ пограничного пространства требует его рассмотрения в совокупности географических (информации о размещении объектов и фиксации текущего состояния), а также исторических аспектов (ретроспективной оценки)³. В связи с этим исследование государственной границы и приграничья представляет собой одну из базовых проблем социально-экономической географии. Доминирующим вектором анализа выступает синтез исторического и национально-демографического подходов к формированию рубежей и оценке природных характеристик разделяемых территорий. Несмотря на усиление процессов экономического развития, особенно третичного сектора, и углубление международного разделения труда, физико-географические барьеры по-прежнему остаются основой конфигурации границ сопредельных государств⁴.

В таком контексте научный интерес представляет сухопутная граница Российской Федерации. В настоящее время российская государственная граница – один из наиболее протяженных сухопутных периметров в мире (22,1 тыс. км). Значительная его часть (7,6 тыс. км) проходит по гидрографическим объектам (рекам Амур, Аргунь, Уссури, Урал, Неман; озерам Ханка, Чудскому и др.), около 3 тыс. км – по орографическим линиям (горным системам Кавказа, Алтай, Саян). Остальные участки классифицируются как геометрические, т. е. проведенные без учета специфики ландшафтов.

Устойчивость государственных границ является фундаментальной проблемой национальной безопасности и территориального суверенитета. В условиях совре-

¹ Spykman N.J. Geography and Foreign Policy, II. *The American Political Science Review*. 1938;32(2):213–224. Available at: <https://www.sci-hub.ru/10.2307/1948667> (accessed 10.02.2025).

² Делимитация и демаркация государственных границ в регионе ОБСЕ [Электронный ресурс]. Organization for Security and Co-operation in Europe : website. URL: <https://www.osce.org/ru/node/363466> (accessed 27.08.2025).

³ Spykman N.J. Geography and Foreign Policy, I. *Ibid*. 1938;32(1):28–39. Available at: <https://www.sci-hub.ru/10.2307/1949029> (accessed 10.02.2025).

⁴ Евстафьев Д.Г. Евразийская цивилизация: геоэкономические параметры концепции в условиях нового миропорядка. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2024;1(104):8–17. [http://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-104\(S\)-2024-8-17](http://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-8-17)

менной геополитической турбулентности значимость приобретает не только охрана рубежей, но и их способность сохранять конфигурацию при внешних и внутренних вызовах. Однако строгих и универсальных критериев оценки такой устойчивости не существует, а пограничная политика России нередко унифицирована и не предусматривает глубокой пространственной дифференциации ее сухопутного периметра.

Учитывая многообразие стран-соседей, каждый пограничный участок и сопряженная с ним территория отличаются уникальной комбинацией характеристик: природно-климатическими условиями, периодом существования, длиной, демографическим состоянием, этнокультурным составом населения. Сочетание данных факторов определяет уровень устойчивости и безопасности границы.

Проявлением действия этих факторов является то, что многие постсоветские границы, в частности геометрические, были проведены без учета сложившихся хозяйственных связей и ареалов расселения этносов, что привело к разделению единых этнокультурных пространств, возникновению социального напряжения, периферизации и в целом – к уязвимости приграничных территорий, а также проживающих на них сообществ перед лицом геополитических, демографических и этнокультурных вызовов. При этом научно обоснованный, дифференцированный подход к управлению приграничными территориями со стороны государства отсутствует. Унификация пограничной политики игнорирует локальную специфику, что снижает эффективность мер по обеспечению национальной безопасности и темпы социально-экономического развития приграничных сообществ.

Цель исследования – сегментация и типологизация сухопутной границы России на основе оценки ее политико-институциональной устойчивости с учетом исторических, природных и этнокультурных детерминант.

В исследовании проверяется гипотеза о неравномерной устойчивости сухопутных границ России, обусловленной совокупным влиянием трех структурных детерминант – исторической зрелости, природной барьерности и этнокультурной контрастности. Предполагается прямая зависимость морфологической прочности и способности к самосохранению пограничного сегмента от количества совпадающих субстратов в его конфигурации.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Изучение границ оформилось в самостоятельное научное направление на рубеже XX–XXI веков. В центре внимания ученых оказались как регламентированные линии разграничения, так и разнообразные социальные барьеры; масштаб исследований расширился от макрорегионального уровня до локальных муниципальных пределов. Акцент сместился на невидимые, но значимые границы, обусловленные культурными, этническими, конфессиональными и социальными факторами. Именно они фрагментируют единое политическое пространство, трансформируют территориальную идентичность населения и прямо влияют на механизмы общественного управления. Подобная трансформация научной парадигмы закономерно отразилась в академической среде⁵.

⁵ Введение в исследования границ. Под ред. С.В. Севастьянова, Ю. Лайне, А.А. Киреева. Владивосток: Дальнаука; 2016. 426 с.

Еще в середине XX века в российской науке⁶ этнические границы картировались как статичные ареалы, но в XXI веке преобладает конструктивистский подход. Опираясь на идеи норвежского антрополога Ф. Барта⁷, современные исследователи рассматривают границу не как линию, где культура заканчивается, а как комплекс социокультурных маркеров, организующих взаимодействие соприкасающихся социумов [1]. В рамках антропологии движения А. В. Головнева⁸ граница осмысливается в качестве протяженного во времени процесса транскультурации, а понятие «фронтир» описывает пограничье в виде зоны гибкого взаимодействия, а не жесткого разделения.

В динамике межрегиональных рубежей внутри государства изменения часто обусловлены не только формально-правовыми процедурами, но и неформальными практиками, географическими аспектами (например, транспортной анклавностью) и влиянием федерального центра. Граница служит не статичной линией разделения⁹, а гибким инструментом территориального управления и фактором, определяющим развитие пространственных процессов как на международном, так и на внутригосударственном уровнях [2].

Важным направлением современных исследований является критический анализ концепции «мира без границ». Прогноз о постепенном стирании национальных рубежей под воздействием глобализации столкнулся с реальностью миграционных кризисов и геополитической конфронтации, что привело к усилению функций безопасности и повсеместному возведению физических барьеров. Однако в условиях цифровизации граница трансформируется из исключительно территориального маркера в многомерный институт, охватывающий виртуальные, экономические и идентификационные барьеры [3].

Фундаментальное значение приобрела концепция социальных практик пограничного размежевания. Государственные рубежи воспринимаются не просто линиями разграничения, а «фабриками идентичностей», активно формирующими представления о принадлежности к определенным сообществам. Анализируется становление понятия «фантомных границ» как исторически сложившихся рубежей, которые, утратив формальный государственный статус, продолжают определять современные экономические градиенты и культурно-ментальные различия [4].

Продолжается исследование эволюции барьерных и контактных функций границ. Так, пандемия коронавирусной инфекции, став масштабным катализатором, наглядно продемонстрировала способность государств в условиях глобальных вызовов оперативно трансформировать проницаемые рубежи в жесткие барьеры биобезопасности. Другими словами, несмотря на глобализацию и повсеместную открытость, граница как институт по-прежнему устойчиво фрагментирует политические и социально-экономические пространства, разделяя на «своих» и «чужих» [5; 6].

⁶ Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. 15. Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы. М.: Изд-во Акад. наук СССР; 1951. 280 с. ; Брук С.И. Историко-этнографическое картографирование и его современные проблемы. *Советская этнография*. 1973;(3):3–18. URL: https://www.booksite.ru/etnogr/1973/1973_3.pdf (дата обращения: 10.02.2025).

⁷ Barth F. Preface. In: *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference*. Bergen Oslo Universitets Forlaget. London: George Allen and Unwin; 1969. P. 9–58.

⁸ Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: «Волот»; 2009. 496 с.

⁹ Цветкова О.В. Теоретико-методологические основы исследований государственных границ. *Регионоведение*. 2014;(2):40–47. <https://elibrary.ru/shbiir>

Влияние границ на социально-экономическое развитие приграничных территорий изучается на мезо- и макроуровнях. В фокусе – феномен пространственной асимметрии: российские города-миллионники могут стагнировать на границе, в то время как соседние китайские центры (например, Хэйхэ) демонстрируют взрывной рост, используя ресурсную базу и туристический поток. Внимание привлекают трансграничные природные объекты, такие как речные бассейны (Амур, Селенга, Иртыш), которые выступают не только естественными рубежами, но и зонами потенциальных экологических конфликтов, вынужденного институционального сотрудничества [7].

Вызов современной лимологии и географии – интеграция базовой типологии по природным и историческим признакам, а также современных этнокультурных границ с их размытостью и мозаичностью.

Однако при многообразии существующих исследований комплексная сегментация всего периметра сухопутной границы России не проведена. В основном работы имеют локальный (изучение отдельных участков, например с Казахстаном или Китаем) либо функциональный характер (фокусируются на узких аспектах, в частности транспортных, водных ресурсах). Отсутствует системное картографическое и морфологическое зонирование всей границы на основе сочетания нескольких факторов (субстратов). Большинство исследований ограничивается качественным описанием этноконтактных зон, не предлагая пороговых значений для оценки совпадения этнического и государственного рубежей. Обнаруженные пробелы свидетельствуют о необходимости углубленного исследования сухопутной границы.

В отличие от традиционных географических работ, фокусирующихся на морфологии границ, настоящее исследование рассматривает устойчивость рубежей как институциональную характеристику, определяющую эффективность пограничной политики и уровень геополитических рисков. Предлагаемая типология призвана стать научной основой для сегментированного управления приграничными территориями, учитывающего их структурную уязвимость.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объектом исследования выступает сухопутная граница Российской Федерации в конфигурации, сложившейся после распада Советского Союза в 1991 г. Единицей анализа являются пространственно-функциональные участки границы, выделенные по принципу смены сочетания исторических, природных и этнических факторов. Протяженность сегментов переменна и определяется точками бифуркации (изменением речного русла, переходом через горный хребет, сменой административно-территориальной единицы). Геометрические участки границы определялись как отрезки, проведенные по заданным координатам без учета природных и этнокультурных факторов (на основе демаркационных документов¹⁰ и ГИС-анализа).

Дизайн исследования. Методологическую базу работы формирует классификационный подход к анализу государственных рубежей, восходящий к работам Дж. Керзона¹¹ и адаптированный для комплексной оценки сухопутного периметра Российской Федерации. Граница рассматривается как многослойный

¹⁰ Делимитация и демаркация государственных границ в регионе ОБСЕ...

¹¹ Curzon G.N. *Frontiers: Delivered in the Sheldonian Theatre*. Oxford: At the Clarendon Press; 1907. 58 p.

пространственный объект, устойчивость которого определяется наложением базовых субстратов в соответствии с выделенной В. А. Колосовым, Н. С. Мироненко и Р. Ф. Туровским структурой¹².

Критерии и операционализация устойчивости. Устойчивость границы операционализирована как способность рубежа сохранять пространственно-временное положение и морфологическую конфигурацию при внешних и внутренних воздействиях¹³. Степень устойчивости зависит от структуры многослойности рассмотренных типов (субстратов) границ. Чем больше таких субстратов совпадает в одном пограничном сегменте, тем выше его прочность и способность к самосохранению¹⁴.

Для количественной оценки использованы три бинарных критерия (каждый принимает значение 1 при наличии признака, 0 – при отсутствии), соответствующих трем базовым типам границ:

1) историческая зрелость. Оценивалось, как долго данный рубеж сохраняет положение без серьезных изменений. Пороговое значение: граница, существующая в неизменных рубежах с конца XIX века (период максимального территориального расширения Российской империи – около 22,4 млн км²) и не подвергавшаяся существенным корректировкам в XX–XXI вв., признавалась исторически зрелой¹⁵; обладающей максимальным запасом исторической прочности¹⁶ [8];

2) природная барьерность. Проверялось, совпадает ли государственная граница с выраженными физико-географическими объектами макроуровня (крупными горными хребтами, реками). Мелкие реки и локальные формы рельефа не учитывались, чтобы избежать избыточной фрагментации¹⁷;

3) этническая контрастность. Для оценки фактора использовался метод привязки данных национальных переписей населения к приграничным

¹² Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс; 2001. 479 с. ; Туровский Р.Ф., Колосов В.А. Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 1997;(5):106–113. URL: <https://publications.hse.ru/articles/359620495?ysclid=mtbf7xwkw2671905654> (дата обращения: 02.02.2025).

¹³ Сочава В.Б. Введение в учение о геосистемах. Новосибирск: Наука, Сиб. отд.; 1978. 302 с. <https://www.elibrary.ru/tarvmp>

¹⁴ Колосов В.А. География государственных границ: идеи, достижения, практика. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2008;(5):8–20. <https://www.elibrary.ru/jsjzcv> ; Каганский В.Л. Географические границы: противоречия и парадоксы. В кн.: Географические границы. М.: Изд-во МГУ; 1982. С. 7–19 ; Родман Б.Б. Основные типы географических границ. *Там же*. С. 19–33. <https://www.elibrary.ru/vnwiup> ; Евдокимов С.И. Оценка устойчивости границ псковско-белорусской порубежной территории. *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки*. 2013;(2):116–124. <https://www.elibrary.ru/rdfldz> ; Манаков А.Г., Евдокимов С.И. Устойчивость границ Псковского региона: историко-географический анализ. *Псковский региональный журнал*. 2010;(10):29–48. <https://www.elibrary.ru/nuaoqr>

¹⁵ Дьякова Н.А., Чепелкин М.А. Границы России в XVII–XX веках. М.: Центр военно-стратег. и воено-технол. исследований Ин-та США и Канады; 1995. 236 с.

¹⁶ Паламарь Н.Г. Генезис взглядов на формирование государственной территории и государственной границы российского государства. *Власть*. 2008;(4):100–103. URL: <https://clck.ru/3VTYv5> (дата обращения: 27.08.2025) ; XIX век. В кн.: Большая Российская энциклопедия. Том Россия. М.; 2004. С. 325–356.

¹⁷ Об утверждении Методики гидрографического районирования территории Российской Федерации: приказ Министерства природных ресурсов Российской Федерации от 25.04.2007 № 112 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12153715/> (дата обращения: 27.08.2025) ; Лукашов А.А. Горы. В кн.: Большая российская энциклопедия. Т. 7. М.; 2007. С. 499.

административно-территориальным единицам (субъектам РФ, провинциям и областям сопредельных государств). Участок считался этнически контрастным, если доля титульного этноса на российской стороне превышала 80 % [9] или была сопоставима со среднероссийским уровнем (по данным переписи 2021 г.¹⁸). Выбор порога основан на методике Б. М. Эккеля¹⁹ для оценки этнической мозаичности.

На основе суммы баллов (от 0 до 3) все участки отнесены к четырем категориям:

- наиболее устойчивые: 3 балла;
- среднеустойчивые: 2 балла;
- наименее устойчивые: 1 балл;
- неустойчивые (геометрические границы, лишённые всех трех признаков)²⁰:

0 баллов.

Это позволило зафиксировать базовый структурный потенциал устойчивости сухопутных границ России.

Исторический, природный и этнический факторы образуют базовый каркас границы. Они обладают высокой устойчивостью и формируют структурную основу, на которую можно наложить анализ более подвижных процессов (трансграничного сотрудничества, экономической интеграции или изменения политических режимов). Экономические и политические показатели намеренно исключены из базовой модели, поскольку они обладают высокой временной изменчивостью и могут быть как причиной, так и следствием неустойчивости. Их учет предлагается как следующий этап анализа. Благодаря этому удалось избежать методологической ошибки смешения разнородных факторов, когда временный экономический спад в приграничном регионе интерпретируется как свидетельство фундаментальной неустойчивости исторически сложившегося и географически обусловленного рубежа.

Источники данных. Эмпирическую базу составили три группы источников:

а) историко-картографические материалы – тексты международных договоров (Нерчинский 1689 г., Пекинский 1860 г., Парижский 1947 г. и др.) [10], демаркационные протоколы, исторические атласы и карты (Российского государственного исторического архива, фондов пограничных комиссий [11]). Временной охват – от конца XVII века до настоящего времени [12 – 16];

б) физико-географические данные – топографические карты масштаба 1:1 000 000 и 1:500 000, гидрографические базы данных (Государственного водного реестра, цифровых моделей рельефа SRTM). Используются официальные методики гидрографического и орографического районирования РФ;

в) демографические и этностатистические сведения – итоги Всероссийской переписи населения 2021 г., а также результаты национальных переписей сопредельных государств за 2001–2021 гг. (Норвегии, Финляндии, стран Балтии, Беларуси, Украины [17], Грузии, Азербайджана, Китая [18], Казахстана [19],

¹⁸ Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года по России [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 27.08.2025).

¹⁹ Эккель Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР. *Советская этнография*. 1976;(2):33–39.

²⁰ Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Современные государственные границы... ; Ancel J. *Géographie des Frontiers*. Paris: Gallimard; 1938. 256 p.

Монголии). Для унификации анализа привлекались данные по административно-территориальным единицам первого порядка, непосредственно примыкающим к границе [17–19].

Процедура анализа. Оценка устойчивости проводилась поэтапно с применением метода последовательного картографического наложения и матричного анализа.

Физико-географическое и историческое картографирование: на основе анализа топографических карт, исторических атласов и текстов международных договоров методом экспертно-картографической оценки были выделены участки, обладающие выраженной макробарьерной функцией.

Статистико-демографическое сопряжение: по каждому участку границы сопоставлялись доли титульного этноса в непосредственно примыкающих к нему регионах.

Матричная оценка: все участки границы оценивались по разработанной бинарной матрице критериев.

Таксономическая агрегация: на основе суммарных баллов (от 0 до 3) смежные участки границы, обладавшие одинаковым набором субстратов, объединялись в целостные пространственные зоны. Это позволило сформировать финальную типологию, где граница сегментирована по принципу структурной однородности, а рубежи между участками определены непосредственно наложением географической и этнической детерминант.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общая характеристика сухопутных границ Российской Федерации: историческая и пространственная. Россия имеет сухопутные границы с 14 признанными на международном уровне государствами. Эти рубежи формировались в различные исторические эпохи – от XVII (договоры с Цинской империей) до середины XX века (послевоенные соглашения и внутрисоюзное размежевание) – и в принципиально разных геополитических обстоятельствах: в результате имперских завоеваний, мирных договоров, военных конфликтов и административных решений советского периода.

Протяженность сухопутных границ с сопредельными странами варьируется широко: от 17,3 км с Корейской Народно-Демократической Республикой до более 7,5 тыс. км с Казахстаном. Значительная часть линии разграничения проходит по естественным природным рубежам: крупным рекам (Амур, Аргунь, Нарва, Урал, Туманная), озерам (Чудскому, Ханка) и горным хребтам (Кавказа, Алтая, Саян), что во многом определяет как морфологию границы, так и ее историческую устойчивость (таблица).

Как видно из таблицы, наиболее протяженные рубежи России – с Казахстаном (7 512,8 км) и Китаем (4 209,3 км). При этом первый на 80 % проходит по суше и лишен значимых природных барьеров, что делает его уязвимым с точки зрения территориальной стабильности; второй – на более чем 80 % приурочен к рекам (Амур, Уссури, Аргунь), что придает ему выраженную природную детерминированность и объясняет относительную устойчивость (дольше 150 лет).

Т а б л и ц а. История формирования и протяженность участков сухопутной границы России с сопредельными приграничными странами

Table. History of formation and length of segments of Russia's land border with neighboring countries

Участок границы / Border segment	Длина, км / Length, km				Историческая справка / Historical reference
	общая / general	по суше (км) / by land (km)	по рекам (км) / by rivers (km)	по озерам (км) / by lakes (km)	
1	2	3	4	5	6
Российско-казахстанский / Russian-Kazakhstani	7 512,8	5 936,1	1 516,7	60,0	Сложился в 1920–1930-е гг. в ходе национального строительства в СССР. Прокладывался исходя из производственной логики – районы тяготели к центрам переработки сырья / The segment was established in the 1920s–1930s during the nation-building process in the USSR. It was delineated according to production logic, with districts gravitating toward raw material processing centers
Российско-китайский / Russian-Chinese	4 209,3	650,3	3 489,0	70,0	Первоначальная делимитация состоялась в 1689 г. (Нерчинский договор, разграничение по р. Аргунь). Главный этап – Пекинский трактат 1860 г., придавший границе очертания, во многом совпадавшие с нынешними; отдельные спорные сегменты окончательно урегулированы в XXI в. / The initial delimitation took place in 1689 (the Treaty of Nerchinsk, delimitation along the Argun River). The main stage was the Beijing Treaty of 1860, which gave the border contours largely aligning with the present ones; certain disputed segments were finally settled in the 21 st century
Российско-монгольский / Russian-Mongolian	3 485,0	2 878,6	588,3	18,1	На значительном протяжении современный рубеж сохраняет исторически сложившиеся контуры. Начало – договор 1727 г. между Российской империей и Цинской династией (под властью которой тогда находилась монгольская территория). В XX веке Монголия и Тыва обрели независимость от Китая; позже Тыва была включена в состав России, а затем СССР / Over a considerable stretch, the modern border retains its historically established contours. It began with a 1727 treaty between the Russian Empire and the Qing Dynasty (under whose rule the Mongolian territory was at that time). In the 20 th century, Mongolia and Tuva gained independence from China; later, Tuva was incorporated into Russia and subsequently into the USSR

Продолжение таблицы / Continuation of the table

1	2	3	4	5	6
Российско-украинский (в конфигурации 1991 г.) / Russian-Ukrainian (in the 1991 configuration)	1 974,0	1 548,4	422,2	3,4	Сформировался в результате внутри-союзного административного размежевания между РСФСР и УССР, закрепленного в 1927–1928 гг. / This border segment formed as a result of intra-union administrative demarcation between the RSFSR and the Ukrainian SSR, formalised in 1927–1928
Российско-финский / Russian-Finnish	1 271,8	1 091,7	60,3	119,8	Является итогом ранних договоров. Наиболее старые из сохранившихся участков восходят к границе Швеции и Российской империи XVI–XVII вв. Последняя корректировка – после Парижского договора 1947 г. / This border segment is the outcome of early treaties. The oldest surviving segments date back to the border between Sweden and the Russian Empire in the 16 th –17 th centuries. The last adjustment occurred after the Paris Peace Treaty of 1947
Российско-белорусский / Russian-Belarusian	1 239,0	857,7	362,3	19,0	Современные очертания обрел в 1924–1926 гг., когда Могилевская, Витебская и Гомельская области (территории с преимущественно белорусским населением) РСФСР вошли в состав БССР / The modern contours were acquired in 1924–1926, when the Mogilev, Vitebsk, and Gomel regions (territories with predominantly Belarusian population) of the RSFSR became part of the BSSR
Российско-грузинский / Russian-Georgian	875,5	819,6	55,9	–	Отправная точка современных очертаний – договор о взаимном признании 1920 г. В 1944–1958 гг. конфигурация временно менялась. Линия российского пограничья затрагивает также отрезки у Абхазии и Южной Осетии, что выводит вопрос за рамки чисто двусторонних отношений / The starting point for the modern contours was the 1920 mutual recognition treaty. In 1944–1958, the configuration temporarily changed. The Russian border line also affects segments adjacent to Abkhazia and South Ossetia, which takes the issue beyond the framework of purely bilateral relations
Российско-азербайджанский / Russian-Azerbaijani	327,6	272,4	55,2	–	Начал формироваться в 1820-е гг., в рамках борьбы Российской империи и Персии за господство на Кавказе. Окончательно оформился в 1920 г. при образовании Азербайджанской ССР / This border segment began to form in the 1820s, in the context of the struggle between the Russian Empire and Persia for dominance in the Caucasus. It was finalized in 1920 with the establishment of the Azerbaijan SSR

Продолжение таблицы / Continuation of the table

1	2	3	4	5	6
Российско-эстонский / Russian-Estonian	324,8	89,5	87,5	147,8	Современный облик приобрел в 1944 г., когда ряд приграничных территорий, ранее переданных Эстонии по Тартускому договору 1920 г., вошли в состав РСФСР / This border segment acquired its modern shape in 1944, when a number of border territories previously ceded to Estonia under the 1920 Treaty of Tartu were incorporated into the RSFSR
Российско-латвийский / Russian-Latvian	270,5	137,2	127,5	5,8	Юридически оформлен в 1920 г. Рижским договором; в 1944 г. произошла территориальная корректировка в пользу РСФСР. Латвия впоследствии настаивала на восстановлении рубежей, но подписанный и ратифицированный договор о государственной границе оставил существующую линию разграничения неизменной / This border segment was legally formalized in 1920 by the Treaty of Riga; in 1944, a territorial adjustment was made in favor of the RSFSR. Latvia subsequently insisted on restoring the previous borders, but the signed and ratified state border treaty left the existing demarcation line unchanged
Российско-литовский / Russian-Lithuanian	244,8	28,2	207,9	8,7	Установлен в 1945 г.: решением Потсдамской конференции Восточная Пруссия вместе с Калининградом (Кенигсбергом) отошла Советскому Союзу / This border segment was established in 1945, when, by decision of the Potsdam Conference, East Prussia, together with Kaliningrad (Königsberg), was ceded to the Soviet Union
Российско-польский / Russian-Polish	204,1	203,3	0,8	–	Оформился в 1945 г. на основе двустороннего соглашения в рамках территориального раздела Восточной Пруссии между Польшей и СССР / This border segment was established in 1945 on the basis of a bilateral agreement within the territorial partition of East Prussia between Poland and the USSR
Российско-норвежский / Russian-Norwegian	197,7	43,0	154,7	–	Длительный территориальный спор относительно земель Кольского полуострова окончательно разрешился в 1826 г. двусторонним договором, юридически закрепившим государственную границу / A long-standing territorial dispute over the lands of the Kola Peninsula was finally resolved in 1826 by a bilateral treaty that legally established this state border

Окончание таблицы / End of table

1	2	3	4	5	6
Российско-северо-корейский / Russian-North Korean	17,3	–	17,3	–	Закреплен договором с Цинским Китаем 1860 г. Учитывая вассальный статус Кореи по отношению к Китаю, территориальные вопросы урегулировались непосредственно между империями, что и сформировало нынешнее разграничение / This border segment was formalized by the 1860 treaty with Qing China. Given Korea's vassal status with respect to China, territorial matters were settled directly between the empires, which shaped the current demarcation

Источник: [10; 15–19] ; Шарухо И.Н. Формирование территории Беларуси как процесс взаимодействия с соседями. *Псковский регионологический журнал*. 2006;(3):158–170 ; Межевич Н.М. Российско-эстонская граница: история формирования и современное значение для развития Северо-Запада России. *Там же*. 2007;(4):134–145 ; Архипова Е.В. Границы между Азербайджаном, Грузией и Россией: советское наследие. *Центральная Азия и Кавказ*. 2005;6(42):36–46 ; Рожков-Юрьевский Ю.Д. К вопросу установления государственных границ и разграничения морских пространств Российской Федерации на участке Калининградской области. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2013;(3):162–167 ; Рупасов А.И., Чистиков А.Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории. СПб.: АО «Концерн “Научно-производственное объединение Аврора”»; 2016. 240 с. ; Плаканс А. Краткая история стран Балтии. М.: Весь мир; 2016. 480 с. ; Киреев А.А., Денисенко В.А., Сазыкин А.М. Приграничное сотрудничество с КНДР. В кн.: Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта; 2021. С. 99–121.

Source: [10; 15–19] ; Sharuho I.N. [Formation of the Territory of Belarus as a Process of Interaction with Neighbours]. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal*. 2006;(3):158–170 ; Mezhevich N.M. [The Russian-Estonian Border: the History of Formation and Modern Significance for the Development of the North-West of Russia]. *Ibid*. 2007;(4):134–145 ; Arkhipova E.V. [Borders between Azerbaijan, Georgia and Russia: the Soviet Legacy]. *Tsentrlnaya Aziya i Kavkaz*. 2005;(42):36–46 ; Rozhkov-Yuryevsky Ju.D. On the Establishing of State Border and Delimitation of Marine Areas of the Russian Federation in the Kaliningrad Region Zone. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta*. 2013;(3):162–167 ; Rupasov A.I., Chistikov A.N. The Soviet-Finnish Border. 1918–1938. Essays in the History. St. Petersburg: Aurora Publishing House; 2016. 240 p. ; Plakans A. A Concise History of the Baltic States. Moscow: Ves' mir; 2016. 480 p. ; Kireev A.A., Sazykin A.M., Denisenko V.A. [Cross-Border Cooperation with the DPRK]. In: [Cross-border Cooperation along the State Border of Russia]. Kaliningrad: IKBFU Publishing House; 2021. Pp. 99–121.

Наименее протяженные участки – с Северной Кореей (17,3 км), Норвегией (197,7) и Польшей (204,1 км) – демонстрируют принципиально разный генезис: первые восходят к имперскому разграничению XIX в., тогда как польская – продукт послевоенного передела 1945 г., при котором Восточная Пруссия была разделена между СССР и Польшей. Таким образом, таблица наглядно иллюстрирует корреляцию между исторической глубиной границы, наличием природных барьеров и ее текущей степенью устойчивости: чем длительнее договорная основа и выше доля речных, озерных рубежей, тем выше потенциал долгосрочной стабильности.

Демографические и этнокультурные характеристики приграничных территорий. В численности населения приграничных территорий наблюдается диспропорция: от около 50 тыс. чел. в аймаке Булган в Монголии до более 31 млн чел. в провинции Хэйлунцзян в Китае (приложение²¹). В целом в приграничных субъектах России проживают 58,8 млн чел., соседних государств – 109,5 млн. Значительный

²¹ Приложение доступно в электронной версии: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.623>

разброс демонстрирует и этнический ландшафт приграничья: в некоторых регионах фиксируется почти полная этническая гомогенность (доля титульной нации достигает 99 % населения), тогда как в других присутствуют многонациональные анклавы.

Подобная мозаичность создает уникальную геополитическую и культурную динамику, превращая буферные зоны не столько в барьеры, сколько в коридоры для миграции и культурного обмена. Существенная асимметрия в площади сопредельных государств делает невозможным прямое сравнение их приграничных зон²².

В европейской части приграничья доминируют моноэтнические регионы с долей титульной нации выше 90 %. На Кавказе и в Сибири картина принципиально иная: титульные этносы нередко составляют менее 10 % (например, в Туве доля русских – 9 %). Напротив, приграничные регионы сопредельных государств почти однородны (в частности, северокорейский Хамген-Пукто, где корейцев около 99 %).

Переплетение исторических наслоений, природных детерминант и этнокультурного разнообразия не поддается линейному описанию; каждый отрезок государственной границы представляет собой самостоятельный историко-географический феномен (рис. 1).

Р и с. 1. Участки российской границы (в конфигурации 1991 г.) и доля титульных этносов на приграничных территориях

F i g. 1. Sections of the Russian border (in the 1991 configuration) and the share of titular ethnic groups in the border areas

Источник: здесь и далее составлено авторами по результатам исследования.

Source: hereinafter compiled by the authors based on the research results.

²² В связи с этим под «приграничьем» в каждом конкретном случае понимаются участки, соизмеримые по масштабам. Это могут быть территории целых стран, отдельные административно-территориальные образования (округа, губернии, области, провинции, воеводства и пр.).

Как видно из рисунка 1, наиболее выраженную этническую гомогенность (более 90 % титульного этноса) демонстрируют приграничные территории на западе и востоке России – от Финляндии до Китая, тогда как зоны с сильнейшей этнической фрагментацией (50–60 %) локализуются в двух основных ареалах: на Северном Кавказе (вдоль границы с Грузией и Азербайджаном) и на юге Западной Сибири (вдоль казахстанского рубежа). Это коррелирует с преимущественно геометрическим характером границ XX в., пересекающих единые этнокультурные пространства. При этом карта наглядно иллюстрирует диссонанс между природной детерминированностью границ (рек, горных хребтов) и их этнической напряженностью: исторические рубежи, унаследованные из XIX в., как правило, совпадают с зонами высокой титульной концентрации. Напротив, административные линии 1920–1930-х гг. и послевоенные корректировки 1944–1945 гг. неизбежно рассеяны этническими ареалами с долей титульного населения ниже 50 %.

Типологизация сухопутных границ России по критерию устойчивости.

Особую категорию в системе сухопутных рубежей страны образуют сегменты, которые с момента возникновения практически не меняли конфигурацию, обладают привязкой к крупным водным артериям, высокой исторической устойчивостью, выраженной этноразграничительной функцией и в сумме дают наименьший километраж в общей структуре государственной границы. Речь идет о российско-китайском, российско-норвежском и российско-северокорейском направлениях, признанных наиболее устойчивыми.

Наиболее раннее оформление получил норвежский участок (1826 г.), тогда как фрагменты китайской границы уходят корнями в 1689 г. Все они пролегают по естественным водным преградам, а именно по рекам Амур и Аргунь, Туманной и Патсойоки. Этническая картина вдоль этого рубежа отличается резкой полярностью: на сопредельных с Китаем и Корейской Народно-Демократической Республикой территориях доля титульных наций превышает 90 %, на норвежском сегменте колеблется в пределах 80–90 %²³.

Столь же контрастен демографический дисбаланс: на азиатском направлении китайско-корейское приграничье насчитывает почти 60 млн чел. против 4 млн на российской стороне; на северном фланге соотношение обратное: более 650 тыс. жителей в Мурманской области и 75 – в норвежском Финнмарке²⁴. При этом все участки интегрированы в единый пространственный контур, где история, природа и этничность накладываются друг на друга, формируя многослойную и устойчивую картину.

Для среднеустойчивых границ характерна значительная хронологическая глубина существования при умеренной конфигурационной стабильности. По уровню внутренней сложности они уступают предыдущей категории, поскольку строятся на бинарных сочетаниях базовых факторов: исторического, природного и этнического.

²³ Pinilla D.G. Border Disputes between China and North Korea: The Yalu and Tumen Rivers, and Control of the Seas. *China Perspectives*. 2004;52:806. <https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.806> ; Рябов С.А. Российско-норвежская граница: история с топографией. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева; 2018. 122 с. <https://elibrary.ru/ytjmlr>

²⁴ National Bureau of Statistics of China : website. Available at: <https://www.stats.gov.cn/> (accessed 28.07.2025) ; Statistisk sentralbyrå : website. Available at: <https://www.ssb.no/> (accessed 28.07.2025).

Основная протяженность этого сегмента приходится на рубежи с Китаем (около 1,5 тыс. км) и Монголией (около 0,9 тыс. км), а также на отдельные участки границ с Финляндией и Литвой. Практически вся линия отличается исторической преемственностью, даже фрагменты, оформленные в XX в., воспроизводят ранее апробированные договорные модели.

Восточная часть российско-китайской границы урегулирована актами XIX-го – начала XX вв.: Пекинским договором 1860 г. по Амуру, Ханкайским протоколом 1861 г. и Хабаровским (Хуньчуньским) протоколом 1886 г. по Уссури, Сунгаче и о. Ханка, а также Цицикарским соглашением 1911 г. по р. Аргунь. Российско-монгольское разграничение, возникшее после провозглашения независимости Монголии в 1911 г., сохраняет первоначальную конфигурацию²⁵.

Значительная часть этих рубежей привязана к выраженным природным барьерам: р. Аргунь (по границе около 950 км) и о. Ханка (площадь водного зеркала колеблется от 3,9 до 5 тыс. км², из них около 3 тыс. км², или 74 %, принадлежат России) на китайском направлении; нижнему течению р. Неман (191 км вдоль границы Калининградской области и Литвы); горным системам Алтая с главной вершиной г. Белухой (4 506 м) и Саян с пиком Мунку-Сардык (3 491 м) на монгольском фланге²⁶.

Этнический состав приграничных территорий более сбалансирован по сравнению с предыдущей группой, хотя полная гомогенность отсутствует: в большинстве регионов доля титульных этносов превышает 80 %, однако на отдельных отрезках китайского и монгольского направлений этот показатель снижается [20].

К наименее устойчивым относятся рубежи с большим разбросом по времени формирования, слабой внутренней упорядоченностью и доминированием одного образующего признака, чаще природного или этнического. Эти линии распределены по всему периметру государственной границы. В подавляющем большинстве случаев они не имеют исторических предшественников, поскольку основная часть установлена или существенно изменена в XX в.

Отдельные участки обладают природной барьерностью: Кавказский хребет (около 1,2 тыс. км), Алтайские горы (около 0,6 тыс. км), а также малые речные фрагменты, включая Нарву и Урал. В ряде приграничных регионов, особенно на Северном Кавказе и в странах Балтии (Латвии, Эстонии), этническая структура отличается высокой пестротой, вследствие чего этнокультурные ареалы не совпадают с административными линиями. Граница с Финляндией и Польшей, некоторые отрезки на белорусском и украинском направлениях демонстрируют выраженную этническую асимметрию сопредельных сторон.

Неустойчивые границы представляют собой рубежи, находящиеся на начальной стадии формирования и отличающиеся подвижной конфигурацией, а также отсутствием атрибутов устойчивых границ. Они имеют наибольшую протяженность и образованы преимущественно новыми линиями, возникшими после

²⁵ Ткаченко Б.И. Формирование и изменение государственной границы между Россией и Китаем на реке Аргунь в договорных документах XVII, XX и начала XXI веков. *Общество и государство в Китае*. 2020;50/1(34):506–520. <https://elibrary.ru/uqaqmy>

²⁶ Пограничная служба России: Энциклопедия. Формирование границ. Нормативная база. Структура. Символы. М.: Ассоциация «Военная книга»; Кучково поле; 2009. 624 с.

распада СССР в 1991 г. В большинстве случаев эти границы проводились исходя из текущих экономических и политических соображений, без учета долгосрочных и системных принципов территориальной организации.

К неустойчивым отнесены практически вся российско-казахстанская граница (около 6 тыс. км), а также значительные отрезки рубежей с Монголией, Беларусью, Украиной и Прибалтийскими государствами. Наличие крупных природных барьеров не характерно – в основном они пролегают через агроландшафты и нередко пересекают единые в этнокультурном отношении пространства, разделяя близкородственные или исторически сложившиеся общности (рис. 2).

Р и с. 2. Сегментирование российской государственной границы (конфигурация 1991 г.) в зависимости от ее устойчивости

F i g. 2. Segmentation of the Russian state border (1991 configuration) by sustainability type

Как видно из рисунка 2, устойчивость границ России имеет выраженную географическую дифференциацию: наиболее стабильные рубежи локализуются на северо-западе (с Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой) и юго-западе (с Белоруссией), тогда как неустойчивые – преимущественно на южном (с Грузией, Азербайджаном) и восточном (с КНДР, Монголией, Китаем) направлениях, что отражает контраст между исторически унаследованными имперскими границами и административными линиями, проведенными в XX в. без учета природных и этнических детерминант. Карта наглядно иллюстрирует принцип «природной детерминированности» устойчивых границ: наиболее стабильные участки приурочены к водным барьерам (рекам, озерам) и горным хребтам, тогда как неустойчивые пролегают преимущественно по равнинным агроландшафтам, лишенным четких физико-географических разграничителей.

ОБСУЖДЕНИЕ

Представленные результаты подтверждают гипотезу о неравномерности устойчивости сухопутных границ России и демонстрируют, что степень стабильности рубежа прямо коррелирует с совокупностью трех структурных детерминант: исторической зрелости, природной барьерности и этнокультурной контрастности. Наиболее устойчивыми оказались участки, где все три фактора совпадают: российско-китайская, российско-северокорейская и российско-норвежская границы, сформировавшиеся еще в XVII–XIX вв. и приуроченные к крупным водным артериям (р. Амур, Аргунь, Туманная, Патсойоки). Эти выводы базируются на классификации В. А. Колосова, Н. С. Мироненко и Р. Ф. Туровского, которые рассматривают границы с позиций исторической, природной и этнической составляющих²⁷.

Расхождения с мнением Л. Б. Вардомского обусловлены различием в методологическом подходе. Ученый акцентирует внимание на функциональном аспекте приграничного сотрудничества, выделяя «старые» и «новые» границы преимущественно по критерию интенсивности трансграничных связей²⁸, тогда как настоящее исследование фокусируется на структурной устойчивости рубежей независимо от текущего уровня экономической интеграции. Так, российско-казахстанская граница, которая Л. Б. Вардомским отнесена к перспективным направлениям трансграничного сотрудничества, в предлагаемой типологии признана наименее устойчивой из-за отсутствия природных барьеров, короткой истории (сформирована в 1920–1930-е гг.) и пересечения единых этнокультурных пространств.

Классические подходы к типологии границ, восходящие к Дж. Керзону и развитые отечественными исследователями, в условиях настоящего времени требуют дополнения с учетом динамичных социально-экономических и политических процессов. В современной лимологии на первый план выходят функциональный подход с анализом роли границ как институтов, регулирующих потоки людей, товаров и информации, а также концепции изменчивости и проницаемости границ²⁹. Представленное исследование вносит вклад в это направление, предлагая структурную основу для последующего функционального анализа: выделенные категории устойчивости могут служить базой для оценки институциональной, экономической и демографической составляющих.

Вместе с тем исследование имеет ряд ограничений. Предложенная трехфакторная схема оценивает исключительно структурный аспект устойчивости, т. е. ту ее сторону, которая связана с происхождением и морфологией границы. Для всестороннего анализа функциональной устойчивости и прогнозирования ее динамики в будущем требуется учет дополнительных групп показателей: институциональ-

²⁷ Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география... ; Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика: учеб. пособие для вузов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ; 2006. 780 с.

²⁸ Вардомский Л.Б. Приграничное сотрудничество на «новых и старых» границах России. *Евразийская экономическая интеграция*. 2008;(1):90–108. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prigranichnoe-sotrudnichestvo-na-novyh-i-staryh-granitsah-rossii> (дата обращения: 28.08.2025).

²⁹ Морачевская К.А. Институциональные барьеры трансграничного сотрудничества в российско-белорусском приграничье. В кн.: Российско-белорусское приграничье: проблемы и перспективы развития: сб. материалов междунар. науч. конф. Смоленск: Универсум; 2016. С. 37–44. <https://elibrary.ru/xadcyh> ; Попкова Л.И. География населения российско-украинского приграничья. Смоленск: Универсум; 2005. 304 с. <https://elibrary.ru/vlvrof> ; Колосов В.А., Тикунов В.С. Политико-географическое картографирование и геоинформатика: достижения и новые задачи. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2005;(1):17–23. <https://elibrary.ru/hshbsn>

ного блока (степени согласованности пограничного законодательства и режимов сопредельных сторон); экономического (масштаба социально-экономического разрыва между приграничными регионами и интенсивности двусторонних хозяйственных связей); а также демографического блока (динамики численности населения и преобладающих траекторий миграции в приграничье). Кроме того, работа не учитывает морские границы России и влияние геополитических кризисов на трансграничное взаимодействие в реальном времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выполненное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

- устойчивость государственных рубежей России неравномерна и демонстрирует высокую пространственную дифференциацию. Отдельные отрезки аккумулируют наибольшее количество структурных составляющих (исторический, природный и этнический факторы), что обеспечивает их высокую стабильность и неизменность на протяжении столетий. В то же время существуют участки, у которых структурная основа полностью отсутствует, что относит их к категории нестабильных;

- наиболее устойчивыми являются границы, сформировавшиеся до XX в. и приуроченные к выраженным природным барьерам (р. Амур, Аргунь, Неман; горным системам Алтая и Саян), при этом сохраняющие этническую гомогенность приграничных территорий, а именно российско-китайская, российско-североко-рейская и российско-норвежская границы;

- среднеустойчивыми признаны границы с парной комбинацией детерминант: российско-монгольская (исторический и природный факторы), российско-финская и российско-литовская (исторический и этнический факторы). Для них характерна значительная хронологическая глубина при умеренной конфигурационной стабильности;

- наименее устойчивыми выступают границы с доминированием одного фактора (чаще природного или этнического): кавказские рубежи (природный барьер Кавказского хребта), отдельные участки рубежей с Украиной и Беларусью (этническая асимметрия). Эти линии распределены по всему периметру государственной границы и в подавляющем большинстве не имеют исторических предшественников, поскольку сформированы или существенно изменены в XX в.;

- неустойчивыми признаны преимущественно геометрические границы, возникшие после распада СССР в 1991 г.: практически вся российско-казахстанская граница (7 512,8 км), а также значительные отрезки рубежей с Монголией, Беларусью, Украиной и Прибалтийскими государствами. Они пролегают через агроландшафты и нередко пересекают единые этнокультурные пространства.

По результатам исследования разработан ряд рекомендаций. Для наиболее устойчивых отрезков первостепенной задачей становится смена доминирующей парадигмы с контрольно-охранной на кооперационно-партнерскую, что подразумевает создание совместной инфраструктуры, становление трансграничных агломераций и либерализацию визовых режимов.

Для отрезков со средней и низкой степенью устойчивости на первый план выходят мониторинговые мероприятия, выравнивание институциональных и социально-экономических диспропорций через реализацию программ по повышению качества жизни и стимулированию малого бизнеса.

Для нестабильных участков, в особенности на казахстанском направлении, в краткосрочной перспективе актуальны инженерно-техническое обустройство и нейтрализация трансграничных рисков; в долгосрочной – необходимо целенаправленно формировать новые опорные центры устойчивости на основе совместных проектов хозяйственного освоения, культурного взаимодействия и унификации правовых норм. Это позволит постепенно превратить геометрическую линию раздела в функционально интегрированный пояс сотрудничества.

Практическая значимость результатов определяется их применимостью для органов государственного управления (Пограничной службы Федеральной службы безопасности РФ, Министерства иностранных дел РФ, Минэкономразвития), региональных администраций приграничных субъектов РФ, а также образовательных и научных учреждений в области геополитики, регионоведения и пограничной безопасности. Результаты могут быть использованы при разработке концепций трансграничного сотрудничества, программ приграничного развития и стратегий национальной безопасности.

Перспективные направления дальнейших изысканий включают разработку интегрального индекса функциональной устойчивости границ с учетом институциональных, экономических и демографических показателей; создание прогностических моделей трансформации пограничных режимов под влиянием геополитических и климатических изменений; сравнительное исследование устойчивости границ России с аналогичными рубежами других крупных государств (Китая, Индии, Бразилии). Особого внимания заслуживает изучение трансформации геометрических границ XX в. в исторические в условиях длительного существования независимых государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Октябрьская И.В. Категория «границы» в российской этнографии. *Вестник Томского государственного университета*. 2025;(515):122–127. <https://www.elibrary.ru/kmuggk>
2. Цветкова О.В. Формальные правила и технологии изменения субнациональных границ России. *Регионоведение*. 2016;(1):6–16. URL: <https://clck.ru/3VqPjK> (дата обращения: 27.08.2025).
3. Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Мир без границ» (Borderless World): три концептуальных подхода. *Дискурс-Пи*. 2024;21(2):8–23. <https://www.elibrary.ru/dyjlqv>
4. Колосов В.А. Фантомные границы как феномен в политической географии. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*. 2017;(5):3–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fantomnye-granitsy-kak-fenomen-v-politicheskoy-geografii> (дата обращения: 27.08.2025).
5. Kolosov V., Zotova M. “De-Facto Borders” as a Mirror of Sovereignty. The Case of the Post-Soviet Non-Recognized States. *Historical Social Research*. 2021;46(3):178–207. <https://doi.org/10.12759/hsr.46.2021.3.178-207>
6. Kolosov V.A., Tikunov V.S., Eremchenko E.N. Areas of Socio-Geographical Study of the COVID-19 Pandemic in Russia and the World. *Geography, Environment, Sustainability*. 2021;14(4):109–116. <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2021-091>
7. Тулохонов А.К., Болданов Т.А. Политическая география российского приграничья в условиях глобализации: теория, вызовы, решения. *Регион: экономика и социология*. 2021;(1):203–235. <https://elibrary.ru/nkhswn>
8. Позднякова Т.М. Государственная граница России: обзор формирования и современные особенности. *Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема*. 2024;(1):15–27. <https://doi.org/10.24412/2227-1384-2024-154-15-27>
9. Герасименко Т.И. Этноконтактные зоны в геокультурном пространстве России. *Гуманитарный вектор*. 2018;13(2):152–161. <http://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-2-152-161>

10. Тавровский Ю.В. Русско-китайские договоры: вехи и зигзаги истории Ч. 1. От XVII в. до Второй мировой войны. *Перспективы. Электронный журнал*. 2021;2/3(25/26):51–65. <http://doi.org/10.32726/2411-3417-2021-2-3-51-65>
11. Мамкина И.Н. Организация пограничных комиссарств на российско-китайской границе во второй половине XIX – начале XX века. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2024;23(1):82–94. <https://elibrary.ru/jwgsnk>
12. Быков А.Ю., Кожирова С.Б. Формирование границ Казахстана: дискуссии и решения первого двадцатилетия советской власти. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2023;(2):165–180. <https://elibrary.ru/ohjesl>
13. Корженевский К.Б. Российско-казахстанское пограничье: от административных границ Казахстана в рамках РСФСР до современных государственных рубежей. *Научный диалог*. 2022;11(9):373–391. <https://elibrary.ru/dsqtgq>
14. Базаров В.Б. Российская политика в отношении Монголии в начале XX в. *Власть*. 2017;(9):158–163. URL: <https://clck.ru/3VqQ34> (дата обращения: 28.08.2025).
15. Гуменюк Л.Г. Функционально-временная изменчивость границы (на примере границ Калининградской области). *Региональные исследования*. 2022;(3):90–99. <https://elibrary.ru/wzgzap>
16. Флегентова А.А. Российско-норвежские отношения: вчера, сегодня, завтра. *Актуальные проблемы современных международных отношений*. 2015;(6):124–129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-norvezhskie-otnosheniya-vchera-segodnya-zavtra> (дата обращения: 28.08.2026).
17. Igonin A.I., Tikunov V.S. The Russian-Ukrainian border – Emergence and Sustainability. *Population and Economics*. 2018;2(4):136–160. <https://elibrary.ru/ldwswd>
18. Агантаева Б.Ж., Ахметова Р.Д., Абенова Г.А., Кариева Т.А. Российско-китайское приграничье и фронтальные миграции населения в XIX в. *Былые годы*. 2021;(16):1225–1232. <https://elibrary.ru/skyugd>
19. Соколов А.А., Руднева О.С. Социально-экономическое районирование российско-казахстанского трансграничного региона. *Регион: экономика и социология*. 2023;(3):282–306. <http://doi.org/10.15372/REG20230312>
20. Теренина Н.К., Кроток Р.Н. Изменение этнической неоднородности регионов России в 2010–2020 годах в свете концепции этноконтактных зон. *География и природные ресурсы*. 2024;45(4):5–15. <http://doi.org/10.15372/GIPR20240401>

REFERENCES

1. Oktyabrskaya I.V. The Category of “Borders” in Russian Ethnography. *Tomsk State University Journal*. 2025;(515):122–127. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/kmuggk>
2. Tsvetkova O.V. Formal Rules and Methods of Changing Russias Subnational Boundaries. *Russian Journal of Regional Studies*. 2016;(1):6–16. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3VqPjK> (accessed 27.08.2025).
3. Rusakova O.F., Rusakov V.M. “Borderless World”: Three Conceptual Approaches. *Discourse-P*. 2024;21(2):8–23. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/dyjlqv>
4. Kolosov V.A. Phantom Borders as a Phenomenon in Political Geography. *Lomonosov Geography Journal*. 2017;(5):3–11. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fantomnye-granitsy-kak-fenomen-v-politicheskoy-geografii> (accessed 27.08.2025).
5. Kolosov V., Zotova M. “De-Facto Borders” as a Mirror of Sovereignty. The Case of the Post-Soviet Non-Recognized States. *Historical Social Research*. 2021;46(3):178–207. <https://doi.org/10.12759/hsr.46.2021.3.178-207>
6. Kolosov V.A., Tikunov V.S., Eremchenko E.N. Areas of Socio-Geographical Study of the COVID-19 Pandemic in Russia and the World. *Geography, Environment, Sustainability*. 2021;14(4):109–116. <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2021-091>
7. Tulokhonov A.K., Boldanov T.A. The Political Geography of the Russian Borderlands in a Globalized World: Theory, Challenges, Solutions. *Region: ekonomika i sotsiologiya*. 2021;(1):203–235. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/nkhswn>
8. Pozdnyakova T.M. The State Border of Russia: Overview of Formation and Modern Features. *Sholom Aleichem Priamursky State University*. 2024;(1):15–27. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2227-1384-2024-154-15-27>

9. Gerasimenko T.I. Ethnocontact Zones in the Ethnic-Cultural Space of Russia. *Humanitarian Vector*. 2018;13(2):152–161. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-2-152-161>
10. Tavrovskiy Ju.V. [Russian-Chinese Treaties: Mile Stones and Zigzags of History from the 17th Century to the Second World War]. *Perspectives and Prospects. E-JOURNAL*. 2021;25/26(2/3):51–65. (In Russ.) <http://doi.org/10.32726/2411-3417-2021-2-3-51-65>
11. Mamkina I.N. Establishing Border Commissariats on the Russian-Chinese Border in the 2nd half of the 19th – early 20th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2024;23(1):82–94. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/jwgsnk>
12. Bykov A.Yu., Kozhirova S.B. Formation of the Borders of Kazakhstan: Discussions and Solutions in the First Twenty Years of the Soviet Era. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost*. 2023;(2):165–180. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/ohjesl>
13. Korzhenevsky K.B. Russian- Kazakhstan Borderland: from Administrative Borders of Kazakhstan in RSFSR to Modern State Bounders. *Nauchnyi dialog*. 2022;11(9):373–391. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/dsqtgq>
14. Bazarov V.B. Russian Policy towards Mongolia at the Beginning of the 20th Century. *The Authority*. 2017;(9):158–163. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-politika-v-otnoshenii-mongolii-v-nachale-hh-v> (accessed 28.08.2025).
15. Gumenyuk L.G. Functional-Time Variability of the Boundary (Case of Kaliningrad Oblast Borders). *Regionalnye issledovaniya*. 2022;(3):90–99. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/wgzgap>
16. Flegentova A.A. Russian-Norwegian Relations: Yesterday, Today, Tomorrow. *Topical Issues of Contemporary International Relations*. 2015;(6):124–129. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-norvezhskie-otnosheniya-vchera-segodnya-zavtra> (accessed 28.08.2026).
17. Igonin A.I., Tikunov V.S. The Russian-Ukrainian Border – Emergence and Sustainability. *Population and Economics*. 2018;2(4):136–160. <https://elibrary.ru/ldwswd>
18. Atantayeva B.Zh., Akhmetova R.D., Abenova G.A., Kariyeva T.A. Russian-Chinese Borderlands and Frontier Migrations of the Population in the XIX Century. *Bylye gody*. 2021;(16):1225–1232. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/skydyd>
19. Sokolov A.A., Rudneva O.S. Socioeconomic Zoning of the Cross-Border Region between Kazakhstan and Russia. *Region: ekonomika i sotsiologiya*. 2023;(3):282–306. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.15372/REG20230312>
20. Terenina N.K., Krotok R.N. Changes in the Ethnic Heterogeneity of Russian Regions over the 2010–2020s in the Light of Ethnic Contact Zones. *Geografia i prirodnye resursy*. 2024;45(4):5–15. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.15372/GIPR20240401>

Об авторах:

Соколов Александр Андреевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института степи Уральского отделения Российской академии наук (460000, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Пионерская, д. 11), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0093-3420>, Researcher ID: Q-8019-2016, Scopus ID: 57217695444, SPIN-код: 1223-3480, SokolovAA@rambler.ru

Руднева Оксана Сергеевна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института степи Уральского отделения Российской академии наук (460000, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Пионерская, д. 11), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8425-3301>, Researcher ID: Q-7434-2016, Scopus ID: 55949910700, SPIN-код: 9870-1328, Ksen1909@mail.ru

Вклад авторов:

А. А. Соколов – разработка концепции; разработка методологии; научное руководство; административное руководство исследовательским проектом; проведение исследования; валидация результатов; критический анализ черновика рукописи.

О. С. Руднева – курирование данных; формальный анализ; проведение исследования; предоставление ресурсов; визуализация; валидация результатов; написание черновика рукописи.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 19.03.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 22.12.2025.

About the authors:

Aleksandr A. Sokolov, Cand.Sci. (Geograph.), Senior Researcher, Department of Socio-Economic Geography, Steppe Institute of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (11 Pionerskaya St., Orenburg 460000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0093-3420>, Researcher ID: Q-8019-2016, Scopus ID: 57217695444, SPIN-code: 1223-3480, SokolovAA@rambler.ru

Oxana S. Rudneva, Cand.Sci. (Geograph.), Senior Researcher, Department of Socio-Economic Geography, Steppe Institute of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (11 Pionerskaya St., Orenburg 460000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8425-3301>, Researcher ID: Q-7434-2016, Scopus ID: 55949910700, SPIN-code: 9870-1328, Ksen1909@mail.ru

Contribution of the authors:

A. A. Sokolov – conceptualization; methodology; supervision; project administration; investigation; validation; critical review.

O. S. Rudneva – data curation; formal analysis; investigation; resources; visualization; validation; writing – original draft preparation.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 19.03.2025; revised 05.12.2025; accepted 22.12.2025.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ /
POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.634-657>EDN: <https://elibrary.ru/uemejr>

УДК / UDC 32:355.01(5-15)(430)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Политика ФРГ на Ближнем Востоке
в области мира и безопасности:
достижения и просчеты

Ф. О. Трунов

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук, <https://ror.org/04j4xtm35>
(г. Москва, Российская Федерация)
ltrunov@mail.ru*

Аннотация

Введение. В начале 2020-х годов стратегическое присутствие Федеративной Республики Германия на Глобальном Юге вступило в фазу системного кризиса. Официальный Берлин попытался обратить эту тенденцию, активизировав политические и военные инструменты на Ближнем Востоке. Их использование декларировалось как вклад в региональный мир и стабильность. Цель статьи – оценить содержание и результативность политических и военных мер ФРГ, а также их реальное влияние на урегулирование конфликтов и баланс сил в регионе.

Материалы и методы. Эмпирическую базу составили документы Ведомства федерального канцлера, Бундестага, Министерства иностранных дел и Министерства обороны ФРГ за 2006–2026 гг. Исследование построено на сочетании сравнительного, ивент- и дискурс-анализа. Это позволило проследить эволюцию внешнеполитической риторики, динамику визитов высшего руководства и формы военного присутствия бундесвера.

Результаты исследования. В рамках курса на «стратегическую сдержанность» Германия формировала позитивный внешнеполитический имидж: в 2003 г. отказалась поддержать вторжение в Ирак, последующие усилия по укреплению позиций (в том числе участие в реформе сектора безопасности и борьбе с ИГИЛ¹) продемонстрировали ограниченную эффективность. По палестинскому вопросу и ливанскому урегулированию Берлин декларировал приверженность формуле «два государства для двух народов» и территориальной целостности Ливана. Однако безусловными приоритетами оставались учет интересов Израиля и особый характер отношений с ним. После 07 октября 2023 года ФРГ выразила политическую солидарность с Израилем в противостоянии ХАМАС

¹ Исламское государство – международная исламистская террористическая организация; деятельность запрещена на территории РФ решением Верховного суда от 29.12.2014.

© Трунов Ф. О., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

и проиранской «оси сопротивления». В 2025–2026 гг. Берлин перешел к открытому курсу на сдерживание Ирана. При этом Германия последовательно избегала прямого военного вовлечения и учитывала позиции монархий Персидского залива.

Заключение. Демонстрируемая Германией осторожность в применении силы служила не столько проявлением взвешенности, сколько маскировкой ограниченного влияния и точечного военного присутствия в регионе. Низкая результативность участия ФРГ в урегулировании конфликтов объясняется смещением целей. Главной задачей Берлина выступает не разрешение конфликтов, а сдерживание акторов, отвергающих западоцентричную модель миропорядка. Статья адресована специалистам в области международной безопасности и исследователям отношений Глобального Севера и Глобального Юга.

Ключевые слова: Германия, Ближний Восток, Израиль, Ирак, палестино-израильский конфликт, Иордания, Ливан, «ось сопротивления», Иран, сдерживание, бундесвер

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Трунов Ф.О. Политика ФРГ на Ближнем Востоке в области мира и безопасности: достижения и просчеты. *Регионология.* 2026;34(3):634–657. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.634-657>

Germany's Policy in the Middle East Regarding Peace and Security: Achievements and Miscalculations

P. O. Trunov

*Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, <https://ror.org/04j4xtm35>
(Moscow, Russian Federation)
ltrunov@mail.ru*

Abstract

Introduction. In the early 2020s, the strategic presence of the Federal Republic of Germany in the Global South entered a phase of systemic crisis. In an attempt to reverse this trend, official Berlin intensified the use of political and military instruments in the Middle East, framing their deployment as a contribution to regional peace and stability. This article aims to assess the content and effectiveness of Germany's political and military measures, as well as their actual impact on conflict resolution and the regional balance of power.

Materials and Methods. The empirical basis of the study draws on documents from the Office of the Federal Chancellor, the Bundestag, the Federal Foreign Office, and the Federal Ministry of Defence for the period 2006–2026. The research combines comparative analysis, event analysis, and discourse analysis, allowing for a systematic examination of the evolution of German foreign policy rhetoric, the dynamics of high-level official visits, and the patterns of Bundeswehr military presence in the region.

Results. Within the framework of the course toward “strategic restraint”, Germany formed a positive foreign policy image: in 2003, it refused to support the invasion of Iraq; subsequent efforts to strengthen its positions (including participation in security sector reform and the fight against ISIS²) demonstrated limited effectiveness. On the Palestinian issue and the Lebanese settlement, Berlin declared its commitment to the “two states for two peoples” formula and to the territorial integrity of Lebanon. However, the unconditional priorities remained consideration of Israel's interests and the special nature of relations with it. After October 7, 2023, the FRG expressed political solidarity with Israel in its confrontation with Hamas and the Iran-backed “axis of resistance”. In 2025–2026, Berlin shifted to an open course of containing Iran. At the same time, Germany consistently avoided direct military involvement and took into account the positions of the Gulf monarchies.

Conclusion. Germany's demonstrated caution in the use of force served not so much as a manifestation of balance as a cover for its limited influence and piecemeal military presence in the region. The low effectiveness of the FRG's participation in conflict resolution is explained by a shift in goals. Berlin's main task is not conflict resolution, but the containment of actors rejecting the Western-centric model of world order. The article is addressed to specialists in the field of international security and researchers of relations between the Global North and the Global South.

² The Islamic State is an international Islamist terrorist organization; its activities are prohibited in the Russian Federation by a Supreme Court decision dated December 29, 2014.

Keywords: Germany, Middle East, Israel, Iraq, Palestinian-Israeli conflict, Jordan, Lebanon, “axis of resistance”, Iran, deterrence, Bundeswehr

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Trunov P.O. Germany's Policy in the Middle East Regarding Peace and Security: Achievements and Miscalculations. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(3):634–657. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.634-657>

ВВЕДЕНИЕ

В большинстве регионов вне Евро-Атлантического сообщества³ в начале 2020-х годов система стратегического (политического и военного) влияния Федеративной Республики Германия (ФРГ) находилась в кризисном состоянии. Если к середине 2010-х годов за пределами зоны ответственности Организации Североатлантического договора (*North Atlantic Treaty Organization, NATO*) использовались 7 тыс. чел. личного состава бундесвера⁴, то через десятилетие – лишь 1 тыс.⁵ Бундесвер был вынужден свернуть свое присутствие в Сомали, Сирии, а главное, Афганистане, Мали и Нигере – важных для ФРГ направлениях военно-политической активности, что наглядно показывает масштаб утраты влияния.

Направив значительные ресурсы на сдерживание России, официальный Берлин рассчитывал сохранить и нарастить оставшиеся стратегические позиции на Глобальном Юге, активно используя политико-дипломатические возможности. Тенденция наиболее отчетлива на Ближнем Востоке⁶. Так, в первую неделю агрессии США и Израиля против Ирана (28 февраля – 6 апреля 2026 года) канцлер Ф. Мерц почти каждый день публиковал новое заявление, чаще совместно с партнерами по «Евротройке» (Великобританией и Францией).

Повышенная конфликтогенность региона порождает для Германии как угрозы безопасности, так и возможности наращивать влияние и присутствие через внесение вклада в ближневосточную стабильность, но лишь при условии результативности последнего. В 2015–2017 годах наступление ИГИЛ⁷ в Сирии и Ираке спровоцировало масштабный кризис беженцев, а также рост террористической активности в Европейском союзе (ЕС), что поставило объединение и саму ФРГ в уязвимое положение.

Сценарий перехода Ирана в «хрупкое» состояние порождает еще более масштабную угрозу стабильности для Германии, ее партнеров по ЕС. Не декларируемое, но фактическое осознание этого в Берлине во многом предопределило его заметную осторожность в иранском вопросе, особенно в военном отношении⁸.

³ Под Евро-Атлантическим сообществом понимаются страны – участницы НАТО и ЕС, сами данные институты.

⁴ Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel. Berlin: German Institute for International and Security Affairs SWP; 2018. P. 8–11. Available at: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-57787-1> (accessed 28.05.2026).

⁵ Wie lauten die Einsatzzahlen? [Online]. Bundeswehr : website. Available at: <https://www.bundeswehr.de/de/151670-151670> (accessed 28.05.2026).

⁶ Под Ближним Востоком в статье понимается регион, который образуют арабские страны Азии, Арабская Республика Египет, а также Израиль, Турция и Иран.

⁷ Исламское государство – международная исламистская террористическая организация; деятельность запрещена на территории РФ решением Верховного суда от 29.12.2014.

⁸ См., например: Bundeskanzler Friedrich Merz Erklärt zur Krise in Nahost [Online]. Die Bundesregierung : website. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzler-friedrich-merz-erklaert-zur-krise-in-nahost-2409874> (accessed 28.05.2026).

Однако не противоречило настойчивым попыткам Берлина укрепить позиции в регионе в условиях «разморозки» палестино-израильского конфликта (с октября 2023 года) и последующего резкого ослабления проиранской «оси сопротивления»⁹.

Содействие устойчивому развитию, особенно предоставление официальной помощи (ОПР) таковому, традиционно выступает одной из составляющих деятельности ФРГ в мире – прежде всего, политики в отношении бедных и беднейших стран, в первую очередь находящихся в состоянии вооруженного конфликта. Это направление подробно освещено как российскими, так и иностранными экспертами, в частности применительно к Сирии и Палестине [см., например: 1–4].

Вместе с тем оно не всегда присутствует в усилиях Германии, целью которых декларируется содействие миру и стабильности. Как инструмент ОПР практически не предоставлялась в ходе войны февраля – апреля 2026 года. Причины этого – подчеркнутое политическое дистанцирование Берлина от Исламской Республики Иран (ИРИ), а также то обстоятельство, что арабские монархии, подвергавшиеся воздушно-ракетным ударам, в основной массе не относятся к числу бедных стран [5].

Цель исследования – изучить особенности и результативность использования ФРГ политических и военных возможностей в ходе попыток внести вклад в обеспечение мира и безопасности на Ближнем Востоке.

Статья выстроена по проблемно-географическому принципу и сфокусирована на рассмотрении прежде всего политико-дипломатических шагов ФРГ. Проблемно-географический принцип предполагает последовательное изучение главных очагов напряженности региональной безопасности в их расположении с запада на восток. С опорой на характер отношений Германии с Израилем раскрывается подход к палестинской проблеме, ситуации в Ливане, обеспечению стабильности в Сирии и Ираке, наконец, переход от ограниченной кооперации с Ираном к его сдерживанию.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Рамочную основу при проведении исследования сформировали работы отечественных востоковедов, где дан срез процессов на региональном уровне¹⁰ [5–8].

Российские специалисты уделяли политике Германии на Ближнем Востоке несколько меньше внимания, чем действиям других крупных европейских игроков [9] – Великобритании, Франции, Италии [10]. В частности, акцентируется, что Лондон, в отличие от Белого дома, политически дистанцировался от Израиля при проведении боевых операций в секторе Газа с осени 2023 года. Главная причина этого видится в наличии многочисленных мусульманских диаспор на территории Великобритании, их активных протестных выступлений в поддержку Палестины, что официальный Лондон не мог не учитывать [11; 12]. Париж, также принимая во внимание это обстоятельство [13; 14], старался делать упор на развитие военно-технического сотрудничества с арабскими странами, особенно монархиями Залива [15]. При этом информационно обыгрывалась система присутствия вооруженных сил страны в регионе [16].

⁹ Совокупность акторов, ориентированных на Иран, готовых противодействовать его оппонентам (прежде всего, Израилю). К 2024 году «ось сопротивления» включала «Хезболлу» в Ливане, официальные власти в Сирии во главе с Б. Асадом, шиитские ополчения на юге Ирака, хуситов в Йемене.

¹⁰ Примаков Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М.: Рос. газ.; 2006. 382 с.

Подход Германии, в отличие от партнеров по «Евротройке», характеризовался гораздо более высоким порогом применения силы и выраженной ориентированностью на Израиль. Последнее положение обычно объяснялось прежде всего признанием исторической ответственности за Холокост, что, однако, представляется недостаточным. Одновременно ФРГ декларировала все более жесткое восприятие Ирана, порицая его политическую систему [17].

Недостаточно изучены причины выбора Германией данной модели поведения с начала 2020-х годов. Не менее важно проследить, как этот курс отразился на отношениях с арабскими странами, в частности с монархиями Персидского залива. Российскими экспертами миссия ЕС *Aspides* затрагивалась, но вклад бундесвера раскрыт фрагментарно [18].

В научной литературе наиболее подробно рассмотрены подходы ФРГ к стабилизации обстановки в Сирии [4]. Однако хронологические рамки исследований ограничены рубежом десятилетий, вследствие чего недостаточно изучены динамика и факторы ослабления германского влияния в Сирии в начале 2020-х годов, меры ФРГ по восстановлению своего влияния после смены власти в Дамаске в конце 2024 года. Попытки комплексно охарактеризовать усилия Берлина на Ближнем Востоке в целом, оценить их реальную эффективность для региональной безопасности – редки.

Мозаичность исследований свойственна и немецким экспертам. На фоне операций ЦАХАЛ в секторе Газа высказывалась обеспокоенность, что кризис беженцев 2015–2017 гг. может повториться [19]. Притом ряд представителей экспертного сообщества, в отличие от официальной позиции Берлина, подверг Израиль жесткой критике за проведение длительных масштабных боевых операций в Газе, сопровождавшихся большими потерями мирного населения [20]. Германские исследователи приветствовали силовую смену власти в Сирии (декабрь 2024 года), но были осторожны в оценке возможности ФРГ укрепить здесь позиции [21].

Зафиксирована обеспокоенность деградацией российско-саудовских отношений¹¹. В экспертном сообществе допускалась вероятность заключения к 2025 г. новой ядерной сделки с Ираном – она рассматривалась как инструмент сдерживания Тегерана и канал продвижения либеральных демократических ценностей [22].

В первые месяцы после «тринадцатидневной войны» (2025 г.), агрессии США и Израиля против ИРИ (2026 г.), ведущие аналитические центры в ФРГ, в частности Немецкий институт международных отношений и безопасности (*Stiftung Wissenschaft und Politik, SWP*), Федеральная академия по вопросам безопасности (*Bundesakademie für Sicherheitspolitik*), почти не публиковали оценочных работ, что для них нехарактерно. Тем самым фактически признавались высокая степень неопределенности ситуации, сложности прогнозирования в реалиях весны 2026 года. Лишь к осени 2026 года стали появляться материалы, в которых возможность повлиять на ситуацию вокруг Ормузского пролива для держав «Евротройки» оценивалась заметно ниже, чем для США [23].

¹¹ Lukas S., Wigger L. Indien als Aufstrebender Akteur im Nahen Osten: Entwicklungslinien, Herausforderungen und Handlungsmöglichkeiten [Online]. Bundesakademie für Sicherheitspolitik : website. Available at: https://www.baks.bund.de/sites/baks010/files/arbeitspapier_sicherheitspolitik_2024_1.pdf (accessed 28.05.2026).

Таким образом, выявлена фрагментарность исследований политики ФРГ на Ближнем Востоке. При этом комплексная оценка эффективности стратегии Германии на Ближнем Востоке, избранных ею политических и военных тактик, влияния и присутствия на уровне региональной подсистемы в целом позволит систематизировать данные, определить ограничения курса и оценить его влияние на региональный баланс сил.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Теоретико-методологическая база. Исследование опирается на положения теории неореализма (структурного реализма). Ее основной тезис – внешняя политика государства может быть успешна только тогда, когда она отвечает ожиданиям других акторов¹², – использован как объяснительная рамка для анализа успехов и неудач ФРГ в продвижении своего влияния на Ближнем Востоке.

Привлечение указанной теории позволило интерпретировать попытки официального Берлина балансировать между диалогом с Израилем и сохранением полноценных отношений с комплексом арабских государств. В середине 2020-х годов ФРГ стремилась продемонстрировать учет позиции и официального Тель-Авива (Западного Иерусалима), который перешел к прямым военным операциям против ИРИ, и арабских государств, в том числе большинства монархий Залива, избегавших полноценного втягивания в масштабные боевые действия. Такой подход отражал намерения ФРГ соответствовать структурным ограничениям международной системы и учитывать интересы значимых региональных и внерегиональных игроков.

«Стратегическая сдержанность» («стратегическая взвешенность») операционализирована как модель внешнеполитического поведения, при которой демонстрируется высокий порог применения силы, прежде всего стремления предельно сократить боевые формы использования вооруженных сил, подчеркнуть осторожность и готовность выслушать позиции сторон при урегулировании конфликтов.

Материалы исследования. Первичными источниками, составившими основу работы, послужили материалы Ведомства федерального канцлера, Бундестага, Министерства иностранных дел и Министерства обороны Германии за 2006–2026 гг. Это – 26 официальных заявлений, стенограмм заседаний, стратегических документов и отчетов, которые были выбраны как наиболее информативные (в том числе статистически) по стратегической активности Германии на Ближнем Востоке. Их изучение позволило проследить динамику участия ФРГ в переговорных процессах по вопросам безопасности, а также выявить изменения в списке фокусных региональных партнеров.

Анализировались материалы встреч на высшем уровне: протоколы, коммюнике, итоговые заявления дву- и многосторонних переговоров, отразившие эволюцию взаимного восприятия и согласования позиций по региональным вызовам.

Для оценки интенсивности и направленности внешнеполитического взаимодействия ФРГ с государствами Ближнего Востока использовались сведения о дипломатической и военной активности: о системе визитов главы правительства в страны региона, а также о линейке форм военного присутствия бундесвера (включая миссии, ротации, логистическую поддержку).

¹² Waltz K. Theory of International Politics. McGraw-Hill; Wesley Publishing Company; 1979. P. 91–93. Addison-Wesley Series in Political Science.

В качестве **методов исследования** реализованы сравнительный, ивент- и дискурс-анализ.

Ивент-анализ применялся к 14 визитам канцлера в страны региона; ряд поездок представляли собой региональные турне с посещением нескольких государств, каждое из которых посчитано отдельно. Учет осуществлялся по следующим критериям: география, продолжительность, цель, наличие переговоров с главой государства (правительства) или более широким кругом политических фигур, посещение символических для исторической памяти объектов.

Кроме того, ивент-анализ с двойным кодированием задействовался для изучения линейки форм военного присутствия в регионе. Учитывались география, размер контингента, состав, особенности миссии.

Дискурс-анализ использовался для исследования риторики канцлера Ф. Мерца (смыслов, аргументации, нарративов и позиционирования ФРГ как внерегионального актора) в первые дни агрессии США и Израиля против ИРИ весной 2026 года.

Привлечение сравнительного анализа позволило сопоставить подходы ФРГ к взаимодействию с различными группами региональных игроков (Израилем, арабскими государствами, монархиями Залива), выявить противоречия и точки сопряжения интересов, а также оценить степень согласованности действий с ожиданиями основных партнеров.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Приоритет Израиля и историческая ответственность. Германия стремилась поддерживать положительный образ, неизменно подчеркивая историческую вину перед Израилем за трагедию Холокоста. Так, в ходе визитов в страну (табл. 1) канцлер регулярно посещал мемориальный музей-комплекс Яд ва-Шем. Вследствие данного признания ФРГ считала себя ответственной за безопасность израильского государства, декларировала готовность максимально учитывать его обеспокоенности, прежде всего рассматриваемые как угрожающие существованию¹³. В системе межгосударственных отношений ФРГ со странами Ближнего Востока диалог с Израилем занимал приоритетное и обособленное положение.

Таблица 1. Визиты канцлера ФРГ в страны Ближнего Востока в 2021-м – весной 2026-го года

Table 1. Visits of the German Chancellor to the Middle Eastern countries in 2021 – spring 2026

Дата / Date	Страна / Country	Содержание / Contents
1	2	3
<i>Канцлер А. Меркель (завершение легислатуры) / Chancellor A. Merkel (end of term)</i>		
09.10.2021– 11.10.2021	IL	переговоры с премьер-министром, президентом, посещение Яд ва-Шема / meetings with the Prime Minister and the President; a visit to Yad Vashem
16.10.2021	TR	переговоры с президентом / meetings with the President
<i>Канцлер О. Шольц / Chancellor O. Scholz</i>		
01.03.2022– 02.03.2022	IL	переговоры с премьер-министром, президентом, посещение Яд ва-Шема / meetings with the Prime Minister and the President; a visit to Yad Vashem

¹³ Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie. Berlin: Bundesregierung; 2023. S. 11, 19.

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3
<i>Канцлер О. Шольц / Chancellor O. Scholz</i>		
14.03.2022	TR	переговоры с президентом / meetings with the President
24.09.2022– 25.09.2022	SA	встреча с премьер-министром (наследным принцем) / meetings with the Prime Minister (Crown Prince)
24.09.2022– 25.09.2022	AE	переговоры с президентом (шейхом) / meetings with the President (Sheikh)
24.09.2022– 25.09.2022	QA	встреча с эмиром / meetings with the Emir
07.11.2022– 08.11.2022	EG	участие в ежегодной конференции Организации Объединенных Наций по климату / participation in the annual United Nations climate conference
17.10.2023	IL	переговоры с премьер-министром, президентом и главой Министерства иностранных дел / meetings with the Prime Minister, the President, and the Minister of Foreign Affairs
18.10.2023	EG	переговоры с президентом Арабской Республики Египет и координатором ООН по раздаче гуманитарной помощи / meetings with the President of the Arab Republic of Egypt and the United Nations humanitarian aid coordinator
01.12.2023	AE	участие в ежегодной конференции ООН по климату / participation in the annual UN climate conference
17.10.2024	JO	встреча с королем / meetings with the King
18.10.2024	IL	переговоры с премьер-министром / meetings with the Prime Minister
18.10.2024– 19.10.2024	TR	переговоры с президентом / meetings with the President
<i>Канцлер Ф. Мерц / Chancellor F. Merz</i>		
13.10.2025	EG	участие в подписании плана администрации Д. Трампа по Газе / participation in the signing of the D. Trump administration's plan for Gaza
30.10.2025	TR	переговоры с президентом, посещение мемориала М. К. Ата-тюрка / meetings with the President, visit to the M. K. Atatürk Memorial
06.12.2025	JO	встреча с королем / meeting with the King
07.12.2025	IL	переговоры с премьер-министром, президентом, лидерами оппозиции, посещение Яд ва-Шема / meetings with the Prime Minister, the President, and opposition leaders; a visit to Yad Vashem
04.02.2026	SA	встреча с премьер-министром (наследным принцем) / meetings with the Prime Minister (Crown Prince)
05.02.2026	QA	встреча с эмиром / meetings with the Emir
06.02.2026	AE	переговоры с президентом (шейхом) / meetings with the President (Sheikh)

Примечание: коды стран приведены по стандарту ISO 3166-1 alpha-2 (IL – Израиль, TR – Турция, SA – Саудовская Аравия, AE – Объединенные Арабские Эмираты, QA – Катар, EG – Египет, JO – Иордания).

Note: country codes are given according to the ISO 3166-1 alpha-2 standard (IL – Israel, TR – Turkey, SA – Saudi Arabia, AE – UAE, QA – Qatar, EG – Egypt, JO – Jordan).

Источник: составлено на основании официальных материалов¹⁴.

Source: compiled on the basis of official materials.

¹⁴ Полный список источников доступен у автора по запросу.

Как видно из таблицы 1, в первой половине 2020-х годов канцлер ФРГ осуществлял визиты в Израиль ежегодно, т. е. намного чаще, чем в другие государства региона. При этом усиление ограничительных мер Берлина в отношении РФ после 24 февраля 2022 года (начала специальной военной операции (СВО)) не стало препятствием для поездки О. Шольца в Израиль 01 марта. Кроме того, спустя десять дней после атаки ХАМАС (07 октября 2023 года) канцлер вновь посетил израильское государство.

Сказанное иллюстрирует высокий уровень диалога. Таковым он стал еще в период холодной войны. Так, в 1968 году Западная Германия тайно передала Израилу большой объем урана (200 т) в обмен на лазерную технологию его обогащения¹⁵.

Список региональных партнеров того времени, включая Турцию (страна – участница НАТО с 1952 г.), Королевство Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), прежде всего предопределен встроенностью ФРГ в сообщество «западных демократий». Сконцентрированность на конфронтации в Европе на этапе холодной войны обусловила факт заметно ограниченной стратегической деятельности Западной Германии на Ближнем Востоке: она в принципе не была готова задействовать здесь бундесвер. Уже объединенная Германия стала выстраивать присутствие в регионе с 1990-х гг., начав с вовлечения в попытки решить палестино-израильский конфликт и «иракский вопрос».

Германия и вопросы стабильности Ирака. Вслед за США и другими западными партнерами ФРГ стремилась обеспечить стратегические позиции в Ираке, учитывая его уникальное геополитическое положение как связующего звена между арабскими странами и Ираном. Однако формы применения Германией вооруженных сил отличались от используемых англо-саксонскими державами.

ФРГ воздержалась от участия в операции «Буря в пустыне» (январь – февраль 1991 года), но уже в марте 1991 года направила в Персидский залив оперативную группу военно-морских сил (ВМС) для разминирования. Непосредственно в Ираке в 1991–1996 гг. подразделение транспортной авиации бундесвера действовало в составе миссии ООН UNSCOM (*United Nations Special Commission*), которая отслеживала соблюдение Багдадом отказа от разработки оружия массового поражения (ОМП) и оружия массового уничтожения (ОМУ)¹⁶. Также ФРГ не приняла участия в операции военно-воздушных сил Великобритании и США «Лиса пустыни» (1998 г.).

В числе ряда стран НАТО Германия выступила против планов Вашингтона и Лондона вторгнуться в Ирак, не позволила задействовать механизм альянса. Тем самым Берлин снял с себя ответственность за последствия военной кампании «коалиции желающих» (20 марта – 01 мая 2003 года): полураспад страны на три части (населенный преимущественно курдами север, арабами-суннитами центр, шиитами юг) и распространение с середины 2000-х годов международного терроризма¹⁷.

Позиция ФРГ в 2003 году отражала приверженность принципу «стратегической сдержанности», предполагавшему взвешенный подход к применению силы. Главным аспектом политики выступала эффективность содействия Ираку в преодолении

¹⁵ Примаков Е.М. Указ соч. С. 342.

¹⁶ The Bundeswehr on Operations. Berlin: Federal Ministry of Defence; 2009. P. 52.

¹⁷ В 2006 году возникла группировка «Исламское государство Ирака», с 2013 г. именуется ИГИЛ. Признана террористической решением Верховного Суда РФ от 29.12.2014 и запрещена в РФ.

состояния системной уязвимости. В 2004–2011 годах инструкторы бундсвера участвовали в реформе сектора безопасности в рамках военно-тренировочной миссии НАТО NTM-I. Деятельность миссии, прекращенная в 2011 г. одновременно с выводом войск США¹⁸, не обеспечила формирования кадрового потенциала, достаточного для противодействия распространению ИГИЛ¹⁹.

На фоне наступления терроризма по обе стороны от сирийско-иракской границы в 2014 г. ФРГ развернула в районе Эрбиля инструкторов, предоставляла легкое вооружение. Однако к деятельности западной антитеррористической коалиции (создана в сентябре 2014 года по инициативе США)²⁰ по борьбе с ИГИЛ присоединилась с заметным опозданием (с декабря 2015 года) и участвовала в основном использованием самолетов-разведчиков и заправщиков²¹. Тем самым ФРГ демонстрировала определенную обособленность от США на иракском направлении и приверженность «стратегической взвешенности».

Оказываемую помощь Берлин в первую очередь адресовал курдским пешмерга (которые несли наибольшую нагрузку в борьбе с ИГИЛ), во вторую – войскам центрального иракского правительства. Такой подход содействовал проведению референдума о независимости Курдистана 25 сентября 2017 года, к которому Берлин отнесся резко негативно. Приоритеты изменились с 2018 года: подчеркивалась приверженность сохранению целостности страны, акцентировалось сотрудничество с официальным Багдадом²², в том числе при использовании инструкторов. Часть из них тогда же была передана в подчинение вновь созданной военно-тренировочной миссии НАТО NMI.

В 2017–2019 годах войска официального Багдада и курдов освободили большинство оккупированных ИГИЛ территорий. Успех стал возможным прежде всего из-за вынужденного перетока части отрядов боевиков из Ирака в соседнюю Сирию, где РФ и ИРИ нанесли поражение главным силам ИГИЛ в Дамаске. Это привело к росту влияния Тегерана, а также усилению симпатии к нему со стороны населения соседней страны, что заметно сузило окно возможностей для стратегического присутствия ФРГ.

После того как силами США в январе 2020 года в Ираке был убит генерал Корпуса стражей исламской революции К. Сулеймани, официальный Берлин, опасаясь резкой эскалации напряженности, временно эвакуировал инструкторов под предлогом пандемии COVID-19. Уже осенью 2020 года военно-тренировочная деятельность ФРГ под Эрбилем и Багдадом возобновилась. Продолжая действовать в логике «стратегической взвешенности», Германия старалась избежать эффекта

¹⁸ NATO Mission Iraq. 2026 [Online]. NATO : website. Available at: <https://www.nato.int/en/what-we-do/operations-and-missions/nato-mission-iraq> (accessed 28.05.2026).

¹⁹ Исламское государство – международная исламистская террористическая организация; деятельность запрещена на территории РФ решением Верховного суда от 29.12.2014.

²⁰ NATO Mission Iraq. 2026...

²¹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte zur Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Region Kurdistan–Irak und der irakischen Streitkräfte. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7207. S. 2–7. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/18/072/1807207.pdf> (accessed 28.05.2026).

²² Antrag der Bundesregierung. Einsatz bewaffneter deutscher Streitkräfte zur nachhaltigen Bekämpfung des IS-Terrors und zur umfassenden Stabilisierung Iraks. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache. 19/1093. S. 1–8. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/010/1901093.pdf> (accessed 28.05.2026).

навязанного иностранного военного присутствия в Ираке. Согласно мандату Бундестага, здесь могли использоваться не более 500 военнослужащих²³. Часть их составлял дислоцированный в Иордании контингент вспомогательной авиации, часть – инструкторы и советники, действовавшие мелкими группами или поодиночке.

Кроме того, Берлин подчеркивал свою роль значимого донора ОПР для Ирака (в модернизации частично разрушенной энергоинфраструктуры последнего участвовала компания Siemens). В результате власти Багдада, в том числе дружелюбно настроенный по отношению к ИРИ премьер-министр М. Шиас-Судани, не поднимали вопрос о выводе военных ФРГ, в отличие от ВВС США, а напротив, положительно оценивали использование бундесвера²⁴.

На фоне агрессии Соединенных Штатов и Израиля против Ирана весной 2026 года Германия, как и в 2020 г., вывела практически всех инструкторов (частично – в расположение контингента бундесвера в Иордании, что указывало на стремление их вернуть). Официальный Тегеран, настаивавший на выводе военных баз США из арабских стран Ближнего Востока, мог адресовать подобное требование также ФРГ; при этом перспективы защиты интересов Германии в рамках политики администрации Д. Трампа выглядели маловероятными²⁵.

Решение об эвакуации свидетельствовало не столько о приверженности «стратегической взвешенности», сколько о слабости позиции в Ираке. Показательно отсутствие поездок туда канцлера ФРГ с конца 2010-х годов (см. табл. 1).

В свою очередь, объединенный контингент в Иордании насчитывал к середине 2026 года менее 130 военнослужащих²⁶. Германия рисковала полностью прекратить участие в реформе сектора безопасности в Ираке, продемонстрировав на данном треке ограниченную результативность (начиная с середины 2010-х годов).

Подход ФРГ к решению «палестинской проблемы» и «ливанского вопроса». К поискам решения этих составляющих арабо-израильского конфликта Германия подключилась соответственно в 1994 и 2006 гг. Неизменно признавая ответственность за Холокост и в связи с этим за безопасность Израиля, ФРГ декларировала невозможность ее обеспечить без создания палестинского государства, т. е. вне реализации формулы «два государства для двух народов».

В 1994 году Германия первой из «западных демократий» учредила диппредставительство в Рамалле, на территории Палестинской национальной автономии (ПНА). Одновременно ФРГ содействовала сближению Израиля с Иорданией. Для ПНА, как и Хашимитского Королевства, Берлин стал одним из основных доноров ОПР. После событий 2006 года ФРГ демонстрировала неприятие ХАМАС (которое начало контролировать сектор Газа), развивая кооперацию с ФАТХ (действовала на Западном берегу р. Иордан) и Хашимитским Королевством.

²³ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung des Einsatzes bewaffneter deutscher Streitkräfte – Stabilisierung sichern, Wiedererstarben des IS verhindern, Versöhnung in Irak fördern. Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/12893. S. 2–7. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/128/2012893.pdf> (accessed 28.05.2026).

²⁴ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsident Sudani am 13. Januar 2023 [Online]. Bundeskanzleramt : website. Available at: <https://clck.ru/3VBg9k> (accessed 28.05.2025).

²⁵ Показательно, что за несколько дней до развязывания боевых действий против ИРИ Белый дом неофициально выступил в НАТО с требованием в кратчайшие сроки свернуть деятельность NMI в Ираке.

²⁶ Wie lauten die Einsatzzahlen? 2026 [Online]. Bundeswehr : website. Available at: <https://www.bundeswehr.de/de/151670-151670> (accessed 28.05.2026).

В середине 2010-х годов по доверительности двусторонних отношений Иордания выступала ближайшим партнером Германии в регионе. Официальный Амман принял часть беженцев из Сирии и Ирака, что смягчило миграционный кризис в ЕС. С 2017 года Иордания являлась реципиентом единственного на Ближнем Востоке войскового контингента бундесвера – группировки вспомогательной авиации.

Приверженность ФРГ формуле «два государства для двух народов» проявилась в неготовности следовать решению администрации Д. Трампа перенести посольство из Тель-Авива в Иерусалим (декабрь 2017 года) и этим признать юрисдикцию Израиля над всем городом, а не только его западной частью. Позиция Германии послужила причиной приостановки работы формата межправительственных консультаций с Израилем (с 2018 г.), который функционировал с 2008 г.

Выбор даты запуска площадки обусловлен преемственностью политики ФРГ на ливанском направлении, реализуемой с 2006 г. Бундесвер выполнял координирующую функцию в деятельности военно-морского соединения миссии ООН UNIFIL²⁷ (*United Nations Interim Force In Lebanon*), развернутой по окончании противостояния между ЦАХАЛ и движением «Хезболла». Участие ФРГ в UNIFIL служило демонстрацией приверженности принципу территориальной целостности Ливана и одновременно выражало критическое отношение к потенциальным наземным операциям Израиля и возобновлению блокады побережья. При этом Берлин учитывал озабоченности Тель-Авива, акцентируя поддержку официального Бейрута как внутриливанского фактора сдерживания движения «Хезболла».

Позиция Германии по «палестинской проблеме» и «ливанскому вопросу» имела общие черты. Неизменно подчеркивая важность отношений с Израилем, Берлин старался минимум де-юре учитывать интересы противоположной стороны конфликта. В рамках каждого из региональных треков ФРГ поддерживала один центр политического притяжения (ФАТХ – в Палестине, официальный Бейрут – в Ливане) и декларировала неприятие альтернативных акторов (ХАМАС и «Хезболлы» соответственно). Однако военное противодействие бундесвера отсутствовало (в палестинском контексте) либо было малоэффективным (в ливанском – с учетом незначительного морского потенциала «Хезболлы»). Это иллюстрировало приверженность ФРГ «стратегической сдержанности», стремление избежать прямого вовлечения в боевые столкновения.

В условиях «разморозки» палестино-израильского конфликта (с 07 октября 2023 года) политическая линия ФРГ продемонстрировала преемственность в приоритете безопасности Израиля. Уже 08 октября канцлер О. Шольц в ходе телефонных консультаций с премьер-министром Б. Нетаньяху обозначил ее приоритетом «для национальных интересов Германии»²⁸. А 17 октября О. Шольц, став вторым лидером стран – участниц ЕС, посетившим Израиль²⁹, квалифицировал ХАМАС как террористическую организацию, подверг Иран критике за поддержку движения и признал право Израиля на комплекс мер самообороны³⁰. Берлин также принял

²⁷ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der United Nations Interim Force in Lebanon (UNIFIL). Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/13753. S. 4, 5.

²⁸ Pressestatement von Bundeskanzler Scholz zur Lage in Israel am 8. Oktober 2023 in Berlin [Online]. Bundeskanzleramt : website. Available at: <https://clck.ru/3VBja6> (accessed 28.05.2025).

²⁹ Первым стал премьер-министр Румынии.

³⁰ Pressestatement von Bundeskanzler Scholz anlässlich seines Besuchs im Staat Israel am 17. Oktober 2023 in Tel Aviv [Online]. Bundeskanzleramt : website. Available at: <https://clck.ru/3VBjhp> (accessed 28.05.2025).

факт начала масштабной наземной операции ЦАХАЛ в Газе. В октябре – декабре 2023 года О. Шольц в рамках многочисленных консультаций с Б. Нетаньяху избегал упоминания формулы «два государства для двух народов».

Принимая растущую нагрузку в сдерживании России (особенно после начала СВО), Германия стремилась консолидировать кооперацию партнеров вне Евро-Атлантического сообщества, уделяя особое внимание Израилю, что отчетливо проявилось уже в 2022–2023 гг. (см. табл. 1).

Параллельно ФРГ вела переговоры по «палестинскому вопросу» с другими региональными игроками: прежде всего Катаром, ОАЭ, АРЕ и Иорданией (ближайшими партнерами среди арабских стран). С Египтом доверительные отношения установились в конце 2010-х годов, когда А. Ас-Сиси стал рассматриваться как ценный союзник. Через АРЕ Берлин координировал поставки гуманитарной помощи в Газу, получал подробную информацию о ситуации³¹. Хашимитское Королевство также являлось важным партнером: каждые очные переговоры с Б. Нетаньяху (17 октября 2023 и 17 марта 2024 года) О. Шольц дополнял таковыми с королем Иордании (см. табл. 1). Однако на этих встречах приверженность принципу «двух государств для двух народов» обозначалась формально, если учитывать масштаб политической солидаризации с Израилем³².

В военном отношении поддержка партнеру осуществлялась почти точно: Берлин передавал ЦАХАЛ медикаменты, вернул взятые в лизинг у Тель-Авива два дальневысотных беспилотных летательных аппарата Heron. На фоне ослабления ХАМАС и, что более важно для Берлина, протестов представителей мусульманских общин внутри ФРГ О. Шольц осторожно призывал Израиль уменьшить масштаб военных операций в Газе, вводить хотя бы временное прекращение огня, создавать коридоры для вывода мирных жителей, условия для передачи и распределения гуманитарной помощи. В ходе визита в страну 17 марта 2024 года он подчеркнул, что борьба с терроризмом не может вестись лишь военными методами³³. Однако эти заявления служили сугубо тактическими шагами, магистральной оставалась политическая поддержка.

В контексте эскалации на ливано-израильском направлении (воздушных ударов ЦАХАЛ с 23 сентября, наземной операции 01 октября – 22 ноября 2024 года) ФРГ продемонстрировала сбалансированную линию: канцлер О. Шольц дважды провел телефонные переговоры с премьер-министром Ливана Н. Микати³⁴, а бундесвер усилил присутствие в миссии UNIFIL, направив фрегат и удвоив численность контингента (приблизившись к 0,3 тыс. чел.)³⁵. Данные меры отражали приверженность

³¹ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz zum Abschluss seines Besuchs in Ägypten am 18. Oktober 2023 in Kairo [Online]. Bundeskanzleramt : website. Available at: <https://clck.ru/3VBjod> (accessed 28.05.2025).

³² Pressestatement von Bundeskanzler Scholz bei seinem Besuch im Haschemitischen Königreich Jordanien am 17. März 2024 in Akaba [Online]. Bundeskanzleramt : website. Available at: <https://clck.ru/3VBjuS> (accessed 28.05.2025).

³³ Terror kann nicht allein mit militärischen Mitteln bekämpft werden [Online]. Bundeskanzleramt : website. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/zweite-nahostreise-kanzler-2265368> (accessed 28.05.2025).

³⁴ Bundeskanzler Olaf Scholz telefoniert mit dem Premierminister der Libanesischen Republik, Najib Mikati [Online]. Bundeskanzleramt : website. Available at: <https://clck.ru/3VBmC6> (accessed 28.05.2025).

³⁵ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der “United Nations Interim Force in Lebanon” (UNIFIL). Deutscher Bundestag, 21. Wahlperiode. Drucksache 21/229. S. 4, 5. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/21/002/2100229.pdf> (accessed 28.05.2025).

Германии территориальной целостности Ливана при одновременном фактическом невмешательстве в военные действия Израиля против «Хезболлы» (включая ликвидацию ее лидера Х. Насраллы).

При дальнейшей интенсификации ударов Израиля по Ливану в 2026 г. (в связке с агрессией против Ирана) ФРГ не нарастила контингент UNIFIL и последовательно избегала публичного осуждения силовых действий Израиля в отношении Ливана, что свидетельствовало о сохранении приоритета партнерских отношений с Тель-Авивом.

Переход к сдерживанию ИРИ как новый приоритет для ФРГ на Ближнем Востоке. Германия воздерживалась от критики Израиля и за другие его военные акции против проиранской «оси сопротивления»: удары по посольству ИРИ в Дамаске (01 апреля 2024 года), по лидеру ХАМАС И. Хания в Тегеране (31 июля 2024 года), занятию ЦАХАЛ земель к югу от столицы Сирии сразу после силовой смены власти там 08 декабря 2024 года.

Разгром ориентированных на Иран сил соответствовал стратегическим интересам ФРГ. В первой половине 2020-х годов Германия официально акцентировала необходимость сдерживать Тегеран, что служило концептуальным основанием для сохранения и легитимации своего стратегического присутствия на Ближнем Востоке. Данная линия позволяла компенсировать ограниченные успехи в урегулировании региональных вооруженных конфликтов, в частности в противодействии международному терроризму и в сирийском кризисе.

С начала гражданской войны в стране (с 2011 г.) Берлин пытался играть значимую роль, оказывая политическую и финансовую поддержку «умеренной» оппозиции. В 2012–2014 годах Германия активно участвовала в работе «Группы друзей Сирии». Однако этот формат прекратил функционирование в ситуации сохранения власти в Дамаске и стремительной экспансии ИГИЛ³⁶ в районе сирийско-иракской границы. Последнее спровоцировало масштабный миграционный кризис и рост террористической активности в ЕС (2015–2017 гг.).

Данные угрозы поставили объединение и его неофициального лидера – ФРГ – в затруднительное положение. Ни «умеренная» оппозиция в Сирийской Арабской Республике (САР), ни западная антитеррористическая коалиция на сирийско-иракском театре военных действий не смогли сдержать экспансию ИГИЛ. Решающее поражение организации в Сирии, что привело к оттоку сил боевиков и их отступлению в Ирак, нанесла группа незападных игроков. На этом фоне ФРГ, действуя в согласии с другими западными державами, попыталась обеспечить широкое представительство «умеренной» оппозиции в системе власти САР.

Берлин использовал возможности «Малой группы» по Сирии (с 2018 г.), однако после 2020 г. ее активность существенно снизилась. Действующие власти в САР не были готовы предоставить широкие полномочия внутренним оппонентам; использовав фактор совместных с Россией и Ираном успехов в борьбе с ИГИЛ, восстановили контроль над большей частью страны. При этом ряд районов (в том числе курдские территории и провинция Идлиб – турецкая зона деэскалации) оставались вне их юрисдикции; в Идлибе сосредоточились остатки формирований

³⁶ Исламское государство – международная исламистская террористическая организация; деятельность запрещена на территории РФ решением Верховного суда от 29.12.2014.

«умеренной» оппозиции и террористических группировок. Сложившаяся внутренняя конъюнктура в САР обусловила полный отказ ФРГ от военной активности в воздушном пространстве страны³⁷.

Если Германия в начале 2020-х годов сократила присутствие на Ближнем Востоке, то Иран нарастил. Это выступало одной из причин формирования курса ФРГ на сдерживание ИРИ. Данная тенденция прослеживается в эволюции позиции Берлина по отношению к Совместному всеобъемлющему плану действий (СВПД), а также в подходе к проблеме йеменских хуситов.

На фоне дестабилизации Ирака после вторжения (2003 г.) Германия инициировала переговоры «Евротройки» с Ираном по вопросу его ядерной программы. Учитывая добровольный отказ ФРГ от прав на разработку, производство и обладание ядерным оружием (закрепленный «Договором 2+4» 1990 г.), Берлин стремился предотвратить обретение Ираном ОМУ и одновременно не допустить силовой операции против Тегерана, рассматривавшейся в качестве возможного варианта политики США.

Формат «Евротройки» стал к 2006 г. частью «шестерки» по иранской ядерной программе (с участием РФ, США, Китайской Народной Республики). ФРГ при этом являлась единственной участницей без постоянного места в Совете Безопасности ООН и без права на обладание ОМУ, т. е. находилась в группе держав, которые обладали важными атрибутами глобальной субъектности. Закономерно, что ФРГ рассматривала как успех и пребывание в составе «шестерки», и, особенно, выход на ядерную сделку с Ираном 14 мая 2015 года (в рамках СВПД).

После выхода США из СВПД 08 мая 2018 года при администрации Д. Трампа ФРГ выступила активной защитницей сделки. Несмотря на Брекзит, по этому вопросу Соединенное Королевство сохраняло полноценную поддержку партнеров по «Евротройке»; а в переговорный формат фактически интегрировался ЕС как объединение. Администрация Дж. Байдена рассматривала возможность вернуться к ядерной сделке. Однако в 2022–2023 годах Германия, ранее наиболее активный сторонник СВПД в «Евротройке», совместно с европейскими партнерами приостановила участие в соглашении³⁸.

ФРГ выдвигала в адрес ИРИ обвинения в превышении лимитов СВПД по обогащению урана. Однако они выступали скорее формальным поводом, нежели основной причиной напряженности. В условиях смены миропорядка Германия последовательно отстаивала западоцентричную модель и рассматривала сдерживание активных незападных держав как стратегическую необходимость. Недовольство ФРГ и ее партнеров по НАТО вызывали связи с Россией (особенно технико-технологическое сотрудничество в условиях СВО), Китаем; укрепление в начале 2020-х годов «оси сопротивления» на Ближнем Востоке трактовалось как горизонтальная (географическая) эскалация мощи, прогресс в ядерной программе – как вертикальная (функциональная)³⁹.

В конце 2010-х годов Германия ввела и неоднократно продлевала полугодичные эмбарго на поставки вооружений и военной техники в Саудовскую Аравию,

³⁷ Antrag der Bundesregierung... Deutscher Bundestag, 20. Drucksache 20/408. S. 2–7.

³⁸ Das Iranische Nuklearprogramm [Online]. Auswärtiges Amt : website. Available at: <https://clck.ru/3VBq2v> (accessed 28.05.2025).

³⁹ См., напр.: Washington Summit Declaration [Online]. NATO : website. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227678.htm (accessed 28.05.2025).

ранее являвшуюся значимым направлением германского экспорта в данной сфере. Целью названных мер было побудить КСА, ее партнеров по Совету сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) свернуть военные операции против йеменских хуситов – южной части проиранской «оси сопротивления». В Берлине существовали опасения эскалации прокси-конфликта между КСА и ИРИ до уровня полномасштабной региональной войны⁴⁰. Под давлением администрации Дж. Байдена, которая весной 2021 года перестала поддерживать коалицию ССАГПЗ, аравийские монархии свернули боевые операции в Йемене.

В конце октября 2023 года солидаризация хуситов с ХАМАС, ракетные удары по Израилю и блокирование судоходства в Красном море и Баб-эль-Мандебском проливе обусловили резкую трансформацию подходов США, ФРГ и КСА. С декабря 2023 года США и Великобритания использовали против хуситов ВМС. В феврале 2024 года для поддержки англосаксонских держав была учреждена миссия ЕС *Aspides*, в составе которой присутствовал фрегат ФРГ⁴¹. При этом КСА воздержалась от прямого вовлечения в операции против хуситов. Участие Германии в миссии *Aspides* с весны 2024 года свидетельствовало о ее непосредственном включении в противодействие «оси сопротивления» и выступало индикатором перехода к курсу на сдерживание ИРИ.

Открытым оставался вопрос о результативности линии Германии. Весной – летом 2024 года фрегат ВМС ФРГ ограничился сопровождением судов; осенью вернулся на родину. Это можно расценивать как признание ФРГ неэффективности противодействия хуситам, т. е. усилий на южном отрезке «оси сопротивления». Не смогли добиться здесь решающих успехов также основные участники – США и Великобритания.

Качественно иная ситуация сложилась в западной части «оси сопротивления», которая оказалась почти разрушена в конце 2024 года. Удары и наземные действия Израиля (27 сентября – 26 ноября 2024 года) привели к резкому ослаблению «Хезболлы». Внезапное наступление 27 ноября 2024 года из Идлиба (турецкой зоны деэскалации) развернули формирования сирийской оппозиции; основная их часть объединилась в составе группировки «Хайят Тахрир аш-Шам» (ХТШ)⁴². Ее удары привели к стремительному обрушению прежней вертикали власти в САР уже 08 декабря, когда пал Дамаск. Часть территорий к югу от него заняли войска Израиля.

Трансформация статуса Сирии из союзника Ирана в его оппонента создала для ФРГ потенциально благоприятные возможности. Укрепляя сотрудничество с официальным Бейрутом, Германия оперативно инициировала диалог с новыми властями в Дамаске: уже 03 января 2025 года туда прибыли глава МИД ФРГ А. Бербок и ее французский коллега. В апреле того же года состоялся повторный визит. Берлин

⁴⁰ Wadephul J.D., Schmid N. Waffenembargo gegen Saudi-Arabien. *Internationale Politik*. 2020. Available at: <https://internationalepolitik.de/de/waffenembargo-gegen-saudi-arabien> (accessed 28.05.2025).

⁴¹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der durch die Europäische Union geführten Operation European Union Naval Force ASPIDES (EUNAVFOR ASPIDES). Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/14044. S. 2–6. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/140/2014044.pdf> (accessed 28.05.2025).

⁴² Решением Верховного суда РФ от 04.06.2020 признана террористической организацией и запрещена в России.

учитывал заинтересованность руководства ХТШ⁴³ экономически – в получении ОПР, дипломатически – в признании со стороны ФРГ и ЕС как объединения⁴⁴.

Однако результаты внешнеполитических усилий ФРГ оказались существенно ниже ожидаемых. В первой половине 2020-х годов Берлин и партнеры по ЕС поддерживали ETILAF – политических представителей сирийской оппозиции, тогда как к власти в декабре 2024 года пришли ее военные формирования (прежде всего ХТШ), ориентированные преимущественно на Турцию. При этом линия Анкары на Ближнем Востоке носила обособленный характер и не совпадала с курсом европейских партнеров по НАТО, включая ФРГ. На данном направлении во взаимодействии Германии и Турции элементы конкуренции преобладали над кооперацией: так, Берлин не пригласил Анкару в «Малую группу» по Сирии, а контакты по «палестинскому вопросу» были весьма ограничены. Дополнительным фактором расхождения позиций выступало то, что президент Р.-Т. Эрдоган, как и многочисленная (порядка 3 млн чел.) турецкая диаспора в ФРГ, занимали жесткую антиизраильскую позицию.

На выбор форм реализации внешнеполитического курса ФРГ в ходе «тринадцатидневной войны» (13–24 июня 2025 года) оказали влияние настроения мусульманских общин в Германии, хотя и не изменили общей направленности германской политики. В условиях воздушно-ракетных ударов Израиля по Ирану – при впервые оказанной Тель-Авиву прямой военной поддержке со стороны США – канцлер Ф. Мерц не осудил действия ЦАХАЛ; 17 июня на полях саммита «Большой семерки» он заявил, что Израиль «...делает грязную работу за нас» (выступление не было опубликовано на сайте Ведомства федерального канцлера).

На фоне прецедентных воздушно-ракетных ударов США по ИРИ 22 июня 2025 года Германия совместно с Великобританией и Францией (партнерами по «Евротройке») опубликовали заявление. На первый план в нем были вынесены требования учитывать интересы Израиля и недопустимости появления у Ирана ОМУ, после чего следовал призыв к переговорам с учетом изложенных условий⁴⁵. В этот период Ф. Мерц провел телефонные переговоры с главами Омана, Катар, а также Турции, показывая, что понимает обеспокоенность мусульманских стран региона, особенно монархий Залива. При этом Германия последовательно избегала военного вовлечения в конфликт, номинально придерживаясь курса на «стратегическую сдержанность».

Сходной оказалась линия Германии в условиях агрессии США и Израиля против Ирана 28 февраля – 06 апреля 2026 года. На старте кампании Ф. Мерц ежедневно выступал с заявлениями по ситуации (их структурированный список представлен в табл. 2), как в формате «Евротройки», так и лично, а 03 марта первым из западных лидеров провел в Вашингтоне переговоры с Д. Трампом (табл. 2).

Как видно из таблицы 2, ФРГ продемонстрировала политическую солидарность с Израилем, стремилась представить себя как защитника монархий Залива, добивалась ослабления мощи ИРИ, в идеале – смены политической системы

⁴³ Решением Верховного суда РФ от 04.06.2020 признана террористической организацией и запрещена в России.

⁴⁴ Außenministerin Baerbock vor ihrer Reise nach Damaskus [Online]. Auswärtiges Amt : website. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/2706330-2706330> (accessed 28.05.2025).

⁴⁵ Gemeinsames Statement der E3-Staaten zu den Entwicklungen im Iran [Online]. Bundeskanzleramt : website. Available at: <https://clck.ru/3VBrrq> (accessed 28.05.2026).

этой страны. Тегерану Берлин фактически отказывал в субъектности, самой возможности противодействия, принципиально избегал считать таковое ответным и вынужденным.

Таблица 2. Заявления ФРГ по ситуации вокруг Ирана начала весны 2026 года

Table 2. Statements of the FRG on the situation around Iran in early spring 2026

Дата / Date	Формат / Format	Основные положения / Key provisions
28.02.2026	Два заявления, в том числе совместно с лидерами «Евротройки» / Two statements, including a joint one with the leaders of the “E3”	Жесткая критика ИРИ за подавление внутренних протестов, развитие ядерной и ракетной программ / Harsh criticism of the Islamic Republic of Iran for suppressing domestic protests and developing nuclear and missile programs Требования не наносить ударов по Израилю / Demands not to strike Israel Публичное восприятие Корпуса стражей исламской революции в ЕС как террористической организации / Public perception of the Islamic Revolutionary Guard Corps as a terrorist organization in the EU
01.03.2026	Совместное в рамках «Евротройки» / Joint one within the “E3”	Строгое осуждение ударов ИРИ по Израилю и территории арабских стран / Strong condemnation of the Islamic Republic of Iran's strikes on Israel and the territory of Arab countries
02.03.2026	Лично / Personally	Фактический призыв сменить политический строй ИРИ / An actual call to change the political system of the Islamic Republic of Iran
04.03.2026	После переговоров в Вашингтоне / After the meetings in Washington	Подчеркнута необходимость обеспечить отказ Ирана от ядерной и ракетных программ; де-факто определенное разочарование ходом операции / Emphasis on the need to secure Iran's renunciation of its nuclear and missile programs; de facto expressed disappointment with the course of the operation

Source: Kanzler Merz zur Situation im Nahen Osten. Bundeskanzleramt [Online]. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/kanzler-merz-zur-situation-im-nahen-osten-2409140> (accessed 28.05.2026) ; E3 Statement on Indiscriminate Iranian Attacks on Countries in the Region. Available at: <https://clck.ru/3VBs89> ; Iranerinnen und Iraner haben eine bessere Zukunft verdient. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/kanzler-statement-naher-osten-2409172> ; Schwierige Zeiten verlangen starke Partnerschaften. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/merz-trump-treffen-usa-2409474>

Уже в первую неделю конфликта амбиции ФРГ по трансформации политического облика Ирана существенно снизились. Декларативная активность Берлина сочеталась с фактической неготовностью задействовать бундесвер; в частности, была отклонена инициатива администрации США по участию в разблокировке Ормузского пролива. По мере эскалации боевых действий либеральный истеблишмент ФРГ аккуратно, но последовательно акцентировал неудачи администрации Д. Трампа – своего идейного оппонента в западном лагере. В этом контексте Германия вновь демонстрировала приверженность линии на сдержанность в применении силы на Ближнем Востоке.

ОБСУЖДЕНИЕ

Работа дополняет теорию урегулирования конфликтов за счет эмпирической оценки тактической эффективности и стратегической результативности действий

западного государства, которое позиционировало себя как взвешенного актора в вопросах применения силы. В фокусе – анализ того, насколько балансирующая стратегия ФРГ способствовала или препятствовала урегулированию региональных противоречий и формированию устойчивых механизмов безопасности.

При определении эффективности учитывалось, как принятое решение отражалось на изменении характера и объемов кооперации с партнерами на Ближнем Востоке (в том числе политических контактов на высшем уровне), размерах и географии размещения контингентов бундесвера.

При оценке результативности рассматривались прежде всего последствия для региональной безопасности: происходило ли реальное продвижение в деле урегулирования, не способствовало ли это фактическому укреплению ультрарадикальных сил, особенно группировок международного терроризма.

Проведенное исследование существенно расширило и дополнило положения опубликованных ранее работ по стратегической активности ФРГ на Ближнем Востоке в двух взаимосвязанных отношениях. Проведено комплексное изучение политических и военных усилий Германии по состоянию на середину 2020-х годов на уровне региональной подсистемы в целом; выявлена главная детерминанта, объясняющая выбор всего спектра современных тактик поведения на Ближнем Востоке, – стремление обеспечить западоцентричность вновь формирующегося миропорядка. Это обуславливает сохранение особого отношения к Израилю и разворот от ограниченной кооперации к жесткой риторике по сдерживанию Ирана как развивающейся незападной державы.

По состоянию на середину 2020-х годов стратегическое влияние Германии на Ближнем Востоке являлось ограниченным, военное присутствие – скорее точечным (табл. 3).

Таблица 3. Характеристика присутствия военно-морских сил бундесвера на Ближнем Востоке на май 2026 года

Table 3. Characteristic of the Bundeswehr naval presence in the Middle East as of May 2026

Часть региона / Part of the region	Миссия / Mission	Численность контингента, чел. / Number of personnel, people
Ливан (прибрежные воды) / Lebanon (coastal waters)	UNIFIL (ООН) / UNIFIL (UN)	194
Иордания и Ирак / Jordan and Iraq	Антитеррористическая коалиция / Anti-terror coalition	161
Красное море / Red Sea	EUNAVFOR Aspides (EC / EU)	12
Итого / Total	3	367

Source: Wie lauten die Einsatzzahlen? 2026 [Online]. Bundeswehr : website. Available at: <https://www.bundeswehr.de/de/151670-151670> (accessed 28.05.2026).

Как видно из таблицы 3, в трех миссиях участвовали менее 0,4 тыс. чел. личного состава бундесвера. При этом контингент не включал наземные подразделения, традиционно рассматриваемые как наиболее значимый компонент военного присутствия.

Участие ВМС ФРГ в миссии Aspides выступает наиболее показательным примером (единственным в настоящее время) попыток Германии оказать военное

противодействие «оси сопротивления» Ирана: ввиду неэффективности действий в Красном море и Баб-эль-Мандебском проливе Берлин сократил свое участие до номинальных значений. Данная тенденция коррелирует с отсутствием наращивания германского контингента в Иордании и Ираке (в последнем – с сокращением числа инструкторов), а также с уязвимостью вспомогательной авиации бундсвера на авиабазе Аль-Ашрак, ставшей потенциальной мишенью для ударов беспилотных летательных аппаратов и ракет со стороны ИРИ в контексте эскалации, спровоцированной действиями США и Израиля. Ограниченный масштаб участия в миссии UNIFIL (экипаж корвета и нескольких катеров) демонстрирует невысокий потенциал бундсвера по влиянию на ситуацию в Ливане, что подтверждается его пассивностью в условиях наступательных действий ЦАХАЛ и противодействия «Хезболлы».

Ограничения исследования обусловлены двумя факторами: доступностью лишь стенограмм пресс-конференций (без материалов самих переговоров на высшем уровне); а также фрагментарностью данных о содержании и объемах военного экспорта ФРГ в страны региона – профильные ежегодные отчеты с 2022 г. не публикуются в открытом доступе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приверженность ФРГ концепции «стратегической сдержанности» в действительности служила не столько демонстрацией взвешенного подхода к применению военных инструментов, сколько маскировкой ограниченности и уязвимости германского присутствия на Ближнем Востоке. Это отчетливо проявилось в контексте войн США и Израиля с Ираном в июне 2025 и феврале – апреле 2026 года. Если степень тактической эффективности германского участия в решении региональных проблем безопасности варьировала, то результативность на рассмотренных направлениях к середине 2020-х годов оказалась низкой.

В Ираке усилия ФРГ не обеспечили действенной поддержки в борьбе с ИГИЛ⁴⁶, а вклад в преодоление «хрупкого» состояния страны был незначительным. Формально официальный Багдад и курдские власти позитивно относились к присутствию на подконтрольных им территориях бундсвера (в том числе в рамках подготовки местных кадров и авиаразведки), на практике Берлин сталкивался с существенными трудностями в поддержании своего присутствия в условиях ужесточения противостояния США, Израиля и ИРИ.

ФРГ неизменно акцентировала значимость диалога с официальным Тель-Авивом (Западным Иерусалимом) и демонстрировала политическую солидарность с Израилем. Операции ЦАХАЛ, нацеленные на ослабление партнеров ИРИ, особенно участников «оси сопротивления», и снижение военно-политического потенциала Тегерана, фактически соответствовали интересам германского истеблишмента. Единственным ограничителем для Берлина выступало стремление избежать трансформации иранской территории в зону нестабильности, способную стать источником масштабных угроз безопасности ЕС – по аналогии с ситуацией в Ираке и Сирии в середине 2020-х годов.

⁴⁶ Исламское государство – международная исламистская террористическая организация; деятельность запрещена на территории РФ решением Верховного суда от 29.12.2014.

Масштабы военной кооперации сторон, в том числе по линии вооруженных сил, оставались незначительными как по объему, так и по числу направлений взаимодействия. Порог применения силы у Израиля существенно уступал германскому, причем разрыв увеличился с 2023 г. В условиях расширения масштабов и географии боевого использования ЦАХАЛ официальный Берлин опасался оказаться втянутым в операции Израиля, вовлечения в израильские операции, что могло подорвать имидж ФРГ как сдержанного в использовании силы актора. Со своей стороны Израиль не усматривал практической ценности в присутствии бундесвера в регионе ввиду ограниченного численного состава (см. табл. 3) и невысокой военной эффективности.

Германия на фоне ослабления потенциала ХАМАС и «Хезболлы» к 2025 г. вновь акцентировала формальную готовность учитывать интересы ПНА (прежде всего, ФАТХ) и официального Бейрута. На обоих направлениях призывая Израиль к скорейшему прекращению боевых операций, особенно наземных, ФРГ в первом случае пыталась смягчить гуманитарную катастрофу в секторе Газа, транслируя формулу «два государства для двух народов», во втором – призывала соблюдать территориальную целостность Ливана.

Однако реальная способность Берлина влиять на военную активность Израиля была ограничена, а соответствующая линия преследовала преимущественно имиджевые цели: формирование позитивного образа в арабском мире и укрепление связей с ПНА, Ливаном и, особенно, с Иорданией, формируя их потребность в Берлине. Хашимитское Королевство оставалось к середине 2020-х годов ближайшим партнером Германии среди мусульманских стран и единственным реципиентом германского войскового контингента.

Вместе с тем указанные достижения не компенсировали слабости стратегических позиций ФРГ в регионе, обусловленной низким уровнем доверия в отношениях с Турцией и сложностями во взаимодействии с Саудовской Аравией, что согласуется с положениями неореализма. Неготовность практически всех арабских стран в 2025–2026 гг. поддерживать военные кампании Израиля и США против Ирана существенно влияла на позицию ФРГ: предпринятая в марте 2026 года попытка содействовать деэскалации вокруг ИРИ в формате «Евротройки» (с расчетом повысить заинтересованность монархий Залива и Ирака) не позволила достичь заявленных целей.

Преодоление системного кризиса ослабления германских позиций на Ближнем Востоке возможно лишь при существенном повышении результативности участия ФРГ в решении региональных проблем безопасности. Это предполагает отход от логики сдерживания незападных центров притяжения, что маловероятно в среднесрочной перспективе.

Дальнейшие исследования целесообразно ориентировать на комплексный анализ стратегической активности Германии как в рамках региональной подсистемы, так и по отдельным направлениям с учетом значимых трансформаций регионального ландшафта (в том числе итогов противостояния ИРИ с США, динамики сближения Турции и Саудовской Аравии).

Полученные выводы могут быть использованы в преподавании дисциплин по современным международным отношениям, истории внешней политики, проблемам международной безопасности и внешнеполитическому курсу ФРГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Meier A. Resilienzförderung als Lösung für Langandauernde Fluchtsituationen? *SWP-Aktuell*. 2021;(A61). <https://doi.org/10.18449/2021A61>
2. Попова О.П. Деятельность ФРГ по содействию экономическому развитию нестабильных государств. *Современная Европа*. 2018;(2):73–84. <https://doi.org/10.15211/soveurope220187384>
3. Белов В.Б. Германия как хозяйственно-политический актор на Большом Ближнем Востоке: между стратегической инерцией и геоэкономической адаптацией. *Актуальные проблемы Европы*. 2025;(4):199–215. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.11>
4. Павлов Н.В., Хдери К. ФРГ и кризис в Сирии: активный посредник или пассивный наблюдатель? *Мировая экономика и международные отношения*. 2020;12(64):78–86. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-12-78-86>
5. Звягельская И.Д., Кадырмабетов Т.М., Лазовский С.О., Тюкаева Т.И. Ближний Восток и ЕС: проблемы, возможности и перспективы. *Актуальные проблемы Европы*. 2025;(4):31–49. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.02>
6. Наумкин В.В. Ближневосточная мозаика: синергия внутренних и внешних факторов. *Проблемы национальной стратегии*. 2026;(2):32–41. <https://www.elibrary.ru/euzqla>
7. Крылов А.В., Федорченко А.В. Ближний Восток перед лицом старых проблем и нового вызова. *Мировая экономика и международные отношения*. 2022;66(3):33–43. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-3-33-43>
8. Иванов С.Е. Ближний Восток в поиске своего места в условиях складывающегося многополюсного миропорядка. *Дипломатическая служба*. 2024;(1): 69–74. <https://doi.org/10.33920/vne-01-2401-09>
9. Хлопов О.А. Экономический коридор «Индия – Ближний Восток – Европа»: интересы и возможности США. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2025;(3):34–45. <https://elibrary.ru/cjkzlr>
10. Алексеенкова Е.С. Ближний Восток и Северная Африка во внешней политике Италии: подходы к проблемам безопасности. *Актуальные проблемы Европы*. 2025;(4):250–276. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.14>
11. Васильев В.С. Геополитические интересы Великобритании в палестино-израильском конфликте на Большом Ближнем Востоке. *Актуальные проблемы Европы*. 2025;(4):101–119. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.06>
12. Новикова О.Н. Радикализация мусульманского сообщества в Великобритании в контексте обострения палестино-израильского конфликта. *Актуальные проблемы Европы*. 2025;(4):120–135. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.07>
13. Лапина Н.Ю. Этнокультурные метаморфозы Франции и проблема адаптации иммигрантов. *Актуальные проблемы Европы*. 2024;(3):81–100. <https://doi.org/10.31249/ape/2024.03.05>
14. Новикова О.Н. Мобилизация диаспор в Европе. *Актуальные проблемы Европы*. 2024;(3):174–190. <https://doi.org/10.31249/ape/2024.03.10>
15. Чернега В.Н. Ближний Восток в государственной политике Франции (1958–2025). *Россия и современный мир*. 2025;(4):109–128. <https://elibrary.ru/wonvmb>
16. Чернега В.Н. Военное присутствие и экспорт оружия в стратегии Франции на Ближнем Востоке. *Актуальные проблемы Европы*. 2025;(4):136–153. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.08>
17. Арзаманова Т.В. Политика ФРГ в отношении Ирана и Израиля: в поиске новых смыслов. *Актуальные проблемы Европы*. 2025;(4):216–233. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.12>
18. Шумилин А.И. Красноморская миссия Евросоюза. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2024;(1):17–24. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran120241724>
19. Roll S. Eiszeit für den “Kalten Frieden” Zwischen Ägypten und Israel. *SWP-Aktuell*. 2024;(A13). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2024A13>
20. Asseburg M., Lintl P. Israels Radikale Regierung: Abbau der Gewaltenteilung, Übernahme des Staatsapparates und Beschleunigte Annexion. *SWP-Aktuell*. 2025;(A16). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2025A16>
21. Adar S., Asseburg M., Azizi H., Klein M., Steinberg G. Der Politische Übergang in Syrien: Regionale und Internationale Interessen. *SWP-Aktuell*. 2025;(A09). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2025A09>

22. Zamirirad A. Neue Atomgespräche mit Iran: Herausforderungen und Handlungsoptionen für Europäische Politik. *SWP-Aktuell*. 2025;(A22). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2025A22>
23. Schaller C. Der Konflikt um die Straße von Hormus. *SWP-Studie*. 2026;(S12). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2026S12>

REFERENCES

1. Meier A. Resilienzförderung als Lösung für langandauernde Fluchtsituationen? *SWP-Aktuell*. 2021;(A61). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2021A61>
2. Popova O.P. Economic Development Cooperation with Fragile States: Experience of FRG. *Contemporary Europe*. 2018;(2):73–84. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15211/soveurope220187384>
3. Belov V.B. Germany as an Economic and Political Actor in the Greater Middle East: Navigating between Strategic Inertia and Geo-Economic Adaptation. *Current Problems of Europe*. 2025;(4):199–215. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.11>
4. Pavlov N.V., Khderi K. German Federal Republic and Crisis in Syria: Active Mediator or Passive Observer? *World Economy and International Relations*. 2020;12(64):78–86. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-12-78-86>
5. Zvyagelskaya I.D., Kadyrmambetov T.M., Lazovskii S.O., Tyukaeva T.I. The Middle East and the EU: Challenges, Opportunities and Prospects. *Current Problems of Europe*. 2025;(4):31–49. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.02>
6. Naumkin V.V. The Middle Eastern Mosaic: Synergy of Internal and External Factors. *National Strategy Issues*. 2026;(2):32–41. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/euzqla>
7. Krylov A., Fedorchenko A. Middle East in the Face of Old Problems and New Challenges. *World Economy and International Relations*. 2022;66(3):33–43. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-3-33-43>
8. Ivanov S.E. The Middle East in Search for Its Place under Forming Conditions of Multipolar World Order. *Diplomatic Service*. 2024;(1):69–74. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.33920/vne-01-2401-09>
9. Khlopov O.A. The India – Middle East – Europe Economic Corridor: U.S. Interests and Opportunities. *USA and Canada. Economics – Politics – Culture*. 2025;(3):34–45. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/cjkzlr>
10. Alekseenkova E.S. Middle East and Northern Africa in Italian Foreign Policy: Approaches to Security Challenges. *Current Problems of Europe*. 2025;(4):250–276. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.14>
11. Vasiliev V.S. Britain's Geopolitical Interests in the Palestinian-Israeli Conflict in the Greater Middle East. *Current Problems of Europe*. 2025;(4):101–119. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.06>
12. Novikova O.N. Radicalization of the Muslim Community in Great Britain in the Context of the Escalating Palestinian-Israeli Conflict. *Current Problems of Europe*. 2025;(4):120–135. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.07>
13. Lapina N.Yu. Ethnocultural Metamorphoses of France and the Problem of Adaptation of Immigrants. *Current Problems of Europe*. 2024;(3):81–100. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/ape/2024.03.05>
14. Novikova O.N. Diaspora Mobilization in Europe. *Current Problems of Europe*. 2024;(3):174–190. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/ape/2024.03.10>
15. Chernega V.N. The Middle East in France's State Policy (1958–2025). *Russia and Contemporary World*. 2025;(4):109–128. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/wonvmb>
16. Chernega V.N. Military Presence and Arms Export in France's Middle East Strategy. *Current Problems of Europe*. 2025;(4):136–153. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.08>
17. Arzamanova T.V. German Policy Towards Iran and Israel: In Search of New Interpretations. *Current Problems of Europe*. 2025;(4):216–233. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.12>

18. Shumilin A.I. European Union Red Sea Mission. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. 2024;(1):17–24. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15211/vestnikieran120241724>
19. Roll S. Eiszeit für den “Kalten Frieden” zwischen Ägypten und Israel. *SWP-Aktuell*. 2024;(A13). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2024A13>
20. Asseburg M., Lintl P. Israels Radikale Regierung: Abbau der Gewaltenteilung, Übernahme des Staatsapparates und Beschleunigte Annexion. *SWP-Aktuell*. 2025;(A16). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2025A16>
21. Adar S., Asseburg M., Azizi H., Klein M., Steinberg G. Der Politische Übergang in Syrien: Regionale und Internationale Interessen. *SWP-Aktuell*. 2025;(A09). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2025A09>
22. Zamirirad A. Neue Atomgespräche mit Iran: Herausforderungen und Handlungsoptionen für Europäische Politik. *SWP-Aktuell*. 2025;(A22). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2025A22>
23. Schaller C. Der Konflikt um die Straße von Hormus. *SWP-Studie*. 2026;(S12). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2026S12>

Об авторе:

Трунов Филипп Олегович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-кт, д. 51/21), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>, Researcher ID: AAC-7844-2020, Scopus ID: 57211605240, SPIN-код: 4235-8120, 1trunov@mail.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 04.06.2025; одобрена после рецензирования 29.06.2026; принята к публикации 09.07.2026.

About the author:

Philipp O. Trunov, Dr.Sci. (Polit.), Leading Researcher, Department of European and American Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (51/21 Nakhimovskiy prospect, Moscow 117418, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>, Researcher ID: AAC-7844-2020, Scopus ID: 57211605240, SPIN-code: 4235-8120, 1trunov@mail.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 04.06.2025; revised 29.06.2026; accepted 09.07.2026.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ /
SOCIOLOGY OF CULTURE<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.658-674>EDN: <https://elibrary.ru/wpgbul>

УДК / UDC 316.4:129(470+571)“20”

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Социология бессмертия: представления
населения Красноярского края о возможности
посмертного существования (2010–2023 гг.)В. Г. Немировский ¹ ✉ А. С. Новиков ²¹ Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук, <https://ror.org/04j4xtm35>
(г. Москва, Российская Федерация)² ООО «Технологии социальных исследований»
(г. Красноярск, Российская Федерация)
✉ valnemirov@mail.ru

Аннотация

Введение. В условиях глубокой социокультурной травмы российского общества представления о посмертном существовании становятся важным индикатором состояния массового сознания и бессознательного. Цель исследования – выявить структуру и динамику представлений о бессмертии у жителей Красноярского края как крупного российского региона в контексте концепций «общества травмы» и социологии жизни.

Материалы и методы. Теоретико-методологическую основу составили концепции социологии жизни и «общества травмы». Эмпирическую базу сравнительного исследования сформировали данные двух срезов по Красноярскому краю: 2010 г. – полуструктурированное интервью ($n = 1\,568$, стратифицированная многоступенчатая квотная выборка, охватившая 28 городских и сельских поселений); 2023 г. – массовый онлайн-опрос ($n = 700$, таргетинг в социальных сетях с процедурой перевзвешивания по полу, возрасту и характеру поселения). Для выявления латентных структур массового бессознательного применен факторный анализ (метод главных компонент, вращение «Варимакс»).

Результаты исследования. Зафиксирован сдвиг как в массовом сознании, так и в массовом бессознательном: от социально-творческих и религиозных установок к доминированию нигилистических и потребительских моделей бессмертия. На вербальном уровне сохраняется надежда на социально-демографическое бессмертие (надежда жить после смерти в результатах своего труда, а также в детях и внуках), однако в латентных структурах утверждается тип личности «человек избегающий», который выражает различные аспекты посттравматической мотивации.

© Немировский В. Г., Новиков А. С., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Впервые показано, что социокультурная травма российского общества приводит к распространению потребительских и нигилистических представлений жителей региона о бессмертии. Представления о бессмертии выступают маркером региональной социокультурной травмированности. Показано, что компенсаторное статусное потребление и стремление к карьере снижает экзистенциальный страх смерти. Обоснована необходимость компаративных исследований в различных регионах РФ с учетом их вовлеченности в острые социально-политические процессы (с применением психологических методик).

Ключевые слова: социология бессмертия, общество травмы, представления о бессмертии, массовое бессознательное, Красноярский край, региональные исследования, статусное потребление

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 10-03-00001а («Особенности социокультурного портрета Красноярского края»). Часть исследования проведена авторами на инициативной основе без привлечения целевого финансирования.

Для цитирования: Немировский В.Г., Новиков А.С. Социология бессмертия: представления населения Красноярского края о возможности посмертного существования (2010–2023 гг.). *Регионоведение*. 2026;34(3):658–674. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.658-674>

Sociology of Immortality: Perceptions of the Population of Krasnoyarsk Territory on the Possibility of Posthumous Existence (2010–2023)

V. G. Nemirovskiy ^a ✉, A. S. Novikov ^b

^a Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, <https://ror.org/04j4xtm35> (Moscow, Russian Federation)

^b “Social Research Technologies” LLC (Krasnoyarsk, Russian Federation)

✉ valnemirov@mail.ru

Abstract

Introduction. In the context of profound sociocultural trauma in Russian society, ideas about the after-life are becoming an important indicator of the state of mass consciousness and the unconscious. The aim of this study is to identify the structure and dynamics of ideas about immortality among residents of the Krasnoyarsk Territory, a large Russian region, within the context of the concepts of “trauma society” and the sociology of life.

Materials and Methods. The theoretical and methodological framework is based on concepts of the sociology of life and the “trauma society”. The empirical base for the comparative study was formed by data from two cross-sections in Krasnoyarsk Territory: 2010 – a semi-structured interview ($n = 1,568$, stratified multistage quota sampling, covering 28 urban and rural settlements); 2023 – a mass online survey ($n = 700$, targeted on social networks with a reweighting procedure based on gender, age, and settlement type). Factor analysis (principal component analysis, Varimax rotation) was used to identify latent structures of the mass unconscious.

Results. A shift has been recorded in both mass consciousness and the mass unconscious: from social-creative and religious attitudes to the dominance of nihilistic and consumerist models of immortality. At the verbal level, hope for socio-demographic immortality remains (the hope of living after death through the results of one's labor, as well as through one's children and grandchildren), but latent structures are establishing a personality type called “avoidant”, which expresses various aspects of post-traumatic motivation.

Conclusion. It has been demonstrated for the first time that sociocultural trauma in Russian society leads to the spread of consumerist and nihilistic notions of immortality among regional residents. Perceptions of immortality serve as a marker of regional sociocultural trauma. It is shown that compensatory status-based consumption and career pursuit reduce existential fear of death. The need for comparative studies in various regions of the Russian Federation, taking into account their involvement in pressing sociopolitical processes (using psychological methods), is substantiated.

Keywords: sociology of immortality, trauma society, perceptions of immortality, mass unconscious, Krasnoyarsk Territory, regional studies, status consumption

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. This study was supported by the Russian Foundation for the Humanities under research project No. 10-03-00001a ("Characteristics of the Sociocultural Portrait of Krasnoyarsk Territory"). Part of the study was conducted by the authors on a voluntary basis without the use of targeted funding.

For citation: Nemirovskiy V.G., Novikov A.S. Sociology of Immortality: Perceptions of the Population of Krasnoyarsk Territory on the Possibility of Posthumous Existence (2010–2023). *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(3):658–674. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.658-674>

ВВЕДЕНИЕ

Современная социология жизни основывается на многоаспектном анализе социальных процессов и явлений, центрируясь вокруг понятия «жизненный мир личности»¹. Выделяя его базовые характеристики, Ж. Т. Тощенко определяет первую из них как реально функционирующее общественное (групповое, индивидуальное) сознание во всем его многообразии и многозначности [1, с. 12]; вторую – как поведение (деятельность); третью – как общественную макро-, мезо- и микросреду, т. е. социально-экономические, политические и культурные условия, опосредующие влияние на сознание и поступки людей [1, с. 13].

Значимым элементом жизненного мира являются представления о бессмертии. Они укоренены в первом из указанных измерений (сознании) и одновременно мотивируют структуру и содержание второго (поведения). В свою очередь, эти представления детерминируются социокультурными факторами, образующими третий элемент жизненного мира. Изучая данный феномен на материалах Красноярского края, нельзя игнорировать состояние социокультурной травмированности современного российского общества, которое накладывает глубокий отпечаток на жизненный мир населения, включая его экзистенциальные установки [например, 2–5]. В связи с этим настоящее исследование основывается на концепции «культурной травмы» (Дж. Александер, П. Штомпка), «общества травмы» (Ж. Т. Тощенко) и антропосоциокультурной травмы (Н. И. Лапин).

Значимость подобных исследований возрастает на фоне специальной военной операции (СВО), в результате которой миллионы граждан сталкиваются с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР) и нуждаются в социальной и психологической реабилитации [6; 7 и др.]. Социокультурная травма ведет к распространению в коллективном сознании и массовом поведении чувства неуверенности в возможности полноценной самореализации в границах текущей жизни. Это, в свою очередь, актуализирует представления о бессмертии, которые могут принимать как нигилистические или потребительские формы (ценность «здесь и сейчас»), так и компенсаторно-религиозные (надежда на загробное воздаяние, реинкарнацию или иные модели посмертного существования).

Несмотря на высокий эвристический потенциал концепций «общества травмы» и социологии жизни, эмпирические данные о структуре и динамике представлений

¹ Bauman Z. *Mortality, Immortality, and Other Life Strategies*. Polity Press; 1992. 216 p.; Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности : Трактат по социологии знания* : пер. М.: Моск. филос. фонд; 1995. 322 с. ; Тощенко Ж.Т. *Общество травмы: между эволюцией и революцией*. М.: Весь Мир; 2020. 352. С. 4. <https://elibrary.ru/qlxxdd> ; Бергсон А. *Два источника морали и религии*. Пер. с фр., послесловие и прим. А.Б. Гофмана. М.: Канон; 1994. 384 с. и др.

о бессмертии в современной России практически отсутствуют. Это затрудняет диагностику глубинных изменений в коллективном сознании, не позволяет объективно оценить адаптационный потенциал населения и ограничивает возможность выработки адекватных социально-управленческих стратегий.

Цель статьи – анализ структуры и динамики представлений о бессмертии у жителей Красноярского края в контексте теоретических подходов социологии жизни и «общества травмы».

Гипотеза исследования состоит в предположении, что в период с 2010 по 2023 г. в массовом сознании/бессознательном населения Красноярского региона повысилась значимость тех представлений, которые отражают социокультурную травматизацию: нигилистических (отрицание для себя значимости какого-либо продолжения жизни), потребительских (установка на максимальное удовлетворение желаний в текущей жизни), религиозных (эсхатологические ожидания, вера в загробное воздаяние) и квазирелигиозных (вера в реинкарнацию, переселение душ).

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования смерти, объединенные общим зонтичным термином *death studies*, в конце XXI – начале XX веков набирают популярность как за рубежом, так и в России [8, с. 130]. Предметом этой отрасли социологической науки выступает «...представленность смерти в общественном мнении (исключение себя из сообществ; потеря значимых близких и социальные нормы умирания, в том числе планирование и проведение похорон)» [8, с. 133].

Вместе с тем в социологии смерти остается серьезная эвристическая недосказанность, ибо за рамками ее предмета оказывается отношение людей к бессмертию, без которого невозможно адекватно рассматривать их восприятие смерти. Для любой отрасли социологической науки элементом институализации выступает анализ ее предмета в контексте социальной структуры общества. В связи с этим З. Бауман стремление к бессмертию рассматривает как важную основу социальной стратификации². Публикация З. Баятризи анализирует механизмы влияния социального неравенства на понимание жизни и смерти конкретными группами людей [9].

Показано, как технокapитализм формирует три основных представления о бессмертии (трансгуманистическое цифровое бессмертие, радикальное биологическое продление жизни и крионику), которые сохраняют эксплуататорское отношение и имеют негативные социальные последствия [10]. Сформулированы шесть архетипичных вариантов посмертного будущего: цифровое воссоздание, трансгуманизм, постсмертность на основе меморизации, продление биологической жизни, возвращение в земное царство и единство с космосом [11].

Ближние результаты были получены при исследовании, проведенном с помощью метода глубинного интервью пожилых людей. Выделены четыре смысловых пространства смерти для респондентов, по сути выступающих проявлением архетипических представлений о бессмертии: а) «религиозные представления», б) «образ

² Bauman Z. Mortality, Immortality, and Other Life Strategies...

естественного хода вещей (всему есть начало и есть конец)», в) «пространство повседневных практик... когда “жизнь – смерть” выступают как единый комплекс», г) «пространство надежд на освобождение от жизненных невзгод, от одиночества»³.

Используемое в современной социологии понятие «организационное бессмертие» связано с идеей о том, что выполняемая работа является важным средством создания «наследия», которое переживет человека и вызывает у него ощущение символического бессмертия [12].

Широкое распространение цифровых технологий породило запрос на так называемое цифровое бессмертие⁴. В наиболее общем виде под ним подразумевается создание в цифровом пространстве своеобразного «цифрового слепка личности», который формируется в рамках широкого круга прижизненных данных о человеке и, в ряде случаев, может развиваться и существовать «виртуальной жизнью». В основе представлений о цифровом бессмертии лежит аксиология трансгуманизма [13].

Проблемам цифрового бессмертия посвящено немало серьезных публикаций, например [13; 14]. О высокой значимости темы в социальных науках свидетельствует тот факт, что известный научный журнал *Social Sciences* опубликовал специальный выпуск, посвященный проблемам цифровой смерти, трансформации посмертных ритуалов, истории и загробной жизни [15].

Анализируются различные аспекты цифровой индустрии загробной жизни, связанной с быстрым развитием искусственного интеллекта. Так, выделены гипотетические элементы проектирования имитации умерших с поддержкой искусственного интеллекта [16]. Изучались коммуникации, основанные на сохранившемся контенте умерших видеоблогеров, которые воспринимались как присутствующие в аккаунтах люди [17].

Важным фактором символического бессмертия в современном российском обществе выступают некрологи, в частности военнослужащих, павших в ходе СВО. Например, в статье Р. О. Матвеевко представлены «...стратегии репрезентации дискурса гибели солдата через концепты самопожертвования, социального тела и смерти как символического обмена, а также способы конструирования идентичности и ценности жизни солдата» [18, с. 63].

Для осмысления политического потенциала революционных мучеников и прошлых жизней на материале курдских общин из Турции, а также общин сирийских друзей на оккупированных Израилем Голанских высотах выдвинута концепция «повстанческого бессмертия». Эксперты полагают, что, настаивая на бессмертии своих мертвых, эти безгосударственные общины высказывают претензию на контрсuverенитет. Речь идет об одной из форм религиозно-символического бессмертия и ее использовании в борьбе за независимость: «Бессмертие, описываемое в этой статье... носит бунтарский характер, поскольку оно основано на признании и культивировании долгосрочных взаимоотношений между живыми и мертвыми...» [19, с. 1].

Проблемы представлений людей о бессмертии отечественными социологами изучены фрагментарно. В частности, Н. А. Романович опубликовала результаты

³ Елютина М.Э. Пожилые люди: отношение к смерти и танатические тревоги. *Социологические исследования*. 2015;(10):111–119. С. 112–113. URL: <https://www.socis.isras.ru/article/5794> (дата обращения: 03.09.2025).

⁴ Sisto D. *Online Afterlives. Immortality, Memory, and Grief in Digital Culture*. Cambridge and Massachusetts: The MIT Press; 2020. 216 p.

опроса, проведенного методом телефонного интервью среди жителей Воронежа. Возможность загробной жизни признали 39 % горожан, и чаще всего это люди не пожилые, не молодые, а в активном трудоспособном возрасте – от 30 до 50 лет (44 %). С повышением уровня образования эта вера снижается от 58 до 35 %⁵.

Похожие данные получены в ходе массового опроса, проведенного холдингом «Ромир» совместно с Gallup International Association осенью 2022 года в 64 странах мира, включая Россию. Так, «почти 60 % жителей Земли верят в загробную жизнь, в России доля таких людей составила 39 %... в рай верят 34 %, а в ад – 32 %»⁶. Исследование, осуществленное в июле 2024 года, показало, что 43 % россиян верят в посмертную жизнь (8 % «безусловно уверены»). При этом 25 % («новые уверовавшие в будущую жизнь» – люди более обеспеченные, среднего возраста, лучше образованные и никак не связывавшие указанные представления с идеей собственной ответственности, т. е. с моральным поведением⁷.

Таким образом, проблема бессмертия в современном российском социологическом дискурсе представлена слабо. Опубликованы фрагментарные эмпирические исследования веры людей в загробную жизнь либо данные опросов общественного мнения, которые иногда включают отдельные индикаторы подобной веры, однако лишь с позиций религиозных (христианско-исламских) представлений о ней. Изучение этой темы на общенациональных и региональных выборках с использованием сопоставимых индикаторов и компаративных исследований не проводилось.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Теоретическую основу исследования составили теории «культурной травмы»⁸, «общества травмы»⁹, «антропосоциокультурной травмы»¹⁰, позволяющие интерпретировать коллективные представления о бессмертии как реакцию на социокультурные потрясения и механизмы смысловой компенсации.

На основе теоретического анализа было установлено, что в массовом сознании респондентов существуют три типа подобных представлений:

1) социальные, а именно социально-творческое («после смерти человек продолжает жить в своих делах, пока его помнят люди»), социально-демографическое («после смерти человек продолжает жить в своих детях и внуках»);

⁵ Романович Н.А. Жизнь после смерти в зеркале общественного мнения. В кн.: Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы V международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. Ч. 1. Вологда: Вологодский научный центр РАН; 2020. С. 246. <https://elibrary.ru/plogiz>

⁶ Больше половины опрошенных в мире верят в жизнь после смерти [Электронный ресурс]. ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17302909> (дата обращения: 03.09.2025).

⁷ Гудков Л. Боитесь ли вы смерти? [Электронный ресурс]. ЛЕВАДА-ЦЕНТР. Аналитический центр Юрия Левады : сайт. URL: <https://www.levada.ru/2024/10/16/boites-li-vy-smerti/> (дата обращения: 15.10.2025). Настоящий материал произведен и распространен иностранным агентом АНО «ЛЕВАДА-ЦЕНТР» (признан иностранным агентом 05.09.2016 решением Минюста России).

⁸ Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. Пер. с англ. Г.К. Ольховикова под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис»; 2013. 640 с.; Штомпка П. Социология социальных изменений. Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс; 1996. 416 с.

⁹ Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией... и др.

¹⁰ Лапин Н.И. Человек и культура его взаимодействий с обществом в прошлом, настоящем и будущем России (продолжая традиции осевого поколения). *Вопросы философии*. 2021;(5):5–16. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-5-5-16> и др.

2) религиозные и квазирелигиозные, а именно христианское/исламское («после смерти человека его душа попадает в ад или рай, в зависимости от того, как он прожил жизнь»), реинкарнационное («после смерти человека его душа вновь появляется в этом мире, но уже в ином телесном облике»);

3) отвергающие посмертное существование, а именно нигилистическое («после смерти человека исчезает все, поэтому любые дела и стремления напрасны»), потребительское («после смерти ничего не будет, поэтому надо взять от жизни все, что возможно»).

Эмпирической базой работы являются результаты двух исследований. Первое проводилось социологами Сибирского федерального университета в Красноярском крае в 2010 г. ($n = 1\,568$), когда он занимал 2-е место по площади в России. Применялся метод полуструктурированного интервью с использованием стратифицированной многоступенчатой, районированной квотной выборки, репрезентированной в соответствии с половозрастной, образовательной и поселенческой структурой в 28 городах, поселках и сельских поселениях региона.

Второе исследование реализовывалось в 2023 г. методом онлайн-опроса на платформе Simpleforms с таргетингом в соцсетях («ВКонтакте», «Одноклассники») АНО «Диалог». Методически такая процедура исследования соответствует практике Центров управления регионами и в профессиональном сообществе признается валидной; при этом достижимость респондентов в сетикратно выше показателя, например, при поквартирных опросах.

Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность (согласие) к сотрудничеству. Персональные данные, в соответствии с Законодательством Российской Федерации, не собирались.

Полученный массив информации подвергался чистке от не до конца заполненных анкет, а также перевзвешиванию ($n = 700$) по независимым квотным переменным (полу, возрасту, характеру поселения), совмещенному с рандомизацией во избежание возможного систематического смещения.

После перевзвешивания и чистки структура выборки по основным параметрам (полу, возрасту, уровню образования, месту жительства респондентов) соответствовала социально-демографическому профилю населения края.

Инструментарий исследования. Индикаторы, которые использовались в описанных опросах, были разработаны в 1995 г.¹¹ С помощью контент-анализа ответов респондентов на вопросы формализованного интервью были выделены характерные представления о бессмертии, которые составили единую методику. Формулировки для инструментария корректировались в процессе проведения фокус-групп и индивидуальных интервью.

Анализ данных осуществлялся на двух уровнях:

- 1) социальные стереотипы – подвижные элементы массового сознания, слабо влияющие на социальную деятельность людей;
- 2) устойчивые, но мало осознаваемые, латентные представления, тесно связанные с реальным поведением (массовое бессознательное).

¹¹ Григорьев С.Г., Немировский В.Г. В поисках смысла жизни и справедливости: студенчество России на пороге XXI в. Барнаул-Красноярск: Алтайское книжное издательство; 1995. С. 84 – 87. <https://www.elibrary.ru/thdoqz>; Немировский В.Г. Социальный облик молодежи Красноярского края. Красноярск: КРАСГУ; 1995. С. 12 – 14. <https://www.elibrary.ru/thdoqp> и др.

На обоих уровнях прослеживалась специфика представлений, связанная с гендерной, возрастной, образовательной и статусной принадлежностью респондентов.

Методика опроса. Респондентам предлагалось определить отношение к ряду суждений с помощью трехбалльной шкалы: «не согласен» (1 балл), «частично согласен» (2 балла), «полностью согласен» (3 балла). В качестве суждений предлагались приведенные формулировки представлений о бессмертии¹².

Методы обработки данных. Для обработки данных использовали описательные статистики (одномерные распределения) и факторный анализ (SPSS, метод главных компонент, вращение «Варимакс»). Пригодность данных для факторного анализа проверяли с помощью тестов Кайзера–Мейера–Олкина и сферичности Бартлетта. Мера выборочной адекватности первого составила 0,831. Тест сферичности Бартлетта показал приближенное значение $\chi^2 = 2\,845,217$, степени свободы $df = 253$ при уровне значимости $p < 0,001$. Факторный анализ возможен при мере выборочной адекватности в диапазоне от 0,5 до 1 и при значении $p < 0,05$. Таким образом, данные пригодны для факторного анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Динамика вербального уровня (массовое сознание) представлена в таблице. В сознании жителей региона на вершине иерархии представлений о бессмертии, выявленной в 2010 г., через 13 лет также находятся представления о социально-творческом и социально-демографическом бессмертии: варианты ответа «частично согласен» и «согласен» выбрали 96 и 90 % опрошенных соответственно.

Как видно из таблицы, в 2023 г. на вербальном уровне массового сознания заметно больше респондентов стали придерживаться нигилистических представлений о бессмертии (+24 %), а также потребительских (+15), реинкарнационных (+14) и христианских/исламских (+10 %). Иными словами, именно тех, которые могут свидетельствовать о росте социокультурной травмированности населения Красноярского региона.

Резкий рост уверенности респондентов в том, что «после смерти ничего нет» и что «все бессмысленно» (*нигилистические* представления), выступает классическим проявлением защитного механизма отрицания. В условиях роста травмированности российского общества значительной части населения региона будущее представляется неопределенным или даже угрожающим. В соответствии с этим вопрос поиска человеком смысла жизни теряет актуальность. Психологически это состояние тесно связано с избегающим поведением и внешним локусом контроля: если в конечном счете любые стремления человека напрасны, то не нужно нести ответственность за свои действия или строить долгосрочные планы.

¹² Эта методика и результаты опроса, проведенного в 2010 г., а также данные факторного анализа были опубликованы в ряде статей, например: Немировский В.Г. Фреймы смерти в массовом сознании сибиряков: структура и динамика (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2005–2010 гг.). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2011;(2):116–125. URL: <https://clck.ru/3VcKh3> (дата обращения: 03.09.2025) ; Nemirovskiy V.G. Sociocultural Specifics of Siberian Residents' Ideas of the Meaning of Life and Attitude to Death at the End of the XX Century and at the Beginning of the XXI Century within the Framework of Postnonclassic Approach. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2010;3(1):53–68. <https://elibrary.ru/kxovvf> и др.

Т а б л и ц а. Мнение респондентов о различных концепциях посмертного существования: данные за 2010 и 2023 гг., %

Table. Attitudes of respondents towards various conceptions of life after death: data for 2010 and 2023, %

Суждение / Statement	Вариант ответа / Response option	2010	2023
R 1. После смерти человек продолжает жить в своих делах, пока его помнят люди / After death, a person continues to live in their deeds, as long as people remember them	Согласен / Agree	54	65
	Частично согласен / Partially agree	37	31
	Суммарная доля согласных / Combined share of respondents who agree	91	96
R 2. После смерти человек продолжает жить в детях и внуках / After death, a person continues to live in their children and grandchildren	Согласен / Agree	59	46
	Частично согласен / Partially agree	33	44
	Суммарная доля согласных / Combined share of respondents who agree	92	90
R 3. После смерти человека исчезает все, поэтому любые дела и стремления напрасны / After a person's death, everything disappears, so any deeds and aspirations are in vain	Согласен / Agree	5	14
	Частично согласен / Partially agree	17	34
	Суммарная доля согласных / Combined share of respondents who agree	22	48
R 4. После смерти человека его душа вновь появляется в этом мире, но уже в ином телесном облике / After a person's death, their soul reappears in this world, but in a different physical form	Согласен / Agree	25	25
	Частично согласен / Partially agree	37	51
	Суммарная доля согласных / Combined share of respondents who agree	62	76
R 5. После смерти ничего не будет, поэтому надо взять от жизни все, что возможно / After death, there will be nothing, so one must take everything possible from life	Согласен / Agree	17	18
	Частично согласен / Partially agree	37	51
	Суммарная доля согласных / Combined share of respondents who agree	54	69
R 6. После смерти человека его душа попадет в рай или ад, в зависимости от того, как он прожил жизнь / After death, the soul goes to heaven or hell depending on one's life	Согласен / Agree	29	21
	Частично согласен / Partially agree	37	55
	Суммарная доля согласных / Combined share of respondents who agree	66	76

Примечание: распределение ответов на каждое суждение представлено в процентах от общего числа респондентов. Варианты ответа: «Согласен», «Частично согласен», «Не согласен». Суммарная доля согласных (объединение категорий «Согласен» и «Частично согласен») приведена для оценки общей распространенности принятия тезиса.

Note: the distribution of responses to each statement is presented as a percentage of the total number of respondents. Response options: "Agree", "Partially agree", and "Disagree". The total percentage of those who agree (the combination of the "Agree" and "Partially agree" categories) is used to assess the overall prevalence of acceptance of the statement.

Источник: подготовлено по результатам исследования.

Source: prepared based on the results of the research.

К росту *потребительских* представлений о бессмертии ведет сужение горизонта планирования человеком своей жизни в ситуации социокультурной травмы, которое усиливает его стремление получить удовольствие, доступное здесь и сейчас. Этому может способствовать и неверие в возможность быстрых позитивных изменений в личном будущем.

Увеличение популярности *реинкарнационных* представлений о бессмертии в известной мере свидетельствует о надежде части опрошенных на своего рода «еще одну попытку». В современной технократической культуре вера в реинкарнацию для человека психологически комфортнее традиционных религий. Она не требует жесткой моральной ответственности, участия в специальных ритуалах и церемониях, как, например, авраамические религии. Это форма регрессии в магическое мышление, которое широко распространено в современном российском обществе травмы, в том числе в форме веры в помощь со стороны различных колдунов, экстрасенсов, ведьм, тарологов и т. п. Вера в реинкарнационное бессмертие позволяет человеку смягчить чувство тревоги и страх перед конечностью бытия.

Некоторое увеличение распространенности *христианских/исламских* представлений о бессмертии отражает стабильный рост обращения части населения к традиционным религиям. В обществе травмы они выполняют функции консолидации, смысловой опоры и упорядоченности. Когда светские институты, например государство, экономика, социальные лифты и др., не справляются с обеспечением безопасности и справедливости, человек вынужден проецировать потребность в защите и высшей справедливости на фигуру Бога. Также это соотносится с попыткой восстановить разрушенные морально-нравственные ориентиры, обратившись к традиционным ценностям.

Динамика латентного уровня (массовое бессознательное). Факторный анализ данных за 2010–2023 гг. позволил выявить три латентных комплекса представлений о бессмертии в массовом бессознательном жителей региона. Для каждого фактора указаны признаки с наиболее высокими коэффициентами корреляции и его описательная сила (доля объясненной дисперсии).

В 2010 году первый фактор, объясняющий 49,2 % дисперсии, описывал комплекс ориентаций на социально-творческое (0,61), социально-демографическое (0,48) и нигилистическое (0,36) представления. Второй фактор (16,5 % дисперсии) выражал потребительское (0,44) и христианское (исламское) (0,33) представления. Третий, обладавший наименьшей описательной силой (9,2 %), характеризовал исключительно реинкарнационное представление (0,42).

К 2023 году структура факторов изменилась. Первый фактор (39,2 % дисперсии) теперь объединил нигилистическое (0,69) и потребительское (0,53) представления. Второй фактор, чья объясняющая способность возросла до 28,6 %, включал социально-творческое (0,57) и реинкарнационное (0,38) представления. Наконец, третий фактор (14,3 % дисперсии) характеризовал христианское (исламское) (0,37) и социально-демографическое (0,28) представления; объясняющая способность составила 14,3 %.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что потребительское и христианское (исламское) представления о бессмертии в 2010 г. описывались общей латентной переменной. Это может говорить о том, что в массовом сознании/бессознательном жителей региона в тот период функционировал психологический механизм, под действием которого ожидание «попадания в рай» после смерти чаще присутствовало у тех, кто стремился взять от жизни все, что возможно, т. е. у индивидов с потребительской ориентацией. В 2023 году на первое место по описательной силе вышел фактор, характеризующий отвержение любой возможности

посмертного существования, что соответствует нигилистическому и потребительскому представлениям о бессмертии.

ОБСУЖДЕНИЕ

Специфика представлений населения современной России о бессмертии во многом определяется социокультурной травмированностью общества, ибо важными характеристиками общества травмы являются дезорганизация общественного сознания, противоречивость взглядов, неопределенность ожиданий, трудности самореализации.

Проведенный сравнительный анализ массового сознания/бессознательного населения Красноярского края (в другом исследовании) в 2015–2023 гг. показывает, что доминирующим социальным типом личности остается «человек избегающий», который выражает различные аспекты посттравматической мотивации [5]. Результаты психологических и социально-психологических исследований, отечественных и зарубежных, демонстрируют его ведущие характеристики: высокую тревожность; ценностные ориентации на материальное благополучие, карьеру, семью, здоровье, гедонизм; отсутствие четкого образа желаемого будущего; склонность к асоциальному поведению; веру в разного рода эзотику [5, с. 202].

Безусловно, сложности в реализации смысла жизни, которые выступают одним из важных проявлений общественной травмы, не могут не влиять на формирование специфических представлений о бессмертии: реализация людьми смысла жизни выражается в стремлении оставить после себя наследие, которое, по сути, выступает некой формой символического бессмертия. Такое наследие может обеспечиваться посредством творчества, «...рождением детей, духовными или религиозными средствами, связью с природой или моментами трансцендентного опыта» [20, р. 102610, 102608].

Можно констатировать, что распространенность среди населения социального типа личности «человек самореализующийся» способствует преодолению страха смерти. Так, результаты исследований подтверждают, что «статусное потребление является значимым механизмом избегания при борьбе со страхом смерти» [5]; свидетельствуют, что предметы роскоши помогают людям справляться со страхом смерти: «...ценности материализма могут влиять на потребление предметов роскоши через импульсивные механизмы в ситуации, связанной с тревогой по поводу смерти» [21, р. 115]. Аналогичные выводы получили ряд исследователей [22, р. 282; 23].

Наличие в массовом сознании/бессознательном различных представлений о бессмертии во многом определяется психологическими механизмами, в основе которых лежат социокультурные травмы общества. Последние на индивидуальном уровне могут проявляться как психологические травмы, например связанные с результатами неправильного семейного или общественного воспитания, разного рода формами социальной эксклюзии и депривации, воздействием интенсивной социокультурной турбулентности в обществе. Как социальное явление, связанное с властью и привилегиями или бесправием и неблагоприятным положением человека в обществе, травму рассматривает О. Т. Малдун [24].

В рамках анализа в фокусе экспертов – явление нарциссической травмы. На основе психологических исследований коллективом авторов доказано, что страх смерти связан с часто встречающимся в настоящее время стремлением делать селфи: он выступает своего рода «посредником» между нарциссизмом и селфи-поведением [25, с. 1]. Сходные результаты получили А. Бессер и соавторы: «нарциссические черты личности связаны со страхом смерти и стремлением к символическому бессмертию (иметь цифровой аватар для себя и других), в основном косвенно, через страх смерти и мотивацию к вечной жизни и поддержке других» [26, р. 6632].

С представлениями о бессмертии связаны и такие социально обусловленные психологические черты личности, как контроль и автономия [27, с. 429].

С опорой на теории «культурной травмы», «общества травмы» и «антропосоциокультурной травмы» было установлено, что социокультурная травмированность российского общества через посредство различных психологических механизмов (в том числе ПТСР) способствует распространению среди населения региона представлений о бессмертии, которые служат компенсацией полученных им травм. Это нигилистическое, потребительское представления, связанные с желанием получить от жизни «все и сейчас», а также христианское/мусульманское и реинкарнационное, которые формируют надежду продолжить индивидуальное существование после смерти. Соответственно увеличение значимости этих представлений служит показателем усиления социокультурной травмированности населения региона.

Основным ограничением исследования выступает использование опросных методов: как интервью, так и анкетирование (даже с применением факторного анализа) не всегда позволяют достаточно глубоко выявить механизмы влияния социокультурной травмы на представления людей о бессмертии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило эмпирически верифицировать структуру и динамику представлений о посмертном существовании у населения Красноярского края в период с 2010 по 2023 год. Выдвинутая гипотеза об усилении значимости тех представлений о бессмертии, которые опосредованы социокультурной травматизацией общества, нашла свое подтверждение.

В 2023-м, как и в 2010-м году, на вербальном уровне массового сознания наиболее значимыми оставались социально-творческое и социально-демографическое представления (сохранение памяти о человеке в результатах его дел и его прямых потомках). Однако главным трендом исследуемого периода стал выраженный сдвиг в сторону «травматизированных» форм репрезентации бессмертия. Зафиксирован устойчивый рост значимости нигилистической (отрицания посмертия), потребительской (гедонизма, «здесь и сейчас») и квазирелигиозных (реинкарнация) установок, а также усиление эсхатологических ожиданий в рамках христианского/исламского дискурса. Эти изменения выявлены не только на вербальном уровне, но и в структуре латентных факторов массового бессознательного, что свидетельствует о глубинной перестройке ценностно-смысловых оснований личности.

Полученные данные показывают, как макросоциальная неопределенность и турбулентность общества травмы проявляется на уровне населения региона. Эти цифры отражают еще один признак подобного общества – социальную

и смысловую атомизацию. Массовое сознание опрошенных жителей Красноярского края в отношении представлений о бессмертии оказывается более фрагментированным: за 13 лет, прошедших с момента первого опроса, увеличилась доля «нигилистов», гедонистов, тех, кто надеется на повторное воплощение и респондентов, которые ищут «спасения» в религии. Также прослеживается специфика представлений, связанная с гендерной, возрастной, образовательной и статусной принадлежностью участников опроса, однако ее анализ выходит за рамки данного исследования.

Важнейшим механизмом, объясняющим данную динамику, выступает психологическая компенсация социокультурной травмы. Распространение в регионе социального типа «человек избегающий» [5] парадоксальным образом нивелирует экзистенциальную тревогу перед смертью за счет активизации компенсаторных стратегий: карьеризма, статусного потребления и виртуализации бытия. Это позволяет говорить о том, что трансформация представлений о бессмертии является надежным индикатором состояния массового бессознательного, отражающим адаптационные или дезадаптивные реакции социума на вызовы современности.

В практической плоскости полученные результаты свидетельствуют о необходимости разработки и внедрения в учебных заведениях региона образовательных программ, ориентированных на формирование у молодежи созидательных духовно-нравственных ценностей; об актуальности расширения подготовки психологов и социальных педагогов к работе с травмированным сознанием (в вузах и ссузах Красноярского края для этого имеются широкие возможности).

Диагностика представлений населения региона о бессмертии может служить инструментом для оценки его социально-адаптационного потенциала. На основе такой диагностики возможно прогнозировать социальное поведение (миграционные настроения, уровень протестной активности, готовность к коллективным действиям) и корректировать стратегии регионального развития с учетом реальных экзистенциальных запросов жителей.

Направления дальнейших исследований лежат в плоскости углубления изучения региональной специфики. Установленные различия в структуре представлений населения региона о бессмертии требуют сравнительного анализа ситуации в других субъектах РФ, особенно с учетом различной вовлеченности регионов в повестку СВО. На основе рейтингов подобной вовлеченности (мобилизации, волонтерства, гуманитарных миссий) можно выдвинуть гипотезу о дифференцированном влиянии социокультурных травм на массовое сознание в зависимости от географических и экономических факторов. В теоретическом плане ее верификация позволит сформулировать основы концепции «региональной социокультурной травмы».

Перспективным видится применение психологических методик в сочетании с компаративными массовыми опросами, а также качественных методов социологических исследований в различных регионах России – для более глубокого выявления механизмов влияния социокультурной травмы на представления людей о бессмертии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тощенко Ж.Т. Жизненный мир как базовое понятие социологии жизни. *Социологические исследования*. 2024;(7):10–22. <https://doi.org/10.31857/S0132162524070035>
2. Солодников В.В. Похороны и социальные представления о семье Т. Уолтер, Т. Бейли. *Социологический журнал*. 2023;29(1):130–140. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.7>
3. Волков Ю.Г. Социокультурные травмы современного российского общества. *Социологические исследования*. 2022;(3):13–23. <https://doi.org/10.31857/S013216250017543-0>
4. Лапин Н.И. Человек и культура его взаимодействий с обществом в прошлом, настоящем и будущем России (продолжая традиции осевого поколения). *Вопросы философии*. 2021;(5):5–16. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-5-5-16>
5. Немировский В.Г. «Человек избегающий» как социальный тип личности в российском обществе травмы. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2024;17(1):201–214. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.11>
6. Рябинина Д.А., Зоркина Я.А., Резник А.М. и др. Анализ проблем диагностики боевого посттравматического стрессового расстройства в психиатрическом стационаре. *ПСИХИАТРИЯ*. 2025;23(2):19–31. <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2025-23-2-19-31>
7. Гнездилов Г.В., Киселев В.В. К вопросу о совершенствовании организации профилактики ПТСР и психореабилитационных мероприятий в работе психолога с участниками СВО. *Экстремальная психология и безопасность личности*. 2025;2(1):26–39. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020103>
8. Мохов С., Миленина Д. Death Studies: особенности формирования дисциплинарного поля (2010–2020). *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2021;24(2):212–235. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.8>
9. BayatRizi Z. Beyond Denial: A Sociological Investigation of the Normative Order of Death. In: *The Routledge Handbook of Law and Death*. Routledge; 2024. P. 27–41. <https://doi.org/10.4324/9781003304593-4>
10. Hurtado Hurtado J. Exploited in Immortality: Techno-Capitalism and Immortality Imaginaries in the Twenty-First Century. *Mortality*. 2024;29(4):903–920. <https://doi.org/10.1080/13576275.2023.2266373>
11. Hurtado Hurtado J. Envisioning Postmortal Futures: Six Archetypes on Future Societal Approaches to Seeking Immortality. *Mortality*. 2024;29(1):18–36. <https://doi.org/https://doi.org/10.1080/13576275.2022.2100250>
12. Bednar J.S., Elder R.S. Seeking Organizational Immortality: Legacy Biases in Organizational Decision-Making. *Academy of Management Perspectives*. 2025;40(1):131–149. <https://doi.org/10.5465/amp.2023.0276>
13. Savin-Baden M., Mason-Robbie V. (Eds.) *Digital Afterlife: Death Matters in a Digital Age*. New York: Chapman and Hall/CRC; 2020. 230 p. <https://doi.org/10.1201/9780429322198>
14. Conte P., Serafini M. Posthumous AI: The Afterlife of Data. In: *Algomedia. The Image at the Time of Artificial Intelligence*. Cham: Springer Nature Switzerland; 2026. P. 369–386. https://doi.org/10.1007/978-3-032-08726-3_21
15. Christensen D.R., Sumiala J. Introducing the Special Issue Digital Death: Transforming Rituals, History, and the Afterlife. *Social Sciences*. 2024;13(7):346. <https://doi.org/10.3390/socsci13070346>
16. Hollanek T., Nowaczyk-Basińska K. Griefbots, Deadbots, Postmortem Avatars: On Responsible Applications of Generative AI in the Digital Afterlife Industry. *Philosophy and Technology*. 2024;37(63). <https://doi.org/10.1007/s13347-024-00744-w>
17. Zhang L., Yin S.X. The Long Farewell: Mediated Posthumous Communications and Identity Persistence on Vloggers' Memorialized Accounts. *New Media and Society*. 2025;14614448251376304. <https://doi.org/10.1177/14614448251376304>
18. Матвеев Р.О. Репрезентация солдатской смерти: дискурс-анализ военных некрологов в контексте СВО. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2025;17(1):63–86. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.4>
19. Schäfers M., Kastrinou M. Martyrs, Dreams, and Past Lives: Insurgent Immortality and the Expansive Logic of Debt. *Comparative Studies in Society and History*. 2025;68(1):39–63. <https://doi.org/10.1017/S0010417525100157>

20. Kaufman J.C. Dancing on an Empty Shore: Symbolic Immortality, Meaning, and Being Creative as Doomsday Approaches. *Learning and Individual Differences*. 2025;(118):102607. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2024.102607>
21. Audrin C., Cheval B., Chanal J. Materialism Moderates the Impact of Mortality Salience on Impulsive Tendencies Toward Luxury Brands. *Death Studies*. 2018;42(2):115–122. <https://doi.org/10.1080/07481187.2017.1334008>
22. Baek T.H., Kim J., Yoon S., Choi Y.K., Taylor C.R. The COVID-19 Threat and Luxury Advertising. *Journal of Consumer Behaviour*. 2023;22(3):582–596. <https://doi.org/10.1002/cb.2137>
23. Wright D.W.M., Zascerinska S. Becoming Immortal: Future Wellness and Medical Tourism Markets. *Journal of Tourism Futures*. 2023;9(2):168–195. <https://doi.org/10.1108/JTF-05-2021-0119>
24. Muldoon O.T. The Social Psychology of Trauma: Connecting the Personal and the Political. Cambridge: Cambridge University Press; 2024. 202 p. <https://doi.org/10.1017/9781009306997>
25. Etgar S., Shutzman B., Shani-Sherman T., Amichai-Hamburger Y. E-mmortal: Death Anxiety is Related to Selfie Behaviors. *Psychological Reports*. 2026;129(3):1965–1977. <https://doi.org/10.1177/00332941241269535>
26. Besser A., Morse T., Zeigler-Hill V. Who Wants to (Digitally) Live Forever? The Connections that Narcissism Has with Motives for Digital Immortality and the Desire for Digital Avatars. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023;20(17):6632. <https://doi.org/10.3390/ijerph20176632>
27. Horner D.E., Sielaff A., Greenberg J. Self-Determined Immortality: Testing the Role of Autonomy in Promoting Perceptions of Symbolic Immortality and Well-Being. *Motivation and Emotion*. 2022;46(4):429–446. <https://doi.org/10.1007/s11031-022-09944-3>

REFERENCES

1. Toshchenko Z.T. Life World as a Basic Concept of the Sociology of Life. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2024;(7):10–22. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S0132162524070035>
2. Solodnikov V.V. Funerals and Social Representations of the Family. Walter T., Bailey T. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2023;29(1):130–140. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.7>
3. Volkov Yu.G. Socio-Cultural Traumas of Modern Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022;(3):13–23. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250017543-0>
4. Lapin N.I. Man and Culture of His Interactions with Society in the Russia's Past, Present and Future (Continuing the Traditions of the Axial Generation). *Voprosy filosofii*. 2021;(5):5–16. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-5-5-16>
5. Nemirovskii V.G. The “Avoidant Individual” as a Social Personality Type in the Russian Trauma Society. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(1):201–214. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.11>
6. Riabina D.A., Zorkina Y.A., Reznik A.M., et al. Analysis of Problems Associated with Diagnostics Combat Post-Traumatic Stress Disorder in a Psychiatric Hospital. *Psikhiatriya*. 2025;23(2):19–31. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2025-23-2-19-31>
7. Gnezdilov G.V., Kiselev V.V. On the Issue of Improving the Organization of PTSD Prevention and Psychorehabilitation Measures in the Work of a Psychologist with Participants of the SMO. *Extreme Psychology and Personal Safety*. 2025;2(1):26–39. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17759/epps.2025020103>
8. Mokhov S., Milenina D. Death Studies: The Formation of an Interdisciplinary Field (2010–2020). *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2021;24(2):212–235. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.8>
9. BayatRizi Z. Beyond Denial: A Sociological Investigation of the Normative Order of Death. In: *The Routledge Handbook of Law and Death*. Routledge; 2024. P. 27–41. <https://doi.org/10.4324/9781003304593-4>
10. Hurtado Hurtado J. Exploited in Immortality: Techno-Capitalism and Immortality Imaginaries in the Twenty-First Century. *Mortality*. 2024;29(4):903–920. <https://doi.org/10.1080/13576275.2023.2266373>
11. Hurtado Hurtado J. Envisioning Postmortal Futures: Six Archetypes on Future Societal Approaches to Seeking Immortality. *Mortality*. 2024;29(1):18–36. <https://doi.org/10.1080/13576275.2022.2100250>

12. Bednar J.S., Elder R.S. Seeking Organizational Immortality: Legacy Biases in Organizational Decision-Making. *Academy of Management Perspectives*. 2025;40(1):131–149. <https://doi.org/10.5465/amp.2023.0276>
13. Savin-Baden M., Mason-Robbie V. (Eds.) *Digital Afterlife: Death Matters in a Digital Age*. New York: Chapman and Hall/CRC; 2020. 230 p. <https://doi.org/10.1201/9780429322198>
14. Conte P., Serafini M. Posthumous AI: The Afterlife of Data. In: *Algomedia. The Image at the Time of Artificial Intelligence*. Cham: Springer Nature Switzerland; 2026. P. 369–386 https://doi.org/10.1007/978-3-032-08726-3_21
15. Christensen D.R., Sumiala J. Introducing the Special Issue Digital Death: Transforming Rituals, History, and the Afterlife. *Social Sciences*. 2024;13(7):346. <https://doi.org/10.3390/socsci13070346>
16. Hollanek T., Nowaczyk-Basińska K. Griefbots, Deadbots, Postmortem Avatars: On Responsible Applications of Generative AI in the Digital Afterlife Industry. *Philosophy and Technology*. 2024;37(63). <https://doi.org/10.1007/s13347-024-00744-w>
17. Zhang L., Yin S.X. The Long Farewell: Mediated Posthumous Communications and Identity Persistence on Vloggers' Memorialized Accounts. *New Media and Society*. 2025;14614448251376304. <https://doi.org/10.1177/14614448251376304>
18. Matveenko R.O. Representation of Soldiers' Death: Discourse Analysis of Military Obituaries in the Context of the Special Military Operation. *Interaction. Interview. Interpretation*. 2025;17(1):63–86. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.4>
19. Schäfers M., Kastrinou M. Martyrs, Dreams, and Past Lives: Insurgent Immortality and the Expansive Logic of Debt. *Comparative Studies in Society and History*. 2025;68(1):39–63. <https://doi.org/10.1017/S0010417525100157>
20. Kaufman J.C. Dancing on an Empty Shore: Symbolic Immortality, Meaning, and Being Creative as Doomsday Approaches. *Learning and Individual Differences*. 2025;(118):102607. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2024.102607>
21. Audrin C., Cheval B., Chanal J. Materialism Moderates the Impact of Mortality Salience on Impulsive Tendencies Toward Luxury Brands. *Death Studies*. 2018;42(2):115–122. <https://doi.org/10.1080/07481187.2017.1334008>
22. Baek T.H., Kim J., Yoon S., Choi Y.K., Taylor C.R. The COVID-19 Threat and Luxury Advertising. *Journal of Consumer Behaviour*. 2023;22(3):582–596. <https://doi.org/10.1002/cb.2137>
23. Wright D.W.M., Zascierinska S. Becoming Immortal: Future Wellness and Medical Tourism Markets. *Journal of Tourism Futures*. 2023;9(2):168–195. <https://doi.org/10.1108/JTF-05-2021-0119>
24. Muldoon O.T. *The Social Psychology of Trauma: Connecting the Personal and the Political*. Cambridge: Cambridge University Press; 2024. 202 p. <https://doi.org/10.1017/9781009306997>
25. Etgar S., Shutzman B., Shani-Sherman T., Amichai-Hamburger Y. E-mmortal: Death Anxiety is Related to Selfie Behaviors. *Psychological Reports*. 2026;129(3):1965–1977. <https://doi.org/10.1177/00332941241269535>
26. Besser A., Morse T., Zeigler-Hill V. Who Wants to (Digitally) Live Forever? The Connections that Narcissism Has with Motives for Digital Immortality and the Desire for Digital Avatars. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023;20(17):6632. <https://doi.org/10.3390/ijerph20176632>
27. Horner D.E., Sielaff A., Greenberg J. Self-Determined Immortality: Testing the Role of Autonomy in Promoting Perceptions of Symbolic Immortality and Well-Being. *Motivation and Emotion*. 2022;46(4):429–446. <https://doi.org/10.1007/s11031-022-09944-3>

Об авторах:

Немировский Валентин Геннадьевич, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-кт, д. 51/21), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, Researcher ID: G-3689-2015, Scopus ID: 46461917700, SPIN-код: 1831-1806, valnemirov@mail.ru

Новиков Алексей Сергеевич, кандидат философских наук, магистр психологии, директор ООО «Технологии социальных исследований» (660093, Российская Федерация, г. Красноярск, пр-кт им. газеты «Красноярский Рабочий», д. 172, кв. 173), ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3352-8946>, SPIN-код: 8720-1837, asnovikov@gmail.com

Вклад авторов:

В. Г. Немировский – разработка концепции; разработка методологии; проведение исследования; формальный анализ; написание черновика рукописи; административное руководство исследовательским проектом; критический анализ черновика рукописи.

А. С. Новиков – проведение исследования; формальный анализ; курирование данных; внесение замечаний и исправлений.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 31.10.2025; одобрена после рецензирования 11.02.2025; принята к публикации 26.02.2026.

About the authors:

Valentin G. Nemirovskiy, Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (51/21 Nakhimovskii Prospekt, Moscow 117418, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, Researcher ID: G-3689-2015, Scopus ID: 46461917700, SPIN-code: 1831-1806, valnemirov@mail.ru

Aleksei S. Novikov, Cand.Sci. (Philos.), Master (Psych.), Director, Social Research Technologies LLC (Apt. 173, 172, Newspaper “Krasnoyarsk Worker” Prospekt, Krasnoyarsk 660093, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3352-8946>, SPIN-code: 8720-1837, asnovikov@gmail.com

Contribution of the authors:

V. G. Nemirovskiy – conceptualization; methodology; investigation; formal analysis; writing – original draft preparation; project administration; critical review.

A. S. Novikov – investigation; formal analysis; data curation; commentary or revision.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 31.10.2025; revised 11.02.2025; accepted 26.02.2026.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ / SOCIOLOGY OF CULTURE

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.675-696>

EDN: <https://elibrary.ru/xbywgs>

УДК / UDC 379.8:004.4-057.875(470.54)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Динамика досуговых практик студентов Свердловской области в условиях цифровизации: результаты мониторинга (1995–2024 гг.)

А. В. Кульминская ✉ Л. Д. Забокрицкая

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, <https://ror.org/00hs7dr46>
(г. Екатеринбург, Российская Федерация)
✉ a.v.kulminskaya@urfu.ru

Аннотация

Введение. Повсеместное внедрение цифровых технологий способствует замене традиционных форм досуга цифровыми альтернативами, что оказывает существенное влияние на студенческую молодежь. Низкая контролируемость цифровых практик диктует необходимость системного мониторинга их распространенности, реализации и возможных последствий. Цель статьи – выделить основные тенденции в трансформации структуры досуга студентов Свердловской области в условиях цифровизации на основе данных многолетнего мониторинга (1995–2024 гг.).

Материалы и методы. Данные собраны в ходе IX волны (март–июнь 2024 г.) лонгитюдного проекта мониторинга «Студенчество Среднего Урала» (реализуется с 1995 г.). Методом онлайн-анкетирования опрошена репрезентативная квотная выборка ($n = 2\,000$) студентов III курсов 12 вузов Свердловской области, стратифицированная по полу и направлению подготовки (гуманитарные, социально-экономические, инженерно-технические, естественнонаучные дисциплины). Сравнительный анализ динамики за девять волн проведен с использованием методов дескриптивной статистики, анализа трендов и критерия χ^2 (IBM SPSS Statistics 22.0).

Результаты исследования. Зафиксирован существенный сдвиг от коллективного к индивидуальному, преимущественно цифровому, досугу. Определены некоторые тренды в потреблении контента, в частности рост предпочтения текстового/экспертного контента на фоне снижения вовлеченности в визуально-развлекательные форматы. Парадоксально, что осведомленность о формах цифрового участия возросла при резком падении прямой включенности. Актуализируется необходимость разработки образовательных программ и молодежной политики, направленных на гармонизацию онлайн- и офлайн-активности, минимизацию социальной изоляции, использование потенциала функционального цифрового досуга (например, для саморазвития).

© Кульминская А. В., Забокрицкая Л. Д., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Системная трансформация студенческого досуга отражает общую социальную цифровизацию, характеризуется «цифровым аутизмом» (избеганием социального взаимодействия) и конструированием идентичности в большей степени через цифровые достижения, нежели межличностные связи. Парадоксальный рост формальной общественной активности указывает на поиск принадлежности в условиях цифровой отчужденности, потенцируемый, вероятно, государственной политикой. Результаты будут полезны при разработке образовательных программ и мер поддержки, направленных на гармонизацию цифрового и реального взаимодействия в студенческой среде.

Ключевые слова: студенческая молодежь, досуг, цифровые практики, мониторинговое исследование, Свердловская область, «цифровой аутизм»

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда № 24-48-10012 (<https://rscf.ru/project/24-48-10012/>).

Благодарность. Авторы выражают благодарность Вишневному Юрию Рудольфовичу, руководителю мониторинга «Студенчество Среднего Урала», членам исследовательского коллектива за совместную работу над мониторингом, а также рецензентам за внимание, уделенное статье.

Для цитирования: Кульминская А.В., Забокрицкая Л.Д. Динамика досуговых практик студентов Свердловской области в условиях цифровизации: результаты мониторинга (1995–2024 гг.). *Регионология*. 2026;34(3):675–696. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.675-696>

Dynamics of Student Leisure Practices in the Sverdlovsk Region Amidst Digitalization: Monitoring Results (1995–2024)

A. V. Kulminskaya ✉, L. D. Zabokritskaya

Ural Federal University

named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, <https://ror.org/00hs7dr46>
(Yekaterinburg, Russian Federation)

✉ a.v.kulminskaya@urfu.ru

Abstract

Introduction. The widespread digital transformation of society leads to changes in traditional forms of leisure, replacing them with digital alternatives. These changes have a significant impact on student youth. The low controllability of such practices necessitates systematic monitoring of their prevalence, implementation, and potential consequences. The purpose of the article is to highlight the key trends in the transformation of the structure of student leisure in the Sverdlovsk Region, in the context of digitalization, based on long-term monitoring data (1995–2024).

Materials and Methods. The data were collected during the IX wave (March–June 2024) of the longitudinal monitoring project “Students of the Middle Urals” (implemented since 1995). A representative quota sample ($n = 2\,000$) of third-year students from 12 universities in the Sverdlovsk Region was surveyed using an online questionnaire, stratified by gender and field of study (humanities, socio-economics, engineering and technology, natural sciences). A comparative analysis of the dynamics for nine waves was conducted using descriptive statistics, trend analysis and the χ^2 criterion (IBM SPSS Statistics 22.0).

Results. A significant shift has been observed from collective to individual – predominantly digital – leisure activities. Certain trends in content consumption have been identified, notably a growing preference for text-based or expert-driven content alongside declining engagement with visual entertainment formats. Paradoxically, awareness of forms of digital participation has increased even as direct engagement has sharply declined. There is an emerging need to develop educational programs and youth policies aimed at balancing online and offline activities, minimizing social isolation, and leveraging the potential of functional digital leisure (such as for self-development).

Conclusion. The systemic transformation of student leisure reflects broader societal digitalization and is characterized by “digital autism” (the avoidance of social interaction) and the construction of identity through digital achievements rather than interpersonal connections. A paradoxical rise in formal civic engagement points to a search for a sense of belonging amidst digital alienation – a trend likely reinforced

by state policy. These findings will inform the development of educational programs and support measures aimed at harmonizing digital and real-world interactions within the student community.

Keywords: student youth, leisure, digital practices, monitoring study, Sverdlovsk Region, digital autism

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation No. 24-48-10012 (<https://rscf.ru/project/24-48-10012/>).

Acknowledgments. The authors express their gratitude to Yuri R. Vishnevsky, head of the “Students of the Middle Urals” monitoring project, and the members of the research team for their collaborative work on the monitoring, as well as to the reviewers for their attention to the article.

For citation: Kulminskaya A.V., Zabokritskaya L.D. Dynamics of Student Leisure Practices in the Sverdlovsk Region Amidst Digitalization: Monitoring Results (1995–2024). *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(3):675–696. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.675-696>

ВВЕДЕНИЕ

Досуг студентов – это часть свободного времени, которой они распоряжаются по собственному усмотрению, выбирая занятия ради отдыха, развлечения или саморазвития. Как социокультурный феномен досуг играет главную роль в формировании идентичности, эмоционального благополучия и социальной адаптации студенческой молодежи. Так, он помогает справиться с эмоциональным состоянием, отчасти похожим своей аффективной природой на выгорание. Это состояние связывают с тем, что «...учебная деятельность не вызывает у студентов положительных эмоций, часто сопровождается скукой и ощущением пустоты, требует приложения больших усилий»¹.

Роль досуга действительно высока в современном обществе. При этом его традиционные формы в условиях цифровой трансформации активно замещаются практиками, опосредованными цифровыми технологиями. Это порождает как новые социальные риски, так и возможности, особенно для молодого поколения.

По данным Медиаскоп за октябрь 2024 года, совокупная аудитория интернета в России составила 103 млн человек в месяц, или 85 % населения. При этом каждый десятый – человек в возрасте от 18 до 24 лет, т. е. студенческая молодежь. Структура распределения времени в сети этой целевой группы такова: 46 % – на социальные сети и блоги, 34 – видеосервисы, 31 – мессенджеры, еще 14 % – на игры². Согласно другому исследованию, две трети студенческой молодежи считают цифровые технологии неотъемлемой частью жизни, 87 % активно осваивают новые технологии и сервисы [1, с. 88].

Стихийная, слабо контролируемая цифровизация свободного времени сопряжена с реальными социальными издержками: ослаблением навыков непосредственного общения, сужением круга устойчивых межличностных связей, ростом социальной изоляции и «цифрового одиночества», а также с переносом конструирования идентичности из сферы реальных отношений в плоскость цифровых достижений.

¹ Корнева Е.Н., Вашук Н.А. Эмоциональное выгорание и представления об образе жизни у студентов. В кн.: Проблемы психологического благополучия: материалы Международной научно-практической онлайн-конференции. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет; 2023. С. 104. <https://www.elibrary.ru/lbmstz>

² Успеть за 6 суток: обзор аудитории интернета [Электронный ресурс]. Mediascope : сайт. URL: <https://clck.ru/3UHcTK> (дата обращения: 05.05.2025).

Для студенческой молодежи как социальной группы, находящейся на этапе профессионального и личностного самоопределения, указанные процессы чреваты деформацией ценностных ориентаций и снижением социальной адаптивности [1], что в долгосрочной перспективе отражается на качестве человеческого капитала региона.

Актуальность исследования обусловлена противоречием между растущим влиянием цифровых технологий на структуру досуга молодых людей и недостаточной изученностью его долгосрочных последствий в отсутствие системных инструментов диагностики и регулирования. Например, несмотря на активное внедрение цифровых практик, сохраняется дефицит эмпирических данных о том, как они отражаются на ценностных ориентациях, социальной активности и эмоциональном состоянии студентов.

Острота проблемы усугубляется тем, что субъекты образовательной и молодежной политики вынуждены принимать управленческие решения в условиях недостатка достоверных, сопоставимых во времени эмпирических данных о том, как именно меняется структура досуга и каковы социальные последствия этих изменений. Без опоры на долговременный мониторинг подобные решения рискуют основываться на разрозненных срезах и интуитивных представлениях. При этом блокировка ряда международных платформ (Instagram, Facebook³ и др.) и переориентация на отечественные цифровые экосистемы создают новые контексты для анализа медиапотребления студенческой молодежи.

Цель статьи – выделить ведущие тенденции в трансформации структуры досуга студентов Свердловской области в условиях цифровизации на основе данных многолетнего мониторинга (1995–2024 гг.).

Свердловская область – точка притяжения для абитуриентов не только из соседних регионов, но и из Сибири, Дальнего Востока, республик в составе Российской Федерации и стран Содружества Независимых Государств. Исследование досуга студенческой молодежи в регионе способствует развитию молодежной политики и повышению кадрового потенциала территории.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В условиях цифровизации фокус исследований в социальных науках смещается с досуговых практик студенческой молодежи на трансформацию традиционных форм отдыха под влиянием цифровых технологий. В XXI веке наблюдается смена исследовательского вектора от группировки типов досуга [2–4] к его изучению как объекта управления, где цифровые платформы становятся инструментом формирования новых поведенческих паттернов. Вместе с тем работы классификационного направления описывают досуг как относительно устойчивую структуру. Динамика досуговых практик, тем более под воздействием цифровизации, остается на периферии анализа.

Исследование И. В. Лисовской с соавторами [5] раскрывает досуг как объект управления и анализирует стратегии субъектов молодежной политики, однако удерживается на институциональном уровне и почти не затрагивает повседневные цифровые практики самих студентов, равно как и их многолетнюю динамику.

³ Признаны экстремистскими организациями 21.03.2022; деятельность в Российской Федерации запрещена.

Особый интерес представляют работы, рассматривающие связь досуга с деструктивными и созидательными практиками. В частности, отмечается, что *home party* (домашние посиделки с элементами потребления алкоголя) коррелируют с рисками социальной дезадаптации [6]. В противовес этому подчеркивается роль молодежной политики в создании альтернатив – организованных форм досуга, направленных на социализацию [7]. Как показала В. А. Шелгинская, в условиях цифровой эпохи растет спрос на гибридные форматы, сочетающие онлайн-активность (киберспорт, стримы) и офлайн-вовлеченность, что особенно характерно для поколения Z [8; 9].

Однако перечисленные работы опираются преимущественно на локальные кейсы и качественные данные. Так, коллективное исследование [7] выполнено на материале арктических «атомных городов», что ограничивает перенос его выводов на студенческую среду крупного индустриального региона. Рассмотрение событийного досуга реализовано в отношении горожан в целом, без выделения специфики студенчества и учета его многолетней динамики [8; 9]. В результате связь между конкретными формами досуга и долговременными социальными последствиями цифровизации остается скорее обозначенной, нежели эмпирически измеренной.

Цифровизация досуга порождает новые исследовательские векторы. Зафиксировано, что виртуальные практики не только замещают реальное общение, но и формируют компенсаторные механизмы: улучшение коммуникативных навыков в онлайн-среде, развитие креативности через создание цифрового контента [10]. Показано, что киберспорт и геймификация становятся не просто развлечением, а площадкой для профессиональной самореализации студентов, что особенно заметно в регионах с развитой инфраструктурой в сфере информационных технологий (ИТ), таких как Свердловская область. Тем не менее узость сегмента цифрового досуга (киберспорт, геймификация) и иностранная (китайская) выборка [11] оставляет открытым вопрос о применимости полученных выводов к российскому региональному студенчеству.

Важным аспектом остается противоречие между индивидуализацией досуга и потребностью в социальной принадлежности. Так, исследование Е. А. Салиховой указывает на рост «цифрового одиночества», которое характеризуется дефицитом реальных социальных связей при наличии высокой вовлеченности в различные формы онлайн-активности [12]. Этот тренд подтверждается данными мониторинга «Студенчество Среднего Урала»: за 25 лет интерес к коллективным формам досуга (вечеринкам, клубам) снизился в 4–8 раз, тогда как практики, связанные с самообразованием и интернет-серфингом, продемонстрировали устойчивый рост⁴.

Таким образом, современная научная дискуссия раскрывает двойственность цифровых практик: с одной стороны, они расширяют возможности для саморазвития и глобальной коммуникации, с другой – усиливают риски социальной изоляции. Региональные особенности, такие как доступность технологий, культурные традиции и политика в области образования, могут модулировать эти процессы, что определяет необходимость локализованных исследований.

⁴ Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего (по материалам VIII этапа мониторинга динамики социокультурного развития уральского студенчества 1995–2020 гг.): монография. Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого; М-во науки и высшего образования РФ. Екатеринбург; 2021. С. 288–289. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/105775> (дата обращения: 06.09.2025).

Обобщая сказанное, можно выделить следующие существенные недостатки имеющихся публикаций. Во-первых, большинство работ опираются на единичные срезы и качественные кейсы, оставляя динамику досуговых практик за пределами внимания. Во-вторых, цифровой досуг чаще рассматривается в общероссийском либо в зарубежном контексте, без систематического учета региональной специфики, без увязки с профилем обучения и гендером. В-третьих, социальные последствия новейшего этапа цифрового регулирования (блокировка зарубежных платформ, переориентация на отечественные экосистемы) для структуры студенческого досуга остаются эмпирически слабо документированными.

Опираясь на данные почти тридцатилетнего регионального мониторинга (1995–2024 гг.), настоящее исследование прослеживает долговременную динамику досуговых практик студентов Свердловской области, дифференцирует их по полу и направлению подготовки и интерпретирует выявленные сдвиги в контексте актуальной цифровой политики. Это позволит своевременно выявлять зоны социального риска (изоляция, отчуждение, «цифровой аутизм») и формировать адресные меры – образовательные программы и инструменты молодежной политики, нацеленные на гармонизацию онлайн- и офлайн-активности студентов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступили студенты III курса вузов Свердловской области; предметом – досуговые практики студенческой молодежи.

Под досугом понималась часть свободного времени студента, оставшаяся после выполнения обязательных видов деятельности: учебной нагрузки, предусмотренной учебным планом (аудиторных занятий и подготовки к ним), оплачиваемой работы, бытовых обязанностей и удовлетворения физиологических потребностей. Критерием отнесения активности к досугу выступало не предметное содержание, а ее добровольный характер и самостоятельность выбора: студент реализует ее по собственной инициативе ради отдыха, развлечения или развития личности. Поэтому в перечень досуговых занятий также включены виды деятельности, содержательно смежные с учебной и трудовой (самообразование, научная деятельность, общественная работа): они рассматриваются как досуговые в той мере, в какой выходят за рамки обязательных требований учебного плана и осуществляются по выбору самого студента. Такое понимание досуга сохраняется в мониторинге «Студенчество Среднего Урала» на протяжении всех девяти волн, что обеспечивает сопоставимость данных за 1995–2024 гг.

Инструментарий. Анкета включала блоки по следующим содержательным направлениям: частота использования цифровых технологий, предпочтения в видах отдыха, формы общественного участия в интернет-пространстве.

Для оценки распространенности различных видов досуга применялся поливариантный вопрос.

Потребление разных видов информации в сети интернет фиксировалось с помощью табличного вопроса со шкалой частоты: «ежедневно», «несколько раз в неделю», «несколько раз в месяц», «не пользуюсь». Респонденты, выбравшие варианты «ежедневно» и «несколько раз в неделю», при анализе маркировались как «регулярные пользователи».

Для выявления предпочитаемых форм общественного участия использовался табличный вопрос с трехпозиционной шкалой: «знаю, но не практикую», «практикую», «допускаю, что буду практиковать в будущем».

Процедура сбора данных. Сбор данных осуществлялся методом электронного анкетирования с использованием структурированной онлайн-анкеты.

Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность (согласие) к сотрудничеству.

Исследование проводилось в марте – июне 2024 года. Анкета распространялась через 12 вузов Свердловской области, выступавших в качестве гнезд выборки.

Дизайн исследования. Исследование имеет мониторинговый характер и проводится каждые четыре года на протяжении почти 30 лет⁵. В рамках проекта осуществляется сравнительный анализ на основе накопленных данных, что позволяет отслеживать динамику различных аспектов жизнедеятельности студенческой молодежи.

Выборка и ее формирование. Для текущего этапа мониторинга использовалась квотно-гнездовая выборка ($n = 2\,000$).

Квотные параметры задавались по двум основным характеристикам: полу (44 % мужчин и 56 % женщин) и профилю обучения (гуманитарный – 18 % от числа опрошенных, социально-экономический – 29, инженерно-технический – 36, естественно-научный – 17 %).

Распределение выборки соответствовало пропорциям указанных групп в генеральной совокупности, что обеспечивало репрезентативность результатов.

Методы обработки и анализа данных. Обработка и анализ данных выполнены в программе IBM SPSS Statistics Base 22.0.

Для изучения динамики изменений применялись: описательная статистика (расчет долей и средних значений); анализ временных трендов; критерий хи-квадрат – для выявления статистически значимых различий между группами респондентов (в разрезе пола и направления обучения).

Описанная методология позволила выявить ведущие тенденции трансформации досуговых практик студентов под влиянием цифровизации, а также оценить гендерные и профильные особенности поведения молодежи.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общая динамика досуговых практик (1995–2024 гг.). Анализ данных почти 30-летнего мониторинга выявил радикальную трансформацию досуговых практик студенческой молодежи Свердловской области. Если в 1995 году доминировали коллективные формы отдыха (посещение клубов, вечеринки, туризм), то к 2024 на первый план вышли индивидуализированные и цифроориентированные активности (табл. 1).

⁵ Результаты предыдущего этапа работы раскрыты в коллективной монографии исследовательской группы (Вишневский Ю.Р., Икингрин Е.Н., Мансуров В.А. Динамика четырех волн мониторинга РОС. В кн.: Спасибо прадеду за Победу... : Материалы IV этапа мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020 гг.). Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; 2020. С. 21–29. <https://elibrary.ru/lvkrpd>).

Таблица 1. Структура досуга студентов в динамике, 1995–2024 гг., %

Table 1. Structure of students' leisure time in dynamics, 1995–2024, %

Занятие / Time-passing	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016	2020	2024
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Посвящать время своим увлечениям, хобби / Devote time to your hobbies and interests	25	15	21	21	34	36	43	62	34
Слушать музыку / Listen to music	53	58	52	55	52	42	39	58	59
Заниматься самообразованием / Educate yourself	–	–	–	–	–	21	27	51	55
Просто отдыхать, ничего не делать / Just relax, do nothing	–	–	22	28	24	25	22	44	53
Читать книги или слушать аудиокниги (кроме учебной литературы) / Read books or listen to audiobooks (except for educational literature)	–	–	22	28	24	25	22	44	20
Развлекаться и общаться в социальных сетях / Entertain yourself and communicate on social media	–	–	–	–	–	–	20	37	16
Заниматься физкультурой и спортом / Exercise and play sports	49	32	34	35	33	31	39	35	54
Посещать театры, кинотеатры, выставки, музеи / Visit theaters, cinemas, exhibitions, museums	48	29	28	36	40	30	33	33	20
Заниматься интернет-серфингом, просматривать сайты / Surf the internet, browse websites	–	–	–	–	–	–	15	33	46
Выезжать на природу, заниматься туризмом / Go outdoors, go hiking	57	35	36	37	35	36	42	31	22
Играть в компьютерные игры / Play computer games	–	–	–	–	–	–	18	26	50
Заниматься любовью, сексом / Make love, have sex	47	46	38	37	34	30	23	25	11
Ходить на вечеринки или устраивать их / Go to parties or host them	52	31	23	23	21	21	16	18	6
Ходить в клубы, бары, на дискотеки / Go to clubs, bars, discos	–	34	28	23	21	15	12	14	7
Заниматься общественной работой / Engage in community work	–	–	3	4	6	8	6	8	37

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Смотреть телевизор / Watch TV	40	43	29	24	24	13	9	12	6
Заниматься научной деятельностью / Engage in research	—	—	—	—	—	—	6	8	5
Посещать творческую студию / Attend a creative studio	—	—	3	3	7	8	5	7	4

Источник: здесь и далее подготовлено авторами по результатам исследования.

Source: hereinafter prepared by the authors based on the research results.

Как видно из таблицы 1, наиболее выраженный спад зафиксирован в видах досуга, которые требуют прямого социального взаимодействия: интерес к вечеринкам снизился в 8,6 раз (с 52 до 6 %), посещение клубов – в 4,8 (с 34 до 7), а сексуальная активность – в 4,3 раза (с 47 до 11 %).

Обнаруженные изменения коррелируют с ростом цифровых практик: интернет-серфинг (46 % в 2024 г. против 15 в 2016) и компьютерные игры (50 % против 18 за тот же период) стали центральными элементами свободного времени студентов (см. табл. 1).

Среди форм досуга, которые реализуются онлайн, актуальность сохраняют прослушивание музыки (53 и 59 % соответственно в 1995 и 2024 гг.), занятия физкультурой и спортом (49 и 54 %), «просто отдых» без какой-либо активности (22 и 53 % соответственно в 2003 и 2024 гг.).

Влияние цифровизации на структуру досуга. Значимым трендом стало снижение вовлеченности студентов в виды досуга, требующие прямого социального взаимодействия. Первоначально драйвером этих изменений выступили пандемия, ограничившая офлайн-контакты и постковидная динамика (2020–2024 гг.). В последующий период технологии не просто временно замещали реальное общение, они формировали новые паттерны поведения, где даже виртуальные коммуникации (например, общение в соцсетях) теряют актуальность: доля студентов, выбравших этот вид досуга, упала с 37 до 16 % за четыре года (см. табл. 1).

Парадоксально, но рост цифровых практик не исключил запрос на саморазвитие. Устойчиво растет популярность самообразования (55 %), спорта (54) и прослушивания музыки (59 %). Однако названные активности все чаще реализуются через цифровые платформы (онлайн-курсы, фитнес-приложения, стриминги).

Данное обстоятельство говорит о трансформации, а не об исчезновении традиционных ценностных ориентиров, поскольку студенты, как и раньше, стремятся к личностному росту. Однако реализуют это стремление в форматах, минимизирующих «социальную перегрузку». В таком контексте «ничегонеделание» (53 % в 2024 г.) может интерпретироваться как защитная реакция на информационный шум, где пассивный отдых становится способом восстановления когнитивных ресурсов.

Гендерные различия в предпочитаемых студентами формах досуга сохранились, но тоже приобрели новые черты (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Структура досуга студентов в разрезе пола (2020 и 2024 гг.), % по группам
Table 2. Structure of students' leisure time by gender (2020 и 2024), % per groups

Занятие / Time-passing	2020		2024	
	юноши / boys	девушки / girls	юноши / boys	девушки / girls
Посвящать время своим увлечениям, хобби / Devote time to your hobbies and interests	54	68	29	38
Слушать музыку / Listen to music	55	60	58	60
Заниматься самообразованием / Educate yourself	48	53	55	55
Просто отдыхать, ничего не делать / Just relax, do nothing	34	50	53	53
Читать книги или слушать аудиокниги (кроме учебной литературы) / Read books or listen to audiobooks (except for educational literature)	36	48	16	23
Развлекаться и общаться в социальных сетях / Entertain yourself and communicate on social media	29	42	14	19
Заниматься физкультурой и спортом / Exercise and play sports	39	33	56	51
Посещать театры, кинотеатры, выставки, музеи / Visit theaters, cinemas, exhibitions, museums	24	39	14	24
Заниматься интернет-серфингом, просматривать сайты / Surf the internet, browse websites	38	29	50	42
Выезжать на природу, заниматься туризмом / Go outdoors, go hiking	31	32	18	26
Играть в компьютерные игры / Play computer games	43	15	60	42
Заниматься любовью, сексом / Make love, have sex	32	20	12	10
Ходить на вечеринки или устраивать их / Go to parties or host them	16	19	5	6
Ходить в клубы, бары, на дискотеки / Go to clubs, bars, discos	12	16	6	8
Смотреть телевизор / Watch TV	9	15	4	8
Заниматься общественной работой / Engage in community work	9	7	40	34
Заниматься научной деятельностью / Engage in research	11	5	7	4
Посещать творческую студию / Attend a creative studio	6	8	3	5

Как видно из таблицы 2, юноши более ориентированы на цифровые развлечения (60 % – игры, 50 % – интернет-серфинг), тогда как девушки чаще выбирали гибридные формы досуга, сочетающие офлайн-элементы (чтение, посещение музеев) с цифровыми инструментами (самообразованием через онлайн-курсы). Общим осталось снижение гендерного разрыва в индивидуализированных практиках: в занятии спортом он сократился до 5 %, в «ничегонеделании» исчез полностью.

Неожиданным стало усиление интереса к общественной работе (с 8 до 37 % в среднем за четыре года) у юношей (с 9 до 40 %) и у девушек (с 7 до 34 %). Этот тренд противоречит общей тенденции к индивидуализации и иллюстрирует реализацию компенсаторной функции досуга, т. е. создание разнообразия в жизни.

Перераспределение аудитории между платформами. Изменения в российской цифровой политике после 2020 г. (блокировка Facebook, Instagram⁶, Twitter, ограничения для WhatsApp Messenger и YouTube) казались на структуре медиапотребления. Эти меры, направленные на формирование национальной цифровой экосистемы, привели к перераспределению аудитории (табл. 3). В частности, доля активных пользователей фотоблогов сократилась вдвое (с 80 до 39 %), что может быть связано с недоступностью Instagram, прежде главной площадки для трансляции визуального контента. Аудитория адаптировалась к новым условиям: статусы в WhatsApp и «сториз» во «ВКонтакте» частично компенсировали потерю функционала, что объясняет умеренное снижение интереса к этому формату (всего на 5 %).

Т а б л и ц а 3. Активное использование информации в 2020 и 2024 гг., % от числа ответивших
Table 3. Active use of information in 2020 and 2024, % of respondents

Вид информации / Type of information	2020	2024
Пост в соцсетях / Social media post	89	90
Видео / Videos	88	89
Статья, интервью / Article, interview	72	78
Сториз / Stories	78	73
Текстовый блог / Text blog	61	70
Публикация исследования / Research publication	56	67
Фотоблог / Photo blog	80	39
Влог / Vlog	48	35
Подкаст / Podcast	40	27
Стрим / Stream	33	24
Трансляция / Broadcast	38	23
Инфографика / Infographics	39	22
Опрос / Survey	44	18
Вебинар / Webinar	31	18

Примечание: здесь и далее «Публикация исследования, обзора или сравнения» – полное наименование категории, в таблице использовано сокращенное «Публикация исследования».

Note: hereinafter in the article “Research publication, review, and comparison” is the full name of the category, the table uses the abbreviated form “Publication of a study”.

Представленные в таблице 3 данные демонстрируют два значимых тренда. Во-первых, рост интереса к текстовому и экспертно ориентированному контенту (+9 % – текстовые блоги, +11 % – публикации исследований), что коррелирует с общей тенденцией к самообразованию и критическому потреблению информации студентами. Во-вторых, – снижение вовлеченности в визуально-развлекательные форматы (во влоги – на 13 %, стримы – на 9 %), что может объясняться как ограничением доступа к платформам, так и «цифровой усталостью» (т. е. стремлением минимизировать энергозатраты на обработку мультимодального контента).

⁶ Признаны экстремистскими организациями 21.03.2022; деятельность в Российской Федерации запрещена.

Наблюдается тенденция к трансформации цифрового досуга в сторону функциональности. Студенты все чаще задействуют онлайн-пространство не для социализации (доля общения в соцсетях упала до 16 % (см. табл. 1)), а для решения конкретных задач: обучения, поиска информации, пассивного отдыха. Даже популярность видео (89 %) может быть связана не с развлечением, а с потреблением образовательного контента – лекций, мастер-классов, научно-популярных роликов.

Государственная политика играет роль катализатора этих процессов. Ограничение доступа к зарубежным платформам ускорило переход к отечественным аналогам (например, ВКонтакте), которые, однако, воспринимаются как менее релевантные для творческой самореализации. Это объясняет снижение интереса к креативным форматам (к инфографике на 17 %, опросам – на 26 %), которые в большей степени развивались на заблокированных ресурсах.

Профессиональная детерминация досуга студентов. Анализ внутригрупповых различий выявил глубокую сегментацию цифрового поведения студентов, обусловленную гендерными особенностями (табл. 4) и профилем обучения (табл. 5).

Т а б л и ц а 4. Частота использования разных видов информации в разрезе пола в 2024 г., % от числа ответивших по группе

Table 4. Frequency of use of different types of information by gender in 2024, % of the number of respondents per group

Вид информации / Type of information	Частота использования / Frequency of use						Крите- рий χ^2 / Chi-Square test
	ежедневно, не- сколько раз в не- делю / daily, several times a week		несколько раз в ме- сяц / several times a month		не пользуюсь / never use		
	юноши / boys	де- вушки / girls	юноши / boys	де- вушки / girls	юноши / boys	де- вушки / girls	
Пост в соцсетях / Social media post	89	92	5	5	7	3	23,86***
Текстовый блог / Text blog	67	71	11	14	22	15	36,16***
Публикация иссле- дования / Research publication	70	65	19	23	11	13	18,85***
Опрос / Survey	14	20	56	54	30	26	27,67***
Стрим / Stream	31	18	13	10	56	72	62,71***
Подкаст / Podcast	23	28	58	53	19	19	19,28***
Вебинар / Webinar	15	19	14	25	71	56	60,91***

Примечания: 1) здесь и далее * – $p < 0,1$, ** – $p < 0,05$, *** $p < 0,001$; 2) здесь и далее в таблицу включены только те строки, где различия статистически значимы.

Notes: 1) hereinafter in the article * – $p < 0,1$, ** – $p < 0,05$, *** $p < 0,001$; 2) hereinafter the table includes only those rows where the differences are statistically significant.

Как видно из таблицы 4, заметна гендерная поляризация потребления контента: девушки чаще юношей обращались к текстовым блогам (соответственно 71 и 67 %), опросам (20 и 14) и вебинарам (19 и 15 %), что согласуется со склонностью к коммуникативно-образовательным практикам; юноши – к стримам (соответственно 31 и 18 %) и экспертным публикациям (70 и 65 %), что отражает

ориентацию на динамичный и технически насыщенный контент. Эти данные опровергают стереотип о развлекательном характере женского досуга, подчеркивая, что девушки активнее используют цифровые инструменты для саморазвития.

Таблица 5. Доля постоянных пользователей различных видов информации среди представителей разных направлений обучения, % от числа ответивших по группе

Table 5. The share of regular users of different types of information among representatives of different fields of study, % of the number of respondents in the group

Вид информации / Type of information	Направление обучения				Критерий χ^2 / Chi-Square test
	гуманитарное / humanitarian	социально-экономическое / socio-economic	естественно-научное / natural sciences	инженерно-техническое / engineering	
Видео / Video	93	91	84	88	47,05***
Статья, интервью / Article, interview	79	78	73	79	44,05***
Сториз / Stories	80	77	67	69	117,64***
Текстовый блог / Text blog	68	72	64	71	67,18***
Публикация исследования / Research publication	61	66	63	73	43,88***
Фотоблог / Photo blog	51	46	43	27	123,25***
Влог / Vlog	39	39	39	28	62,39***
Подкаст / Podcast	32	32	27	19	62,88***
Трансляция / Broadcast	17	21	27	24	40,86***
Инфографика / Infographics	22	28	21	19	33,59***
Опрос / Survey	20	22	18	12	46,04***
Вебинар / Webinar	17	20	22	12	40,86***

Примечание: гуманитарное направление – гуманитарные и педагогические науки, образование, искусство и культура; социально-экономическое – экономика, социология, юриспруденция и право, менеджмент и т. д.; естественно-научное – математические и естественные науки, медицинские, сельскохозяйственные; инженерно-техническое – инженерное дело, технологии и технические науки.

Note: humanitarian direction – humanities, and pedagogical sciences, education, arts and culture; socioeconomic – economics, sociology, jurisprudence and law, management, etc.; natural sciences – mathematical and natural sciences, medical, agricultural; engineering – engineering, technology, and technical sciences.

В соответствии с данными таблицы 5 профиль обучения выступает значимым фактором дифференциации цифрового поведения студентов. Студенты гуманитарных (93 % – видео, 80 % – «сториз») и социально-экономического направлений (72 % – текстовые блоги) демонстрировали гиперподключенность к цифровой среде, что связано с необходимостью анализа разноформатных данных в профессиональной деятельности. Напротив, учащиеся инженерных (27 % – фотоблоги) и естественно-научных специальностей (22 % – вебинары) проявили относительную сдержанность, отдав приоритет функциональным, прикладным форматам контента.

Сказанное подтверждает профессиональную детерминацию досуговых практик: цифровые активности студентов все теснее коррелируют с академическими траекториями и перспективными карьерными задачами.

Общественная активность в цифровой среде оценивалась в связи с предпочтениями форм общественного участия в сети интернет (табл. 6).

Таблица 6. Распределение ответов респондентов о практике использования форм общественного участия в сети интернет в 2020 и 2024 гг., % от ответивших

Table 6. Distribution of respondents' answers about the practice of using forms of public participation on the Internet, % of respondents

Форма общественного участия в сети интернет / Form of public participation on the Internet	2020			2024		
	знаю, но не практикую / I know, but I don't practice it	практикую / I practice	допускаю, что буду практиковать / I might practice it	знаю, но не практикую / I know, but I don't practice it	практикую / I practice	допускаю, что буду практиковать / I might practice it
Розыгрыш в социальных сетях / Participating in sweepstakes on social media	66	26	8	83	10	7
Сбор средств / Online fundraising	66	18	16	71	10	20
Оказание эмоциональной поддержки другим людям / Emotional support to others	78	10	12	82	6	12
Проверка сведений, опубликованных другими людьми / Verifying information published by others	81	9	9	89	5	6
Поддержка общественных и протестных движений / Supporting social and protest movements	79	10	12	91	3	6
Флешмобы в соцсетях / Flash mobs on social media	78	10	12	90	3	7
Участие в марафонах в социальных сетях / Participating in social media marathons	74	14	12	89	3	8
Организация собраний, коллективной деятельности / Organizing meetings, collective activities	80	7	13	88	3	10
Участие в расследованиях / Participating in online investigations	86	4	9	94	1	5

Примечание: данные за 2024 г. ранжированы по убыванию.

Note: data for 2024 is ranked in descending order.

Как видно из таблицы 6, при росте информированности студентов о формах общественного участия в сети интернет (конкурсах, флешмобах, волонтерстве и т. д.) доля практикующих снизилась. Так, одной из самых известных и доступных практик остается участие в розыгрышах как способ продвижения идей и организаций. Однако доля вовлеченных в эту практику с 2020 г. сократилась на 16 %. Обращает на себя внимание прирост респондентов, отметивших, что допускают участие в сборе средств, а также стабильность показателя тех, кто допускает возможность оказывать эмоциональную поддержку и участвовать в сообществах поддержки.

ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты исследования демонстрируют, что цифровизация досуга студентов Свердловской области приобрела черты системной трансформации, затрагивающей не только формы досуга, но и базовую систему ценностей. Выявленный тренд на индивидуализацию, выраженный в снижении интереса к коллективным практикам (вечеринки, клубы) и росте цифровых активностей (игры, интернет-серфинг), согласуется с глобальными тенденциями «цивилизации разобщения»⁷ [13, с. 66].

Это позволяет предположить, что цифровизация нивелирует традиционные роли, создавая универсальную модель «цифрового интроверта». Технологии не просто временно замещают реальное общение, они формируют новые паттерны поведения, где даже виртуальные коммуникации (например, общение в соцсетях) теряют актуальность. Это свидетельствует о двойственном эффекте цифровизации: с одной стороны, она расширяет возможности для индивидуализированного отдыха, с другой – ведет к «цифровому аутизму», когда любое социальное взаимодействие воспринимается как энергозатратное⁸ [14].

Региональная специфика проявляется и в том, что структура подготовки кадров транслируется в структуру досуга. В Свердловской области как индустриально-технологическом регионе инженерно-техническое и естественно-научное направления совокупно охватывают 53 % студентов, тогда как гуманитарные – 18 %. При этом именно инженерно-технический контингент показал наименьшую вовлеченность в визуально-развлекательные форматы (фотоблоги – 27 %, подкасты – 19, вебинары – 12 %) при наибольшем интересе к экспертному контенту (73 %, см. табл. 5). Следовательно, зафиксированный сдвиг к функциональному цифровому досугу – не только эффект цифровизации как таковой, но и производная отраслевого профиля региона.

Вместе с тем региональный контекст имеет ряд особенностей. Например, рост вовлеченности в общественную работу (с 8 до 37 %) противоречит общему вектору на атомизацию, что может объясняться компенсаторным механизмом, а именно стремлением восстановить социальную причастность в условиях цифрового отчуждения. Этот феномен, вероятно, усиливается государственной политикой, продвигающей волонтерство и патриотические инициативы, что особенно актуально для Свердловской области с ее развитой инфраструктурой молодежных проектов.

«Цифровой аутизм», проявляющийся в избегании как реальных, так и виртуальных социальных контактов, становится серьезным вызовом. Снижение популярности общения в соцсетях (с 37 до 16 %) при одновременном росте пассивного потребления контента (видео – 89 %, статьи – 78 %) указывает на трансформацию коммуникации в инструментальный акт, где ценность взаимодействия подменяется

⁷ Смирнова А.О. Социальное одиночество: сущность, типы, причины, методы преодоления. *Вестник РГГУ. Серия: философия, социология, искусствоведение*. 2010;3(46):161–175. <https://www.elibrary.ru/mottqt>

⁸ Беспалова К.Ю. Цифровой аутизм как опасность цифровой зависимости. *Гуманитарный форум в Политехническом: Материалы III Всероссийской молодежной научно-практической конференции*, Санкт-Петербург, 11–13 апреля 2024 года. Санкт-Петербург; 2024. С. 291–296. <https://www.elibrary.ru/ivexwx>

функциональностью. Этот вывод подтверждает тезис⁹ Л. Н. Когана об изменении «актуальной культуры»: студенты все чаще конструируют идентичность через цифровые достижения (игровые рейтинги, сертификаты онлайн-курсов), а не через межличностные связи.

Гендерные и профильные различия также отражают двойственность влияния цифровизации. Если юноши ориентированы на технически насыщенный контент (стримы, исследования), а девушки – на образовательные практики (текстовые блоги, вебинары), то студенты гуманитарного и социально-экономического направлений демонстрируют гиперподключенность к цифровой среде (соответственно 93 и 91 % – видео, 80 и 77 % – «сториз»), что коррелирует с их профессиональными потребностями. Эти данные расширяют выводы А. В. Бородиной и А. С. Тихоновой [10], подчеркивая, что цифровые практики не универсальны, а зависят от социокультурного контекста и образовательных траекторий. Отмечается сходная тенденция, связанная с интересом к саморазвитию как форме досуга [15].

Выявленный парадокс (рост информированности о формах онлайн-участия при снижении вовлеченности в них) требует отдельного внимания. Студенты осознают возможности общественной активности (83 % респондентов знают о флешмобах, 71 % – о благотворительности), но предпочитают пассивное наблюдение. Справедливым представляется тезис о влиянии на выбор досуговых практик не только высокой конкуренции разных видов деятельности, но и сознательного отказа от традиционных форм онлайн-участия, основанного на разочаровании в их эффективности, недоверии к мотивам организаторов, опасениях за конфиденциальность и общей усталости от цифрового шума [16].

Выявленное противоречие ставит вопрос о качестве цифровой социализации: способна ли она заменить реальное участие в общественной жизни или лишь симулирует данный вид активности? Ответ, вероятно, лежит в плоскости информационной культуры, которая в условиях Свердловской области формируется под влиянием как технологической доступности, так и регуляторных ограничений (блокировка Instagram¹⁰, продвижение ВКонтакте).

Таким образом, цифровизация не просто меняет формы досуга, но перестраивает саму систему его конструирования у представителей студенчества: социальная идентичность чаще формируется на базе цифровых маркеров (игрового рейтинга, числа подписчиков, содержания личной страницы, образовательных сертификатов), а не через межличностные связи. Это создает риски атомизации общества, но одновременно открывает возможности для новых форматов социализации, где онлайн- и офлайн-практики синтезируются в гибридные модели.

Конструирование идентичности через цифровой профиль и онлайн-достижения все чаще рассматривается как самостоятельный механизм социализации в цифровом обществе [17]. При этом непосредственно досуг приобретает черты особого «цифрового рекреационного хронотопа», в котором развлечение, саморазвитие и общение реализуются в едином цифровом пространстве [18]. Вместе с тем лонгитюдные данные показывают, что одиночество молодежи связано

⁹ Вишневецкий Ю.Р., Вишневецкий С.Ю., Шапко В.Т. Л. Н. Коган о социологических проблемах культуры и личности. *Социологические исследования*. 2011;(8):62–72. <https://www.elibrary.ru/odsajz>

¹⁰ Признана экстремистской организацией 21.03.2022; деятельность в Российской Федерации запрещена.

не столько с платформами, сколько с компульсивным характером их использования и негативным онлайн-опытом [19], что согласуется с выявленным в настоящем исследовании «цифровым аутизмом».

Выявленная гендерная и профильная дифференциация цифрового досуга согласуется с зарубежными данными о неоднородности связи интернет-активности и реального досуга молодежи, опосредованной полом и возрастом [20]. Полученные результаты уточняют этот вывод применительно к российскому региональному студенчеству, где существенным дифференцирующим фактором выступает профиль обучения, отражающий отраслевую специализацию региона.

Ограничения исследования определяются методикой сбора данных и географией охвата. Опрошены учащиеся только III курса, что в условиях быстрой смены цифровых практик может не отражать мнения студенческой молодежи в совокупности. Все вузы Свердловской области располагаются в Екатеринбурге, это значит, что собраны сведения о студентах, которые 3-й год или дольше живут в городе-миллионнике. В связи с этим полученные результаты нельзя экстраполировать на студенческую молодежь в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ данных почти тридцатилетнего мониторинга (1995–2024 гг.) позволил зафиксировать глубокую трансформацию досуговых практик уральского студенчества под влиянием цифровизации и сформулировать следующие выводы:

1) выявлен устойчивый сдвиг от коллективных, социально насыщенных форм досуга к индивидуализированным, преимущественно цифровым, активностям: интерес к вечеринкам, клубам и иным практикам прямого взаимодействия снизился в 4–8 раз, тогда как интернет-серфинг и компьютерные игры превратились в важные элементы свободного времени студентов;

2) цифровизация не вытесняет запрос на саморазвитие, а трансформирует его формы: самообразование, спорт и потребление экспертного контента сохраняют и наращивают популярность, однако все чаще реализуются через цифровые платформы;

3) зафиксирован парадокс цифрового участия: рост информированности о формах общественной онлайн-активности при одновременном снижении реальной вовлеченности в них.

Анализ внутригрупповых различий показал, что цифровые практики не универсальны, а детерминированы гендером и профилем обучения: юноши тяготеют к технически насыщенному и игровому контенту, девушки – к коммуникативно-образовательным форматам, студенты гуманитарного и социально-экономического направлений продемонстрировали наибольшую «подключенность» к цифровой среде. Обособленным результатом стал компенсаторный рост формализованной общественной активности (с 8 до 37 %), который интерпретируется как поиск социальной принадлежности в условиях цифрового отчуждения и, вероятно, потенцируется государственной молодежной политикой.

В совокупности выявленные тенденции складываются в модель индивидуализированного, функционально ориентированного досуга, в которой цифровые достижения замещают межличностные связи в качестве основы социальной идентичности студента.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении концепции цифрового досуга как многоуровневого феномена, где социальные, технологические и культурные факторы взаимодействуют. Результаты дополняют дискуссию о «цифровом аутизме» и компенсаторных механизмах, предлагая регионально-специфичные модели анализа. Работа вносит вклад в дискуссию о цифровизации молодежной среды, реализуя не только количественную оценку изменений в досуговых практиках молодежи, но и их интерпретацию в контексте глобальных вызовов – от роста социального одиночества до пересмотра ценностных ориентиров.

Практическая значимость результатов определяется их применимостью в нескольких профильных сферах. В образовании полученные данные могут быть положены в основу программ цифровой и медиаграмотности, курсов по управлению вниманием и информационной гигиене, а также форматов смешанного (онлайн и офлайн) обучения, опирающихся на сохраняющийся у студентов запрос на саморазвитие. В секторе государственного и муниципального управления, прежде всего молодежной политики, результаты позволяют проектировать адресные меры, нацеленные на качество вовлечения (а не на формальный охват), с учетом разочарования части молодежи в традиционных формах онлайн-участия [16].

На основе полученных данных представляется целесообразным гармонизировать онлайн- и офлайн-активность студентов через поддержку гибридных форматов досуга; развивать инфраструктуру очного общения и совместной деятельности в вузах для профилактики социальной изоляции; сопровождать продвигаемые общественные инициативы механизмами обратной связи и прозрачности, повышающими доверие и реальную вовлеченность молодежи; включать в программы кураторской и воспитательной работы диагностику ранних признаков «цифрового одиночества». Для Свердловской области с ее развитым ИТ-сектором особое значение имеет поддержка функциональных, профессионально ориентированных форм цифрового досуга (киберспорт, создание контента, онлайн-образование), способных конвертировать досуговую активность в человеческий капитал региона.

Перспективные направления дальнейших изысканий связаны с продолжением лонгитюдного мониторинга и переходом от констатации трендов к выявлению их причинно-следственных механизмов: целесообразны качественные исследования мотивации цифрового досуга, межрегиональные сравнения, учитывающие различия в технологической доступности и культурных традициях, а также анализ долгосрочного влияния цифрового регулирования (блокировки зарубежных платформ, развитие отечественных экосистем) на структуру медиапотребления.

Отдельного внимания заслуживает вопрос, способна ли цифровая социализация заменить реальное участие в общественной жизни или лишь симулирует его. Ответ на него во многом определит, станет ли цифровизация досуга фактором атомизации студенческой молодежи или, напротив, основой новых, гибридных, форм ее социальной консолидации.

Дополнительным направлением выступает оценка долгосрочного влияния экранного досуга на здоровье и благополучие студентов, поскольку лонгитюдные исследования фиксируют его неоднозначные эффекты: от снижения самоконтроля и продолжительности сна до роста физической и волонтерской активности [21].

Практическая реализация перечисленных направлений предполагает развитие программ цифровой грамотности, повышающих субъективное благополучие молодежи [22]; учет рисков цифровизации образовательной среды вуза [23]; апробацию практик осознанного ограничения экранного времени («цифрового детокса»), что снижает тревожность и депрессивные проявления у молодых людей [24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенок А.А., Наливайко К.В., Тиняков К.А. Трансформация ценностных ориентаций студенческой молодежи в условиях цифровизации: социологический анализ. *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*. 2025;(1):78–92. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2025-1-78-92>
2. Белозерова И.А., Крикун Е.В. Мониторинг культурно-досуговой деятельности студенческой молодежи. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2020;9(3):30–34. <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0903-0004>
3. Рябов М.А., Макрушина М.Д. Внеинституциональные формы молодежного досуга. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2019;3(2):148–153. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2019-3-2-148-153>
4. Исаева Е.Ю., Павлова И.В., Бондаренкова А.К. Диагностика досуговых потребностей как реализация возможностей студенческой молодежи в городской среде. *Гуманитарий Юга России*. 2020;9(2):126–135. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.2.8>
5. Лисовская И.В., Андреева А.С., Соловьева Н.С. «Наша задача – завлечь как можно больше молодежи просто для того, чтобы занять ее время»: модели развития ниш агентности субъектов молодежной политики в регионах Северо-Запада России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2025;(1):83–106. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2532>
6. Барсукова Т.И., Сергодеева Е.А., Кобзаренко Л.Н. Нормативные основания досуговых практик обыденно-потребительского типа молодежи Ставропольского края. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2025;(3):13–19. <https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-19>
7. Adams B.-M., Allemann L., Tynkkynen V.-P. Youth Well-Being in “Atomic Towns”: The Cases of Polymyry Zori and Pyhäjoki. In: Stammer F., Toivanen R. (eds) *Young People, Wellbeing and Placemaking in the Arctic*. London: Routledge; 2021. P. 222–240. <https://doi.org/10.4324/9781003110019-14>
8. Шелгинская В.А. Ожидания и опасения молодежи на городских социокультурных мероприятиях (ивент-мероприятиях). *Caucasian Science Bridge*. 2023;6(2):55–68. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.6>
9. Шелгинская В.А. Развлекательные массовые мероприятия в культурном досуге горожан: способ вовлечения или самостоятельное явление. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2024;(2):121–129. URL: <https://mslu-soc.ru/2500-347X/article/view/297065/273582> (дата обращения: 06.09.2025).
10. Бородин А.В., Тихонова А.С. Цифровизация практик досуга молодых россиян и ее социальные последствия. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021;(11/2):33–41. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-11-2-33-41>
11. Грунт Е.В., Ли Я., Беляева Е.А., Русских Л.В. Социокультурный феномен геймификации досуга студенческой молодежи Китая: аспекты развития киберспорта. *Социология*. 2024;(7):154–161. <https://doi.org/10.24412/1812-9226-2024-7-154-161>
12. Салихова Е.А. Игровой контент в медиапотреблении «учащейся молодежи»: результаты опроса. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2023;(83):257–278. <https://www.elibrary.ru/rbjade>
13. Тропникова Н.П. Исследование проблемы социального одиночества студенческой молодежи. *Педагогический журнал*. 2022;12(3/1):65–74. <https://www.elibrary.ru/hembzu>
14. Аншина М. Эпидемия цифрового аутизма страшнее коронавируса. *БИТ. Бизнес и Информационные технологии*. 2020;(2):46–58. URL: <https://www.elibrary.ru/cvaeab>
15. Шаповалова И.С., Заводян И.С. Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи. *Регионология*. 2024;32(4):768–792. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792>

16. Титова А.С., Сухарева М.А., Федосеев А.И. Анализ стратегий сообществ в контексте развития цифровой экономики и ее социальных последствий. *Государственное управление. Электронный вестник*. 2022;(93):162–174. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-93-162-174>
17. Платонова С.И. Идентичность в цифровом обществе: генезис понятия и основные характеристики. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2024;49(2):357–366. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2024-49-2-357-366>
18. Аникеев Д.В., Енина С.А., Сыровацкий Е.Ю. Цифровой досуг в структуре образа жизни современной молодежи. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2025;50(3):657–661. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2025-50-3-657-661>
19. Matthews T., Arseneault L., Bryan B.T., et al. Social Media Use, Online Experiences, and Loneliness among Young Adults: A Cohort Study. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2025;1548(1):194–205. <https://doi.org/10.1111/nyas.15370>
20. Lamberti G., López-Sintas J., López Belbeze P. The Impact of Internet Use on Leisure: Gender and Age Heterogeneity in Young People. *Journal of Leisure Research*. 2023;54(5):581–601. <https://doi.org/10.1080/00222216.2023.2193178>
21. de la Rosa P.A., Cowden R.G., Bulbulia J.A., Sibley C.G., VanderWeele T.J. Effects of Screen-Based Leisure Time on 24 Subsequent Health and Wellbeing Outcomes: A Longitudinal Outcome-Wide Analysis. *International Journal of Behavioral Medicine*. 2025;32:919–938. <https://doi.org/10.1007/s12529-024-10307-0>
22. Шихгафизов П.Ш., Конищева Е.В., Котляров С.А. Влияние цифровой грамотности на субъективное благополучие молодого населения региона. *Цифровая социология*. 2023;6(4):61–66. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-4-61-66>
23. Серкина Я.И., Ушамирский А.Э., Ельников Г.А. Риски цифровизации образовательного пространства как дигитальные демаркаторы корпоративной среды современного вуза. *Цифровая социология*. 2023;6(3):34–44. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-3-34-44>
24. Alanzi T.M., Arif W., Aqeeli R., et al. Examining the Impact of Digital Detox Interventions on Anxiety and Depression Levels among Young Adults. *Cureus*. 2024;16(12):e75625. <https://doi.org/10.7759/cureus.75625>

REFERENCES

1. Alekseyenok A.A., Nalivaiko K.V., Tinyakov K.A. Transformation of Students Value Orientations in the Context of Digitalization: A Sociological Analysis. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2025;(1):78–92. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2025-1-78-92>
2. Belozeroва I.A., Krikun E.V. Monitoring of Cultural and Leisure Activities Student Youth. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2020;9(3):30–34. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0903-0004>
3. Ryabov M.A., Makrushina M.D. Extra-Institutional Forms of Youth Leisure. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2019;3(2):148–153. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2019-3-2-148-153>
4. Isaeva E.Yu., Pavlova I.V., Bondarenkova A.K. Diagnostics of Leisure Needs as Implementation of Possibilities of Student Youth in the Urban Environment. *Humanitarian of the South of Russia*. 2020;9(2):126–135. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.2.8>
5. Lisovskaya I.V., Andreeva A.S., Soloveva N.S. “Task is to Engage as Many Young People as Possible List to Occupy Their Time”: Youth Policy Subjects”. Models of Developing Niches of Agency in the Russian North. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2025;(1):83–106. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2532>
6. Barsukova T.I., Sergodeeva E.A., Kobzareno L.N. Regulatory Basis for Leisure Practices of Ordinary-Consumer Type of Young People in Stavropol Region. *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*. 2025;(3):13–19. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-19>
7. Adams B.-M., Allemann L., Tynkkynen V.-P. Youth Well-Being in “Atomic Towns”: The Cases of Polyarnye Zori and Pyhäjoki. In: Stammli F., Toivanen R. (eds) *Young People, Wellbeing and Place-making in the Arctic*. London: Routledge; 2021. P. 222–240. <https://doi.org/10.4324/9781003110019-14>
8. Shelginskaya V.A. Fears and Expectations of Student Youth on Socio-Cultural City Events and Festivals. *Caucasian Science Bridge*. 2023;6(2):55–68. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.6>

9. Shelginskaya V.A. Entertaining Events and Festivals in the Cultural Leisure of Citizens: A Method of Involvement or an Independent Phenomenon. *Vestnik MSLU. Social Sciences*. 2024;(2):121–129. (In Russ., abstract in Eng.) URL: <https://mslu-soc.ru/2500-347X/article/view/297065/273582> (accessed 06.09.2025).
10. Borodina A.V., Tikhonova A.S. Digitalization of Leisure Practices of Young Russians and Its Social Consequences. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021;(11/2):33–41. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-11-2-33-41>
11. Grunt E.V., Li Y., Belyaeva E.A., Russkikh L.V. The Sociocultural Phenomenon of Gamification of Leisure Time for Chinese Students: Aspects of the Development of e-Sports. *Sociology*. 2024;(7):154–161. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/1812-9226-2024-7-154-161>
12. Salikhova E.A. Game Content in Media Consumption by Studying Youth: Survey Results. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2023;(83):257–278. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/rbjade>
13. Tropnikova N.P. Study of the Problem of Social Loneliness of Student Youth. *Pedagogical Journal*. 2022;12(3/1):65–74. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/hembzu>
14. Anshina M. [The Epidemic of Digital Autism is Worse than Coronavirus.] *BIT. Biznes i informatsionnye tekhnologii*. 2020;2(95):46–58. (In Russ.) URL: <https://www.elibrary.ru/cvaeab>
15. Shapovalova I.S., Zavodyan I.S. Youth Social Selfie: Social Strategies of Regional Youth. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(4):768–792. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792>
16. Titova A.S., Sukhareva M.A., Fedoseyev A.I. Analysis of Community Approaches in Digital Economy Field and Its Social Implications. *E-Journal Public Administration*. 2022;(93):162–174. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-93-162-174>
17. Platonova S.I. Identity in the Digital Society: Genesis of the Concept and Main Characteristics. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. 2024;49(2):357–366. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2024-49-2-357-366>
18. Anikeev D.V., Enina S.A., Syrovatsky E.Yu. Digital Leisure in the Lifestyle of Today's Young People. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. 2025;50(3):657–661. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2025-50-3-657-661>
19. Matthews T., Arseneault L., Bryan B.T., et al. Social Media Use, Online Experiences, and Loneliness among Young Adults: A Cohort Study. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2025;1548(1):194–205. <https://doi.org/10.1111/nyas.15370>
20. Lamberti G., López-Sintas J., López Belbeze P. The Impact of Internet Use on Leisure: Gender and Age Heterogeneity in Young People. *Journal of Leisure Research*. 2023;54(5):581–601. <https://doi.org/10.1080/00222216.2023.2193178>
21. de la Rosa P.A., Cowden R.G., Bulbulia J.A., Sibley C.G., VanderWeele T.J. Effects of Screen-Based Leisure Time on 24 Subsequent Health and Wellbeing Outcomes: A Longitudinal Outcome-Wide Analysis. *International Journal of Behavioral Medicine*. 2025;32:919–938. <https://doi.org/10.1007/s12529-024-10307-0>
22. Shikhgafizov P.Sh., Konishcheva E.V., Kotlyarov S.A. The Literacy Impact on the Subjective Well-Being of the Region Young Population. *Digital Sociology*. 2023;6(4):61–66. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-4-61-66>
23. Serkina Ya.I., Ushamirsky A.E., Elnikova G.A. Risks of Educational Space Digitalization as Digital Demarcators of Modern University Corporate Environment. *Digital Sociology*. 2023;6(3):34–44. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-3-34-44>
24. Alanzi T.M., Arif W., Aqeel R., et al. Examining the Impact of Digital Detox Interventions on Anxiety and Depression Levels among Young Adults. *Cureus*. 2024;16(12):e75625. <https://doi.org/10.7759/cureus.75625>

Об авторах:

Кульминская Алина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620062, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8538-938X>, Researcher ID: QNZ-9837-2026, Scopus ID: 57226349508, SPIN-код: 6617-3557, a.v.kulminskaia@urfu.ru

Забокрицкая Любовь Дмитриевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620062, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4653-4409>, Scopus ID: 57204024277, zabokritskaya@urfu.ru

Вклад авторов:

А. В. Кульминская – проведение исследования; курирование данных; формальный анализ; визуализация; критический анализ черновика рукописи.

Л. Д. Забокрицкая – разработка концепции; создание и подготовка рукописи.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 06.05.2025; одобрена после рецензирования 22.07.2025; принята к публикации 06.08.2025.

About the authors:

Alina V. Kulminskaia, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19 Mira St., Yekaterinburg 620062, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8538-938X>, Researcher ID: QNZ-9837-2026, Scopus ID: 57226349508, SPIN-code: 6617-3557, a.v.kulminskaia@urfu.ru

Lyubov D. Zabokritskaya, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19 Mira St., Yekaterinburg 620062, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4653-4409>, Scopus ID: 57204024277, zabokritskaya@urfu.ru

Contribution of the authors:

A. V. Kulminskaia – investigation; data curation; formal analysis; visualization; critical review.

L. D. Zabokritskaya – conceptualization; writing – original draft preparation.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 06.05.2025; revised 22.07.2025; accepted 06.08.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» публикует оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Анти-плагиат».

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

2. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и по-вествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

- 1) Введение;
- 2) Материалы и методы;
- 3) Результаты исследования;
- 4) Заключение.

Приводится на русском и английском языках.

3. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

4. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. От них должно быть представлено в редакцию информированное согласие. *Приводятся на русском и английском языках.*

Финансирование. Указываются организации, оказавшие финансовую поддержку исследованию (в рамках госпрограмм, грантов и т. п.). *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем*

и т. д. оформляются на русском и английском языках. Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

Обсуждение. Включает интерпретацию полученных результатов сквозь призму цели исследования, сопоставление с данными предшествующих работ (с указанием совпадений и расхождений и их возможных причин), а также описание методологических ограничений, связанных с выборкой, инструментарием или дизайном исследования.

Заключение. Формулируются выводы, отвечающие на поставленные исследовательские задачи; обозначаются перспективные направления дальнейших изысканий; раскрывается практическая значимость результатов для профильных сфер – образования, управления и др.

6. Список литературы (оформляется в формате Vancouver версии AMA). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

7. Информация об авторах. Ф.И.О., должность и ученое звание, организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, SPIN-код, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

8. Вклад соавторов. В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

9. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *jpg или *tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10×15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс – 73335.

Наименование журнала в базе данных Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Салимова Татьяна Анатольевна – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 32-80-64.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Шумкова Наталья Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 32-86-14.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies (hereinafter also referred to as the Journal) accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *Antiplagiat* system.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

2. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

3. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

4. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article. Informed consent must be submitted by them to the editorial office. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers. *Acknowledgements should be written in Russian and English.*

Funding. The organizations that provided financial support for the research (through government programs, grants, etc.) are listed. *The names of organizations are given in Russian and English.*

5. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

Literature Review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

Materials and Methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

Discussion. This section includes the interpretation of the findings in light of the research objective, a comparison with previous studies (highlighting agreements, discrepancies, and their potential causes), and a description of the methodological limitations related to the sample, instruments, or research design.

Conclusion. This section formulates conclusions that address the established research objectives; outlines promising directions for further investigation; and discloses the practical significance of the findings for relevant fields, such as education and management.

6. References should be given in accordance with the requirements of the Vancouver Citation Style. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

7. Information about the author(s) includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

8. Contribution of the authors. At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

9. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *.jpg or *.tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10 × 15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa. On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index is 73335.

Name of the Journal in Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Tatyana A. Salimova – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 80 64.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Natalya V. Shumkova – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 32 86 14.

Регионология

Редактор *Н. В. Чернышова.*

Компьютерная верстка *О. С. Дроздовой.*

Перевод *С. В. Голованова.*

Аналитик *С. А. Буркова.*

Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Пармонова.*

Подписной индекс – 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Реестровая запись ПИ № ФС 77-85159 от 27 апреля 2023 г.

Подписано в печать 21.09.2026. Дата выхода в свет 30.09.2026. Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 19,18. Тираж 1 000 экз. I завод – 100 экз. Заказ № 550. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

<https://journals.rcsi.science/2413-1407>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *N. V. Chernushova*.

Desktop publishing by *O. S. Drozdova*.

Translation by *S. V. Golovanov*.

Analyst *S. A. Burkova*.

Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov*.

Subscription index – 73335.

The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); Registry Entry PI No. FS77-85159 of 27 April 2023.

Signed to print 21.09.2026. Date of publishing 30.09.2026. Sheet size 70×100 1/16. Conventional printed sheets 19.18. Number of copies: 1,000. 1st edition – 100 copies. Order No. 550. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

<https://journals.rcsi.science/2413-1407>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation (Publishing House of National Research Mordovia State University).

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.

Уважаемые ученые!

Редакция предлагает возможность приобретения
журнала «Регионоведение».

Для оформления покупки необходимо произвести оплату
по прилагаемому платежному документу через любое отделение банка.

Извещение	УФК по Республике Мордовия (ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва» л/с 20096Х35120) КПП 132601001	Форма № ПД-4	
	(наименование получателя платежа) 1326043499 03214643000000010900		
Кассир	(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) 40102810345370000076		
	корреспондентский счет		
	Отделение-ОКЦ № 8 Волго-Вятского ГУ		
	Банка России/УФК по Республике Мордовия		
	г. Саранск		
	БИК 018952501		
	(наименование банка получателя платежа)		
	КБК 00000000000000000440 ОКТМО 89701000		
	за реализацию журнала "Регионоведение"		
	(наименование платежа) (номер лицевого счета (код) плательщика)		
Кассир	Ф.И.О. плательщика:		
	Адрес плательщика:		
	Сумма платежа: 500 руб. 00 коп. Сумма платы за услуги: руб. коп		
	Итого руб. коп. " " 20 г.		
	С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка		
	ознакомлен и согласен.		
	Подпись плательщика		
	Квитанция	УФК по Республике Мордовия (ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва» л/с 20096Х35120) КПП 132601001	
		(наименование получателя платежа) 1326043499 03214643000000010900	
		(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) 40102810345370000076	
корреспондентский счет			
Отделение- ОКЦ № 8 Волго-Вятского ГУ			
Банка России //УФК по Республике			
Мордовия г. Саранск			
БИК 018952501			
(наименование банка получателя платежа)			
КБК 00000000000000000440 ОКТМО 89701000			
Кассир	за реализацию журнала " Регионоведение"		
	(наименование платежа) (номер лицевого счета (код) плательщика)		
	Ф.И.О. плательщика:		
	Адрес плательщика:		
	Сумма платежа: 500 руб. 00 коп. Сумма платы за услуги: руб. коп.		
	Итого руб. коп. " " 20 г.		
	С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка		
	ознакомлен и согласен.		
	Подпись плательщика		

✂ - линия отреза

**Редакция научных журналов
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета
представлена следующими изданиями**

ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

**ИНЖЕНЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И СИСТЕМЫ**

РЕГИОНОЛОГИЯ

ФИННО-УГОРСКИЙ МИР

**МЕДИЦИНА
И БИОТЕХНОЛОГИИ**

БАХТИНСКИЙ ВЕСТНИК

ОГАРЁВ-ONLINE